

НРАВЫ И ЧУВСТВА

ИЛИ

ВСЕДНЕВНЫЯ ИСТИНЫ

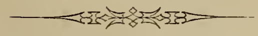
ИЗЪ ЖИЗНИ НРАВСТВЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ПРИЗНАННЫХЪ СЛАВНЫХЪ МОРАЛИСТОВЪ ДРЕВНИХЪ И НОВѢЙШИХЪ.

Трудъ О. Пашкевича.

Вести умъ человѣческій къ его высокому предназначенію — къ познанію истины; разсѣивать во всѣхъ сословіяхъ здравыя и общеполезныя понятія; извлекать людей изъ подъ ига страсти и предразсудковъ — вотъ существенная цѣль науки!

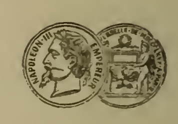
Н. Карамзинъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1869.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, у Владимірской, домъ № 15.
1869.

ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Милостивѣйшей Государынѣ

ЕКАТЕРИНѢ ИВАНОВНѢ

ПУТИЛОВОЙ

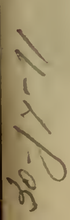
СЪ ЧУВСТВОМЪ ВЫСОКАГО УВАЖЕНІЯ И ВЪ ЗНАКЪ ИСКРЕННЕЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ ЗА ПРОСВѢЩЕННОЕ ВНИМАНІЕ КЪ СЕМУ ТРУДУ ИМѢЕТЪ ЧЕСТЬ ЕГО

посвятить

ПОКОРНѢЙШІЙ СЛУГА

10 Іюля, 1869 г.
Мыза Мурзино,
близъ Петрограда.

автор.

СОДЕРЖАНІЕ.

III Отд. Изъ сочин. С. Пеллико.

IV Отд. Изъ «Мыслей Паскаля».

V Отд. Изъ сочиненій разныхъ авторовъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Уже по заглавію труда читатель усмотритъ, что ему предлагается сочиненіе не новое; о новыхъ идеяхъ въ такомъ родѣ я и не думалъ. Я былъ проникнутъ чувствомъ желанія возобновить въ памяти лишь прекрасное старое, но, къ сожалѣнію, давно забытое; словомъ я пожелалъ извлечь изъ сочиненій извѣстныхъ славныхъ моралистовъ тѣ великія истины, которыя были преподаны ими людямъ минувшихъ временъ.

Истина — сила духовная! Нужно благоговѣть предъ нею! Она всегда современна, тверда и непоколебима; не подчиняется ни времени, ни пространству. Проходятъ времена, измѣняются нравы, обычаи, исчезаетъ жизнь, но истина остается все въ одной и той-же силѣ. — Она между людьми, по временамъ, можетъ быть только забытою, пренебреженною, искаженною; но совершенно изгладиться и уничтожиться никогда не можетъ. Великій естествоиспытатель *Бюффонъ* прекрасно сказалъ: «Истина есть такое метафизическое бытіе, о которомъ всѣ должны имѣть ясное понятіе». Извѣстный французскій проповѣдникъ *Боссюэтъ,* проникаясь духомъ истины, выразился еще лучше: «Всякая истина, говоритъ онъ, исходитъ отъ Бога и заключается въ Богѣ, Который есть настолько-же *Первоистина,* насколько и *Первопричина*». Изъ этого можно

заключить, сколь важна и сколь необходима для человѣка истина! Для чистоты его нравовъ другаго основанія нѣтъ, кромѣ истины. Отсутствіе у людей побужденія желать истинны помрачаетъ ихъ жизнь и низводитъ ихъ на низшую степень человѣчества. Ни одинъ человѣкъ въ обществѣ не можетъ сдѣлаться честнымъ гражданиномъ и пользоваться уваженіемъ своихъ сочленовъ, если его нравственная сила и дѣятельность не руководятся истиною.

Внѣшній блескъ вещей и картинная ихъ обстановка не могутъ обольщать нравственнаго человѣка: онъ не увлекается тѣмъ, что представляется его внѣшнимъ чувствамъ и смотритъ на все это, какъ на возможный призракъ; но онъ побуждается постигать вещи внутренними чувствами, чувствами глубокими, и дѣлаетъ имъ оцѣнку не по количеству точекъ, освѣщающихъ ихъ внѣшнія стороны и дающихъ имъ извѣстное значеніе; но по ихъ внутреннему качеству — по истинѣ.

Постоянное наблюденіе надъ нравами людей и изученіе ихъ, при глубокомъ сознаніи своего долга стремленія къ истинѣ, можетъ служить лучшимъ упражненіемъ къ образованію своихъ собственныхъ нравовъ.

Я не могу не провести здѣсь своей мысли на счетъ образованія юношества вообще. — Я увѣренъ, что наставники, которымъ ввѣряется юношество для образованія его, еслибъ начинали дѣло съ образованія чувствъ и нравовъ (а не прямо съ образованія ума), еще свѣжихъ и мягкихъ, то могли-бы выпускать изъ своихъ рукъ людей съ направленіемъ гораздо лучшимъ, нежели какое видимъ въ настоящее время. — Юношескому возрасту, при умѣ гибкомъ, при мягкомъ сердцѣ, при сильной впечатлительности, прежде всего надлежало-бъ сообщать въ самыхъ яркихъ чертахъ понятіе о страхѣ Божіемъ, о

святости религіи, о благочестіи, о добродѣтеляхъ и порокахъ; а еще болѣе въ яркихъ краскахъ представлять пагубныя послѣдствія порока. — Ему надлежало-бы глубоко врѣзать въ память, что зло не родится на свѣтъ само собою, какъ родится всякое хищное животное; но что человѣкъ самъ порождаетъ его и потомъ самъ же отъ него и страдаетъ. — Причемъ надлежало-бъ также внушить ему понятіе о томъ, что его будущій путь жизни можетъ представлять гораздо болѣе картинъ заблужденія и пороковъ, чѣмъ примѣровъ благонравія и добродѣтели, и гораздо болѣе вреднаго, чѣмъ полезнаго, въ тѣхъ видахъ, чтобы умъ и чувства его всегда стояли на стражѣ и были бы готовы или отражать зло, или избѣгать его. Такова моя мысль о началѣ и порядкѣ образованія юношества; желательно чтобы она нашла себѣ подкрѣпленіе въ мнѣніи другихъ къ осуществленію ея.

Вообще я такого убѣжденія, что начало просвѣщенія народа должно быть вмѣстѣ и началомъ образованія его нравовъ; а потому нынѣшнія общія, столь благородныя стремленія образованныхъ людей къ поспѣшному просвѣщенію новыхъ гражданъ, должны идти рука объ руку съ стремленіемъ къ образованію ихъ нравовъ. — Я думаю, что какъ не возможно зажечь ни свѣчи, ни лампы безъ пламени огня, такъ нельзя возбудить въ простой душѣ желанія къ просвѣщенію, не согрѣвши и не смягчивши ее первоначально наставленіемъ въ правилахъ благонравія и благочестія. — Нашъ божественный Просвѣтитель, начиная проповѣдовать народу истину и просвѣщать его, въ первое время, встрѣтившись около моря съ простыми совсѣмъ людьми, ловившими рыбу и, желая сдѣлать ихъ своими послѣдователями, не сказалъ имъ, чтобъ они сначала пошли въ школу и научились письменамъ и мудро-

сти, и потомъ пришли бы къ Нему слушать Его ученіе; но Онъ прямо сказалъ имъ, чтобы они бросили свои сѣти и пошли вслѣдъ за Нимъ для слушанія божественныхъ Его словесъ къ просвѣщенію ихъ.

Образованіе и исправленіе нравовъ должно быть высшею потребностію въ обществахъ; особенно въ нынѣшнее, столь грустно-тяжкое время, — время общаго недовѣрія къ справедливости; время различныхъ обмановъ, чрезмѣрнаго лихоимства и посягательства на чужую собственность; время всякихъ соблазновъ, распущенности и безтактности въ жизни: когда всѣ стремятся жить выше своей сферы и не по средствамъ; когда постыдная праздность питаетъ виды жить насчетъ тяжкихъ трудовъ бѣднаго ближняго; когда безграничность прихотей и желаній поработила необходимыя потребности въ жизни, служа исправнымъ средствомъ къ раззоренію имуществъ; когда безумное подраженіе модамъ и роскоши въ низшихъ сословіяхъ въ вѣчной борьбѣ съ недостатками и нуждами въ средствахъ; когда всякая невѣжественная личность стремится блеснуть изящнымъ моднымъ костюмомъ, чтобы казаться не тѣмъ, чѣмъ она есть въ дѣйствительности; когда сострадание къ страждущему человѣчеству дѣлается болѣе изъ видовъ на возмездіе и когда всякая мелкая благотворительность ищетъ себѣ гласной похвалы; когда сценическія обольстительныя таланты поощряются съ торжественностію и съ чрезмѣрною щедростію до расточенія богатствъ; а таланты истинно полезные обществу и государству остаются незамѣченными; когда многіе юные сыны Церкви Христовой, глубоко обязанные ей счастіемъ носить имя христіанина, заражаясь духомъ сумазбродныхъ идей и ученій, каковы, напр., нигилизмъ, коммунизмъ, либерализмъ, эгалите и др., начинаютъ открыто чуждаться

ея и съ дерзостію порицать всѣ ея обряды и установленія; словомъ, когда на сцену общественной жизни является все то, что служитъ примѣромъ не къ исправленію, но къ развращенію нашихъ нравовъ.

И такъ, цѣль моего труда понятна. Перечитывая сочиненія славныхъ моралистовъ я старался извлечь изъ нихъ то, что наиболѣе проникнуто духомъ Вѣры святой, любовію къ ближнимъ и чистотою нравовъ. Для начала этого труда служили мнѣ сочиненія *Мих. Никит. Муравьева,* названнаго въ свое время *краснорѣчивымъ Квинтиліаномъ.* Послѣ Муравьева черпалъ я лучшія мѣста изъ *Ж. Ж. Руссо, В. Паскаля, С. Пеллико, Гердера, Ларошфуко* и мн. другихъ, такъ что предлежащій трудъ скорѣе можно назвать сборникомъ лучшихъ мѣстъ названныхъ авторовъ. Изъ сочиненій Муравьева можно было пользоваться только его превосходными чертами мыслей и чувствъ, но нельзя было удержать ни выраженій, ни строя, ни формъ слога, которые, въ сравненіи съ нынѣшнимъ состояніемъ печатной рѣчи, уже далеко отстали и потому для нѣкоторыхъ читателей могли-бъ казаться не совсѣмъ удобопонятными. Вотъ, для примѣра, беру нѣсколько подлинныхъ предложеній и фразъ изъ Муравьева: «Владычество нравоученія». «Владычество надъ самимъ собою». «Человѣкъ слабый любитъ слушать совѣты его за тѣмъ, что они пользуютъ, не оскорбляя, и бремя угрызенія совѣсти спадаетъ по его утѣшительному гласу». Или, напр. «Свойство сильныхъ страстей есть то, что онѣ похищаютъ вдругъ все владычество разума». и т. д. *).

*) Нужно замѣтить, что сочиненія М. Н. Муравьева писаны между 1785 и 1807 годовъ и большею частію въ концѣ минувшаго столѣтія, когда онъ (съ 1785 г.) состоялъ кавалеромъ и наставникомъ въ русской словесности, исторіи и нравственной философіи при вели-

Изъ другихъ авторовъ, какъ то: Руссо, Паскаля, Гердера, Пеллико, Ларошфуко и иныхъ, имѣющихся у насъ въ переводѣ давно минувшихъ лѣтъ (больш. частію минув. стол.) я сначала предполагалъ, что избранныя въ нихъ мѣста могу перенести готовыми на страницы моего сборника, съ нѣкоторою только перефразировкою; между тѣмъ самое дѣло представило мнѣ въ этомъ большія затрудненія: я нашелъ невозможнымъ соглашаться иногда съ понятіями переводчиковъ тѣхъ временъ, и потому долженъ былъ отыскивать подлинныя иностранныя изданія и обращаться къ нимъ для сличенія переводовъ съ оригиналами.

Нѣкоторыя статьи въ этомъ сборникѣ, касающіяся частныхъ историческихъ событій, какъ напр. въ отдѣлѣ сочиненій Муравьева, я дополнялъ собственными свѣденіями о новѣйшихъ событіяхъ. — Другія статьи въ этомъ же отдѣлѣ также требовали полноты въ изложеніи, что и сообщено имъ. Въ отдѣлѣ сочиненій разныхъ авторовъ, т. е. въ V, я нашелъ удобнымъ помѣстить двѣ статьи нравственно-духовнаго содержанія собственнаго сочиненія.

Для любознательныхъ читателей я предразсудилъ составить словарь тѣмъ именамъ и названіямъ, кои встрѣчаются въ текстѣ сборника, и приложить его въ концѣ текста для справокъ, подъ заглавіемъ: «Алфавитный пояснитель замѣчательнѣйшихъ именъ и названій, упоминаемыхъ въ текстѣ».

Въ заключеніе обращаюсь къ вдохновеннымъ чувствамъ глубокаго мыслителя, М. Н. Муравьева и скажу его же устами:

кихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ. Они въ первый разъ были изданы въ печати, и то не вполнѣ, Н. Карамзинымъ въ 1810 г.

«Божественное нравоученіе! вдохни въ слабую нашу душу сладкія чувства восхищаться тобою; поколебли ее, пробуди и возврати ей прежнюю силу и дѣятельность. Просвѣти ее и представь предъ смущенными ея глазами всѣ отношенія, всѣ обязанности, всѣ узы, коими она соединяется съ существами, ее окружающими; напомни о цѣли ея пути къ жизни и обнови побужденіе къ ней. Скажи ей, что она существуетъ только чувствуя. Вселенную наполняетъ собою Всеблагій, Всесильный, Самъ собою существующій, котораго мы достойно чтимъ единымъ невѣденіемъ. Она (т. е. вселенная) существуетъ только потому, что Онъ восхотѣлъ. Намъ не должно испытывать, царствовалъ ли Онъ въ вѣчности прежде, нежели возсіяли солнца: въ нашемъ понятіи все исчезаетъ, когда оно устремляется къ Творцу существъ. — Это понятіе — самая возвышеннѣйшая точка человѣческихъ возможностей, на высотѣ которой и самые трудные подвиги добродѣтели ничтожны. Между тѣмъ одного созерцанія Бога недостаточно: нужно любить человѣковъ. — Неизмѣримое пространство между Творцомъ и твореніями можетъ скрадывать наши недостатки и поселять пренебреженіе къ долгу; тогда какъ между себѣ подобными нѣтъ долга, котораго бы можно было не замѣтить. — Чтобъ погрѣшить передъ Создателемъ, нужно быть только слабымъ; чтобъ оскорбить человѣка, нужно быть злымъ».

О. Пашкевичъ.

10 Апрѣля, 1869 г.
Петроградъ.
Моховая, № 22 и 22.

Отдѣлъ I.

Изъ сочиненій М. Н. Муравьева *).

ВСТУПЛЕНІЕ.

О НРАВОУЧЕНІИ.

Попе, славный англійскій писатель-поэтъ весьма опредѣлительно выразилъ дѣйствительную пользу нравственной науки въ той извѣстной фразѣ, которая сдѣлалась общею: «точное изученіе человѣка есть человѣкъ».— Нѣтъ ни одной науки въ мірѣ, которая бы касалась насъ столь близко и болѣе соединялась съ благосостояніемъ нашего существа, которая бы болѣе могла возвысить человѣка, какъ подобная практическая часть философіи. Умъ греческаго философа *Сократа* былъ единственно ею занятъ и увлеченъ. Вліяніе ея во всѣхъ, вѣкахъ и странахъ, пребываетъ неизмѣнно одно и то же. Оно оживаетъ для насъ въ краснорѣчіи *Платона, Ксенофонта, Цицерона,* въ твореніяхъ *Аристотеля*, въ

*) См. Полное собраніе сочиненій Михаила Никит. Мур. 1820 г. часть третія.

начертаніяхъ *Марка-Аврелія,* который возвысилъ престолъ императоровъ, украсивъ его философіей и добродѣтелью.

Душа человѣка, вмѣстилище страстей, побужденій и желаній, представляетъ тонкому наблюдателю бездну любопытныхъ картинъ, такъ что цѣлая его жизнь недостаточна для изученія ея сокровенныхъ движеній. Поэтому наука о правахъ, если не въ состояніи приблизиться къ точности геометрическихъ рѣшеній, то она вмѣсто доказательствъ, основанныхъ на вычисленіяхъ, обращается къ тонкому, глубокому чувству, которое всемогущая рука Создателя вложила въ перси каждаго. Чтобъ убѣдиться въ превосходствѣ благороднаго и великодушнаго поступка, достаточно спросить свою собственную душу, какое она ощущаетъ благополучіе и наслажденіе въ тѣ минуты, когда, будучи чиста и спокойна какъ весеннее утро, не укоряетъ насъ въ какомъ нибудь гнусномъ и безчестномъ поступкѣ.

Подобныя естественныя понятія о добрѣ и злѣ, объ ощущеніяхъ пріятныхъ и непріятныхъ, которыя въ душѣ нашей оставляютъ по себѣ свободу дѣйствій, нравоученіе приводитъ въ полный и стройный порядокъ.—Возвращаясь къ самому началу гражданскихъ обществъ, она пытается представить человѣка въ первобытной простотѣ, то есть относитъ его къ тому времени, когда еще установленія, обычаи, нравы, законы не дали его душѣ искуственнаго образованія, и изъ подобнаго естественнаго состоянія пытается вывести неотъемлемыя и священныя права человѣка, его простыя и своеобразныя чувства и

склонности. Этотъ отдѣлъ нравственной науки извѣстенъ подъ названіемъ *права естественнаго;* онъ излагаетъ обязанности и отношенія къ верховному Существу, къ самимъ себѣ, къ обществу. Онъ предписываетъ правила каждому полу и состоянію, родителю, сыну, супругу, гражданину, и учитъ соединять полезное съ честнымъ. Отъ домашней семейной жизни, нравственная наука переходитъ къ объясненію обязанностей политическаго общества; подвергаетъ критикѣ органы правленія; начертываетъ порядокъ дѣйствіямъ государственной власти и самаго ея источника—единодушнаго согласія всѣхъ членовъ общества цѣлаго народа, и такимъ образомъ составляетъ другую подчиненную ей науку, извѣстную подъ названіемъ *политической.* Установленіе гражданскихъ законовъ частію проистекаетъ также изъ права естественнаго.

Нравственная наука, дѣлаясь общею всему человѣчеству, всегда превосходитъ частные законы, извѣстные въ какомъ либо народѣ.—Она собираетъ всѣ народы передъ своимъ судомъ.

Подъ названіемъ *международнаго права,* нравственная наука объясняетъ обязанности отношенія одного народа къ другому и внушаетъ имъ долгъ повиноваться справедливости, даже въ томъ случаѣ, когда предстоитъ необходимость защищать себя, или когда преступныя страсти вооружаютъ ихъ другъ противъ друга.

ОЧЕРКИ НРАВСТВЕННОЙ НАУКИ.

Человѣкъ живетъ въ видимомъ физическомъ мірѣ, подобно другимъ животнымъ; но какъ ему опредѣлено стремиться и перейдти въ міръ нравственный, невидимый, духовный, то ему необходимо знать тотъ и другой, и потому онъ одаренъ способностями, которыя очевидно соединяютъ его съ тѣмъ и другимъ, и которыя вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое.

Хотя разность между сими способностями столь велика, что однѣ изъ нихъ ставятъ человѣка на одну плоскость съ остальными животными, а другими онъ уподобляется божеству; но въ пріобрѣтеніи познаній, которыя нужны для нашего самосохраненія и главное для самосовершенствованія онѣ одинаково важны, одинаково необходимы. — Однѣ изъ нихъ называются *чувствами* — другія *умомъ, мышленіемъ* или *смысломъ*.

Мы дотолѣ не можемъ знать предмета, пока онъ не коснется нашихъ чувствъ; слѣдовательно всякое познаніе возбуждается и начинается *ощущеніемъ,* то есть дѣйствіемъ чувствъ; поэтому сила ощущенія есть способность первоначальная. Она хотя не совсѣмъ еще постигаетъ предметы, не мыслитъ объ нихъ, но представляетъ ихъ, или какъ бы рекомендуетъ душѣ нашей; посредствомъ этой способности душа наша приходитъ какъ бы въ соприкосновеніе съ предметомъ.

Намъ необходимо познавать какъ то, что находится внѣ насъ, такъ и то, что въ насъ совершается; поэтому подобная сила дѣйствуетъ посредствомъ чувствъ внѣш-

нихъ и внутреннихъ. Внѣшнихъ чувствъ мы имѣемъ пять: *осязаніе, вкусъ, обоняніе, слухъ* и *зрѣніе;* изъ нихъ первыя три суть чувства *низшія;* такъ какъ они дѣйствуютъ механически и какъ познанія, пріобрѣтаемыя посредствомъ ихъ слишкомъ бѣдны, односторонни, маловажны; наслажденія доставляемыя ими суть грубыя, плотскія, общія совсѣми животными; а послѣднія два — слухъ и зрѣніе—*высшія;* ибо дѣйствія ихъ тонки, полудуховны; познанія обширны, полны ихъ наслажденія смягчаютъ сердце, возвышаютъ духъ. — Дѣйствія внѣшнихъ чувствъ суть *ощущенія.*

Внутреннія чувства двухъ родовъ: *чувства пріятнаго* и *непріятнаго;* первыя насъ влекутъ къ предмету, а послѣднія отвращаютъ отъ него, и вслѣдствіе сего являются *желаніе* и *отвращеніе.* Они также бываютъ и *низшія* и *высшія:* первыя довольствуются *веселымъ, забавнымъ* и *пріятнымъ;* вторыя побуждаются къ *справедливому, честному, изящному.* Дѣйствія чувствъ внутреннихъ называются *чувствительностію, чувствованіями,* которыя если сопротивляются сильнымъ возмущеніемъ духа превращаются въ страсть.

Страсть есть дѣйствіе чувствъ внутреннихъ, глубокихъ, воспаленныхъ сильными побужденіями, желаніями и влеченіями духа къ предназначенной цѣли.

Сила вниманія. — Дѣйствіе предметовъ на чувства не оставляли бы по себѣ никакихъ слѣдовъ, изчезали бъ подобно призракамъ зеркала, еслибъ душа не имѣла особенной способности, посредствомъ которой она обращается къ предмету и останавливаетъ на немъ чувства для

яснѣйшаго и подробнѣйшаго разсмотрѣнія. Эта сила — вниманіе; она необходима при дѣйствіи всѣхъ способностей, съ тою только разностію, что здѣсь она возбуждается болѣе механически, между тѣмъ при дѣйствіи отдѣльныхъ познавательныхъ силъ она имѣетъ болѣе свободы. Иногда мы обращаемъ вниманіе на предметъ свободно, произвольно: а иногда онъ столь сильно поражаетъ наши чувства, что какъ бы невольно приковываетъ къ себѣ душу; что̀ бываетъ въ томъ случаѣ, когда предметъ или очень нравится, или ужасаетъ.

Воображеніе. — Коль скоро предметъ, поразившій чувства возбудилъ вниманіе, то способность представленія — воображеніе мгновенно собираетъ всѣ черты сего предмета, всѣ признаки чѣмъ онъ отличается отъ другихъ и составляетъ его образъ; потому что чувства и и сила вниманія могутъ примѣчать и разсматривать только отдѣльно̀, порознь каждую черту, каждый признакъ; но безъ соединенія сихъ признаковъ нельзя различать вещей; мы будемъ представлять признаки качества предметовъ, а не самые предметы. Дѣйствіе воображенія есть умопредставленіе или понятіе частное. Если подобная способность образуетъ представленіе изъ признаковъ чувствами собираемыхъ; то она не можетъ измѣнять сіи образы, а воображаетъ вещи въ тѣхъ видахъ, какъ онѣ представлялись чувствамъ.

Разсудокъ. — Представленія всѣхъ дѣйствовавшихъ на чувства наши предметовъ, неприведенныя въ порядокъ и устройство, по многочисленности своей и разнообразію, могли бы нашъ умъ только обременять; то для из-

бѣжанія сего затрудненія человѣку дана особенная способность, которая сличая и сравнивая всѣ представленія или образы вещей, *находитъ* въ нихъ *сходства* и *различія,* и *соединяя первыя* и *выпуская послѣднія* составляетъ такимъ образомъ новыя понятія, *общія* многимъ предметамъ. — Это дѣло *разсудка,* который, кромѣ сего мыслящаго хозяйства, *соединяетъ понятія* такъ, что *одно дѣлаетъ признакомъ другаго,* напр. *играть забавно.* Дѣйствія разсудка — *мышленіе, сужденіе.* Предметы существующіе въ области ума, которыхъ воображеніе представлять не можетъ, напр. *добродѣтель, порокъ, милость, общество* — могутъ быть обнимаемы только разсудкомъ.

Память.—Разсудокъ мыслитъ или судитъ обовсемъ сравнительно; поэтому чтобы произнесть сужденіе надъ предметомъ, вновь представляющимся, и назначить мѣсто представленію его въ ряду понятій, нужно имѣть запасъ опредѣленныхъ уже познаній, и притомъ если не сохранять всѣхъ пріобрѣтенныхъ и составленныхъ понятій и сужденій, то къ чему весь трудъ сихъ способностей? Въ этомъ случаѣ является на помощь особенная способность, которая собираетъ всѣ наши ощущенія, дѣйствія и понятія, и, сочетая ихъ различно, составляетъ то, что называемъ *памятью.* Обширность и свѣжесть памяти зависитъ: вопервыхъ отъ повседневнаго употребленія ея отъ повторенія; вовторыхъ отъ степени вниманія, въ какой мы разсматривали вещь, чтобы передать ее памяти, и которую, еслибъ не такъ внимательно разсматривали, не моглибъ столь твердо въ нее впечатлѣть; наконецъ

въ третьихъ отъ порядка, въ которомъ мы располагаемъ наши понятія.

Фантазія.—Воображеніе можетъ представлять предметы только замѣченные; но гдѣ останавливается воображеніе, тамъ начинаетъ дѣйствовать *фантазія* или усиленное *умовоображеніе.* Подобная способность, будучи одарена свободою, представляетъ вещи не такъ какъ онѣ существуютъ; но украшаетъ ихъ по собственному произволу, или даже творитъ образы предметовъ невиданныхъ и несуществующихъ. При всей свободѣ фантазія имѣетъ два закона, которые она безъ внутренняго разстройства преступить не можетъ: вопервыхъ, она представляетъ все въ видахъ чувственныхъ; вовторыхъ, она не можетъ соединять прямо свойства противорѣчащія, изъ которыхъ одно другимъ уничтожается. Въ первомъ она сходствуетъ съ воображеніемъ и отличается отъ разума; во второмъ она сходствуетъ съ симъ послѣднимъ. Всѣ баснословныя существа, всѣ признаки, привидѣнія, предметы суевѣрія и вымыслы поэтовъ суть созданія фантазіи.—Впрочемъ, не смотря на то, что подобная способность можетъ вымышлять, творить, она безъ воображенія создать ничего не можетъ, потому что всѣ творенія его суть произвольныя сочетанія дѣйствительныхъ представленій.

Разумъ—самая высшая способность ума—продолженіе дѣйствія разсудка; этотъ послѣдній всѣ размышленія основываетъ на чувственныхъ признакахъ вещей: а разумъ на свойствахъ неподлежащихъ чувствамъ.—Разсудокъ соединяетъ представленія, образы вещей, и составляетъ первоначальныя мысли; а разумъ согла-

шаетъ сіи соединенія представленій и, уничтожая между ними всякое разногласіе и разность, приводитъ въ порядокъ раздѣльныя познанія. — Верховную цѣль разума составляетъ *истина*.

Разумъ, одаренный какою-то необыкновенною быстротою, творчествомъ, соединенный съ чрезвычайною силою и смѣлостію фантазіи, и находящійся въ соразмѣрности съ другими способностями, называется *геніемъ,* котораго характеръ есть творчество и который часто въ своихъ гигантскихъ твореніяхъ, увлекшись главною мыслію, бываетъ небреженъ въ отдѣлкѣ частей и внѣшней формы произведеній.

Талантъ, стоя между геніемъ и обыкновеннымъ умомъ, не можетъ вознестись до творчества въ цѣломъ; но въ замѣнъ того онъ бываетъ болѣе способенъ къ обработкѣ частей; онъ болѣе угождаетъ утонченности вкуса, условіямъ моды и приличій; онъ можетъ быть *всѣмъ*.

Односторонность генія зависитъ отъ степени вліянія другихъ способностей въ дѣйствіяхъ разума, или преимущественно отъ случайнаго, но постояннаго направленія и развитія онаго; въ такомъ случаѣ этой односторонности особенно способствуетъ то свойство генія, по которому онъ всегда во всѣхъ своихъ проявленіяхъ имѣетъ одну господствующую мысль, которой подчиняетъ всѣ помыслы, желанія и дѣйствія.

Воля хотя не участвуетъ въ познаніи и размышленіи; но возбуждаетъ къ дѣятельности мыслящія, познавательныя силы, даетъ характеръ мыслямъ; воля есть способность души, посредствомъ которой сія послѣдняя

рѣшается дѣйствовать или не дѣйствовать; слѣдовательно, всякая рѣшительность и нерѣшительность зависитъ отъ качествъ воли. Но эта способность, будучи источникомъ всякой дѣятельности, зависитъ или отъ предварительнаго размышленія, или отъ дѣйствія чувственности. И если низшія чувства склоняютъ волю къ рѣшительности; то это дѣйствіе воли называется *вожделеніемъ, прихотью,* слѣдствіе которой — *желаніе.*

Если воля побуждается къ рѣшимости разсудкомъ, представляющимъ пользу, выгоду,—она есть *произволъ* который обнаруживается въ намѣреніяхъ; если же—чувствами высшими или разумомъ, которыя стремятся ко всему честному, благородному, истинному, законному, великому—воля есть *свобода,* которая не зависитъ ни отъ какихъ внѣшнихъ побужденій, и сообщаетъ намъ силы отказаться отъ выгодъ, отъ всѣхъ пріятностей жизни, если они противорѣчатъ чести, справедливости и обязанности.—Верховную нравственную цѣль всѣхъ дѣйствій воли составляетъ *благо* *).

Изрѣченіе, которымъ многіе частные случаи изъ вседневной жизни приводимъ къ одному общему источнику, называется *закономъ* или *правиломъ.*

Наблюдая паденіе разныхъ тѣлъ на поверхность земли, мы видимъ законъ общаго притяженія (тяготѣнія), привлекающаго всѣ видимыя тѣла къ центру земли.

---

*) Эта часть очерковъ не принадлежитъ сочин. Муравьева.

Находя въ исторіи міра, что нѣкоторое число дикихъ людей, разсѣянныхъ сперва въ лѣсахъ, впослѣдствіи соединяются въ одно общество, налагаютъ на себя взаимныя обязательства и основываютъ города, изъ чего выводимъ нравственный законъ слѣдующій: человѣкъ созданъ для общества и долженъ рано или поздо достигнуть просвѣщенія.

Собраніе правилъ въ одно цѣлое, въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ, составляетъ *науку*.

Такимъ образомъ собраніе правилъ, выведенныхъ изъ наблюденій надъ явленіями природы называется наукою о природѣ—*естественною наукою*.

Собраніе правилъ, выведенныхъ изъ дѣяній человѣка и общества называется нравственною наукою — *нравоученіемъ*.

Человѣкъ животное разумное, возвышенное надъ всѣми другими животными,—одаренное словомъ, стремящееся къ составленію общества и способное достигать высшихъ совершенствъ.

Уже одинъ внѣшній образъ человѣка предоставляетъ ему первое мѣсто въ ряду животныхъ.

Онъ смѣло взираетъ на небо и едва касается земли краями своего тѣла. Мышцы его выражаютъ силу и быстроту его движенія. Лице его одушевляется достоинствомъ и красотою. Въ глазахъ его ясно и съ неподражаемою силою читается все то, что происходитъ въ глубинѣ его души, и въ одно мгновеніе изливается на умы его окружающихъ.

Измѣненіе лица, улыбка, слезы свойственны только человѣку.

Рука, орудіе достойное удивленія, не поддерживаетъ его тяжести, но привлекаетъ къ нему предметы отдаленные, и способствуетъ ему въ упражненіи въ искусствахъ.

Къ обитанію его всѣ страны земли одинаково удобны; но умѣренные благопріятствуютъ ему болѣе.

Къ утоленію его голода, представляется изобиліе пищи растительной и животной.

Онъ родится нагъ и безоруженъ. Нужды окружаютъ его со всѣхъ сторонъ уже при самомъ рожденіи; но тѣ же самыя нужды служатъ къ изощренію изобрѣтательности, которою человѣкъ одаренъ столь превосходно. Онъ самъ себѣ созидаетъ жилище, орудія и одежду.

Младенчество его безсильно и продолжительно. Отсюда воспитаніе, нѣжность родителей, нравственныя обязанности, начала общества.

Способности человѣка, будучи несравненно превосходнѣйшія способностей животныхъ, требуютъ продолжительнаго времени для своего развитія и образованія.

Опытомъ и подражаніемъ видѣнія, слышанія, хожденія, разговора научается онъ самымъ простымъ и ежедневнымъ дѣяніямъ.

Въ юныя лѣта жизни запасается онъ понятіями, дѣлаетъ безчисленныя наблюденія и знакомится съ окружающими его твореніями.

Умноженіе народа зависитъ отъ благорастворěннаго климата, отъ производительности земли, отъ нравовъ и правительства.

Есть животныя, которыя уединяются отъ другихъ имъ подобныхъ. Человѣкъ, по своей природѣ, побуждается къ составленію обществъ.

Первый видъ общества есть семейство, потомъ поколѣніе и наконецъ народъ или государство.

Отдѣльныя общества обыкновенно пребываютъ въ соперничествѣ другъ съ другомъ. Исключительная любовь своего племени одушевляетъ варвара.

Любовь къ отечеству составляетъ геройство гражданина, не замыкая его души для всеобщаго человѣколюбія.

Люди по большей части упражняются въ доставленіи себѣ средствъ безопасности, пропитанія, удобствъ и украшенія.

Къ средствамъ безопасности принадлежатъ изобрѣтеніе оружій, военное искусство и укрѣпленіе городовъ.

Средства пропитанія суть: звѣриная и рыбная ловли, скотоводство и земледѣліе.

Народы наименѣе искусившіеся въ способахъ пропитанія привязываются къ охотѣ, къ рыбной ловлѣ, или существуютъ отыскиваніемъ питательныхъ произрастеній. Тѣ, которые достигли искусства укрощать и воспитывать животныхъ, обращаются къ скотоводству и становятся народами пастушескими—номадами. Они сначала странствуютъ и перемѣняютъ пастбища.

Общества наиболѣе приближающіяся къ просвѣщенію изучаютъ искусство разводить полезныя растенія, которыя въ ихъ странахъ сами собою не возрастаютъ.

Они воздѣлываютъ поля и своимъ трудомъ пріобрѣтаютъ права собственности на землю, которую они удоб-

рили. Такимъ образомъ земледѣліе становится твердымъ основаніемъ общества.

Въ подобныхъ обществахъ тѣ личности, которыя, по умноженіи народа не получаютъ надѣла земли обращаются къ ремесламъ и промышленности. Они способствуютъ удобствамъ жизни тѣмъ, что снабжаютъ предметами украшенія и великолѣпія другія искусства, требующія большей разборчивости и вкуса и рождающіяся въ обществахъ мирныхъ и богатыхъ.

Ремесленникъ и земледѣлецъ для взаимной своей пользы устанавливаютъ между собою мѣну — первый образъ торговли, посредствомъ которой первый сбываетъ свое издѣліе за хлѣбъ втораго.

Мѣна имѣетъ свои затрудненія, для отвращенія которой изобрѣтена общая мѣра взаимныхъ товаровъ и установленъ извѣстный вѣсъ металловъ, замѣняющій собою всѣ возможныя имущества.

Въ началѣ обществъ домашнія животныя служили цѣною вещей и занимали мѣсто денегъ.

Деньги ускоряютъ обращеніе богатствъ естественныхъ и художественныхъ по всему земному шару и облегчаютъ оборотъ торговли.

Довѣріе или кредитъ есть душа коммерціи, а раздѣленіе труда приводитъ производительность въ цвѣтущее состояніе.

Цѣнность товаровъ соразмѣряется рѣдкости и требованіямъ.

Коммерція или торговля приводитъ въ движеніе всѣ

роды промышленности: и ремесленника, и извощика, и мореходца, и купца, и торговца и всѣ остальныя.

Люди имѣютъ между собою отношенія и сношенія по мѣрѣ личныхъ качествъ. Сила и проворство тѣла, но болѣе всего превосходство ума возвышаютъ одного человѣка надъ другими.

Это превосходство составляетъ начало власти между людьми и опредѣляетъ степени подчиненности.

Сильный, знающій, храбрый одолѣваетъ другихъ; слабый, невѣжда, робкій впадаетъ въ зависимость.

Кромѣ власти въ обществѣ нѣкоторыя свойства приносятъ съ собою нравственное достоинство и тѣмъ заслуживаютъ почтеніе.

Такимъ образомъ человѣкъ исполненный благосклонности, кротости, чести соединяетъ одобреніе всѣхъ въ пользу свою.

Люди повсюду удивляются качествамъ, доставляющимъ благо человѣческому роду, т. е. мудрости, правосудію мужеству и умѣренности.

Эти качества извѣстны подъ высокимъ названіемъ *добродѣтели.*

Противоположныя имъ качества извѣстны подъ призрѣннымъ названіемъ порока.

Внѣшняя обстановка людей часто смѣшивается съ личными качествами.

Богатство, знатность, пышность ослѣпляютъ многихъ своимъ блескомъ; бѣдность неизвѣстность, посредственность претерпѣваютъ незаслуженное презрѣніе.

Неравенства состояній находятся въ каждомъ отдѣль-

номъ обществѣ и наиболѣе тамъ, гдѣ богатство, власть и воспитаніе распредѣлены неравнымъ образомъ.

Каждый членъ общества ввѣряетъ ему въ залогъ свои естественныя права и для сохраненія ихъ подвергается волѣ и установленіямъ общественнымъ.

Выраженіе воли общества или большинства называется народнымъ закономъ.

Правленіе есть образъ дѣйствія верховной власти, который усвоило себѣ общество въ положеніи своихъ законовъ и въ соблюденіи ихъ.

Этотъ образъ бываетъ или простой (монархическій неограниченный и конституціонный), или смѣшанный (республиканскій). Простой, когда общество верховную власть вручило или одной особѣ, или законодательному собранію людей. Смѣшанный, когда общество управляется множествомъ побочныхъ властей.

Смѣшанные образы правленія суть: народное или демократическое; высшее дворянское или аристократическое; монархическое или единоначальное и деспотическое или произвольно-насильственное.

Демократическое правленіе такое, въ которомъ государственная власть заключается въ лицахъ представляющихъ народъ.

Аристократическое сосредоточиваетъ власть въ одномъ сословіи людей, управляющемъ народомъ исключительно. Оба эти образы правленія называются республиканскими.

Въ монархическомъ правленіи народъ верховную власть вручаетъ одной особѣ на основаніи законовъ.

Деспотизмъ поставляетъ государя выше законовъ.

Смѣшанные конституціонные образы правленія суть: или правленіе гражданъ, или правленіе единоличное—монархическое.

Въ смѣшанныхъ гражданствахъ верховная власть раздѣлена между собирательнымъ тѣломъ народа и высшимъ сословіемъ.

Въ смѣшанныхъ монархіяхъ управленіе раздѣляется между государемъ и представителями народа.

Общественныя установленія были бы невозможны безъ сообщенія мыслей.

Средства сообщенія — рѣчь или слово содержитъ въ себѣ всѣ внѣшнія знаки выраженія мысли, ощущенія и воли.

Знаки эти суть или естественные или условные.

Естественные тѣ, которые внушаетъ или истолковываетъ человѣку побужденіе; таковы: взоры, наклоненія головы, измѣненіе лица и тѣлодвиженія.

Условленные — нѣмое подражаніе дѣйствіямъ (мимика) разговоръ и буквенныя начертанія.

Способность говорить образуется каждымъ особымъ народомъ въ отдѣльный языкъ или нарѣчіе.

Буквенныя начертанія суть знаки или цѣлыхъ словъ или образованія голоса.

Сужденіе о свойствахъ языка, общее или частное, составляетъ науку граматики.

Возрожденіе и совершенствованіе письменности необходимое слѣдствіе успѣховъ общества.

Письменность или литература сохраняетъ память прошедшихъ дѣяній, наблюденій и опытовъ. Она хранитъ произведенія ума и служитъ къ исправленію и распространенію слова.

Обозрѣвая весь родъ человѣка и переходя къ обозрѣнію его недѣлимаго мы находимъ въ немъ, кромѣ благообразія его внѣшняго вида, кромѣ стройности, соразмѣрности членовъ, способности движенія—признаковъ, внушающихъ благоговѣніе къ Создателю—явленіе особенное, достойное наибольшаго удивленія: дѣйствіе ума и воли.

Въ дѣйствіи ума мы ясно отличаемъ: животное чувство или пониманіе, сознаніе, созерцаніе, воображеніе, отвлеченіе, сужденіе.

Воля — непосредственный предметъ нравоученія — та сила, какъ уже сказано выше, которая творитъ человѣка дѣятельнымъ.

Дѣйствія суть возможныя и невозможныя. Человѣкъ поставленный между многими дѣйствіями возможными увѣренъ внутреннимъ чувствомъ, что совершенно свободенъ предпріять или отвергнуть какое либо дѣйствіе. Одно привлекаетъ его видомъ добра, другое отталкиваетъ видомъ зла: онъ хочетъ. Дѣйствіе его есть слѣдствіе воли.

Къ воли относится склонность, чувствованіе, желаніе, произволъ.

Склонности предшествуютъ испытаніе удовольствія и огорченія. Они появляются побужденіями, современными началу и продолженію нашего бытія.

Однѣ изъ нихъ суть животныя, напр. желаніе пищи и сна. Другія разумныя, напр. любовь къ жизни или са-

мосохраненіе, любовь къ родителямъ и дѣтямъ, вожделеніе добра и превосходства.

Всѣ ощущенія благополучія сами собою пріятны.

Склонности побуждаютъ насъ налагать на окружающіе насъ предметы наименованія добра и зла, смотря потому, считаемъ ли мы ихъ полезными или вредными.

Все-то, что способствуетъ къ сохраненію жизни нашей считаемъ мы *добромъ*. Все-то, что угрожаетъ ей разрушеніемъ—*зломъ*.

Во всѣхъ обществахъ все-то считается добромъ, что служитъ къ утвержденію ихъ и къ пріобрѣтенію благосостоянія; но то, что расторгаетъ ихъ и повергаетъ въ бѣдствіе—зломъ.

Неменѣе признается за благо то, что способствуетъ нашему личному севершенству;—зломъ, что уменшаетъ внутренную нашу цѣнность и унижаетъ насъ ниже достоинства человѣка.

Мы чувствуемъ, что для насъ пріятно и что непріятно.

Чувство раждающееся по достиженіи предполагаемаго добра—пріятно; при потерѣ его непріятно.

Избѣжаніе предполагаемаго зла пріятно; впаденіе—прискорбно.

Ощущеніе удовольствія въ обоихъ случаяхъ называется *радостью;* — огорченія — *печалью.*

Добро, которое мы представляемъ въ ожиданіи, рождаетъ чувство пріятное и называется *надеждою;* но добро, которое у насъ похищено быть можетъ производитъ чувство *страха.*

И такъ, всѣ наши чувства могутъ быть четырехъ родовъ: *радость, печаль, надежда* и *страхъ*.

Но различные виды ихъ увеличиваясь или уменьшаясь и заимствуясь отъ другихъ пристрастій, возбужденныхъ свойствами тѣхъ предметовъ, которые ихъ производятъ, принимаютъ различныя наименованія.

Такимъ образомъ спокойствіе духа, одобреніе самаго себя, возвышеніе надъ другими, восторгъ, удивленіе, любовь, доброжелательство, ревность къ благу общества, почтеніе, благодарность и проч. суть чувства пріятныя. Напротивъ скука, зависть, ненависть, гнѣвъ, страхъ, отчаяніе, стыдъ, угрызеніе совѣсти, уныніе, уничиженіе, омерзеніе суть движенія чувствъ, порождающія въ насъ огорченіе.

Одобреніе самаго себя или самодовольствіе есть слѣдствіе того, что мы поступали по внушенію разума и по чувству чести.

Удивленіе возбуждается такими предметами или дѣйствіями, которыя превосходятъ наше ожиданіе ощущеніемъ прекраснаго.

Общественное соревнованіе есть желаніе добра тому обществу, котораго мы члены.

Благодарность есть выраженіе чувства обязательности тому, кто намъ сдѣлалъ добро.

Дружба есть союзъ чувствъ, которыя могутъ быть питаемы между двумя, тремя и болѣе добродѣтельными сердцами.

Стыдъ есть чувство сознанія того преступнаго дѣйствія, которое мы называемъ порочнымъ.

Страхъ есть чувство настоящей или мнимой опасности.

Ужасъ — глубокое чувство, которое рождается отъ внезапности и воспаленнаго воображенія.

Отчаяніе—крайняя степень страха.

Гнѣвъ—движеніе духа, внушенное гордостію и клонящееся къ ненависти.

Зависть—тягостное ощущеніе чужаго достоинства.

Презрѣніе—чувство неудовольствія, внушаемое намъ недостаткомъ приличія и благородства.

Смѣхъ возбуждается нелѣпостію или случайнымъ сочетаніемъ противоположныхъ вещей.

Вещи, въ превосходствѣ которыхъ предполагаемъ нѣкоторымъ образомъ увеличеніе нашего собственнаго совершенства возбуждаютъ въ насъ желаніе, возбужденіе и т. п.

НРАВСТЕННЫЙ ЗАКОНЪ.

Всѣ существа, одаренныя чувствами и весь ихъ міръ во вселенной представляетъ неизгладимыя черты вѣчно постояннаго порядка и установленія. Видимыя уклоненія въ порядкѣ теченія природы происходятъ отъ тѣхъ же первыхъ началъ, отъ которыхъ возникаютъ самыя обыкновенныя явленія. Свойства каждаго существа опредѣляютъ его законы. Міръ естественный повинуется симъ законамъ безъ участія его собственнаго. У нравственныхъ существъ ощущенія возникаютъ въ тѣ самыя минуты, когда они согласуются или противятся законамъ

своей природы. Въ естественномъ мірѣ господствуетъ величественное однообразіе. Нравственныя существа призваны своею природою къ добровольному содѣйствію симъ законамъ.

Сверхъ животныхъ побужденій и склонностей каждый человѣкъ одаренъ способностью къ постепенному самопознанію и началами страстей. — Каждый одаренъ способностью сознанія справедливаго и несправедливаго.

НАЧАЛО НРАВСТВЕННЫХЪ ДѢЯНІЙ.

Писатель, столько же глубокомысленный, сколько достойный уваженія, славный *Смитъ,* прежде нежели издалъ свое классическое сочиненіе «О народномъ богатствѣ», старался произвести тончайшія и многоразличныя ощущенія души человѣка изъ одного общаго начала. Сочиненіе его подъ заглавіемъ «Теорія нравственныхъ ощущеній» изобилуетъ чертами мыслей сколько простыхъ, столько и величественныхъ, которыя обнаруживаютъ въ авторѣ тонкаго и вѣрнаго наблюдателя природы. Чтеніе его книги производитъ дѣйствіе свойственное однимъ только великимъ твореніямъ: оно дѣлаетъ читателя лучшимъ и оставляетъ въ его душе новое побужденіе любить добродѣтель. Отечество Смита — Шотландія — имѣло въ прежнія времена то преимущество, что производило превосходныхъ мужей въ литературѣ и философіи. Для доказательства достаточно привести здѣсь имена: *Юма, Робертсона, Фергюсона, Рида* и *Лорда.* Въ рукахъ этихъ

мужей нравственная философія пріобрѣла особенные успѣхи. *Гётчесонъ,* почерпнувъ въ Платонѣ высокія идеи о нравственной красотѣ, прежде всѣхъ изслѣдовалъ различныя склонности и побужденія души и доказывалъ существованіе въ ней особеннаго нравственнаго чувства, которому столько же свойственно различать добродѣтель, сколько глазу свѣтъ и цвѣта или краски. Не довольствуясь этимъ однимъ предположеніемъ Гётчесонъ полагалъ въ душѣ другія глубокія чувства, именно чувства прекраснаго и благоразумнаго во внѣшнихъ предметахъ, чувства общественнаго блага, которымъ мы сочувствуемъ въ счастіи или въ бѣдствіи другихъ, чувство стыда или чести и чувство смѣшнаго. Сочиненіе Гётчесона обнимаетъ весь кругъ науки о нравахъ, и ежели творецъ его не могъ соединить мнѣній всѣхъ въ пользу свою, то онъ имѣлъ удовольствіе видѣть послѣдователемъ своимъ воспитанника *Локка*, славнаго Лорда *Шафтсбюри*. Желая быть защитниками природы человѣка они поставили себя задачею оправдать ее отъ порицанія самолюбія и показать, что не одно оно служитъ началомъ страстей человѣка. Они раздѣляютъ вообще пристрастія на корыстолюбивыя, касающіяся собственно нашего частнаго блага, и доброжелательныя, которыми переносимся въ состояніе другихъ и усвоиваемъ себѣ счастіе ближняго. Нѣтъ сомнѣнія, что чувство желанія добра, глубоко впечатлѣнное въ природѣ человѣка, есть одно изъ сильнѣйшихъ расположеній къ добродѣтели; но и корыстолюбивыя побужденія пока остаются въ своихъ извѣстныхъ предѣлахъ не заслуживаютъ порицанія. Природа одарила каж-

даго человѣка разумнымъ чувствомъ желанія блага самому себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинила его уваженію блага общественнаго. Нельзя справедливо порицать подобныхъ корыстолюбивыхъ пристрастій, если они не побуждаютъ пріобрѣтать частное благо поврежденіемъ блага общественнаго. Напротивъ того человѣкъ не былъ бы полезенъ обществу, еслибъ онъ былъ лишенъ всякаго побужденія ограждать и предохранять свое собственное существованіе и благосостояніе своего семейства, потому что подобныя стремленія переходятъ въ великодушныя и доброжелательныя столь нечувствительно, что и собственное наше счастіе становится средствомъ и орудіемъ къ доставленію счастія другимъ, и слѣдовательно къ способствованію благосостоянію общественному. Тонкія связи природы, любовь къ родителямъ, къ супругѣ, къ дѣтямъ дѣлаютъ пріятное смѣшеніе пристрастій частныхъ съ общественными, потому что будучи увлекаемы прелестью удовольствія мы способствуемъ пользѣ и намѣреніямъ цѣлаго порядка. Самое зло, которое постигаетъ насъ въ частности, если оно обращается въ благо цѣлаго, необъятнаго круга существъ, не заслуживаетъ названія зла и не противорѣчитъ благости Верховнаго Существа. Разумъ человѣка не можетъ обнять своимъ взоромъ великой цѣли, которою соединяются безконечныя степени существованія, возможныя во вселенной, и съ которыми видимая нами цѣпь составляетъ одно цѣлое. Не входя въ метафизическія сужденія, *Юмъ,* разумъ котораго услаждался сомнѣніемъ, покушался дать нравоученію простоту, отрицая различіе между пристрастій корыстолюбивыхъ и доброжелатель-

ныхъ, и, распредѣляя одобрѣніе или порицаніе дѣйствій по отношенію, которое они имѣютъ къ приносимой ими пользѣ.—Добродѣтель, не приносящая пользы, для него перестаетъ быть добродѣтелью. Его мнѣніе нашло многихъ противниковъ, между которыми *Битти* и *Ридъ* занимаютъ главное мѣсто. Смитъ выводитъ изъ сочувствія всѣ тѣ чувства, которыя соединяютъ насъ съ обществомъ и человѣчествомъ. Онъ поясняетъ свою теорію наблюденіями, взятыми изъ жизни дѣйствительной, и разсматриваетъ по очередно всѣ склонности, упражненія и страсти людей, какое они имѣютъ вліяніе на счастіе.

НРАВСТВЕННОЕ ОДОБРЕНІЕ.

Нравственное одобреніе есть образованіе той склонности, которая ежеминутно побуждаетъ насъ стремиться къ лучшему совершенству. Но какъ въ подобномъ стремленіи разсудкомъ нашимъ управляютъ различныя мнѣнія и страсти, то и одобреніе можетъ быть примѣняемо разными лицами къ различнымъ и противоположнымъ дѣяніямъ. Обыкновенно кумиръ одной стороны бываетъ отвращеніемъ для стороны противоположной. Обѣ повинуются побужденію одобрять или порицать дѣянія, но каждая слѣдуетъ своимъ правиламъ.

Зенонъ, глава стоиковъ, внушалъ мудрому посвящать всю свою жизнь исполненію долга и призванія.

Епикуръ полагалъ блаженство въ совершенномъ уда-

леніи отъ шума гражданскихъ дѣлъ, въ спокойствіи, въ избѣжаніи огорченій и болѣзней.

Пристрастные люди увлекаются собственною соею корыстію къ одобренію того, что имъ выгодно, и къ порицанію противнаго.

Честолюбивые удивляются дарованіямъ, которыя они находятъ въ своихъ непріятеляхъ.

Наше собственное состояніе приводитъ насъ къ предпочтенію военныхъ или мирныхъ добродѣтелей; но ничто столь не заслуживаетъ единодушной похвалы, какъ просвѣщенное благорасположеніе ко всему человѣчеству и глубокая признательностъ къ честности.

ВЛІЯНІЕ НРАВОУЧЕНІЯ.

Тогда какъ всѣ другія науки требуютъ множества знаній и внѣшнихъ опытовъ и всегда отвлекаютъ насъ отъ самихъ себя, нравственная наука занимаетъ насъ единственно собственнымъ нашимъ благополучіемъ. — Всѣ опыты ея совершаются въ нашей душѣ; она постигается легче чувствами, нежели можетъ быть истолкована уму словами. Величайшіе умы находили въ размышленіи объ ней пользу и удовольствіе; для преподаванія ея изобрѣтены многіе способы. Исторія обогащаетъ наши знанія примѣрами изъ прошедшихъ временъ. Вымыслъ облекаетъ истины нравоученія прекрасно изложенными баснями. Эти истины переходятъ на сцену театра и научаютъ насъ добродѣтели, представляя ее торже-

ствующею надъ несчастіемъ, или показывая порокъ въ гнусномъ его видѣ. Воспитаніе, которое даютъ намъ въ юношествѣ всегда внушаетъ намъ пріятную необходимость быть добрымъ, сострадательнымъ къ несчастію, справедливымъ, умѣреннымъ и указываетъ на противоположныя качества, которыя называются пороками. Эти послѣднія приводятъ насъ къ несчастію ложнымъ обѣщаніемъ благополучія.

Мы порочны собственно потому, что несвѣдущи. Какъ блуждающіе огни ночью заводятъ путешественника на край глубокихъ пропастей, такъ и пороки, обольщая наше незнаніе своевольнымъ исполненіемъ нашихъ прихотей повергаютъ насъ въ отчаяніе и предаютъ презрѣнію всего свѣта.

Неумѣренный думаетъ найдти удовольствіе въ пиршествахъ, въ роскоши, въ пьянствѣ; а между тѣмъ находитъ немощь, бѣдность, униженіе, смерть.

Честолюбивый желаетъ свободныхъ людей сдѣлать рабами и чрезъ то становится ужасомъ свѣта.

Хитрый хочетъ лестію, лицемѣріемъ, обманомъ овладѣть умами людей и дѣлаетъ зло подъ личиною добродѣтели; но онъ не можетъ обмануть себя, и тогда, какъ другіе считаютъ его добродѣтельнымъ, его собственная совѣсть, этотъ неподкупной свидѣтель сокровенныхъ его дѣлъ, называетъ его злодѣемъ, Нѣтъ! онъ не можетъ быть счастливъ: онъ часто вину свою желаетъ исповѣдать передъ цѣлымъ свѣтомъ. Напротивъ счастливъ тотъ, кто не желаетъ никому зла, никого не обманываетъ, никому не дѣлаетъ обиды, кто въ другихъ видитъ самаго себя, сты-

дится сдѣлать что-либо неблагопристойное, неуклонно исполняетъ свои обязанности, слушается внушеній своей совѣсти и наслаждается чистымъ спокойствіемъ своей души. Пусть несправедливые отнимаютъ у него богатства; пусть будетъ отечество его неблагодарно; пусть здоровье его подвержено страданіямъ: онъ въ заточеніи, въ темницѣ, подъ мечемъ мучителя все еще счастливъ, если только его совѣсть не укоряетъ его въ подобномъ поступкѣ.

Изображать божественныя красоты добродѣтели и представлять въ картинахъ безобразіе порока составляетъ живѣйшій предметъ нравственной науки. Она разсматриваетъ человѣка въ различномъ его состояніи и положеніи: въ первой дикости, въ обществѣ, въ повиновеніи законамъ и правительству. Она стремится привести различныя его склонности къ одному источнику и предписываетъ обязанности въ отношеніи къ Богу, къ самому себѣ, къ ближнему, къ семейству и всему человѣчеству.

Нравственная наука имѣетъ весьма значительное вліяніе на науку системы правленія и знанія законовъ. Естественныя науки объясняютъ намъ только то, что представляется нашимъ внѣшнимъ чувствамъ; нравственная наука открываетъ намъ, что совершается въ насъ самыхъ.

УДОВОЛЬСТВІЕ и ОГОРЧЕНІЕ.

Между понятіями начальными и общими удовольствіе и огорченіе чувства весьма важныя. Мы всю нашу жизнь проводимъ снискивая первое и избѣгая послѣдняго.

Природа, сохраняя наше бытіе, тщательно употребляетъ сіи двѣ способности для привлеченія насъ къ предметамъ полезнымъ и для отвращенія отъ вредныхъ.

Все то, что извнѣ производитъ въ насъ непріятное ощущеніе, и по ближайшемъ изслѣдованіи оказывается противнымъ нашему существу.

Одна и таже вещь бываетъ полезна умѣренностію и вредна излишествомъ.—Огонь на извѣстномъ разстояніи возбуждаетъ пріятное чувство удовольствія; непосредственное къ нему приближеніе — чувство боли и самое разрушеніе.

Самое чувство боли можно считать стражемь нашей жизни: оно извѣщаетъ душу о предстоящей опасности.

Человѣкъ, по своей природѣ, побуждается непреодолимою склонностію искать удовольствія и наслажденія и избѣгать огорченія и печали.

Источники удовольствія различны. Всѣ условія нашего бытія могутъ служить ими попеременно; но удовольствія душевныя самыя совершенныя.

Причины удовольствія большею частію: новость, гармонія частей, красота, величественность, умѣренное упражненіе нашихъ способностей.

Внутреннія чувства даютъ понимать каждому, сколь

непріятно безпрестанное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же предметовъ, сколь непріятна несоразмѣрность, безобразіе, подлость, совершенный недостатокъ упражненія.

Такъ какъ есть красота физическая, поражающая наши чувства въ твореніяхъ природы и искуствъ; такъ есть и красота нравственная, ощутительная одному нашему разумѣнію въ нравахъ людей, въ ихъ поступкахъ, въ ихъ чувствахъ и словахъ.

Такъ какъ бываютъ прекрасные ясные дни, очаровательныя мѣстоположенія, прекрасныя физіономіи; такъ несомнѣнно могутъ быть въ человѣкѣ прекрасныя чувства, привлекательное обращеніе, благородные поступки и дѣйствія. Все это относится къ общему понятію о красотѣ нравственной.

Внѣшняя красота есть только кажущееся обѣщаніе прекрасной души; но свѣтлый и свободный умъ заслуживаетъ гораздо большаго уваженія и почтенія.

Нирей былъ прекрасенъ; *Горацій* остроуменъ; *Титъ* былъ другомъ человѣчества. — Его одно слово: «друзья мои, я потерялъ день» есть идеальная красота чувствъ.

Чѣмъ бы вы желали лучше наслаждаться, благорастворенным воздухомъ Греціи или бесѣдованіемъ съ *Сократомъ*?...

По свойству чувства удовольствія предметы одаренные красотою физическою или нравственною возбуждаютъ въ насъ пріятныя ощущенія, внушаютъ привязанность, почтеніе, удивленіе, желаніе.

Точно также и по свойству чувства огорченія всякіе предметы неблагопристойные, невзрачные, безобразные,

подлые возбуждаютъ въ насъ непріятныя ощущенія, внушаютъ презрѣніе, отвращеніе, ненависть.

Слѣдовательно намъ не могутъ нравиться тѣлесные недостатки, дурное обращеніе, невѣжество, осуществленная глупость; — порокъ внушаетъ ненависть.

Истинный способъ находить лучшія удовольствія и избѣгать огорченій состоитъ въ обогащеніи ума и исправленіи нравовъ.

Къ достиженію сей двоякой цѣли стремятся науки, искуства, словесность, литература.

Особенно эти послѣднія; они называются прекрасными, потому что изслѣдываютъ и изображаютъ красоту разсѣянную во всѣхъ твореніяхъ природы и дѣяніяхъ человѣческихъ.

Ихъ произведенія обсуждаютъ особеннымъ внутреннимъ чувствомъ, которое называется вкусомъ.

Для просвѣщенныхъ и благородныхъ умовъ нѣтъ ничего пріятнѣе какъ упражнять свои способности и чувствительность сердца пріобрѣтеніемъ новыхъ познаній, новыхъ удовольствій въ обществѣ, оказаніемъ услугъ, составленіемъ знакомства и дружбы, исполненіемъ обязанностей гражданина, успѣхами въ искуствахъ.

Изученіе словесности придаетъ нѣкоторый оттѣнокъ пріятности въ мышленіи и въ общежитіи. *Цицеронъ* былъ ей обязанъ сначала своею славою, потомъ, когда римская республика клонилась къ паденію—утѣшеніемъ. Онъ говорилъ: «она воспитываетъ и образуетъ юношество, подкрѣпляетъ старость, украшаетъ въ счастіи, въ несчастіи утѣшаетъ, съ нами путешествуетъ и за нами слѣ-

дуетъ въ уединеніе». Чѣмъ выше человѣкъ стоитъ своимъ достояніемъ, тѣмъ болѣе нужны для него удовольствія, истекающія отъ изученія словесности.

САМОЛЮБІЕ.

Любить самаго себя свойственно каждому. Поэтому мы любимъ свою жизнь, свои выгоды, свои интересы, свои удовольствія, свою честь. По этому же самому мы должны любить болѣе всего добродѣтель, такъ какъ она доставляетъ намъ величайшее въ жизни счастіе. Она дѣлаетъ насъ достойными въ нашихъ собственныхъ глазахъ. Цѣлый день думалъ я дѣлать удовольствіе другимъ, исполнять обязанности, трудиться, для другихъ; а между тѣмъ я трудился для самаго себя. Я сознаю, что доволенъ самимъ собою, что не могу ни въ чемъ укорять себя, что дѣлалъ добро, облегчалъ судьбу страждущаго, пріобрѣлъ новыя познанія, никого не обманулъ, не обидѣлъ, не злился, не упорствовалъ, не завидовалъ: подобныя удовольствія для меня выше всякихъ другихъ удовольствій! — Я любилъ себя какъ должно и тѣмъ доставилъ себѣ величайшее счастіе.

Но самолюбіе, если оно не руководствуется разсудкомъ, не всегда бываетъ удобнымъ въ достиженіи своихъ желаній, и потому оно можетъ вести насъ къ несчастію. Я позабуду другихъ для себя, буду презирать всѣхъ, стану позволять себѣ несправедливости, буду безъ состраданія смотрѣть на несчастныхъ, было бы только мнѣ

хорошо,—нестану знать никакой обязанности, предамся гнусной негѣ, сладострастію, лѣности: я подавлю въ душѣ моей высшее удовольствіе; тогда презрѣніе самаго себя, угрызеніе совѣсти, сознаніе собственной вины и моего злонравія докажутъ мнѣ все мое заблужденіе, но поздно. Я любилъ себя не такъ какъ должно. Самолюбіе мое было порочно.

Древніе повѣтствуютъ намъ о нѣкоемъ Нарциссѣ, который въ одинъ прекрасный день, прогуливаясь въ лѣсу совсѣмъ неожиданно подошелъ къ чистому ручью; но какъ при этомъ томила его жажда, то онъ наклонился къ нему для утоленія ея и увидѣлъ въ тихихъ ея струяхъ точный образъ своего лица. При чемъ красота его показалась ему столь плѣнительною, что онъ не въ состояніи былъ отстать отъ ручья. И такъ наклоненный надъ водою, не вкушая пищи, провелъ онъ нѣсколько дней только въ томъ, что разсматривалъ черты своей физіономіи. Наконецъ силы его упали, смертная блѣдность покрыла его лицо: онъ изчезъ не замѣтно; но на его мѣстѣ явился цвѣтокъ, который и по нынѣ сохранилъ его имя, и также какъ и тотъ смотрится еще и по нынѣ въ воды.

ЛЮБОВЬ КЪ УДОВОЛЬСТВІЯМЪ.

Не одни труды и несчастія колеблятъ твердость умнаго человѣка; иногда самое благополучіе ослабляетъ его духъ и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься на степень

добродѣтели. Любовь къ удовольствіямъ склонность естественная, но вредная, если она не обуздана разсудкомъ; преступное предпочтеніе покоя и нѣги, наконецъ роскошь, этотъ врагъ добродѣтели, уничтожаютъ иногда счастливѣйшія надежды и низводятъ чувствительную и благородную душу со степени достоинства и славы, къ которой она была предназначена.

Хирей былъ знатный Афинскій гражданинъ, рожденный въ цвѣтущее время своего отечества, когда философія часто совмѣщалась въ одномъ лицѣ съ дарованіями полководца и градоправителя, — получивъ отъ природы весьма счастливыя способности, но не побуждаемый необходимостію привести ихъ въ совершенство, онъ погубилъ ихъ въ праздности и не оставилъ по себѣ имени. Бѣгая безпрестанно за увеселеніями, онъ не успѣлъ возвысить ума своего выше состоянія младенчества и приготовить его къ должнымъ обязанностямъ человѣка и гражданина. Онъ боялся утомлять юность свою изученіемъ словесныхъ наукъ. Спрашивается, какимъ бы образомъ онъ приступилъ къ управленію республикою и къ убѣжденію цѣлаго народа, когда не принуждалъ себя къ изученію полезнаго, кромѣ увлеченія забавами; когда не былъ въ состояніи сносить труда ни на одну минуту, и когда малѣйшее дѣло размышленія обременяло его вниманіе? Тѣлесныя гимнастическія упражненія ужасали его слабость. Никогда не могъ онъ принудить себя идти далѣе первыхъ предложеній геометріи. Одинъ разъ вошелъ онъ въ училище Георгія; но правила краснорѣчія показались ему сухими и трудъ сочиненія невозможнымъ.

Откровенія Анаксагора, бесѣды Сократа не поражали его удивленіемъ; но его слухъ услаждали сказки. Одушевленный пылкою храбростію отправился онъ на войну противъ Мегарійцевъ; но тяжесть оружія, трудъ похода и лишеніе сна до того изнурили его силы, что онъ не въ состояніи былъ достигнуть поля битвы и его скорѣе нужно было увезти домой. Неспособный быть судьею онъ лучше согласился потерять свою собственную тяжбу, нежели обременить себя трудомъ разсмотрѣнія и изслѣдованія обстоятельства дѣла. Гулянье, зрѣлища, пиршества были единственными его упражненіями; они столько же отягощали его духъ, сколько утучняли тѣло. Убійственная скука встрѣчалась ему среди его забавъ, и роскошь, которая наконецъ оставила его, усилила въ немъ только чувство тяжкой грусти. — И такъ онъ окончилъ тяжкій сонъ жизни, и отечество вовсе не замѣтило, что потеряло въ немъ гражданина.

СИЛЬНЫЯ СТРАСТИ.

Если человѣкъ, ослабленный нѣгою, не въ состояніи принудить себя ни къ какому подвигу добродѣтели; если не имѣетъ ни силы духа, ни умственной дѣятельности; то другой, получивъ отъ природы опасный даръ сильныхъ страстей можетъ сдѣлаться причиною несчастія своего собственнаго и другихъ, если не приложитъ старанія заблаговременно умѣрить необузданность своихъ стра-

стей и не приучитъ ихъ къ спасительному дѣйствію разсудка.

Обратимся на минуту къ прекраснымъ баснямъ Грековъ.—Кто этотъ князь, котораго лицо отъ природы доброе и величественное, но омраченное жалкою тѣнью гнѣва, мести и озлобленной гордости? Не созданный къ позорной праздности, между тѣмъ какъ поприще славы открыто и соотечественники его устремляются разрушить Трою, онъ одинъ, сбросивъ съ себя военные доспѣхи, скучаетъ на берегу морскомъ и питаетъ надежду отмстить своему собственному отечеству. —Это Ахиллъ, котораго безразсудное поведеніе должно служить зеркаломъ нетерпѣливой и пылкой юности. «Его вредный гнѣвъ навлекъ Ахеямъ безчисленныя бѣдствія и повергъ въ преисподнюю многія души героевъ *)».

Несчастное то сердце, движенія котораго не были никогда сдержаны кроткимъ уваженіемъ человѣчества и которое предпочитаетъ исполненіе своихъ прихотей спокойствію и счастію другихъ.

Властолюбіе вооружаетъ Юлія Цезаря. Онъ желаетъ лучше быть первымъ въ хижинѣ, нежели вторымъ въ Римѣ, и тысячи его согражданъ умираютъ собственно вслѣдствіе того, чтобы увѣнчалъ его Антоній.

Истинный герой тотъ, кто своими драгоцѣнными желаніями жертвуетъ общему благу. Таковъ Сократъ, проповѣдующій истину и добродѣтель; таковы Антонинъ и Маркъ-Аврелій, посвящающіе всѣ минуты своей жизни благоденствію человѣчества.

---

*) См. первыя строфы «Иліады» *Гомера*.

Желанія, которыя не основаны на справедливости и человѣколюбіи, не приносятъ прочнаго счастія. Честолюбивый никогда не достигаетъ очаровательной мечты, за которой гоняется. — Утомленный безпрестанно рождающимися желаніями и лишенный чувства собственнаго одобренія, которое возникаетъ только отъ добрыхъ дѣлъ, онъ видитъ всю ничтожность дѣлъ своихъ.

Свойство сильныхъ страстей состоитъ въ томъ, что онѣ вдругъ овладѣваютъ всею силою ума.—Кровь, легко воспламеняемая, увлекаетъ воображеніе и оттого всѣ внѣшніе предметы представляются въ ложномъ свѣтѣ страсти.

Войско не можетъ быть увѣрено въ своей безопасности, если предводитель его не сохраняетъ хладнокровія въ самомъ огнѣ дѣйствія. Самая храбрость состоитъ не въ слѣпой запальчивости, которая жизнь нашу безъ нужды подвергаетъ опасности, но въ силѣ духа, которая приводитъ насъ въ состояніе разсматривать опасность безмятежно и употреблять всѣ способы къ преодолѣнію оной.

Есть непреклонные умы, которые ожесточаются самымъ несчастіемъ. Ихъ упрямство раздражается невозможностію. Таковъ былъ Карлъ XII, который съ горстью людей подвергается осадѣ турокъ, и воюетъ съ тѣми, которые ему же дали убѣжище отъ непріятеля въ своихъ владѣніяхъ.

САМООБЛАДАНІЕ.

Ни что не внушаетъ столь справедливаго, столь глубокаго уваженія къ человѣку, какъ его великодушіе, твердость въ счастіи и несчастіи и наконецъ владѣніе самимъ собою. Самая благородная независимость состоитъ въ независимости отъ внѣшнихъ случаевъ и внутреннихъ колебаній и отъ страстей *). Человѣкъ истиннаго постоянства и твердости, человѣкъ умный, честный и справедливый, воспитанный въ школѣ владѣнія самимъ собою, въ шумѣ и дѣлахъ гражданскихъ, человѣкъ подверженный насилію и несправедливостямъ непріятелей,— трудамъ и опасностямъ военнымъ всегда и во всѣхъ случаяхъ твердо владѣетъ своими чувствами и побужденіями; — въ уединеніи и обществѣ не измѣняется; въ успѣхѣ или въ неудачѣ, въ счастіи или несчастіи, передъ друзьями или непріятелями являетъ опыты своего мужества, не забывая ни на одну минуту суда, который безпристрастный зритель можетъ произнести надъ его чувствами и поведеніемъ. Онъ не терпитъ ни одной минуты, чтобы внутренній человѣкъ, этотъ полубогъ въ своей груди укрывался отъ его вниманія. Глазами сего величественнаго обитателя, сего полубога, привыкъ онъ взирать на все то, что къ нему относится. Такое обыкновеніе сдѣлалось неразлучнымъ съ его существомъ. Онъ безпрестанно упражняется въ соображеніяхъ не только внѣшнихъ своихъ поступковъ, но и самыхъ внутреннихъ

---

*) См. Ад. *Смита* «Теоріи нравственныхъ ощущеній». Стр. 360.

чувствъ,—съ повеленіями сего прозорливаго судьи. Онъ не только выражаетъ чувства безпристрастнаго зрителя, но и усвоиваетъ ихъ себѣ въ дѣйствительности, едва-ли когда нибудь уклоняясь въ самой сердечной тайнѣ отъ законовъ данныхъ нашей совѣсти.

Такимъ только путемъ человѣкъ достигаетъ высшаго достоинства, которое существуетъ въ его природѣ — достоинства человѣка добродѣтельнаго. Счастливъ тотъ, котораго сердце при этомъ имени воспламеняется благороднымъ соревнованіемъ!

БЛАЖЕНСТВО ИЛИ БЛАГОПОЛУЧІЕ.

Высшее благо, за которымъ мы такъ далеко гоняемся, можетъ быть гораздо ближе къ намъ, нежели думаемъ. Оно вращается въ нѣдрахъ природы. Для чего бы нужно было вселять въ душу каждаго человѣка желаніе искать всегда блаженства, еслибъ надлежало искать его вдали отъ насъ, и еслибъ оно заключалось только въ такихъ выгодахъ, которыя судьба даруетъ не многимъ? Блаженство есть произведеніе каждой страны и каждаго климата. Оно, вездѣ соприсущее, является подъ тысячами различныхъ видовъ, соединяется съ каждымъ состояніемъ и существуетъ само собою. Оно не заключается ни въ увеселеніяхъ, ни въ пышности, ни въ блескѣ.—Увеселенія минуты улетающія, которыхъ нельзя остановить; богатство ничего не сказываетъ душѣ, самая слава, кумиръ великихъ людей, имѣетъ свои несчастія;—дарованіе —

свои мученія. Благополучіе есть чувство сердечное, которое живетъ всегда въ повиновеніи природы и сохраняетъ неповрежденную способность наслаждаться ея красотами.

Простота, кротость, пріятное ощущеніе жизни, свободное наслажденіе естественными благами, мало нуждъ, мало страстей, но тѣмъ болѣе чувствъ умиленія; священныя узы родства, дружбы и человѣчества, послѣ умѣреннаго труда спокойствіе—вотъ тѣ понятія, которыя должны возбуждаться при мысли о блаженствѣ.

Но еслибъ нужно было представить совершенно ясное изображеніе человѣка благополучнаго, можно бы сказать: блаженъ спокойный обитатель уединенной долины, близъ тихо-журчащаго прозрачнаго ручья, подъ деревомъ имъ самимъ насажденнымъ, густыя вѣтви котораго защищаютъ его отъ бурныхъ вѣтровъ. Уединеніе и бѣдность ограждаютъ его отъ нападенія безчестныхъ. Путь его жизни — тайная тропинка, которую любитъ находить пріятная задумчивость человѣка чувствительнаго. Никогда не красовался онъ на сѣдалище почестей и власти, и пыль военная не покрывала его легкой одежды; но онъ часто отиралъ слезы невиннаго, тѣснимаго жестокосердымъ тираномъ и вселялъ въ сердца преступниковъ чувства добродѣтели и раскаянія. День и ночь поучается онъ изъ великой книги природы, и душа его восхищается безчисленностію твореній Господнихъ; съ благоговѣніемъ вкушаетъ онъ благоденствіе жизни и безъ смущенія духа часто представляетъ себѣ, что онъ нѣкогда долженъ отойти въ вѣчность, но онъ исполненъ сладкой вѣры,

что душа его не погибнетъ, и одушевленъ надеждою воскреснуть въ странахъ несравненно прекраснѣйшихъ!

Подобныя величественныя размышленія дѣлаютъ нравъ его серіознымъ, но не суровымъ. Онъ не отметаетъ отъ себя слабаго человѣчества, и никогда строгій судъ не исходитъ изъ его устъ. Слабый человѣкъ любитъ слушать его совѣты, потому что они, не оскорбляя его самолюбія, доставляютъ ему пользу, и бремя угрызенія совѣсти спадаетъ по его утѣшительному гласу.

ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВѢКА.

Животныя въ жизни своей не имѣютъ другой цѣли, какъ только удовлетвореніе требованію своего инстинкта, т. е. удовлетвореніе чувственныхъ потребностей тѣла; напротивъ человѣкъ созданъ жить для общества, для потомства. Славу пріобрѣтаетъ онъ добродѣтелью, хорошими подвигами, трудами. Самая его жизнь, которая столь пріятна не только ему одному, но и всему тому, что дышетъ, нерѣдко, для чести, подвергается безъ страха видимой опасности. На того человѣка смотрятъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ, который думалъ только о спасеніи своей собственной жизни въ то время, когда отечество требовало его посильной защиты. Поэтому безчестное имя труса уничижаетъ того гражданина, который имѣлъ несчастіе его заслужить. Съ подобнымъ пренебреженіемъ смотрятъ также и на человѣка лѣниваго, роскошнаго, который избѣгаетъ всякаго труда, который въ

жизни своей не знаетъ другаго благополучія, кромѣ угожденія своему тѣлу, кромѣ сна и праздности. Нѣга разслабляетъ его тѣло и умственныя способности. Его проницаетъ малѣйшій вѣтерокъ. Онъ видитъ себя несчастнымъ, когда множество лакомыхъ блюдъ не покрываютъ его стола, когда онъ не покоится на мягкомъ пухѣ.— Его сердце не можетъ вмѣщать въ себѣ благородныхъ чувствъ. Его умъ не въ состояніи мыслить: онъ боится всякаго труда.—Молодость его проведена безъ ученья, и потому онъ ничего не знаетъ, ни къ чему не способенъ и только сохранилъ одну внѣшность человѣка.

Кругъ такихъ людей не можетъ составить процвѣтающаго общества, потому что роскошь и расточительность служатъ язвою для государствъ, чѣмъ въ древней Италіи былъ безславенъ городъ *Сибарисъ,* лежащій въ счастливѣйшемъ климатѣ и красивомъ мѣстоположеніи, и потому имя *Сибарита,* и по нынѣ сохранилось порицаніемъ роскошнаго.

Совсѣмъ противоположныя нравы господствовали въ славныя времена Греціи и Рима, и оттого тѣ народы имѣли такое множество великихъ людей, имена которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ переходятъ на прославленіе и подражаніе всего человѣчества. Чѣмъ пріобрѣли они себѣ такую славу?... извѣстно, что они постоянно стремились къ совершенію добрыхъ дѣлъ и старались быть честными; постоянно предавались великимъ трудамъ и благороднымъ подвигамъ, посвящали себя на пользу отечества, пренебрегали нѣгу, гнушались роскошью, крѣпко стояли противъ слабостей. Повелѣвая собою, своими страстями

и прихотями, они сдѣлались способными повелѣвать другими. Вотъ въ чемъ состоитъ прямое достоинство человѣка!

СОЗНАНІЕ СВОЕГО ДОСТОИНСТВА.

Какъ важно всегда твердо сохранять присутствіе духа и сознавать въ себѣ всѣ тѣ достоинства, которыя составляютъ наши преимущества. Одинъ какой либо неожиданный случай вдругъ можетъ потрясти надежды нашего честолюбія; вдругъ какое либо коварство можетъ помрачить наше имя, или забвеніе, которое выше всякой несправедливости можетъ изгладить насъ изъ памяти людей. Въ подобныхъ случаяхъ извѣстный *Минихъ* можетъ служить великимъ примѣромъ: низведенный съ самой высокой ступени почестей и власти на позорное мѣсто, наказанный ссылкою въ Сибирь онъ и тамъ показалъ себя что былъ великимъ! Но, не приводя подобныхъ столь высокихъ примѣровъ, мы, въ жизни нашей имѣемъ тысячи случаевъ убѣдиться, что высшее, прочнѣйшее честолюбіе есть то, причины котораго сохраняются въ глубинѣ нашего сознанія; что наше достоинство внутреннее не увеличивается или не возрастаетъ съ новымъ чиномъ, который можетъ быть былъ вымороченъ искательствомъ или докучливостію. Мы видимъ какъ часто неожиданность, слѣпой случай возводитъ на высокія степени такого человѣка, именемъ котораго мы гнушались въ его нисшихъ степеняхъ; тогда какъ человѣкъ до-

стойный и честный, но неспособный ползать у пороговъ знатныхъ и ихъ любимцевъ, остается всегда въ пренебреженіи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что подобный человѣкъ долженъ уважать себя менѣе другихъ. Почитаніе знатныхъ бываетъ или непроизвольное, отрицательное, зависящее отъ упадка нашего духа, или вынужденное, раболѣпное, зависящее отъ какого-то опасенія, робости или ожиданія. Мы даже часто готовы раздѣлять тщеславіе знатныхъ, пользуясь ихъ благосклонностію и расположеніемъ; но если поразсудимъ, какъ мы несправедливы, когда забываемъ, что стаивали въ ихъ передней и объяснялись съ ними съ подобострастіемъ и униженіемъ;—угожденіемъ своимъ мы только отмщаемъ имъ за свое униженіе и дѣлаемъ другое, думая тѣмъ болѣе превознестись, чѣмъ выше и сильнѣе порицаемый нами человѣкъ. *Тимантъ,* окруженный толпою поздравителей, воображаетъ, что они дѣйствительно признаютъ его искуство высокимъ; а между тѣмъ каждый изъ нихъ думаетъ въ свою очередь оспаривать какъ у него, такъ и у другихъ тоже достоинство. Спрашивается, въ чемъ же состоитъ мѣра почтенія?.. А между тѣмъ трудно бываетъ избѣжать того положенія, въ которомъ мы становимся несправедливыми и пристрастными.

ЧЕГО НУЖНО ЖЕЛАТЬ?

Желаніе общаго блага, вотъ все то, что должно быть въ нашей волѣ! Но какое непостоянство, какое быстрое круговращеніе суетныхъ мыслей! Сколько различныхъ

оттѣнковъ красокъ могутъ мелькнуть и исчезнуть съ поверхности нашей души въ одинъ день, въ одинъ часъ! Мы никакъ не можемъ ручаться, что всегда будемъ мыслить одинаково; насъ могутъ поколебать испытанія нуждъ, жалкое легкомысліе, стеченіе обстоятельствъ, ошибки въ поведеніи. Мы легко измѣняемся: мнѣнія противныя обществу мы замѣняемъ ложными убѣжденіями въ истинѣ — вотъ и заблужденіе! — Мы становимся холодными къ тѣмъ, кого болѣе всего любили — вотъ и преступленіе! Между тѣмъ какъ истина заслуживаетъ всякаго довѣрія; дружество всегда почтенно и свято; притомъ любить людей никогда не безполезно — людей добрыхъ, хотя бы и несовершенныхъ, потому что настоящаго совершенства нѣтъ въ человѣчествѣ; мы первые не можемъ о себѣ сказать, что совершенны болѣе другихъ; поэтому несовершенства незначительныя намъ должно извинять, а иногда снисходить и къ невѣжеству безъ всякой укоризны. Все это терпитъ постоянство, твердость и человѣколюбіе добраго друга, какъ терпится всякое зло въ природѣ, которая столь обильна благами; въ этомъ случаѣ всегда должно призывать на помощь благоразуміе. Иногда сладко за друга умереть, если приведутъ къ тому важныя обстоятельства; но жертвовать другу родомъ человѣческимъ, отечествомъ, не только не должно, но и безразсудно. Прежде нежели пріобрѣтемъ себѣ друзей мы обязаны желать благополучія каждому — желать всего того, чего себѣ желаемъ, чего желаетъ общее благо, потому что мы не знаемъ какихъ свойствъ душа этого человѣка, котораго мы видимъ въ первый разъ и не будетъ

ли онъ полезенъ намъ столько же, сколько и тотъ, котораго мы уже испытали, и не служитъ ли намъ въ этомъ великимъ примѣромъ Всемогущій Творецъ, который любитъ людей выше всякаго понятія о человѣческой любви.

ЧУВСТВА ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЯ.

Не обижать человѣка даже словомъ, какая великая, какая необходимая наука! Можно бы дать много за способность не говорить никогда дерзкаго слова—за эту высокую черту души, боящейся оскорбить въ комъ нибудь священное имя человѣка. Какое высокое наслажденіе повторять въ самомъ себѣ: я не оскорбилъ никого! Я люблю, я стараюсь всѣхъ любить, не исключая и тѣхъ, которые меня не любятъ; но смѣяться надъ существомъ разумнымъ и полезнымъ—слѣпота и злость адская.

ОБЯЗАННОСТЬ ГОСПОДИНА.

Обязанность господина, въ отношеніи къ его прислугѣ, состоитъ не только въ томъ, чтобы облегчать бремя ихъ трудовъ — кротость безъ благоразумія, безъ особеннаго наблюденія за ихъ нравственностію не есть еще добродѣтель. Напротивъ она часто содѣйствуетъ ихъ проступкамъ и служитъ причиною ихъ несчастій. Но нужно имѣть твердость духа для строгаго выговора; нужна ревность и вразумительная рѣчь, чтобы выставить пороки въ самомъ гнусномъ видѣ, а добродѣтель въ самомъ превосхо-

дномъ. Домохозяйство, хотя незначительное, не есть корабль безъ рулеваго. Если человѣкъ независимый и просвѣщенный столь часто впадаетъ въ проступки и заблужденія; то тѣмъ болѣе люди темные, безъ свѣта науки, обязанные строгими условіями услугъ, ограниченные почти однимъ движеніемъ, не могутъ находить въ жизни своей всегда прекрасное.

РУКА ПОМОЩИ.

Не отвергай никогда несчастнаго! Ты самъ завтра же можешь сдѣлаться такимъ несчастнымъ и еще можетъ быть хуже его. Тебѣ незнакомъ этотъ страдалецъ; но онъ страдаетъ — для тебя и этого довольно. Встрѣча его съ тобой служитъ завѣтомъ гостепріимства. Ужель протянемъ руки къ брату, не удостоивъ его своихъ объятій?.. Вспомни! твой другъ, твой родной братъ, твой отецъ, отдаленные отъ тебя, можетъ быть, впадшіе въ нужды и чуждые всякой помощи, въ эту минуту платятъ своимъ страданіемъ за твою холодность и невниманіе къ страннику! Пусть все это представится твоему воображенію, и да будешь сирому вмѣсто сродника, и не опытному вмѣсто наставника. Вздохнетъ о тебѣ несчастный на небо, и одобреніе самаго себя проникнетъ твою душу, и ангелъ хранитель взыщетъ для тебя новое доброе дѣло!

УЧЕНІЕ.

Какъ счастливъ тотъ (какого бы онъ сословія и возраста ни былъ), кто съ чувствомъ величайшаго наслажденія пробѣгаетъ поле наукъ! Многіе превозносятъ невѣжество первыхъ временъ; многіе предлагаютъ и побуждаютъ предаваться наслажденіямъ жизни и ея требованіямъ безъ размышленія, и умъ того счастливца, еще слабый и неопытный, ничего не можетъ противопоставить ихъ умствованіямъ. Но пусть не думаютъ, чтобъ они его увлекли. Будучи самъ увлеченъ прекрасными образами идей, онъ живо чувствуетъ, что умъ подобно тѣлу имѣетъ свои требованія. Нѣтъ нужды обращать вниманіе на то, что мы никогда не оканчиваемъ пути нашихъ знаній: путь этотъ уже самъ по себѣ привлекателенъ по тѣмъ прекраснымъ картинамъ, которыя, окружая его со всѣхъ сторонъ, представляются нашему взору. Какъ сладко на немъ отдохнуть. Посмотрите что намъ представляютъ всѣ теоріи наукъ, напр. о движеніи небесныхъ тѣлъ, о строеніи нашего тѣла, о состояніи богатствъ земли; о нравахъ людей, о порокахъ и добродѣтели, о дѣяніяхъ умершихъ поколеній, о изящныхъ красотахъ, о законахъ, искуствахъ и проч. и проч.! Все это превосходныя зданія, которыя только и могутъ служить спокойнымъ убѣжищемъ для ума отъ пороковъ, страстей и праздности.

УПРАЖНЕНІЕ УМА.

Человѣкъ простаго сословія, но полезный, всѣ минуты своей жизни необходимо посвящаетъ труду. Земледѣлецъ, ремесленникъ, поденьщикъ или работникъ едва находитъ достаточно времени для труда безпрестанно возобновляющагося, которымъ онъ пріобрѣтаетъ средства для своего пропитанія. Тяжкій и вмѣстѣ полезный трудъ спасаетъ ихъ отъ скуки — мучителя праздныхъ.

Люди высшихъ сословій, люди богатые, щедро обезпеченные въ средствахъ къ жизни, съ дѣтства окруженные обильными достатками, свободны отъ необходимости предаваться труду механическому. Изысканное воспитаніе приготовляетъ ихъ къ заботамъ другаго рода, которыя требуютъ постояннаго, часто крайне усиленнаго упражненія умственныхъ способностей. Иные посвящаютъ себя служенію отечеству, ищутъ отличій въ трудахъ военной жизни или въ учрежденіяхъ правительственныхъ. Для нихъ самое мирное состояніе обществъ сопряжено съ строгимъ соблюденіемъ разнообразныхъ утонченныхъ отношеній и приличій. Ихъ вкусъ нѣжнѣе, гораздо разнообразнѣе, и страсти имѣютъ болѣе случаевъ быть въ движеніи. Оттого рождается этикетъ вѣжливости и необходимость нравиться. Желаніе отличаться почестями, пышностію и роскошью всегда порождаетъ соперничество между людьми свѣтски образованными. Будучи обладателями огромныхъ достояній и капиталовъ, дошедшихъ до нихъ по наслѣдству, они не ограничиваются необходимыми по-

требностями, но безпрестанно заняты употребленіемъ излишняго. Въ неожиданныхъ столкновеніяхъ различныхъ случаевъ они находятъ себя бѣдными среди огромныхъ богатствъ, потому что ихъ безконечныя прихоти, своенравіе и тщеславіе превосходятъ сокровища Креза. Утопаніе въ роскоши влечетъ за собою тщетное раскаяніе; къ томужъ самое теченіе времени, несокращаемое трудами становится тяжкимъ бременемъ для тѣхъ, которые не находятъ способовъ развлеченія въ самыхъ себѣ; — для нихъ праздность такое мученіе, какого не умѣютъ изобрѣсти тираны. Шумныя однѣ и тѣ же увеселенія и забавы оставляютъ въ душѣ ихъ лишь пустоту, которой ни что восполнить не можетъ: они отягощаютъ ее и дѣлаютъ неспособною къ тонкимъ и возвышеннымъ ощущеніямъ. — Вотъ въ подобномъ-то состояніи людей упражненіе ума оказываетъ величайшую услугу.

Оно повсюду сопровождаетъ образованный умъ: въ уединенной прогулкѣ, въ путешествіяхъ, въ досугахъ дѣловой и тревожной жизни. Явленія природы возбуждаютъ воспоминаніе классическихъ красотъ *Виргилія* и *Горацгя;* упражненія въ дѣлахъ гражданскихъ приводятъ къ *Тациту* и *Титу-Ливгю.* — *Брутъ,* на канунѣ Фарсальской битвы, дѣлаетъ выписки изъ исторіи *Полибія.* — *Сципгонъ,* служа Риму орудіемъ мести, при страшномъ зрѣлище пламени, пожирающаго Карѳагенъ, поражается смущеніемъ и, въ глубокомъ размышленіи, приводитъ на память Полибію стихи Гомера, относя ихъ къ будущему паденію Рима. Образованіе доставило Сципіону способы ознакомиться съ первокласными гречес-

кими писателями и чрезъ то его духъ былъ ободряемъ и оживляемъ примѣрами мужей древности.

Счастливъ благородный человѣкъ, который образованіемъ приготовилъ себя въ свое время къ служенію отечеству, своимъ соотечественникамъ и вообще людямъ; который не убиваетъ времени въ тщетныхъ увлеченіяхъ къ забавамъ и увеселеніямъ; который съ кроткимъ и благопристойнымъ видомъ умѣетъ являться въ большомъ свѣтѣ, и можетъ наслаждаться самимъ собою въ уединеніи. Не всегда и не всякія минуты можно быть въ свѣтѣ на видномъ мѣстѣ; чтобы заслужить его вниманіе иногда нужно съ намѣреніемъ уединяться отъ общества и въ тишинѣ углубляться въ самаго себя и предаваться упражненіямъ ума и сердца, которыя впослѣдствіи всегда могутъ быть полезными. Такъ поступилъ *Демосфенъ,* который, съ строгимъ условіемъ предался долговременному заключенію съ тѣмъ, чтобъ въ уединеніи исправить свои врожденные недостатки и достигнуть окончательнаго усовершенія своего дарованія въ краснорѣчіи.

Знанія, искуства, дарованія суть вѣрные и необходимые признаки благородства. Вкусъ, ими питаемый, сообщаетъ извѣстную пріятность самымъ обыкновеннымъ поступкамъ и дѣйствіямъ, и въ обществахъ готовитъ намъ тотъ лестный и благосклонный пріемъ, который весьма легко ведетъ къ добродѣтели и дѣлаетъ всякое порицаніе невозможнымъ.

Подобныя достоинства ума служатъ намъ утѣшеніемъ въ грустныя и непріятныя минуты, встрѣчаемыя нами въ жизни очень часто, и въ которыя мы дѣлаемся безполез-

ными обществу. Извѣстно какъ трудно управлять собственнымъ своенравіемъ и какъ не легко безвредно проводить время въ праздности. Иные стараются быть всегда въ развлеченіи, чтобы не обременять своей умодѣятельности, чтобы не искать пищи удовольствія въ собственныхъ мышленіяхъ, и такимъ образомъ сокращаютъ дни безполезнаго своего существованія. У такихъ личностей память — гладкая доска, на которой не вырѣзано никакихъ впечатлѣній. Иные предаются какой либо господствующей страсти: охота или другія извѣстныя игры поглощаютъ все ихъ время. Ихъ разговоры, мысли, вся ихъ суть дышетъ лишь предметами неосуществимыми; тогда какъ несравненно благороднѣе и разнообразнѣе тѣ удовольствія, которыя рождаются отъ упражненія въ искуствахъ, отъ чтенія историческихъ книгъ, сообщаемыхъ намъ уроки изъ прошедшихъ временъ и представляющихъ блестящіе плоды умственной дѣятельности.

Но чтобы съ наслажденіемъ вкушать подобныя удовольствія, нужно чтобы умъ и чувства не были забыты и оставлены въ печальной грубости и невѣжествѣ; чтобъ были образованы своевременно, соотвѣтственно ихъ назначенію. Вздохи *Петрарка* понимаетъ лишь сердце чувствительное и раздѣляетъ величественныя скорбныя чувства *Федры* и *Дидоны*. Природа щедро одарила того, кто одушевляется при чтеніи поразительныхъ произведеній *Корнеля,* или своенравныхъ картинъ *Шекспира*. Къ нимъ мы можемъ присоединить нашего *Ломоносова,* дѣлающаго вѣчную честь русскому генію. Столь благородными порывами и смѣлою рукою онъ ввелъ въ свое отечество пра-

вила стихотворенія. — Подобно художникамъ Италіи онъ основалъ школу послѣдователей, которые съ его времени начали и конечно будутъ продолжать впредь непрерывный рядъ русскихъ поэтовъ, имѣя въ виду вкусъ народа и дарованіямъ ихъ будетъ обязано русское слово новыми и легчайшими формами выраженій. — Тонкія чувства пріятнаго имѣютъ между нами своихъ истолкователей, любителей и цѣнителей, подобно какъ и высокія мысли и строгія правила мудрости. Подлѣ героевъ *Россіады* (Хераск.) играютъ *Зефиры Душеньки* (Богдан.) и геній Горація открываетъ новыя красоты *пѣвцу Фелицы* (Держ.)

Между прочими произведеніями умственной дѣятельности отличается искуство драматическое. Въ полной жизни древнихъ героевъ мы видимъ ихъ добродѣтели, слабости и великіе подвиги; но исторія часто не въ состояніи вѣрно изобразить ихъ дѣйствій и характеровъ; между тѣмъ трагикъ, подобно волшебнику, по своему произволу, страсти наши то укрощаетъ, то возбуждаетъ: сожалѣніе, страхъ, удивленіе попеременно овладѣваютъ умами и проливаемыя нами слезы превращаютъ въ восторгъ. О великій *Расинъ!* существуетъ ли хотя одно чувствительное сердце, которое бы не было тебѣ обязано чувствомъ высшаго наслажденія!

Нашъ *Сумароковъ* открылъ поприще трагедіи. Въ этомъ нельзя его лишать чести того первенства, которое во всѣхъ искуствахъ столь близко подходитъ къ чести изобрѣтенія. — Его «Семирамида» твореніе благородное и трогательное, которому въ то время еще не было подобнаго, кромѣ «Рослава» Княжнина. Тотъ писатель истинно

счастливъ, который трагическій характеръ соединяетъ съ постоянною чистотою и красотою слога.

Неменѣе дастъ пищи уму комедія, которая всегда живѣйшими красками изображаетъ слабости человѣческаго сердца или возраждающіяся странности цѣлаго общества — это обширное и плодоносное поле наблюденій отъ «Мизантропа» до «Принужденной женитьбы» и отъ «Скупаго» до «Смѣшныхъ жеманщицъ» —это картины *Мольера,* которыя пережили свой вѣкъ и писаны для безсмертія. Авторъ «Недоросля» рано похищенный для русской литературы, заставляетъ насъ пожалѣть, что не трудился болѣе для Таліи.

По успѣхамъ въ драматическомъ искуствѣ, у какого нибудь народа, довольно вѣрно можно судить о нравахъ и степени его образованія. Сценическія представленія несомнѣнно имѣютъ вліяніе на нравы народовъ. Онѣ сообщаютъ примѣры изъ жизни дѣйствительной и тѣмъ болѣе удобнѣе, что кажутся только забавою. Низкія шутки и глумленія обыкновенно изчезаютъ со сцены театра по мѣрѣ того, какъ превосходныя творенія установляютъ вкусъ общества и какъ театръ становится предметомъ вниманія просвѣщенныхъ и образованныхъ людей. Художественность «Мизантропа» не могла еще въ свое время привлекать достаточно зрителей и потому Мольеръ долженъ былъ написать «лекаря по неволѣ» чтобъ онъ на сценѣ шелъ вмѣстѣ съ «Мизантропомъ». Славный *Лопесъ де-Вега* сознавался, что онъ долженъ былъ произведенія древнихъ держать за замкомъ, чтобъ не стыдиться въ столь частомъ нарушеніи ихъ правилъ вкуса, когда принужденъ былъ сообразжаться съ обычаями своего времени.

Слово тогда только достигаетъ совершенства, когда изящные умы поселяютъ въ обществѣ пристрастіе къ своимъ твореніямъ и когда мысли и чувства, излагаемыя въ разныхъ пленительныхъ картинахъ могутъ удовлетворять уму и вкусу образованныхъ людей; когда множество оригинальныхъ сочиненій, ознаменованныхъ въ печати популярнымъ слогомъ сдѣлаются любимымъ и всегдашнимъ чтеніемъ всѣхъ возрастовъ и слоевъ общества. Такъ напр. творенія славнаго Ломоносова знаютъ наизустъ изъ края въ край отечества, и просвѣщенныя путешественники, изъ уваженія къ памяти автора, посѣщаютъ его гробницу, сооруженную любителемъ изящнаго. Но подобный памятникъ дѣлаетъ равную честь и просвѣщенному вельможѣ, и знаменитому писателю.

Пріятно вспомнить государственнаго человѣка, который питалъ вниманіе къ изящнымъ произведеніямъ литературы и художествъ; который, подобно любимцу *Августа,* среди блеска знатности и правительственныхъ заботъ удостоивалъ своего воззрѣнія на науки, или подобно *Кольберту,* оказывалъ покровительство изящнымъ умамъ или призывалъ дарованія изъ другихъ странъ. — По его слову воздвигаются зданія, удивляющія своею смѣлою громадностію или благородною простотою; волшебная кисть художника передаетъ безсмертію великія дѣянія и сохраняетъ потомству черты духа патріотовъ и героевъ: очаровательная гармонія возбуждаетъ глубокія чувства, дотоль незнаемыя, и, сливаясь съ твореніями поэтовъ, возбуждаетъ страсти или ихъ укрощаетъ.

Все то, что способствуетъ сообщенію вкусу болѣе

тонкости и разборчивости; что ведетъ къ усовершенію изящныхъ чувствъ въ искуствахъ и литературѣ, несомнѣнно въ тоже время отклоняетъ отъ множества грубыхъ страстей, отъ неистоваго воспаленія гнѣва, отъ алчнаго корыстолюбія и многихъ другихъ низкихъ побужденій. Кто умѣетъ восхищаться художественностію поэмы или гармоніей колоритовъ картины, тотъ не въ состояніи полагать своего блага въ лишеніяхъ другихъ, или въ шумныхъ сборищахъ развращенныхъ и въ искательствѣ пріобрѣтенія низкой корысти. — Умъ и чувства, проникнутыя и согрѣтыя лучами высшаго свѣта плѣняются высокими чувствами дружества, великодушія и благотворительности.

ЦѢЛЬ ЗНАНІЙ.

Всѣ возможныя знанія дѣлаютъ пріобрѣвшаго ихъ человѣка достойными лишь сожалѣнія, если они не могли облегчить ему пути къ добродѣтели. Истина простая; но она должна быть неизгладимо напечатлѣна въ сердцахъ юныхъ любителей наукъ. Недобродѣтельный лишается того наслажденія, которымъ одушевляются науки и искуства. — Онъ охотнѣе раздѣляетъ забавы злоумышленниковъ и развратныхъ и потому не можетъ имѣть ничего общаго съ добрымъ, невиннымъ зрителемъ красотъ природы и своего Творца. Одобреніе своихъ поступковъ онъ получаетъ отъ своего собственнаго сердца, которое, по своему влеченію, отвращается отъ невинныхъ и цѣлому-

дренныхъ забавъ, и изыскиваетъ для своего удовольствія картины всѣхъ мерзостей своей природы. Въ такомъ состояніи человѣкъ разлучается съ добродѣтелью, и она объявляетъ свое паденіе, отрѣшаясь отъ общества. И лучше было бы ему тогда уже умереть!...

Слабый человѣкъ! упражняясь въ искуствахъ, думаешь ли ты возвратиться въ лоно добродѣтели, какъ къ источнику, изъ котораго всѣ они почерпаютъ свои красоты? Гдѣ и какъ найдешь ты прекрасное — предметъ твоихъ упражненій, когда въ твоей душѣ угасло чувство прекраснаго? Можетъ ли рука того человѣка живо изобразить нагую Грацію, когда его дикія и грубыя черты воспроизводятъ намъ изступленную Вакханку? Можетъ ли тотъ изобразить намъ мечтательность покоящейся *Зилгіи*, который помрачилъ воображеніе свое выраженіемъ жалобъ нескромнаго поклонника *Коринны?* Нѣтъ, тотъ не долженъ быть зрителемъ сцены произведенія Расина («тщетное раскаяніе»), въ мнѣніи котораго обманутый отецъ произнесенные имъ слишкомъ поспѣшно обѣты пожелалъ бы взять обратно! И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ въ искуствахъ искать прекраснаго, если нѣтъ добродѣтели? *Неронъ* многократно былъ увѣнчанъ за успѣхи въ искуствахъ; но онъ остался тѣмъ же Нерономъ, извергомъ человѣчества, омерзѣніемъ міра.

Юноша! хочешь ли свободно вкушать всѣ сладости жизни? — стремись къ одному: быть добродѣтельнымъ!

ИСТИННЫЙ ФИЛОСОФЪ.

Философъ — имя благороднѣйшее и достоинство всякаго мыслящаго человѣка. Мудрый—существо, возвышающее нѣкоторымъ образомъ природу человѣка. Передъ нимъ преклоняются богатые и знатные; въ тѣ минуты, когда смертныхъ волнуютъ тщетныя желанія и побужденія, онъ, оставаясь спокойнымъ зрителемъ, испытуетъ силы душъ и познаетъ цѣну міра и страстей. Онъ обитаетъ въ мірѣ возвышенномъ и нисходитъ для освященія пути своей братіи. — Его страсти — истина. — Онъ безпрестанно углубляется въ созерцаніе природы и съ восхищеніемъ повсюду видитъ своего Творца; въ эти минуты его состояніе дѣлается лучшимъ; духъ является въ немъ добрымъ, сохраняя чувства въ повиновеніи...

Юноши! О, еслибъ вы имѣли счастіе понимать мудрыхъ: вы обожалибъ ихъ отъ всего вашего сердца, и еслибъ имѣли довольно силы, никогдабъ не удалялись отъ сообщества съ ними; никогдабъ не страшились ихъ кроткихъ наставленій въ правилахъ благонравія. Изъ всѣхъ мудрыхъ, какіе только существовали и существуютъ въ мірѣ, намъ болѣе знакомо имя одного... О Боже! подаждь намъ обиліе чувствъ, чтобы слова Его напечатлѣлись въ нашихъ сердцахъ; чтобы мы стремились къ Тебѣ подобно Ему.

Просвѣщаясь мы становимся добродѣтельными. — Ученіе оживляетъ въ сердцахъ нашихъ сѣмена доброкачественныя; оно тогда лишь подавляетъ ихъ и развращаетъ, когда само помрачено и не почерпнуто изъ живаго

источника истины; но составилось и образовалось въ умѣ открытомъ для всѣхъ заблужденій и въ душѣ порабощенной низкою чувственностію.

Души низкія! если вы осмѣливаетесь глумиться именемъ истиннаго философа, то не изъ чего другаго, какъ только изъ одного предубѣжденія, которымъ заражены ваши развращенныя сердца. Можетъ-ли что либо другое достойнѣе занимать добродѣтельные умы, какъ изслѣдованіе и изученіе самаго себя и окружающей насъ природы! Для обыкновенныхъ смертныхъ время течетъ быстро, не задерживаясь; одинъ только мудрый не раскаевается въ потерянныхъ минутахъ. — Онъ видитъ природу совсѣмъ другими глазами; его душа способна къ другимъ совсѣмъ чувствованіямъ...

УПРАЖНЕНІЕ.

Есть-ли что нибудь тягостнѣе тѣхъ минутъ, въ которые человѣкъ не находитъ въ исполненіи своего долга и въ обыкновенныхъ упражненіяхъ своей жизни тѣхъ пріятностей, которыя бы составляли его самодовольство, его благополучіе. Какое лекарство можетъ изцѣлить это забвеніе самого себя!.. Бѣдные люди! мы жалуемся, будучи обременены трудами; между тѣмъ какъ постыдная праздность и нерадѣніе тягостнѣе для насъ въ тысячу разъ. Состояніе, исполненное всѣми очарованіями жизни, кажется то самое, котораго мы не можемъ терпѣть... Какое усиліе нужно человѣку быть мудрымъ! и какъ жалки тѣ

минуты, въ которыя подобная истина кажется намъ не совсѣмъ понятною! Что намъ эти дни, которымъ мы забываемъ счетъ! Они не достойны быть замѣченными въ нашей безполезной жизни. Мы стремимся въ нихъ къ развлеченіямъ, выходимъ изъ самихъ себя и только привыкаемъ къ скукѣ. Не мы ли думали то самое время, въ которое будемъ отданы самымъ себѣ, употреблять на пріятныя упражненія разума и сердца!..

УСПѢХИ ВЪ СОВЕРШЕНСТВѢ УМА.

Просвѣщеніе всегда возрастало съ успѣхами общества и служило къ соединенію и возвышенію человѣчества, такъ что постепенное совершенствованіе въ гражданскихъ обществахъ невозможно рѣзко отдѣлить отъ состоянія наукъ. — Египетъ славился мудростію и законами; Финикія — торговлею и мореплаваніемъ. Оттуда начала наукъ перенесены въ Грецію, гдѣ, особенно въ Аѳинахъ, они достигли дивнаго совершенства; — узаконеніями и войною онѣ вездѣ послужили къ украшенію нравовъ, къ безопасности гражданской и государственной. О важности и пользѣ образованія свидѣтельствуютъ намъ оставшіяся отъ тѣхъ вѣковъ сочиненія. Но потомъ честолюбіе людей, ихъ несогласіе, междуусобіе, роскошь, затмивъ свѣтъ славы и наукъ, приготовили Римлянамъ лишь легкую добычу. Эти властители міра, изъ уваженія къ просвѣщенію и древней славѣ грековъ, не усугубляли ихъ униженія именемъ рабства, и терпѣли еще существовавшія у нихъ

узаконенія, покровительствуя имъ они поддерживали ихъ вмѣстѣ съ другими народами цѣлаго міра. Однакожъ греки, по степени своего превосходства въ образованіи удержали свое вліяніе надъ покорителями. — Ихъ философія и литература распространялись по всему міру вмѣстѣ съ оружіемъ римлянъ. Во времена Августа умъ слова достигаетъ цѣли своего совершенства, что доказываютъ изящныя творенія всѣхъ родовъ и всеобщая цивилизація, проникшая въ народы даже за «Столбами Геркулесовыми» и далѣе Дуная. Наконецъ римская обширнѣйшая имперія совсѣми своими вѣковыми развратами падаетъ: ее разгромляютъ и раздробляютъ ея области сѣверные варвары — Готѳы, Алане и Гунны, вышедшіе изъ дикихъ степей и выползшіе изъ своихъ пещеръ, и принесшіе страшную дикость и необузданность. Образованіе вездѣ было подавлено, умы ожесточены и угнѣтены: страну помрачило всеобщее несчастіе, отразившееся страшными бѣдствіями. Потомъ громленія мало помалу начали затихать, стали прекращаться взаимныя нападенія, и порожденное зло надлежало искоренять вѣками. Феодальная система, созданная грабителями на развалинахъ человѣческаго лучшаго, неизбѣжно наводила на государства томительное уныніе. Между тѣмъ главы западной церкви, не ограничиваясь словомъ проповѣди кроткой христіанской вѣры, похищали свѣтскія права власти, стяжали богатства и, къ общимъ угнѣтеніямъ, междуусобію и мраку невѣжества прибавили то, чего жаждали наиболѣе — честолюбіе. Въ этомъ особенно успѣли первосвященники римскіе, такъ называемые *Папы*, которые, пользуясь удобно суевѣріемъ

временъ, ловко придумали присвоить себѣ право раздавать престолы. По ихъ мощному, магическому мановенію набожные и кающіеся рицары, князья и простолюдины, ослѣпленныя ложнымъ свѣтомъ ихъ святости, спѣшили въ обѣтованную землю истощать свои пожитки вмѣстѣ съ своею кровью. Между тѣмъ послѣдователи ученія Магомета, утвердивъ свою грозную власть въ Азіи и, распространяя повсюду ужасъ своего оружія, громили державу *Константина*. Крестовые походы хотя не совсѣмъ достигали предполагаемой цѣли; но они имѣли особенное благодѣтельное вліяніе на нравы и состояніе общества въ Европѣ. —Князья и вельможи освобождали своихъ рабовъ и подданныхъ за выкупъ, доставлявшій имъ средства спѣшить въ Святую землю. — Государи, мудрою предусмотрительностію, мало по малу присоединяли къ своимъ державамъ составляемые удѣлы. —Отдаленные подвиги витязей, тѣсное ихъ сношеніе съ другими народами и, можетъ быть, остатки искуствъ и цивилизаціи замѣченное въ Константинополѣ укрощали дикость ихъ нравовъ. — Между тѣмъ торговля въ итальянскихъ областяхъ, возбужденная смѣлыми предпріятіями благочестивыхъ завоевателей, ввела нѣкоторый вкусъ къ роскоши, который особенно благопріятствовалъ искуствамъ. Около того же времени открытіе *римскихъ правъ въ Амальфи* обратило на себя живѣйшее вниманіе ученыхъ и послужило государямъ новымъ средствомъ ограничить власть сильныхъ Вассаловъ; ибо съ того времени важнѣйшія судебныя дѣла были уже рѣшаемы въ государственныхъ судилищахъ, составленныхъ не изъ военныхъ людей, но

изъ законовѣдовъ гражданскихъ. Въ такомъ мирномъ состояніи, которое обыкновенно наступаетъ послѣ долговременныхъ волненій, нравы пріобрѣтали нѣкоторую степень чистоты, и усыпленный разумъ человѣчества сталъ пробуждаться замѣтно. Творенія великихъ писателей Августова вѣка, бывшія покрытыми прахомъ невѣденія извлечены, и *Петрарка* съ одушевленіемъ читалъ *Виргилія*. Ученые греки, ушедшіе по взятіи Константинополя въ Италію, принесли съ собой вкусъ греческой словесности, принятый тамъ съ восторженнымъ очарованіемъ.

Итакъ XII вѣкъ въ исторіи можно опредѣлить такою точкою, до которой постепенно шло паденіе ума народовъ и съ которой обратно началось постепенное его развитіе и возвышеніе.

ВОСПИТАНІЕ.

Законы управляютъ обществомъ; воспитаніе приготовляетъ умы будущихъ гражданъ къ исполненію законовъ; слѣдовательно воспитаніе должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ законодателей и правителей. Познанія человѣка, которыя дѣлаютъ его достойнымъ почтенія и полезнымъ отечеству, никогда не пріобрѣтаются съ такою легкостію и съ такою способностію, какъ въ возрастѣ юношескомъ. Въ этомъ періодѣ его жизни умъ обогащается понятіями, духъ возвышается благородными чувствами. — Хорошо поставленная и проведенная молодость ручается за цѣлую жизнь. Въ малолѣтнемъ *Катонѣ* былъ видѣнъ уже тотъ, который не хотѣлъ пере-

жить свободы своего отечества. Игры *Петра великаго,* въ его дѣтствѣ, предзнаменовали преобразователя Россіи. Душа благородная уже въ самомъ младенчествѣ открываетъ нѣкоторые проблески будущаго своего превосходства. Герцогъ Бургонскій, Лудовикъ, воспитанникъ Фенелона, оставилъ по себѣ весьма завидную славу, хотя похищенъ смертію въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ. Онъ не успѣлъ еще оказать Франціи всего того блага, которое обѣщало ей будущее его возшествіе на престолъ, какъ общенародный плачь засвидѣтельствовалъ уваженіе его добродѣтелей. Но эти послѣднія достоинства были дѣломъ собственно воспитанія. — Будучи отъ природы вспыльчивымъ, жестокимъ, своенравнымъ, онъ умѣлъ искоренить изъ своей души всѣ тѣ пороки, которые принесъ съ рожденіемъ. Потомъ исполненный глубокаго уваженія къ правамъ человѣчества, къ законамъ своей земли, исполненный кротости въ начальствованіи надъ войскомъ, сдѣлавшись доступнымъ, ласковымъ благоразумнымъ онъ заслужилъ уваженія даже дѣда своего, Лудовика XIV, который въ преклонныхъ лѣтахъ видѣлъ однѣ несчастія, навлеченныя на Францію его гордостію и ненасытимымъ честолюбіемъ. Таковы-то благодѣтельные плоды приноситъ воспитаніе при ступеняхъ къ престолу и не менѣе того въ другихъ состояніяхъ общества! На воспитаніи *Ликургъ* воздвигъ зданіе своей республики. Римскіе юноши, увлекаясь примѣрными дѣлами великихъ военныхъ мужей и мудрыхъ градоначальниковъ, и научаясь бесѣдованіями съ ними и примѣромъ въ походахъ и въ Сенатѣ, становились сами достойными подражанія. Въ самомъ невѣжествѣ среднихъ

временъ исторіи великіе люди стремятся къ образованію юношества. — Карлъ великій учреждаетъ Академіи въ стѣнахъ собственнаго дворца и какъ членъ ея заботится объ исправленіи отечественнаго языка. И Россія никогда не была лишена письменности при ея частыхъ сношеніяхъ съ Греціей. Петръ великій призвалъ въ предѣлы ея искусства и науки. По его слову русскіе юные дворяне вдругъ разсыпались по всѣмъ странамъ Европы для заимствованія и перенесенія въ Россію какого либо знанія по примѣру своего государя. — Отъ полководца до ремесленника всѣ были твореніемъ Петра. При немъ открылись училища въ полкахъ; отъ него приняла свой уставъ Академія Наукъ; Морская Академія давала ему мореходцевъ. Славный Минихъ, въ 1732 г., основалъ Кадетскій Корпусъ. Елисавета Петровна, по ходатайству И. И. Шувалова и по плану славнаго Ломоносова, въ 1754 г. учредила Московскій Университетъ.

НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРЫ.

Отдѣлъ исторіи, содержащій изложеніе разныхъ преобразованій человѣческаго ума, началъ, успѣховъ, паденія искусствъ и просвѣщенія называется вообще исторіею письменности или литературы. Каждая отрасль человѣческихъ знаній имѣетъ свою отдѣльную исторію, преимущественно наука философская, которая уже въ одномъ своемъ названіи, предполагая начала всѣхъ человѣческихъ знаній, изслѣдываетъ *причины всѣхъ вещей* и главное тѣхъ,

которыя ведутъ человѣка къ высшему благу. Исторія наукъ восходитъ до первыхъ началъ обществъ и. вмѣстѣ съ ними, теряется во мракѣ древности. *Египетъ* навсегда останется колыбелью искусствъ и мудрецовъ, хотя имя философа спустя долгое время послѣ того было изобрѣтено скромностію Пиѳагора, который первый не пожелалъ именоваться мудрецомъ, но только философомъ, т. е. любителемъ мудрости. Гражданскія учрежденія Египта свидѣтельствуютъ, что въ немъ умы достигали высокой степени образованія. Греція обязана началомъ первыхъ своихъ обществъ переселенцамъ изъ Египта. Всѣ греческіе мудрецы и законодатели: Солонъ, Ликургъ, Пиѳагоръ, Платонъ посѣщали Египетъ, какъ отечество и источникъ мудрости. Но въ Египтѣ науки, какъ священный символъ, предоставленный храненію жрецовъ, были скрыты за непроницаемой оградой отъ глазъ простонародія. Ихъ Іероглифы сказывали только тѣмъ, кто былъ посвященъ въ ихъ тайны, и потому недоставало удобнаго и общаго средства, съ помощію котораго знанія могли бы сообщаться остальному человѣчеству. Финикіанѣ, народъ торговый и мореходный, первые изобрѣли способъ изображать звуки голоса, и сочетаніемъ немногихъ литеръ выражать все то, что смыслъ человѣка имѣетъ любопытнаго и труднаго. Въ Грецію принесъ алфавитъ (азбуку) *Кадмъ*. Эта страна, постоянно занимающая умы людей, начала возникать изъ состоянія дикости по мѣрѣ того какъ замѣчательныя личности, прославленныя ею подъ именами героевъ — Орфеи, Амфіоны, Лины, Мусеи — начали сообщать народу посредствомъ своихъ упоительныхъ сти-

ховъ высокія понятія о добродѣтели и мудрости. Первые Еллинскіе мудрецы и богословы были стихотворцы. Вообраafженіе было обольщаемо ранѣе убѣжденія разсудка. Мудрецы въ краткихъ стихахъ вмѣщали правила нравоученія. Пословицы, повѣсти, анекдоты, изобрѣтатель коихъ *Езопъ,* сдѣлавшійся извѣстнымъ позднѣйшему потомству, содержали въ себѣ подъ видомъ вымысла весьма поучительныя истины. Между тѣмъ Греція покрываетъ себя славою отважныхъ предпріятій. — *Походъ Аргонавтовъ* и еще болѣе *Троянская Война* пробуждаютъ общественный духъ. — Возникаетъ безсмертный умъ *Гомера,* слава котораго усугубляется своею древностію. *Гезіодъ,* его соревнователь сообщаетъ наставленія земледѣлію. Въ Аѳинахъ является великое зрѣлище *Трагедіи.*—Весь просвѣщенный народъ въ Греціи спѣшитъ научиться мудрости въ твореніяхъ *Эсхила, Софокла* и *Эврипида.*

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ СТРЕМЛЕНІЯ ФИЛОСОФІИ.

Любознательность, свойственная природѣ человѣка, дивныя явленія, которыя со всѣхъ сторонъ представляются его уму и нѣкоторое сознаніе своего собственнаго достоинства побуждаютъ его въ раннихъ состояніяхъ обществъ къ упражненію въ философіи. Варвары, подобно какъ и Греки имѣли свои толки и преданія. Послѣдователи *Гермеса* и *Зороастра* изъясняли мірозданіе и природу, назначеніе человѣка, его обязанности и способ-

ности. Но философія нигдѣ не принимала столь разнообразныхъ и увлекательныхъ видовъ, какъ въ отечествѣ героевъ и искуствъ—въ *Грецiи.* Творенія ея мудрецовъ, увлекая любознательныхъ пріятностію выраженія идей, сохранили до нашихъ временъ и вѣроятно сохранятся еще до позднѣйшихъ вѣковъ ихъ похвальныя стремленія къ расширенію человѣческаго разума.

Первые, ознаменованные именемъ мудрецовъ ограничились начертаніемъ нѣкоторыхъ общихъ правилъ благонравія, которыя, обратясь въ пословицы, составляли *науку о нравахъ. Ѳалесъ,* съ помощію Геометріи и Астрономіи, рѣшился объяснить строеніе и происхожденіе вселенной. *Пиѳагоръ,* соединяя глубокія мысли съ опытностію въ путешествіяхъ пріобрѣлъ достоинство законодателя въ той странѣ, которая была справедливѣе его отечества. Изъ школы Іонійской возникъ *Анаксагоръ,* учитель *Перикла.* — Силою своего ума онъ разсѣялъ густой мракъ языческихъ суевѣрій, и отнесъ сотвореніе и управленіе міра къ единому всемогущему духу. *Сократъ,* озаряемый тѣмъ же свѣтомъ познанія, и упражняясь съ успѣхомъ въ добродѣтели поставилъ себѣ единственною задачею внушать ее увлекательно мудрою своею рѣчью своимъ порочнымъ согражданамъ. Но неся всякаго рода общественныя обязанности, сражаясь за отечество, онъ ограничился ученіемъ благонравію, не составляя системы и не сочиняя книгъ. Напротивъ того ученикъ его—*Платонъ,* краснорѣчивѣйшій изъ философовъ, въ сочиненіяхъ своихъ сохранилъ малѣйшія преданія своего учителя. —Ввѣрившись паренію своего высокаго во-

ображенія *Платонъ* обнялъ обширнѣйшій кругъ человѣческихъ знаній и, удовлетворяясь вѣроятностію, начерталъ умозрительную систему міра. По его ученію «премудрое и всесильное существо даровало бытіе прекраснѣйшему міру; но грубость матеріи унизила совершенство его творенія, такъ что тѣла эѳирныя и тонкія должны влачить бремя тяжелѣйшихъ тѣлъ. Оставшееся воспоминаніе о томъ чѣмъ они были возбуждаетъ въ нихъ понятія темныя о красотѣ и порядкѣ. Цѣль мудраго состоитъ въ приближеніи къ міру невидимому и въ освобожденіи себя отъ бремени матеріи».—Въ умозрѣніи Платона заключается много мыслей высокихъ и оправданныхъ истиною.

Ученіе Платона удерживалось, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, до паденія наукъ и философіи въ такъ называемыхъ академіяхъ: старой, средней и новой; только *Аристотель*, одинъ изъ первыхъ его учениковъ, удержалъ его идеи, чтобъ быть главою новой школы.—Этотъ мужъ мудрости, владѣя обширнымъ и твердымъ умомъ, не увлекался фантастическими воображеніями и не строилъ блестящихъ системъ, подобно Платону; но имѣлъ особенный даръ проницательности въ подраздѣленіи (аналитикѣ) сужденія. Сильное орудіе—*Силлогизмъ*, въ его твореніяхъ получилъ свои правила. Имъ создана наука *Метафизика*. Но онъ переполнилъ философію излишествомъ подраздѣленій и темными терминами, и все это еще болѣе распространили его послѣдователи—*Перипатетики*.

Начало его ученія въ идеяхъ *Зенона* и *Эпикура* долго удерживалось въ равновѣсіи съ другими школами, не-

менѣе принятыми въ обществахъ. Первый изъ нихъ, *глава Стоиковъ,* опредѣлялъ природу человѣка выше скорби, и имѣлъ, въ числѣ своихъ послѣдователей, людей самыхъ добродѣтельныхъ и на престолѣ, и въ оковахъ, каковы *Маркъ-Аврелій* и *Эпиктетъ.* Второй—безукоризненный въ жизни собственной — полагалъ все счастіе въ совершенствѣ существа человѣка, и, усвоивъ ученіе *Демокрита* объ *атомахъ*, стремился согласовать свое ученіе о нравахъ съ явленіями природы. Подобному ученію слѣдовали и знаменитые Римляне въ послѣднія времена республики, исключая *Катона* и *Брута;* но *Цицеронъ*, украсившій греческую философію силою своего краснорѣчія, оставался въ предѣлахъ академіи и вполнѣ соглашался обманываться съ Платономъ, полагая, что самымъ крайнимъ усиліямъ ума въ изысканіяхъ истины предоставлено доходить только до вѣроятнаго. Философія Стоиковъ, поставляя человѣка выше самаго себя, имѣла успѣхъ привиться умамъ римлянъ, такъ какъ она могла подкрѣплять нравы падающей имперіи. — Остроумное витійство *Сенеки* заняло мѣсто обаятельныхъ расказовъ *Туллія;* но римляне во всѣ времена были расположены болѣе къ властолюбію, нежели къ приличному образованію. Между тѣмъ *Аѳины* удержали преимущество быть открытымъ училищемъ философіи для всѣхъ народовъ до самыхъ тѣхъ временъ, пока судьба наукъ и мышленія не утратила своихъ красотъ для разума, т. е. пока хищники сѣвера и востока — *Готѳы* и *Аравитяне,* силою своихъ завоеваній, не потрясли основанія разомъ двухъ имперій.

Кто бы могъ вообразить, чтобы первые лучи тусклаго свѣта могли заблистать отъ тѣхъ же самыхъ аравитянъ, которые сожгли всемірную библіотеку Александрійскую? Между тѣмъ ихъ ученые, *Ависенна* и *Аверроесъ,* загромоздили своими истолкованіями творенія Аристотеля; а школы западныя соединили утонченности *Мавровъ* съ монашескою ученостію *Дунса* и *Ѳомы Аквинскаго*. Въ ихъ философіи слово заступило мѣсто идей и споры были тѣмъ упорнѣе, чѣмъ люди менѣе понимали самихъ себя и другихъ. Тѣ, которые осмѣливались выражать собственныя мнѣнія были преслѣдуемы совсею ненавистію предубѣжденія. — *Рамусъ* былъ растерзанъ противомышленниками, и *Абелардъ* славу свою принужденъ былъ скрыть въ мрачной обители. Въ тѣ времена, когда нравы не пріобрѣли еще нѣкоторой степени чистоты, когда въ обществѣ не доставало ни сочувствія, ни вкуса, ни цивилизаціи—философія дѣлается незрѣлымъ и грубымъ плодомъ, который разсудокъ болѣе помрачаетъ, нежели озаряетъ. Въ XVII столѣтіи умъ человѣка достигъ той самостоятельности, въ которой онъ ввѣрившись своимъ собственнымъ силамъ могъ свергнуть раболѣпное подражаніе Аристотелю и его послѣдователямъ.

Декартъ первый указалъ путь къ изслѣдованію убѣжденій древнихъ. Отъ знаній идеальныхъ онъ рѣшился обратиться къ *сомнѣнію* и начертать свой методъ сужденія. — Будучи однимъ изъ знаменитыхъ геометровъ своего времени онъ способствовалъ къ усовершенствованію того общаго исчисленія, которое впослѣдствіи сдѣлалось дивнымъ орудіемъ въ рукахъ физиковъ для измѣренія

вселенной и открытія законовъ природы. Счастливѣе въ опровержeніи чужихъ заблужденій, нежели въ огражденіи самаго себя отъ ошибокъ, онъ хотѣлъ разгадать тайну, обманывавшую съ древнихъ временъ всѣ порывы человѣческаго ума. Созданные имъ *вихры* безпрестанно вращающія небесныя тѣла и *тонкая матерія,* наполняющая пустоту, наконецъ все основаніе *Картезіанской философіи* было наслѣдіемъ *Перипатетизма* и весьма многихъ другихъ системъ. Вся заслуга Декарта состояла въ томъ, что, утвердивъ свое положеніе, что «человѣкъ мыслитъ и потому существуетъ (cogito ergo sum)» онъ заставилъ мыслить. Но, будучи побуждаемъ страстію разсуждать и изслѣдывать то, что считалъ истиною, Декартъ испыталъ въ жизни своей сильныя гоненія противниковъ, а потомъ, какъ скоро исчезла частная вражда и люди привыкли къ новому образу мыслей, онъ сдѣлался *главою секты* (картезіанской). Умы проницательные и глубокомысленные, подобные *Маллебраншу* послѣдовали его направленію, и *Фонтенель* осыпалъ цвѣтами разрушавшееся зданіе картезіевыхъ убѣжденій. Духъ любознанія въ Европѣ распространился болѣе нежели когда либо въ другое время и тѣмъ послужилъ къ основанію общества ученыхъ, которые сдѣлали множество открытій въ вещахъ сколько простыхъ, столько же мало изслѣдованныхъ.

Умъ человѣка, не ограничиваясь однимъ тѣмъ, что стремится постигнуть причины явленій его окружающихъ, часто свои силы направляетъ на самаго себя и находитъ не мало затрудненій въ объясненіи своихъ собственныхъ

свойствъ и способностей. Глубокомысленный и осторожный *Локкъ,* отбросивъ трудныя системы школы, разсуждая самъ съ собою и признавая собственно то, что находилъ опытомъ въ самомъ себѣ, — начерталъ вѣрное изображеніе человѣческаго разума. Его теорія столько же дѣлаетъ чести его остроумію, сколько строгой справедливости и скромности философа. Онъ опровергалъ идеи прирожденныя и доказывалъ, что всѣ наши свѣденія мы пріобрѣтаемъ или чувствами, или обращеніемъ вниманія на самыхъ себя. По его заключенію немногія первоначальныя идеи слагаются разумѣніемъ въ безчисленные образы сочетаній. — Здравый смыслъ состоитъ въ правильномъ сочетаніи понятій; но слово столь удобно способствующее дѣлу мышленія, будучи неисчерпаемымъ источникомъ ошибочныхъ выраженій становится злоупотребленіемъ. — Вотъ положенія, принятыя въ его ученіи.

Между тѣмъ, какъ онъ съ осторожностію проникалъ въ лабиринтъ умозрѣнія въ изслѣдываніи мыслящей способности, великій *Ньютонъ,* его соотечественникъ, превосходною силою ума заставляетъ природу открыть свои законы, выводитъ изъ одного обширнаго начала всеобщаго притяженія (тяготѣнія) многообразныя явленія прилива и отлива (въ моряхъ), движенія земли и небесныхъ тѣлъ; — разлагаетъ первоначальные лучи солнца, составляющіе сущность самаго свѣта, и дѣлаетъ окончательно самостоятельными открытія *Кеплера, Коперника* и *Галилея.* Опытъ и наука вычисленій въ новѣйшей философіи торжественно замѣнили неопредѣленныя представленія и вымыслы древнихъ, изъ которыхъ хотя иногда вытекали

истины, но уже по истощеніи всѣхъ родовъ промаховъ и ошибокъ.

Болѣе смѣлый ихъ современникъ *Лейбницъ,* германскій философъ, пролилъ яркій свѣтъ на самый глубокій мракъ метафизическихъ изысканій. Онъ увеличилъ число предположеній, которыми его предшественники безполезно старались пополнить недостатки человѣческаго знанія и разумѣнія. Его усилія главное стремились къ тому, чтобы всемогущество верховнаго Существа согласить съ его благостію въ избраніи изъ возможныхъ міровъ лучшаго. Онъ самымъ простѣйшимъ недѣлимымъ (животнымъ), которыхъ назвалъ *монадами,* приписывалъ способность представленія внѣшнихъ предметовъ, а соединеніе духа съ тѣломъ объяснялъ *предуставленнымъ согласіемъ.*

Германскія государства, наполненныя тогда уже университетами и молодыми учеными, приняли системы Лейбница съ извинительною горячностію, который дѣлалъ имъ много чести; особенно когда одинъ изъ его учениковъ терпѣливый *Вольфъ,* подобно заботливому домостроителю, вступавшій въ богатое наслѣдство, — смѣлые полеты ума своего учителя привелъ въ одну полную систему. —Вольфъ преимущественно занимался философіей духа человѣческаго и принялъ за начало и цѣль всей дѣятельности человѣка *идею совершенства.*

Однакожъ сила, восторжествовавшая надъ мнѣніями, прочилась непродолжительно и уступила мѣсто другимъ умамъ. — Идеализмъ Лейбница съ одной и скептицизмъ *Юма* съ другой стороны вызвали критическую философію *Канта,* который анализировалъ и объяснилъ познающія

способности духа человѣческаго. Почти въ одно время съ Кантомъ явились идеальная система *Фихте,* система безусловнаго тождества *Шеллинга* и система *Гегеля.*

Кромѣ того множество писателей болѣе смѣлыхъ, нежели основательныхъ, не дѣлая эпохи въ философіи, старались объяснить природу и обязанности общества по слѣдамъ *Гроціа,* или по началамъ безсмертнаго *Монтескье;* между тѣмъ какъ науки вспомогательныя, возникшія изъ опыта и вычисленій: физика, химія, астрономія, естественная исторія были повсюду предметами величайшаго стремленія. Чтобъ оцѣнить значеніе наукъ въ настоящемъ періодѣ достаточно назвать между многими именами ученыхъ: *Геснера, Гарвея, Богингія, Левенгека, Жанъ-Райя, Линнея, Бюффона, Жюсье, Адансона, Боннета, Гамсера, Палласа* и новѣйшихъ: *Ламарка, Кювье, Жофруа-Сент-Иллера, Декандоля.*

Сравнивая усилія столь многихъ умовъ постигнуть причины вещей и возвысить достоинство человѣка мы съ одной стороны видимъ, сколь узки предѣлы, ограничивающіе возможность знанія, а съ другой немало удивляемся столь смѣлымъ и счастливымъ покушеніямъ философіи сорвать священный покровъ съ таинственной природы и возвысить умъ человѣка свѣтомъ достойныхъ его понятій, не смотря на всѣ встрѣчаемыя величайшія затрудненія!

ПОНЯТІЕ О РИТОРИКѢ.

Предметъ словесной науки—совершенство *нравственной* или *умственной* красоты. Всѣ ея усилія стремятся къ изобрѣтенію этой красоты и подражанію ей.

Невозможно понять нравственной красоты отдѣльно отъ понятія истины и добродѣтели. Одна только благородная душа, одинъ возвышенный умъ въ состояніи понять и изобразить ихъ достоинство.

Въ словесной наукѣ все то непристойно, что непристойно въ нравственной наукѣ и въ здравомъ сужденіи.

Слѣдовательно, прежде нежели начать писать, надобно умѣть *разсуждать* и *чувствовать*.

Эти двѣ способности даруются природою. Философія приводитъ ихъ въ совершенство: въ основаніяхъ логики она уясняетъ *дѣятельность ума* и научаетъ употреблять ихъ въ откровеніи истины. *Въ правилахъ нравоученія* она изображаетъ свойство и источникъ нашихъ чувствованій и сообщаетъ способы къ управленію *волею*. Эти двѣ науки (логика и нравоученіе) относятся къ теоріи *изящной словесности*.

Умъ, получившій отъ природы счастливѣйшее образованіе, отличающійся *изобрѣтеніями* въ искусствахъ, называется *геніемъ*.

Точное и тонкое познаніе красотъ въ природѣ и искусствахъ называется *вкусомъ*.

Соединеніе генія и вкуса въ одномъ лицѣ составляетъ достоинство великаго писателя.

Имя *Ломоносова* заслуживаетъ быть украшено именемъ генія. Въ исторіи человѣческаго разума блистаютъ имена: у Грековъ: *Гомеръ, Софоклъ, Демосфенъ;* у Римлянъ: *Цицеронъ, Виргилій.*

Корнель удивляетъ блистательностію генія; въ *Расинѣ* этотъ самый геній находятъ украшеннымъ чистотою вкуса.

Въ словесныхъ наукахъ есть какой то единственный и постоянный образецъ вкуса.—*Виргиліева Енеида* на всемъ пространствѣ свѣта и нынѣ въ такой же степени обращаетъ на себя вниманіе любителей словесности, какъ и восемнадцать столѣтій назадъ.

Законодатели вкуса суть: *Аристотель, Лонгинъ, Горацій, Буало.*

Великіе геніи создаютъ сами собою образцы искусствъ, почерпая ихъ изъ нѣдръ природы. Философы критически разсматриваютъ ихъ и подвергая воображеніе разсудку, извлекаютъ этимъ путемъ правила и начала вкуса.

Гомеръ, силою собственнаго духа, создалъ эпическое стихотворство, написавъ *Иліаду* и *Одисею. Софоклъ* усовершенствовалъ искусство Трагедіи. *Аристотель,* послѣ нихъ, анализировалъ ихъ творенія и привелъ въ порядокъ Эпопею и Трагедію. Такимъ образомъ положено начало Піитикѣ.

Послѣ великихъ греческихъ ораторовъ, которые были вмѣстѣ и вождями своихъ народовъ, и которыхъ природныя дарованія приведены въ дѣятельность движеніемъ гражданскихъ дѣлъ, появились подъ именемъ *риторовъ,* учители краснорѣчія.

Науку краснорѣчія преподавали знаменитѣйшіе мужи древности: *Аристотель, Цицеронъ, Квинтиліанъ.*

Риторика, силою и пріятностію слова, доказывая, увлекая и убѣждая, даетъ способы склонять другихъ на сторону своего мнѣнія. Способъ доказывать заимствуется изъ *Логики,* искуство нравиться и убѣждать—изъ *нравоученія.*

ПОЛЬЗА ЛОГИКИ И НРАВОУЧЕНІЯ ВЪ СЛОВЕСНОСТИ.

Прежде нежели начать писать, должно умѣть разсуждать и чувствовать. Эти двѣ способности, столь отличающія человѣка, заимствуютъ еще болѣе совершенства отъ способности выражать мысли голосомъ и составляютъ начала, къ которымъ можно отнести почти всѣ успѣхи человѣческаго рода въ гражданской жизни. Слабо будетъ краснорѣчіе, когда умъ не пріученъ мыслить и сердце не испытало высшаго наслажденія быть восхищеннымъ; когда онъ не пріобрѣлъ еще того навыка, который все приводитъ въ порядокъ, выводитъ правильныя заключенія, видитъ всѣ побочныя обстоятельства и всему опредѣляетъ свое настоящее мѣсто; когда недостатокъ знаній ограничиваетъ нашъ взглядъ на вещи; когда неизвѣстны еще взаимныя отношенія людей, ихъ обязанности, приличія, добродѣтели и пороки. Вотъ отъ чего зависитъ ловкость произносить рѣчи—краснорѣчіе. Оно не есть наука обособленная, занимающаяся однимъ наборомъ словъ; но находится въ тѣсной связи съ филосо-

фіей и знаніями. Какимъ образомъ невѣжда, котораго каждое слово оскорбляетъ вкусъ, котораго сужденія ложны и мнѣнія странны, — какимъ образомъ такой человѣкъ, можетъ возмечтать посредствомъ своей рѣчи, склонять образованныхъ слушателей на сторону своего мнѣнія? Живость страсти, особенная чувствительность, даръ слова иногда могутъ служить вмѣсто образованія и знаній; но такой счастливый умъ еще болѣе достоинъ образованія, съ помощію котораго онъ былъ бы еще совершеннѣе. Въ немъ тѣ же самые природные задатки, какіе въ другомъ высказываются отъ успѣховъ ученія. *Шекспиръ* и *Мольеръ* родились наблюдателями природы; но у послѣдняго уже самыя дѣтскія игры проявляются въ чертахъ философскихъ. Превосходные драматическіе писатели уже нѣкоторымъ образомъ дѣлаются наставниками въ нравоученіи. Заставляя дѣйствовать выдуманныя ими лица, они, если хотятъ нравиться, должны дать имъ чувства, страсти, нравы, взятые изъ дѣйствительной жизни. Тѣмъ живѣе должны быть ихъ изображенія различныхъ характеровъ, чѣмъ болѣе они вмѣщаютъ въ меньшее пространство далеко другъ отъ друга разбросанныя черты изъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, въ Мольеровомъ «Скупомъ» мы видимъ всю исторію этого порока. Въ Алжирѣ поражаютъ наши чувства картины сраженія властолюбія и независимости, гордости и человѣколюбія; дикое состояніе Америки противополагается предразсудкамъ испанцевъ. Если вникнуть въ планъ, завязку и развязку превосходной трагедіи она столько же руководитъ насъ къ употребленію логики,

сколько характеры и страсти піесы сообщаютъ намъ примѣры въ нравоученіи.

ПРЕДПОЧТЕНІЕ ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

Нельзя всего выразить, какъ много способствуетъ украшенію, славѣ и просвѣщенію государства постоянная забота объ очищеніи своего языка и о поощреніи хорошихъ писателей. Чѣмъ болѣе развивается вкусъ къ чтенію и становится общимъ, тѣмъ болѣе увеличивается число полезныхъ истинъ, тѣмъ болѣе распространяется просвѣщеніе и проникаетъ во всѣ слои народа. Не всѣ могутъ пользоваться условіями изысканнаго воспитанія; но всѣ ищущіе удовольствія въ чтеніи удѣляютъ ему нѣсколько минутъ отъ своихъ обыкновенныхъ занятій, или въ часы отдыха посвящаютъ ихъ на повтореніе прежняго своего ученія, или для пріобрѣтенія новыхъ научныхъ познаній. Писатели, излагая въ новыхъ, легкихъ и пріятныхъ формахъ общія истины нравоученія и свои наблюденія надъ умами и духомъ народа, и представляя важныя условія благосостоянія государства, незамѣтно увлекаютъ каждаго читающаго розсматривать съ большею внимательностію все то, что совершается вкругъ насъ. Они сообщаютъ цѣлому народу болѣе правильный взглядъ на вещи, болѣе способовъ къ развитію ума, болѣе чистоты въ нравахъ. Смотря потому, покровительствуется ли просвѣщеніе или угнѣтается въ разныхъ странахъ одного и того же народа, замѣчается значительная разность въ обы-

чаяхъ и нравахъ. Мы видимъ живые примѣры въ католическихъ государствахъ германскихъ народовъ на сколько ихъ интелигенція помрачена грубостію суевѣрія и невѣжества; тогда какъ протестантскія земли, гдѣ среди разнородныхъ мнѣній господствуетъ разумная свобода, отличаются общимъ развитіемъ наукъ, просвѣщенія и благонравія. Тутъ возникли великіе писатели, которые возвели нѣмецкій языкъ на ту степень совершенства, на которой онъ могъ соперничать съ французскимъ и англійскимъ; междутѣмъ какъ Австрія, Баварія и др. въ то время ничего не могли противопоставить славнымъ именамъ *Лессинга, Вилланда, Клопштока, Гёте, Шиллера.* Преобразованіе въ нѣмецкомъ языкѣ послѣдовало столь быстро и внезапно, что *Фридрихъ великій,* воспитанный подъ вліяніемъ вреднаго направленія противъ своего природнаго языка, не могъ быть разувѣренъ въ томъ, что современные ему нѣмецкіе поэты и писатели не имѣютъ ничего общаго съ предшествовавшими имъ педантами. Напрасно славный его министръ *Герцбергъ,* съ которымъ онъ иногда между годударственныхъ дѣлъ упражнялся въ предметахъ вкуса и образованности, старался доказать ему несправедливость въ пренебреженіи отечественнаго языка—этотъ государь все-таки предпочиталъ своему природному языку французскій языкъ, не имѣя въ виду того обстоятельства, что послѣдній достигъ такого значенія только въ вѣкъ Лудовика XIV, притомъ болѣе подъ сильнымъ монаршимъ покровительствомъ великимъ писателямъ.—*Расинъ* и *Буало,* принятые этимъ монархомъ въ избранное общество, сопровождаютъ его и

въ блистательныхъ походахъ, и въ увеселительныхъ прогулкахъ. — *Корнель* на смертномъ своемъ одрѣ выражалъ доказательство монаршаго къ нему благоволенія. — *Мольеръ* часто декламировалъ сему монарху свои еще неоконченныя комедіи, и когда зависть и безразсудное мщеніе строили козни къ запрещенію играть на сценѣ его «Тартюфа» и тѣмъ лишить его торжества: то оскорбленный портретистъ душъ, чтобы защитить свое безсмертное твореніе, посылалъ одного изъ своихъ друзей съ прошеніемъ къ великому Лудовику даже въ его лагерь — во Фландрію. И монархъ побѣдитель не счелъ за униженіе оказать свое покровительство дарованію, которое дѣлало честь его вѣку и, быть можетъ, будущимъ вѣкамъ. Въ тѣ времена, кромѣ подобныхъ славныхъ писателей, не было ни одной придворной личности, даже изъ благородныхъ женщинъ, которыя въ обществахъ не умѣлибъ пріятно объясняться на своемъ родномъ языкѣ и не считалибъ за честь, при всѣхъ своихъ отличныхъ достоинствахъ, хорошо имъ говорить и писать. Многія дамы, украшеніе своего пола, свои природныя и не подражаемыя прелести ума влили въ свои сочиненія, повидимому легкія и неизящныя, но къ которымъ не въ состояніи поддѣлаться никакое искуство, каковы напр. сочиненія госпожъ *Севиньи, Лафаетъ* и др. — Отвлеченный ученый не можетъ усвоить себѣ ихъ тонкихъ оборотовъ языка, принятыхъ въ употребленіе въ обществахъ. — Французамъ столь много способствовали къ обогащенію ихъ языка, особенною легкостію и пріятностію, ихъ попемѣнныя то прилежаніе, то разсѣянность, что онъ сталъ

почти классическимъ языкомъ всей Европы, не переставая быть вмѣстѣ живымъ народнымъ, подобно языкамъ древнихъ.

ПОЛЬЗА И ТРУДНОСТЬ ВЪ ИЗУЧЕНІИ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА.

Изученіе своего отечества во всѣхъ отношеніяхъ необходимо каждому общественному человѣку, а тѣмъ болѣе человѣку государственному; но кругъ науки представляется необьятнымъ, особенно въ такомъ государствѣ, какова Россія, которая обширнымъ пространствомъ предѣловъ, различіемъ климатовъ, народовъ и нравовъ дѣлаетъ самое описаніе ея слишкомъ затруднительнымъ. Прямые пути къ изученію суть: дѣятельное участіе въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ правительства и нарочное изслѣдованіе природы и быта жителей городовъ и селеній. Хорошими пособіями въ этомъ могутъ служить достовѣрныя извѣстія любознательныхъ наблюдателей—путешественниковъ. Въ отношеніи описанія естественнаго состоянія странъ мы не имѣемъ недостатка. Нѣкоторые изъ путешественниковъ, въ разныя времена, коснулись даже изслѣдованія древностей и нравовъ. Таковы были *Миллеръ* и *Фишеръ* (?). Въ то время Сибирь, страна для нихъ еще новая въ отношеніи къ Россіи, преимущественно обращала на себя ихъ вниманіе. Славные путешественники: *Гмелинъ, Палласъ, Лепехинъ, Георги, Габлицъ* и дрг., оставили намъ достозамѣчательные памятники своей любознательности въ отдаленныхъ краяхъ, которые они

обозрѣвали. Новѣйшіе путешественники-наблюдатели, какъ наши соотечественники, такъ и иностранные, напр. *А. Гумбольдтъ* и другіе сообщили намъ въ своихъ описаніяхъ также много полезныхъ свѣденій о состояніи отдаленныхъ краевъ нашего отечества. Кромѣ того мы имѣемъ уже нѣкоторыя отдѣльныя сочиненія о состояніи всего русскаго государства, каковы напр. «Статистическіе очерки Россіи К. Арсеньева (1848 г.)» и друг. Но полнаго, подробнаго и вѣрнаго описанія всего нашего государства въ отношеніи этнографическо-статистическомъ мы можемъ ожидать только отъ учредившихся въ послѣднее время по губерніямъ статистическихъ комитетовъ и географическихъ обществъ. Нынѣшнее населеніе Россіи до невѣроятности превышаетъ то, которое исчислено при первой ревизіи во время Петра Великаго. Но сличеніе таковыхъ исчисленій, издаваемыхъ отъ времени до времени, доставило бы намъ любопытныя свѣденія о причинахъ, усиливающихъ благосостояніе государства, и служило бы руководствомъ для тѣхъ, которые исключительно посвящаютъ себя разнымъ должностямъ правительства.

Разсматривая ближе отдѣльныя части, изъ которыхъ составлена огромная махина государства, мы удобнѣе изучаемъ движеніе ихъ; подобное изученіе весьма полезно для тѣхъ, которые предназначаются къ управленію оной. Правитель, министръ, администраторъ и каждый, кому нѣкогда будетъ ввѣрена часть государственной власти, долженъ считать своею обязанностію изучать точнѣйшимъ образомъ органы правленія, законы,

пользы и ихъ источники, выгоды и неудобства своей земли.

Петръ первый, будучи въ парижской академіи наукъ, собственною рукою исправилъ погрѣшности на картѣ каспійскаго моря, которыя замѣтилъ съ перваго взгляда. Нѣтъ сомнѣнія, что подробное знаніе своей земли способствовало ему къ построенію дальновидныхъ и общеполезныхъ плановъ. Такимъ образомъ онъ соединилъ Волгу съ Невою и даровалъ Петербургу неоцѣненную выгоду водянаго сообщенія, и предначерталъ соединеніе Волги съ Дономъ *). Иначе, какъ защищать государство отъ нападенія непріятеля, когда не знаешь положенія мѣстъ, своихъ границъ, путей проникнуть въ непріятельскую землю, важныхъ проходовъ, которые, будучи удержаны за собою, защищаютъ цѣлыя общества?..

Многостороннія примѣненія географіи неисчислимы! Но еще важнѣе знаніе народной силы, богатства, потребностей, обычаевъ, просвѣщенія. Не на однихъ городахъ должно останавливаться вниманіе наблюдателя, хотя города и заслуживаютъ его процвѣтаніемъ искуствъ, дѣятельностію обществъ, промышленностію и благоустройствомъ управленія. Иногда роскошное и очаровательное состояніе городовъ означаетъ бѣдность полей: торговля и промышленность могутъ быть вредны выгодамъ земледѣлія. Итакъ земледѣліе—первая нужда человѣчества, занимающая руки большей части народа, долж-

*) Этотъ планъ однакожъ не осуществился, по особенно важнымъ причинамъ.

но удостоиться особеннаго поощренія и покровительства. Подобныя наблюденія частной производительности служатъ иногда основаніемъ важныхъ правилъ въ государственномъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ славный писатель политической экономіи — *Смитъ* умѣетъ подкрѣпить теорію простую и вмѣстѣ глубокомысленную настоящими фактами. Онъ повсюду слѣдитъ за трудолюбіемъ народовъ и ясно доказываетъ, какимъ образомъ извлеченныя изъ земли первыя грубыя начала богатства получаютъ новую цѣну чрезъ отдѣлку ихъ и посредствомъ придуманныхъ знаковъ (денегъ), представляющихъ оныя, вводитъ послѣднія въ употребленіе во всѣхъ слояхъ общества; возбуждаетъ прилежаніе, и, съ увеличеніемъ населенія, увеличиваетъ достояніе и силы народныя; дѣлаетъ для каждаго полезное и пріятное существованіе его удобнѣйшимъ. Самое просвѣщеніе принадлежитъ къ сему последнему условію. Люди, озабоченные скуднымъ пріобрѣтеніемъ ежедневнаго пропитанія, не имѣютъ охоты теряться въ тонкихъ и возвышенныхъ ощущеніяхъ, которыя требуются для упражненія въ искуствахъ изящныхъ, или вдаваться въ сужденія отвлеченныя, которыя предполагаются въ высшихъ наукахъ и изслѣдованіи природы. Въ составѣ государства, подобно какъ въ необъятномъ кругѣ природы, невидимая связь соединяетъ отдаленнѣйшія части его и изъ различныхъ состояній и занятій людей составляетъ одно цѣлое. Такимъ образомъ учоный служитъ земледѣльцу, а земледѣлецъ учоному. Богатый издерживаетъ свои капиталы, бѣдный сбываетъ свой трудъ—каждый думаетъ, что онъ трудит-

ся для себя; но все общество пользуется трудами бѣдныхъ. Поэтому необходимо покровительствовать всѣмъ похвальнымъ занятіямъ по мѣрѣ той пользы, которую они приносятъ обществу. *Кольбертъ,* слишкомъ покровительствуя коммерческой системѣ и промышленности, отнялъ полезныя руки у земледѣлія. Цѣлый народъ ученыхъ или передовыхъ людей можетъ существовать отдѣльно только въ воображеніи. Если человѣку дана мудрость, то она видимо должна представляться въ наукѣ правленія. Вотъ почему *Маркъ-Аврелій* долженъ быть предпочтенъ *Сократу*. Быть одушевлену любовью къ человѣчеству, посвятить себя пользѣ его и справедливому употребленію власти, соединить глубокое знаніе людей и знаніе государства съ постоянною благотворительностію, жертвовать жизнію и спокойствіемъ для общаго блага—таково повидимому, было обѣщаніе, которое положилъ въ сердцѣ своемъ *сей вѣнчанный стоикъ,* достойный удивленія не только во всякомъ другомъ состояніи, но и на престолѣ—истинно великій. При немъ Римъ не сожалѣлъ о потерѣ свободы: подъ властію императора онъ наслаждался ею въ совершенномъ спокойствіи и безопасности. Рабы *Тиверія* не могли найдти доступа къ Марку-Аврелію: онъ не имѣлъ нужды въ подлости. Но чтобъ сдѣлать счастіе народовъ постояннымъ и прочнымъ, уваженіе законовъ должно быть начертано въ глубинѣ сердецъ. Воспитаніе юношества должно своевременно образовать мягкіе ихъ нравы. Никакой блескъ государства не въ состояніи вознаградить потерянныхъ нравовъ: развращеніе ихъ и паденіе государствъ одно отъ другаго

весьма близки. Все это относится къ наукѣ правленія, а основаніемъ послѣдней безусловно служитъ нравоученіе, которое освѣщаетъ исторія, исчисляя перевороты, произшедшіе на всемъ земномъ шарѣ, и выражая вліяніе пороковъ и добродѣтелей. Знаніе законовъ, существенно приличествующее одному сословію въ государствѣ и необходимое всѣмъ другимъ, не можетъ быть разъединено съ администраціей. Наука о государственныхъ доходахъ—политическая экономія, наука торговли, промышленности, внутреннаго управленія и благочинія: знаніе внѣшнихъ отношеній (дипломатика), искуство защищать внѣшнюю безопасность и употреблять военныя силы — относятся къ знаніямъ государственнаго человѣка.

Древніе стремились болѣе къ изученію общихъ правилъ, къ изученію и образованію нравовъ, и тѣмъ упрочили благосостояніе обществъ. — Многіе изъ нихъ, подобно *Платону,* начертали по произволу умозрительный образъ самаго лучшаго правленія; но *Ликургъ* сдѣлалъ болѣе: онъ превратилъ своихъ гражданъ въ другой народъ, созданный по умозрѣнію.

Нынѣшнія государства суть тѣла несравненно сложнѣйшія противу древнихъ. Искуства, торговля, союзы, арміи даютъ имъ совсѣмъ другое устройство. Но пріобрѣсти основательное знаніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ частей можно неиначе, какъ чрезъ изученіе общаго состоянія своего отечества.

КРУГЪ ЗАКОНОВѢДЕНІЯ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ заслужилъ благодарность потомства не однимъ расширеніемъ государства, но и прозорливымъ попеченіемъ установить суды и расправы на незыблемомъ основаніи законовъ. Посреди военныхъ трудовъ и предпріятій служившихъ къ завоеванію Казани, въ 1550 г., онъ, бывшіе прежде него законы, собралъ, исправилъ и придалъ имъ силу своимъ подтвержденіемъ. Ему не безизвѣстны были основанія законоученія, присвоенныя Европой. Въ «Судебникъ» свой онъ ввелъ нѣкоторыя иностранныя формы среднихъ вѣковъ и присоединилъ къ нему извлеченіе изъ законовъ Юстиніановыхъ. Этотъ императоръ обезсмертилъ свое имя систематическимъ изданіемъ законовъ. Поручивъ людямъ глубокой науки и признанной мудрости разборъ безчисленнаго множества законовъ, приговоровъ народа и Сената, императорскихъ декретовъ и рѣшеній законовѣдовъ, онъ преобразовалъ законовѣденіе въ систематическую науку и привелъ ее къ своему источнику — философіи, той философіи, какой слѣдовали еще во времена изнемогающей имперіи. — Къ сборнику законовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Пандектъ, Дигеста* и *Новеллъ,* онъ присоединилъ особую учебную книгу подъ заглавіемъ «Наставленія о правахъ», въ которой все законовѣденіе представилъ въ общемъ очеркѣ. Потомъ весь составъ законовъ онъ раздѣлилъ на четыре главные отдѣла: 1) На права личности; 2) Права собственности; 3) Судебныя сдѣлки, обязательства и 4) Преступленія общія и частныя.

Въ первомъ отдѣлѣ разсматривается гражданинъ во всѣхъ отношеніяхъ къ обществу; опредѣляются права его и обязанности, его участіе и содѣйствіе къ устройству общественнаго благосостоянія; установляются сословныя различія; опредѣляются различныя роды занятія; начала преимуществъ и покровительство, котораго они требуютъ отъ законовъ.—Предписывается благоустройство, благочиніе, учрежденіе судовъ и градоначальниковъ, порядокъ судопроизводства и проч. Во второмъ — опредѣляются права человѣка на собственность.—Право собственности не проистекаетъ непосредственно отъ смысла предписанія закона естественнаго; но это право повсюду утверждаютъ слѣдствія общественной жизни, жизни гражданской, согласіе всѣхъ народовъ и выгоды общества.

Всякое владѣніе имуществомъ основывается окончательно на правѣ перваго завладѣвшаго. Трудъ, употребленный на воздѣлываніе и обработаніе никѣмъ не занятой части земли, служитъ первою оцѣнкой и платежемъ владѣльцу оной.

По общему порядку вещей отецъ по смерти оставляетъ свое имѣніе сыну. Съ умноженіемъ общественныхъ дѣлъ вытекали многія обстоятельства и условныя правила въ порядкѣ наслѣдства. Земскія права народовъ въ этихъ случаяхъ получили большую разнохарактерность. Въ нѣкоторыхъ государствахъ недвижимая собственность переходитъ нераздѣльно старшему сыну; въ другихъ, подобно какъ и у насъ въ Россіи, всѣ сыновья отцовское имѣніе дѣлятъ по равнымъ частямъ: а сестры ихъ наслѣдуютъ одну четырнадцатую долю его. Собственность

располагается также завѣщаніемъ умирающаго при бездѣтствѣ, безродствѣ и при лишеніи правъ на наслѣдство. Всѣмъ вновь вытекаюшимъ вопросамъ и обстоятельствамъ предписаны опредѣленныя формы.

Что касается до частныхъ дѣяній человѣка, то законы, представляя ихъ свободной волѣ каждаго, ограничиваютъ и запрещаютъ своею силою лишь произвольные поступки и дѣйствія, которыя могутъ быть вредны каждому гражданину или цѣлому обществу.

ПРАВО ЛИЧНОСТИ.

Склонности, влитыя природою въ духъ человѣка, желаніе блага, привязанность къ жизни, влеченіе къ сообществу, даръ мысли и слова, свобода совѣсти—суть неотъемлемыя права человѣка. Установленіе гражданскихъ обществъ, обуздавъ дикую свободу естественнаго человѣка, придало силу свою первымъ правамъ его. Оно имѣло предметомъ своимъ обеспечить личную безопасность, свободу и собственность каждаго гражданина. Законы, которые ихъ охраняютъ, поручены для исполненія начальникамъ краевъ, областей, провинцій. Съ одной стороны возникаютъ новыя постановленія и отношенія властей и покровительства, съ другой — подчиненность и повиновеніе.

Верховная власть въ Россіи предержится въ Особѣ Государя; но законы, распорядительныя власти, судеб-

ныя учрежденія, приводящія въ дѣйствіе постановленія законовъ,—сохраняющіеся отъ самаго основанія монархіи, потомственное дворянство и образованный классъ людей, служащіе посредниками между государемъ и народомъ, обычаи и нравы удаляютъ всякую мысль о деспотизмѣ. Собранія государственныхъ чиновъ и бояръ имѣли вліяніе въ важнѣйшихъ въ государствѣ перемѣнахъ. Уложеніе законовъ было составлено собраніемъ бояръ и выборныхъ земскихъ людей. Сенатъ и государственный совѣтъ суть хранилища законовъ: они должны возвращать силу тѣмъ изъ законовъ, которые чѣмъ либо нарушаются или приходятъ въ забвеніе. Жизнь, свобода, честь и собственность каждаго русскаго гражданина сохраняются подъ сѣнію законовъ. Дворянинъ пользуется въ государствѣ особыми привилегіями доколѣ сообразуется съ честью, какъ съ основаніемъ своего дворянскаго достоинства, которое даруетъ государь за заслуги и котораго лишаетъ того, кто обезчеститъ себя преступленіемъ. Почетный гражданинъ и купечество имѣютъ свои привилегіи, близко подходящія къ дворянскимъ. Ученые люди, врачи, художники и артисты пользуются правами почетныхъ гражданъ. Мѣщанинъ, ремесленникъ и земледѣлецъ пользуются полными правами гражданства и имѣютъ своихъ представителей въ судахъ и общественныхъ учрежденіяхъ. — Всѣ сословія въ государствѣ передъ закономъ и судомъ равны.—Ни одинъ гражданинъ не можетъ быть лишенъ свободы безъ суда.

ПОНЯТІЕ О ДВОРЯНСТВѢ.

Сословіе, которое во всѣхъ европейскихъ монархіяхъ отличается подъ именемъ благороднаго и дворянскаго, почти вездѣ пользуется одинаковымъ правами. Оно, получивши свое начало отъ военныхъ дѣлъ и завоеваній, считается необходимымъ въ монархическомъ составѣ и отличается особеннымъ стремленіемъ къ чести, нетерпящей порицанія и подлости. Подобное предубѣжденіе, какъ должно полагать, было остаткомъ рыцарскихъ нравовъ, которые долго господствовали въ Европѣ въ среднихъ вѣкахъ и, въ эти времена безначалія и грабительства, нѣкоторымъ образомъ замѣняли недостатокъ законовъ. Изящная деликатность и учтивость людей въ обращеніи или знатность происхожденія отличается европейскимъ названіемъ—дворянинъ (gentilhomme). Въ русскомъ словѣ «дворянинъ» кажется ясно представляется чиновникъ, принадлежащій къ высочайшему двору и особѣ государя. Вообще дворянство нѣкоторымъ образомъ представляетъ окружающихъ особу государя, который, при встрѣчавшихся потребностяхъ въ военныхъ дѣлахъ или въ мирное время, видѣлъ въ немъ готовое орудіе къ исполненію его повелѣній. Хотя это званіе и было наслѣдственнымъ, однакожъ оно не мѣшало и другимъ сословіямъ пріобрѣтать его посредствомъ ревности, дарованія и заслугъ и также съ достоинствомъ приближаться къ престолу. Такимъ образомъ мы видимъ славнаго *Козьму Минина,* сдѣлавшагося изъ простаго гражданина Думнымъ Дворяниномъ и Членомъ Тайнаго Совѣта. Это право Петръ великій особенно

распространилъ на заслуги военныя и объявилъ дворянство соединеннымъ съ званіемъ офицера. Съ тѣхъ поръ военные чины сдѣлались общимъ удѣломъ дворянства; а потомъ вскорѣ и гражданская служба должна была сравняться съ военною, потому что она не давала отправляющимъ ее подобныхъ преимуществъ. До Петра не было различія между службами; одна придворная служба снабжала чиновниками обѣ части, и военную и гражданскую. Неизвѣстно, можетъ быть это происходило отъ простоты нравовъ и неусложненнаго образа правленія. Умноженіе дѣлъ и сношеній между людьми разныхъ сословій и состояній повлекло за собой и различіе службъ. Правда, и тогда люди посвящавшіе себя исключительно изученію законовъ имѣли отличительное званіе «дьяковъ» и не причислялись къ знатному и военному дворянству. Въ Европѣ государи иногда вмѣняли себѣ въ честь носить званіе «рыцаря». Францискъ I закончилъ на себѣ это званіе. Онъ пожелалъ принять это достоинство изъ рукъ славнаго *Баярда* на полѣ сраженія. И Генрихъ IV дѣлалъ честь своему дворянству, объявивъ, что онъ считаетъ самаго себя изъ среды его.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ.

Права личностей заключаютъ въ себѣ узаконенія къ охраненію жизни и здоровья гражданина, его чести, значенія, особенныхъ преимуществъ, которыми отличается одно сословіе гражданъ отъ другихъ. Права собственности

касаются достоянія гражданина; хотя онѣ также не вытекаютъ непосредственно изъ права естественнаго, однакожъ служатъ основаніемъ всѣхъ существующихъ обществъ и условія ихъ выяспяются тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе какое либо общество успѣваетъ въ просвѣщеніи. Пастушескіе и кочующіе народы (номады) могутъ имѣть общее стяжаніе, непринадлежащее никому въ частности, но цѣлому народу, напр. обширныя степи, въ такомъ случаѣ составляющія уже причину вражды и ссоры съ сосѣдними народами. — Добыча, пріобрѣтенная войной, сосредоточивается въ одномъ пунктѣ и служитъ общею кассою, или дѣлится по жребію. Но земледѣліе, которое требуетъ постоянныхъ трудовъ впродолженіе круглаго года, присвоиваетъ участокъ земли тому, кто первый оросилъ ее пòтомъ чела своего. Право перваго завладѣвшаго имъ есть право освященное безмолвнымъ признаніемъ людей. Земледѣлецъ присоединяетъ къ той землѣ, которую воздѣлывая удобряетъ, нѣкоторую часть самаго себя: онъ прилагаетъ къ ней свой трудъ и пріобрѣтаетъ пропитаніе. Его сынъ, трудившійся съ нимъ и ближайшій къ нему по любви и природѣ, наслѣдуетъ его правамъ, потому что никто не имѣетъ причины того оспаривать. Подобный обычай обратился въ естественный порядокъ. Сдѣлалось возможнымъ перемѣнять одну ниву на другую и, по изобрѣтеніи денегъ — знаковъ достоянія — продавать или отдавать ее въ наемъ. Похитители земли были призываемы къ суду; между тѣмъ законы освятили владѣніе каждаго особенными условіями или актами, которые названы *крѣпостными актами* или просто *крѣпо-*

стями. Поэтому судебное объявленіе собственности составляетъ *отказъ;* но для прекращенія ябеды положенъ срокъ, послѣ котораго всякій споръ считается недѣйствительнымъ. Покупка заявляется особеннымъ актомъ, называемымъ *купчею,* такъ какъ и залогъ на условленное время заявляется *закладною;* другія различныя сдѣлки принадлежатъ къ отдѣлу *объ обязательствахъ*. Для должнаго порядка въ обществѣ опредѣлены степени родства, которыя имѣютъ право на наслѣдованіе. Въ особыхъ судахъ, называемыхъ *гражданскими судами,* разсматривается родословіе тяжущихся. — Завѣщаніе, — послѣдняя воля умирающаго, — свято исполняется законами, если оно имъ не противорѣчитъ.

УЧРЕЖДЕНІЯ ГРАЖДАНСКІЯ.

Исторія законовѣденія содержитъ въ себѣ безчисленное множество разнообразныхъ дѣлъ, зависящихъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, нравовъ, обычаевъ, мнѣній, и произшедшихъ въ теченіе продолжительнаго времени. Но систематическая теорія, не слѣдуя по нити постепенныхъ перемѣнъ, частныя событія относитъ къ немногимъ главнымъ правиламъ, которыя должны быть всегда постоянными и вѣрными, не смотря на новые роды обстоятельствъ. Подобный способъ имѣетъ то особенное преимущество, что чрезъ него можно сократить изученіе предмета и поставить себя на такую точку высоты, съ кото-

рой однимъ взглядомъ можно обнять обширнѣйшій кругъ знаній. Свѣтлый умъ *Монтескье* подобный способъ рѣшилъ примѣнить къ изученію законовъ. Устремивъ вниманіе на различіе правленій и климатовъ, онъ обозрѣлъ весь кругъ вселенной и какія ни встрѣчалъ противорѣчія въ законахъ, усиливался выводить ихъ изъ одного общаго начала. Его поражающія, острыя, часто глубокія мысли сообщаютъ его творенію прелесть новости. Но преткновеніе человѣческаго разума въ начертаніи системъ состоитъ въ томъ, что одна увлекательная идея, часто мало оправданная, служитъ имъ основаніемъ и, съ паденіемъ своимъ, разрушаетъ все зданіе. Такова идея Монтескье объ особенномъ вліяніи климатовъ, которому онъ подчиняетъ нѣкоторымъ образомъ начала справедливаго и несправедливаго, приличнаго и неприличнаго, и которое осудило бы нѣкоторые народы на вѣчное варварство и истязаніе. Дѣйствительно, вліяніе климата на физическое устройство человѣка не оспоримо, и подобное наблюденіе должно непремѣнно входить въ соображеніе законодателя, который, имѣя это въ виду, долженъ иное облегчить и исправить предписаніями и установленіями; но оно не можетъ измѣнить природу человѣка до такой степени, чтобы сдѣлать ее неспособною къ повиновенію разума и усвоить противныя понятія о добродѣтели и порокѣ. Обитатели Ганга и Темзы имѣютъ тѣже вліятельныя впечатлѣнія природы, тѣ же роды ощущенія и неодолимыя склонности; но успѣхи общества не одинаковы; притомъ умъ человѣка въ одной странѣ отяго-

щается предразсудками, въ другой направляетъ народъ къ всевозможному благополучію.

Спасительные и человѣколюбивые законы способствуютъ размноженію народа, оказываютъ каждому покровительство и доставляютъ способы къ существованію. Чѣмъ благоразумнѣе, чѣмъ справедливѣе, чѣмъ проще законы и чѣмъ исполненіе ихъ удобнѣе и точнѣе, тѣмъ счастливѣе народъ, который имъ повинуется.

Все, что лишаетъ народъ способовъ достигать возможно лучшаго блага, должно быть исключено изъ законоположенія. Мнимыя наслажденія порочными удовольствіями не составляютъ для человѣка благополучія. Роскошь, корыстолюбіе, нѣга, гордость, жестокосердіе столько же вредны человѣку частному, сколько гибельны и для цѣлаго государства.

Всѣ поставленія законовъ должны клониться къ счастію народа, какъ къ общему центру. Поэтому счастіе частнаго человѣка, противное счастію общему, не можетъ заслуживать одобренія законовъ. Человѣкъ, вышедши изъ среды естественнаго состоянія, сталъ членомъ общества подъ именемъ и съ именемъ гражданина не можетъ пользоваться его покровительствомъ, не отдавъ себя его пользамъ безусловно. Но общество, вышедшее также изъ среды естественнаго состоянія, основало и утвердило свои положительные законы. Первый обѣтъ его—охраненіе самаго себя и охраненіе частныхъ лицъ, составляющихъ общество, доколѣ они ему не враждебны. Злодѣи изгоняются изъ общества, потому что разрушаютъ его. Они преступленіемъ законовъ вооружаютъ цѣлое

общество, которое въ такомъ случаѣ вступаетъ въ права частнаго человѣка; ибо природа въ первобытномъ состояніи уполномочиваетъ каждаго человѣка защищаться силою отъ нанесенія обидъ. Общество соблюдая этотъ законъ, становится мстителемъ за каждаго. Отсюда *право наказанія*.

Общество обеспечиваетъ каждаго въ сохраненіи его правъ, которыя бываютъ или первоначальныя, или пріобрѣтенныя. Первыя суть: свободное пользованіе жизнію, природными способностями и дарованіями. Вторыя—права собственности, владѣнія и распоряженіе собственностію. Права пріобрѣтенныя получаютъ свое начало въ обществѣ. Понятіе о собственности рождается съ изобрѣтеніемъ промысловъ, искуствъ и съ пріобрѣтеніемъ состоянія. Собственность пріобрѣтается правомъ занятія, трудомъ, добровольною передачею имущества и наслѣдствомъ.

Всѣ постановленія, ограждающія взаимныя условія одного гражданина съ другимъ, называются *правами гражданскими*, въ отличіе отъ *права международнаго*, къ которому относятся взаимныя сношенія цѣлыхъ государствъ, принимаемыхъ за отдѣльныя тѣла въ естественномъ отношеніи, которымъ предоставляется самимъ защищаться и отражать нападенія. Законъ есть изъявленіе верховной власти, сообразное съ разумомъ естественнаго или общаго нравоученія, и способствующее къ достиженію благоденствія народа; онъ или повелѣваетъ или запрещаетъ что либо дѣлать подъ страхомъ наказанія преступнику.—Къ любви отечества принадлежитъ

любовь своихъ законовъ. Нѣтъ ничего достойнѣе любознательности благоразумнаго человѣка, какъ изученіе началъ и причинъ, приводящихъ въ движеніе весь составъ государства. Изъ безчисленнаго множества указовъ и правительственныхъ постановленій должно извлекать понятіе о разумѣ законовъ, о государственныхъ учрежденіяхъ, о правахъ и преимуществахъ, о различныхъ состояніяхъ и о способахъ дѣлопроизводства.

НАЧАЛО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ.

Одинъ человѣкъ, превосходящій множество другихъ дородностію тѣла, силою разума, твердостію духа въ опасностяхъ, искусствомъ въ порабощеніи, въ войнѣ, въ общежитіи, становится вождемъ своего народа—вотъ происхожденіе власти и подчиненности. Цвѣтъ юношества окружаетъ его особу и составляетъ кругъ благородныхъ; между тѣмъ большія массы народа наполняютъ ряды воинства или, слѣдуя просвѣщенію, обращаются къ воздѣлыванію земли, къ производительности и приготовленію потребностей и удобствъ общественной жизни. Добыча ловитвою, которою занимается цѣлый народъ дикихъ, можетъ продовольствовать его вообще, не принадлежа никому отдѣльно; но земледѣліе требуетъ круглый годъ постоянныхъ трудовъ одного производителя. Должно было послѣдовать раздѣленіе полей. Произошла собственность и стала однимъ изъ священныхъ правъ гражданина. Множество соединенныхъ семействъ сознали выгоду взаим-

ныхъ обязанностей и отказались отъ грозныхъ воинскихъ правъ къ отмщенію обидъ. Такимъ образомъ польза всѣхъ и каждаго, сдѣлавшись ощутительною цѣлому обществу, приняла священное наименованіе *закона*. Тогда страсти злоумышленія стали похищать у своего согражданина его жизнь, имущество, честь, спокойствіе; но принятый законъ сталъ его защищать, хотя бы самъ обиженный и не приносилъ обществу своей жалобы. Это благодѣтельное учрежденіе, для своего охраненія, требовало, чтобы оно было облечено нѣкоторою предписанною формою, простою и священною, и ввѣрено лицамъ избраннымъ, безпристрастнымъ и знающимъ.—Таково происхожденіе *власти судебной*.

Въ тѣ отдаленныя времена вождь народа былъ вмѣстѣ и непосредственнымъ полководцемъ, и законодателемъ, и судьею. Но, съ умноженіемъ государственныхъ потребностей, частныхъ нуждъ и удобныхъ способовъ къ избѣжанію правосудія, составилось отдѣльное сословіе людей, посвятившихъ все свое время на изученіе законовъ. Собирая безчисленные случаи распрей, притязаній, преступленій, и возводя ихъ къ общимъ началамъ, оно привело законы въ систему и, сравнивая частныя и случайныя узаконенія съ непреложными естественными законами, соединило законовѣденіе съ философіей. Съ тѣхъ поръ изученіе законовъ сдѣлалось предметомъ насколько важнымъ для философа, настолько необходимымъ для человѣка государственнаго. Этотъ предметъ обнимаетъ весь кругъ знанія всѣхъ возможныхъ отношеній членовъ общества другъ къ другу, и потому нѣтъ лучшаго счастія для на-

рода, когда ему дарованы законы справедливые, кроткіе, соотвѣтственные нуждамъ и свойствамъ народа — уважаемые государемъ и приводимые въ дѣйствіе судьями безпристрастными и градоначальниками справедливыми. Между людьми, можетъ быть, нѣтъ положенія болѣе блестящаго, какъ положеніе законодателя. Народы, впадшіе въ бѣдствія чрезъ пороки притѣснителей или чрезъ буйство безначалія, угрожающія имъ гибелью, иногда имѣютъ счастіе и благоразуміе безпрекословно покориться предписаніямъ мудраго законодателя. Греческій народъ имѣлъ прибѣжище въ своихъ мудрецахъ, которые выгоды и недостатки ихъ правленія сдѣлали единственнымъ предметомъ своего философствованія. Такимъ образомъ *Солонъ,* мудростію своихъ учрежденій возстановилъ Аѳины, боровшіеся съ своею погибелью. *Ликургъ,* смѣлымъ и превосходнымъ законоположеніемъ, создалъ *Спарту.* Но чтобы законы не были слабымъ оплотомъ, который могли бы извратить корыстолюбіе и своенравіе по своему произволу, и тотъ и другой заблагоразсудили неизмѣнность ихъ укрѣпить особеннымъ торжественнымъ запрещеніемъ и святостію клятвы. Солонъ написалъ свои законы въ храмѣ Минервы на четырехъ колоннахъ. Ликургъ избралъ добровольное удаленіе себя изъ отечества, взявъ клятву въ своихъ согражданъ не отмѣнять законовъ въ его отсутствіе. Для опыта введенія новыхъ закововъ приняты были мѣры дополненія ихъ, еслибъ они оказались недостаточными. Во всѣхъ демократіяхъ законодательную силу имѣетъ нѣкоторое число избранныхъ лицъ, представляющихъ народъ. — Римляне

для установленія законовъ учредили особенное правленіе *Децимвировъ* (десять мужей), и потомъ, сознавая недостатокъ въ нихъ, послали въ Аѳины для заимствованія изъ законовъ Солоновыхъ. Эти самые законы, впослѣдствіе времени дополненные, будучи открыты въ XII столѣтіи въ городѣ *Амальфи,* въ Италіи, послужили основаніемъ законовѣденія для новыхъ европейскихъ государствъ и теперь еще извѣстны подъ именемъ *римскаго права*.

Въ монархическомъ правленіи имѣетъ право издавать законы государь. Но есть среднія власти и блюстители законовъ, которыя, если найдутъ въ нихъ что либо несообразное съ пользами и выгодами народа, могутъ представлять о томъ своему монарху.

ОБЪ УЛОЖЕНІИ УГОЛОВНОМЪ.

Отъ власти законодательной, соединенной съ исполнительной, истекаетъ право судей для произнесенія приговоровъ противъ тѣхъ членовъ общества, которые возмущаютъ его спокойствіе, оскорбляютъ чистоту нравовъ и явно или тайно сопротивляются предписаніямъ законовъ. Отъ превосходства и кроткой справедливости уголовнаго уложенія по большей части зависитъ частное и общее благо.

Благотворная сила законовъ должна состоять болѣе въ предупрежденіи злодѣяній, нежели въ наказаніи ихъ. Разумно воспитывать юношество болѣе всего обязываетъ

общество для приготовленія отечеству изъ нарождающагося поколѣнія людей съ сердцемъ, неразвращенныхъ худыми примѣрами, въ которыхъ бы вмѣстѣ съ лѣтами и образованіемъ возрастали ненависть къ пороку и любовь къ добродѣтели и законамъ своего отечества. Страсти, коихъ начало вложено природою въ сердце человѣка, конечно будутъ увлекать ихъ за предѣлы пристойнаго и справедливаго; въ такомъ случаѣ уголовные законы, охраняющіе безопасность общества и отдѣльныхъ гражданъ, своею спасительною строгостію налагаютъ на нихъ крѣпкую узду. Но если уголовные законы тяжелѣе преступленій, неопредѣлены точностію, вручены слѣпому своенравію, предписаны предразсудкомъ и суевѣріемъ, подвержены многостороннему истолкованію пристрастныхъ судей; тогда вмѣсто того, чтобы служить къ охраненію и благу общества, они становятся его язвой. — Въ такомъ состояніи государство Японское. Оно томится подъ столь тяжолымъ игомъ законовъ, что отъ жестокости ихъ кажется содрогается сама природа. Въ счастливыхъ нѣкогда областяхъ Греціи нынѣ алчный и хладнокровный паша обогащается на счетъ казней невинныхъ. Въ странахъ, гдѣ человѣколюбивая религія внушила братскую любовь и гдѣ просвѣщеніе стало въ защиту естественныхъ правъ человѣка, принимаютъ величайшую осторожность въ осужденіи виновнаго; тутъ полагается за правило, что *лучше простить многихъ виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго.* Въ виду этого начертаны особыя формы суда, охраняющія жизнь обвиненнаго гражданина: ему подается совѣтъ, опредѣляется особый ходатай и время

для принесенія оправданія; кромѣ того участь его поручается извѣстному числу присяжныхъ, взятыхъ изъ его же сословія, которые, произнося приговоръ надъ нимъ, произносятъ его нѣкоторымъ образомъ и надъ самими собою. Однакожъ не всегда поступали съ человѣчествомъ столь кротко. Въ невѣжественныя времена, законы, свойства которыхъ должны быть совершенно безпристрастны, дышали злобою противъ обвиняемыхъ, часто невинныхъ. Терзая человѣка, полагали открыть истину прежде нежели находили въ немъ тѣнь злодѣянія. Поражаешься ужасомъ при одномъ произношеніи презрѣннаго слова *пытка!* Россіи первой принадлежитъ честь отмѣны этого варварскаго и безполезнаго способа допроса и сознанія. Ея человѣколюбивое законодательство отмѣнило смертныя и тѣлесныя казни, обращая замыхъ злодѣевъ въ пользу государства поселеніемъ ихъ въ отдаленныхъ малолюдныхъ странахъ и занятіемъ ихъ рукъ общеполезными работами. Силу законовъ, которая отнимаетъ у гражданина то, чего дать не можетъ, т. е. жизнь, оправдываетъ уже то обстоятельство, что, еслибъ она была ему сохранена, могла бы служить гибельнымъ примѣромъ для цѣлаго общества; тогда какъ главная цѣль уголовныхъ законовъ должна быть всегда благо общее.

О СУДЕБНОМЪ ПОРЯДКѢ.

Законы, утвержденные законодательною властью, соблюдаются судьями, которые произносятъ приговоры надъ

виновными; въ дѣйствіе же приводятся властью исполнительною. Всѣ эти учрежденія имѣютъ предписанные имъ предѣлы, формы и порядки, съ тою цѣлью, чтобы своенравіе и корыстолюбіе частныхъ лицъ не отягощали общества громадою законовъ. Чувства правосудія и человѣколюбія, возникающія обыкновенно въ природѣ человѣка, управляемыя благоразуміемъ градоначальниковъ, особенно въ средѣ народовъ образованныхъ, принимаютъ подъ свое покровительство собственность, жизнь, честь и свободу гражданина. Далѣе соблюдается всевозможная осторожность, чтобы не оскорбить невиннаго, не принять ложныхъ доказательствъ за истину, не допустить недобросовѣстныхъ свидѣтелей, не извлечь страхомъ изъ устъ слабаго ложныхъ признаній, не заставить его страдать напрасно лишеніемъ свободы, поруганіемъ, изнуреніемъ. За тѣмъ, судамъ предписаны нѣкоторыя неизмѣняемыя священныя формы; предписанъ порядокъ, по которому они должны изслѣдовать истину и убѣдиться, точно ли совершено обвиняемымъ то преступленіе, которое возводятъ на него донощики и обвинители, и подлинно ли онъ подлежитъ осужденію законовъ; учреждены степени между судами, дабы дѣло изъ суда низшей степени переносилось чрезъ нѣсколько инстанцій въ верховный судъ, который приговоръ низшихъ степеней суда или утверждаетъ или опровергаетъ.

У древнихъ суды производились на стогнахъ, т. е. на открытыхъ площадяхъ, или въ общественныхъ зданіяхъ. Опредѣленные градоначальники предсѣдательствовали въ совѣтѣ судей избранныхъ изъ разныхъ сословій

народа. Краснорѣчивые граждане искали себѣ извѣстности обвиненіемъ злыхъ или защищеніемъ невинныхъ. Мы имѣемъ тяжебныя рѣчи нѣкоторыхъ аѳинскихъ ораторовъ, какъ то: *Лизіа, Ликурга, Есхина, Демосфена. Цицеронъ,* по исполненіи со славою первыхъ служебныхъ должностей республики, не отказывался говорить въ судѣ за своихъ друзей. Судьи, по выслушаніи рѣчей, написывали на дощечкахъ слова осужденія, оправданія, или сомнѣнія.

МЫСЛИ, ЗАМѢТКИ И ОТРЫВКИ.

Съ кѣмъ мы обращаемся, тѣми питается наше сердце. Наши друзья, наши художники-литейщики, которые переливаютъ его.

Къ этому можно прибавить изъ Горація: «Скажи съ кѣмъ ты живешь, а я скажу кто ты таковъ».

Чѣмъ заняты наши мысли, то просвѣчиваетъ сквозь наше притворство, молчаніе и праздность. Порочные, не обманывайтесь что васъ не узнаютъ!

Дурной человѣкъ ненавидитъ добраго; но доброму не нравится дурной.

Не уважаетъ никого лишь презрѣнный и презирающій самаго себя.

Желаетъ умереть тотъ, кто чувствуетъ себя недостойнымъ жить.

Нельзя быть достаточно осторожнымъ, чтобъ удержать друзей въ одинаково хорошемъ расположеніи.

Кто мало читаетъ, тотъ лишается многихъ случаевъ припоминать хорошія правила, упражнять свой умъ и чувства: его воображеніе тупѣетъ и понятія смѣшиваются.

Что въ знаніяхъ, если неруководятъ ими чувства сердца? Желаніе отличія—чувство сердца благороднаго и способнаго вовзышаться. Человѣкъ малодушный, ненадѣясь на самаго себя, предпочитаетъ праздность и лѣность созерцанію прекраснаго, которое утратило для него свои прелести.

Добрый хотя иногда и чувствуетъ скуку, за то его душа столь богата прекраснымъ, что ей довольно самой себя.

Есть въ свѣтѣ прекрасное, и если мы его не видимъ, то причина тому наши пороки.

Не нужно быть строгимъ ни къ кому, кромѣ себя.

Другъ твой человѣкъ; будь ты только ему другомъ.

Мысль порочная — вождь порока.

Будь добродѣтеленъ, хотя бы и смѣшно было быть такимъ.

Узнавъ добраго человѣка не говори про себя: много такихъ!

Отчаянье ослѣпляетъ разумъ.

Уединеніе страшно для порочныхъ.

Угрызеніе — союзъ добродѣтели съ порокомъ.

Дарованія старайся сберегать, или имѣй мужество отказаться отъ нихъ.

Помни что бѣдный теперь же терпитъ голодъ.

Подумай, не долженъ ли ты въ эти же минуты исполнить что нибудь полезное.

Не вѣрь и молчи, когда станутъ приписывать тебѣ добродѣтели, которыхъ ты не имѣешь.

Когда ты полюбишь человѣка вновь—это достоинство; когда ты охладѣешь къ тому, кого любилъ—это несчастіе: ты сдѣлался хуже.

Всѣ животныя подвержены страданіямъ; врачевать ихъ достойно человѣка; одного его достойно знать дары природы — силы вредныя и полезныя.

Когда ты видишь пороки людей великихъ, ты не все видишь, потому что ослѣпляешься блескомъ ихъ обстановки.

Чтобъ судить о книгахъ, нужно читать; чтобъ судить о людяхъ, нужно съ ними обращаться. Спокойный отшельникъ не знаетъ всѣхъ хорошихъ и глупыхъ дѣйствій человѣка. Лучшій профессоръ нравственной философіи можетъ быть невѣждой въ тонкостяхъ и приличіяхъ свѣтскаго обращенія, если онъ не слушалъ лекцій въ кругу большаго свѣта. Его утомятъ знанія и его правильный образъ мыслей не угадаетъ пріятностей жизни.

О, какъ несчастливъ долженъ быть тотъ, кто когда либо слышалъ изъ устъ своего ближняго: ты причина несчастій моей жизни!

Кто питаетъ въ душѣ только низкія побужденія тѣла, тотъ не способенъ къ высшимъ нравственнымъ ощущеніямъ.

ПОСЛѢДНЕЕ ЖЕЛАНІЕ М. Н. МУРАВЬЕВА.

(Служащее окончаніемъ послѣдней (3-й) части его сочиненій).

Совершенство, до котораго я желалъ бы достигнуть въ состояніи моей души, кажется, только тѣмъ бы и ограничивалось, чтобъ умѣть снискать себѣ пріятныя и полезныя сообщества; чтобы сдѣлаться хотя нѣсколько терпимымъ въ манерѣ обхожденія и, не льстя себѣ, быть чрезъ это достойнымъ любви, покрайней мѣрѣ не быть причиною лишенія удовольствій ближнихъ, чтобы сердце мое предохранить отъ пагубнаго состоянія холодности (я не хочу имѣть его, если оно лишено счастія имѣть друга и другу открывать чувства искренней и разумной привязанности; чтобы любовь къ добродѣтели иногда одушевляла наши жаркія бесѣды. Но какъ въ обращеніи съ людьми нельзя быть всегда веселымъ и забавнымъ, нельзя не сдѣлаться скучнымъ самому себѣ и другимъ; то послѣднее мое желаніе: *умѣть наслаждаться уединеніемъ.* Ахъ! какъ счастливъ тотъ, кто не затворилъ сердца своего для безмолвныхъ восторговъ, для утѣшительныхъ размышленій, его сопровождающихъ. Минуты опустѣнія въ душѣ ужасны; минуты размышленія и труда вмѣстѣ и минуты наслажденія. Свѣтильникъ никогда лучше не горитъ, какъ въ тѣ минуты, когда порывъ окружающаго его воздуха сообщаетъ порядочное движеніе пламени. Не тѣсенъ ли кругъ упражненій для души?... Не мало-ли предметовъ, надъ коими должно остановиться ея вниманіе?... Созерцаніе природы, углубленіе въ самаго

себя, ведущія къ величественному созерцанію *Невидимаго,* могутъ быть замѣняемы легчайшими движеніями сердца и разума. Мои лѣта еще извиняютъ мнѣ мою привязанность къ искуствамъ непостояннымъ, но требующимъ душевныхъ усилій. Меня должна приготовить наука, потому что невоздѣланная нива не приноситъ труда. Порядокъ въ занятіяхъ чтеніемъ есть существенная часть науки, а чтеніе есть одно изъ священнѣйшихъ обязанностей человѣка.

Отдѣлъ II.

Изъ сочиненій Ж. Ж. Руссо *).

БОГЪ.

Не произноси имени
Бога, но знай Его,
Вѣрь Ему, иди къ Нему,
Веди къ нему.
В. Жуковскій.

Существо, которое хочетъ и можетъ, существо само собою дѣйствующее, словомъ это существо — какое бы оно нибыло—движущее вселенную и управляющее всѣмъ, называю я Богомъ. Къ этому имени присоединяю я уже составленныя мною идеи о разумѣ, могуществѣ, о волѣ и понятіе о благости, какъ необходимомъ ихъ слѣдствіи, но чрезъ это я нисколько не лучше познаю то существо, которому приписываю подобныя свойства. Оно одинаково скрыто какъ отъ моихъ чувствъ, такъ и отъ моего разумѣнія. Чѣмъ болѣе о немъ разсуждаю, тѣмъ болѣе теряюсь въ своихъ мысляхъ. Но я искренно увѣренъ, что

---

*) Les Pensées de I. I. Rousseau, citoyen de Genêve. T. I. A Paris. 1773.

оно существуетъ и существуетъ само собою; знаю, что отъ него зависитъ мое бытіе и всѣ творенія. Мы познаемъ Бога вездѣ въ Его дѣлахъ, чувствуемъ Его въ самихъ себѣ, видимъ Его во всемъ окружающемъ насъ; но какъ скоро помышляемъ разсматривать Его въ самомъ существѣ, какъ скоро пожелаемъ вникать и изслѣдовать гдѣ Онъ, что такое Онъ, какая Его самобытность; то Онъ отъ насъ скрывается и нашъ смятенный разумъ уже ничего не понимаетъ.

Богъ есть существо разумнѣйшее; но въ какомъ смыслѣ? Мы называемъ человѣка также разумнымъ, когда онъ разсуждаетъ: верховнѣйшій умъ не имѣетъ нужды въ умствованіяхъ; для него нѣтъ ни посылокъ, ни слѣдствій; нѣтъ ни самаго даже предложенія; Его разумъ совершенно всеобъемлющъ. Онъ равно видитъ все, что есть, и все что быть можетъ. Для него всѣ истины — одна только идея, какъ и всѣ мѣста — одна точка, всѣ времена — одно мгновеніе.

Сила человѣческая дѣйствуетъ съ помощію средствъ; сила Бога дѣйствуетъ сама собою. Богъ можетъ потому, что хочетъ; Его воля есть его могущество.

Богъ благъ — это извѣстно болѣе всего; Его благость есть любовь добра, порядка, по средствомъ котораго Онъ сохраняетъ все, что существутъ, и каждую часть соединяетъ съ цѣлымъ; но благость человѣка — любовь къ подобнымъ себѣ.

Богъ правосуденъ — въ этомъ мы внѣ малѣйшаго сомнѣнія—это слѣдствіе Его благости; неправосудіе людей— дѣло ихъ, а не Его. Нравственный безпорядокъ, опровер

гающій провидѣніе въ глазахъ философовъ — въ моихъ только доказываетъ его. Справедливость человѣческая состоитъ въ томъ, чтобъ каждому воздавать должное; а правосудіе Божіе состоитъ въ истребованіи отъ каждаго отчета въ томъ, что кому благоволилъ Онъ дать.

Изъ всѣхъ свойствъ всемогущаго Божества благодать есть такой даръ, безъ котораго мы можемъ понимать Его очень мало. Римляне справедливо называли Бога верховнѣйшимъ (Optimus, Maximus), но гораздо бы точнѣе изобразили Его, еслибъ называли величайшимъ и всеблагимъ (Maximus, Optimus), ибо Его благодать проистекаетъ изъ Его могущества: Онъ благъ, потому что великъ.

Неужели станемъ мы проникать въ метафизическія бездны, неимѣющія ни дна, ни берега? Неужели станемъ терять въ словопреніяхъ о Существѣ Бога столь краткое время, данное намъ на то, чтобы почитать Его? Правда, мы не знаемъ, въ чемъ состоитъ сущность Бога; но тѣмъ не менѣе знаемъ, что она есть: для насъ уже и этого довольно. Она видима во всѣхъ ея твореніяхъ; мы ощущаемъ ее въ самихъ себѣ, и можемъ спорить о ней; но отвергать ее, изъ доброй совѣсти, никогда не можемъ.

Чѣмъ болѣе усиливаюсь я разсматривать сущность Бога, тѣмъ менѣе ее понимаю; тѣмъ болѣе ее обожаю. Повергаюсь передъ ней и взываю: Существо существъ! я существую, потому что существуешь Ты. Помышлять о Тебѣ безпрестанно—значитъ возвышаться къ моему источнику, уничижаться передъ Тобою — самое приличнѣйшее

употребленіе моего разума; чувствовать и сознавать Твое величіе есть восхищеніе моего духа и величайшая отрада моей слабости.

Все существуетъ чрезъ Сущаго. Онъ даетъ цѣль правосудію, — основаніе добродѣтели, цѣну сей краткой жизни, опредѣленной на то, чтобъ угождать Ему. Онъ-то безпрестанно напоминаетъ виновнымъ, что ихъ самые тайные пороки, всѣ передъ Нимъ явны; а забытому праведнику вѣщаетъ: твои добродѣтели имѣютъ свидѣтеля! Это-то вѣчное существо есть истинный образъ совершенствъ, подобіе Коего мы носимъ въ самихъ себѣ. Наши страсти не могутъ исказить Его; всѣ черты, соединенныя съ безконечною сущностію, всегда представляются нашему уму и служатъ къ возстановленію въ немъ того, что испортили обманъ и заблужденіе.

Нужно желать, чтобъ былъ Богъ, тогда человѣкъ въ бытіи Его никогда не будетъ сомнѣваться. Упражняя свой умъ, образуя его и не употребляя во зло непосредственно дарованныхъ мнѣ Богомъ способностей, я научусь отъ самаго себя познавать Его, любить Его и Его творенія; научусь желать того блага, какого желаетъ Онъ и, чтобы угождать Ему, исполнять въ этомъ мірѣ свои обязанности. Но всему этому еще болѣе научитъ меня знаніе свѣта и людей.

Источникъ правосудія и истины, Боже милосердый и всеблагій! въ упованіи моемъ на Тебя самое высшее желаніе моей души исполнять волю Твою. Соединяя съ нею волю мою собственную, я дѣлаю то, что тебѣ угодно; лишь я положусь на Твою благость, то мнѣ кажется, чтоя уже

вкушаю часть того блаженства, которое назначено за то въ награду.

ВСЕЛЕННАЯ И ВЕРХОВНѢЙШІЙ УМЪ.

Книга природы открыта передъ глазами каждаго. Изъ этой-то великой книги научаюсь я служить и поклоняться божественному ея Творцу. Тотъ, кто не читаетъ этой книги, недостоинъ извиненія; потому что она говоритъ языкомъ вразумительнымъ для понятія каждаго.

Если простое движеніе матеріи доказываетъ мнѣ волю существа внѣ ея; то вещество, движимое по извѣстнымъ законамъ, убѣждаетъ меня въ бытіи ума.—Дѣйствовать, сравнивать, избирать, сочетать—суть свойства существа дѣятельнаго и мыслящаго: и такъ оно есть. Но гдѣ вы видите бытіе Его? Вездѣ, не только въ вращающихся небесахъ, въ свѣтилахъ насъ озаряющихъ, не только въ себѣ самыхъ, но даже въ пасущемся овнѣ, въ летающей птицѣ, въ падающемъ камнѣ, въ листѣ развѣваемомъ дуновеніемъ вѣтра.

Я разсуждаю о порядкѣ міра, хотя не знаю его конца; ибо, чтобы судить о такомъ порядкѣ, для меня должно сравнивать части между собою, разсматривать ихъ взаимныя дѣйствія, отношенія и замѣчать ихъ гармонію. Я не знаю, для чего существуетъ вселенная, но не могу не видѣть, какъ она устроена; не могу не примѣтить той внутренней связи, посредствомъ которой существа напол-

няющія вселенную сообщаютъ другъ другу свое пособіе. Я уподобляюсь тому человѣку, который, въ первый разъ увидѣвъ открытую внутренность часовъ, не преминетъ удивляться искусному ихъ устройству, хотя не будетъ знать, къ чему служитъ эта машина, и не будетъ видѣть показательнаго круга или циферблата. Онъ скажетъ; «я не знаю, почему все это такъ хорошо; но я вижу, что каждая часть устроена одна для другой; удивляюсь художнику въ аккуратности его работы и твердо увѣренъ, что сіи колеса движутся столь согласно единственно для общей цѣли, которой я усмотрѣть не могу».

Сравнимъ частныя цѣли, средства, поочередныя всякаго рода соотношенія, потомъ послѣдуемъ внутреннему чувству: можетъ ли здравый разсудокъ не признать свидѣтельства своего собственнаго? Какіе непомраченные глаза могутъ не видѣть въ ощутительнѣйшемъ порядкѣ міра нѣкоего ума верховнѣйшаго, и сколько нужно хитросплетенныхъ доказательствъ къ опроверженію гармоніи существъ и удивительнаго способствованія каждой части для сохраненія прочихъ! Пусть другія твердятъ сколько угодно о сцѣпленіи атомовъ и о слѣпомъ случаѣ. Какая имъ польза заставитъ меня молчать, когда не могутъ меня убѣдить! И какъ лишать меня того невольнаго чувства, которое, по мимо меня, всегда обличаетъ ихъ во лжи!

Я читалъ *Нѣвентита* съ ужасомъ и даже съ соблазномъ, какъ этотъ человѣкъ осмѣлился писать книгу о чудесахъ природы, представляющихъ премудрость ея Творца! Его книга была бы настолько кратъ велика, какъ и самый міръ, не вмѣстивъ еще и тогда всего его содер-

жанія, и, главное, какъ скоро кто пускается въ подробности, тотъ пропускаетъ чудо самое крупное, которое есть цѣлость и гармонія всего. Одно рожденіе живыхъ и организованныхъ тѣлъ уже есть бездна для человѣческаго ума. Непреоборимая преграда поставленная природою между различными родами существъ, чтобы они не смѣшивались, ясно показываютъ ея намѣренія. Она не довольствовалась однимъ только установленіемъ порядка; но и приняла извѣстныя мѣры къ тому, чтобъ ничто не могло его нарушить.

Нѣтъ во вселенной такого существа, которое нельзя было бы нѣкоторымъ образомъ считать за всеобщій центръ всѣхъ другихъ существъ, около котораго они такъ расположены, что всѣ служатъ другъ другу цѣлями и средствами. Разумъ смѣшивается и теряется въ этихъ безконечныхъ отношеніяхъ, изъ которыхъ ни одно не смѣшивается и не теряется во множествѣ. Какое множество нелѣпыхъ предположеній нужно допустить, чтобъ изъ слѣпаго механизма матеріи, случайно движимой, вывести всю эту гармонію! Тѣ, которые рѣшались опровергать единство намѣренія, столь очевиднаго во взаимностяхъ всѣхъ частей великаго сего цѣлаго, сколько ни прикрывали своихъ бредней умоотвлеченіями, общими началами и эмблематическими терминами и что они ни дѣлали,—но для меня все-таки не возможно вообразить системы существъ столь стройно и постоянно расположенныхъ, не вообразивъ при томъ и разума, устроившаго эту систему. Не отъ насъ зависитъ вѣрить, что страдательная и мертвая матерія могла произвесть живущія и мыслящія существа, что слѣпой слу-

чай могъ произвесть существа разумныя, что нѣчто не мыслящее могло произвесть существа умствующіе *).

Опытъ и наблюденія открыли намъ законы движенія: но эти законы опредѣляютъ лишь дѣйствія, не показывая причинъ; они недостаточны для объясненія системы міра и хода вселенной. *Декартъ* полагаетъ, что вселенная составлена изъ какихъ то *шариковъ,* но онъ не могъ придать первоначальнаго колебанія этимъ шарикамъ, ни привесть въ движеніе свою центробѣжную силу безъ помощи кругообращенія. *Ньютонъ* открылъ законъ *притяженія;* но одно *притяженіе* вдругъ могло бы превратить всю вселенную въ неподвижную массу. Къ сему закону присоединилъ онъ *силу верженія,* которая понуждала бы небесныя тѣла описывать ихъ кривыя линіи. Пусть Декартъ скажетъ намъ, по какому естественному закону обращаются его *вихри* (tourbillons); пусть Ньютонъ покажетъ намъ руку, бросившую планеты на касательную линію ихъ круговъ (orbites).

Философъ, льстящійся проникнуть въ тайны Бога, осмѣливается мудрость свою подружить съ Премудростью вѣчною; онъ одобряетъ, порицаетъ, исправляетъ и предписываетъ законы природѣ, а Божеству границы. Между тѣмъ какъ подобный философъ занимаясь своими пустыми теоріями системъ, предается тысячѣ хлопотъ, дабы привести въ порядокъ махину міра — смиренный земле-

*) Это мнѣніе нѣкоторыхъ древнихъ философовъ, изъ коихъ одинъ полагалъ, что міръ сотворенъ изъ нѣкоторой несозданной матеріи; а другой утверждалъ, что атомы, случай и пустота—суть начала всѣхъ вещей.

дѣлецъ, взирая на дождь и солнцѣ, попеременно оплодотворяющія его нивы, удивляется, прославляетъ, благословляетъ и лобызаетъ Десницу, ниспосылающую ему сіи блага, не испытывая, какими путями они къ нему доходятъ. Онъ не старается оправдывать посредствомъ невѣрія свое невѣжество или свои пороки.

Никогда безумныя слова Альфонса X, короля Кастильскаго *) не прійдутъ въ голову простаго человѣка; подобное богохульство свойственно только ученому невѣждѣ!

ЕВАНГЕЛІЕ.

Божественная книга! Ты собственно одна необходима христіанину и полезнѣйшая изъ всѣхъ даже самому язычнику. Твой единственный предметъ научать насъ—питать въ душѣ любовь къ своему Творцу, и желаніе исполнять Его волю. Никакая добродѣтель никогда не изъяснялась столь краснорѣчивымъ языкомъ! Никакая высокая мудрость не изъяснялась столь ясною выразительностью и простотою! Отъ чтенія Тебя нельзя отстать не почувствовавъ себя лучшимъ противъ прежняго.

Величіе творенія изумительно, и святость его прямо говоритъ сердцу каждаго. Вникните въ напыщенныя кни-

*) Онъ говорилъ, что еслибъ Богъ, при сотвореніи міра, призвалъ его на совѣтъ, то онъ далъ бы ему изрядныя наставленія. Поводъ къ такому безумному вольнодумству сего государя подало то множество безполезныхъ системъ математиковъ его вѣка (XIII с.), которые измышляли ихъ для объясненія движенія небесныхъ тѣлъ.

ги философовъ и увидите, какъ онѣ ничтожны передъ книгою Евангелія! Возможно-ли, чтобы книга столь высокая и вмѣстѣ столь простая была твореніемъ человѣческимъ? Возможно-ли, чтобы Тотъ, котораго она излагаетъ исторію, былъ только человѣкомъ? Такой ли слышится голосъ вождя отчаяннаго или высокоумнаго и хитраго? Между тѣмъ какая кротость въ Его рѣчахъ, какая непорочность въ Его нравахъ! Какая убѣдительная кротость въ Его поученіяхъ и какое величіе въ Его правилахъ! Какая глубокая мудрость въ Его бесѣдахъ! Какое присутствіе духа, какая тонкость и справедливость въ Его отвѣтахъ! какая сила въ его словахъ къ укрощенію страстей! Пусть кто либо укажетъ, хотя на одного человѣка мудреца, который бы могъ, не бывъ причастенъ малѣйшей слабости и тщеславію, возлюбить истину, пострадать и умереть за нее! Когда философъ Платонъ описываетъ воображаемаго имъ праведника, укоряемаго всякимъ позорнымъ преступленіемъ и вмѣстѣ достойнымъ великой награды за добродѣтель, онъ изображаетъ совершенное подобіе Іисуса Христа. — Сходство столь поразительно, что всѣ Отцы Церкви его почувствовали, и что обмануться въ этомъ было невозможно; нужно помрачиться въ разсудкѣ, чтобы осмѣливаться сравнить сына Софрониска съ *Сыномъ Маріи!* Какую разность между нимъ представляетъ *Сократъ,* который умирая безъ горести, безъ поношенія, могъ легко до послѣдней минуты сохранить свой обыкновенный видъ; и еслибъ его жизнь не украшала столь легкой смерти, можно было бы подумать, что онъ при всемъ своемъ высокомъ умѣ былъ ни-

что иное, какъ софистъ. Говорятъ, онъ основалъ науку о правахъ; между тѣмъ какъ ее показали другіе на самомъ дѣлѣ уже прежде его; онъ провозглашалъ только то, что уже дѣлали другіе и привелъ въ порядокъ только ихъ примѣры. — *Аристидъ* былъ справедливъ прежде нежели Сократъ сказалъ, что такое справедливость. *Леонидъ* умеръ за свое отечество прежде, нежели Сократъ поставляетъ въ обязанность любить свое отечество. *Спарта* была трезвою прежде, нежели Сократъ сталъ ее превозносить; онъ и не прославлялъ еще добродѣтели, какъ Греція уже изобиловала добродѣтельными людьми. Но, спрашивается, отъ кого Іисусъ у своихъ могъ заимствовать ту столь высокую и чистую нравственность, которой Онъ былъ единственнымъ наставникомъ и учителемъ?

Смерть Сократа, спокойно разсуждающаго въ послѣднія минуты жизни съ своими друзьями, самая кратчайшая. — Смерть нашего *Спасителя,* изнывающаго въ мученіяхъ, поруганнаго, осмѣяннаго, оклеветаннаго всѣмъ народомъ, самая ужасная, какой только можно страшиться!

Сократъ принимая смертоносный сосудъ, благословляетъ того, кто поднесъ его, обливаясь слезами; но Спаситель нашъ, въ минуты своего мученія, молится за своихъ тирановъ — мучителей. Поэтому если, жизнь и смерть Сократа являетъ въ немъ мудреца, то жизнь и смерть Спасителя всецѣло доказываетъ въ Немъ Бога. Однакожъ, не смотря на то, иные, зараженные духомъ отрицанія истины, можетъ быть скажутъ, что исторія Евангелія не болѣе какъ вымыслъ для шутки. На это нужно

сказать, что вымышляютъ далеко не такъ; и дѣла Сократа, если никто не подвергаетъ ихъ сомнѣнію, не столько засвидѣтельствованы, сколько дѣянія Іисуса Христа. Въ самомъ дѣлѣ, устранять трудность, не побѣдивъ ее, было бы не понятнѣе того, чтобъ нѣсколько человѣкъ вдругъ составили такую книгу, содержаніе которой могъ наполнить собою только одинъ. Еврейскіе писатели никогда не достигали до такого слога, никогда не постигали такихъ мыслей нравоученія; между тѣмъ, Евангеліе заключаетъ въ себѣ свойства истины столь великія, столь поразительныя и столь неподражаемыя, что изобрѣтатель его былъ бы удивительнѣе самаго героя.

Христіанство, въ своемъ основаніи, представляетъ ту всеобщую религію, которая не имѣетъ ничего исключительнаго, ничего мѣстнаго, ничего тому подобнаго, что было бы болѣе свойственно одной странѣ, нежели другой. Божественный его основатель, обьемля равно любовію всѣхъ людей изгладилъ границы, раздѣлявшія націи и союзомъ братства соединилъ весь родъ человѣческій въ одинъ народъ, *ибо во всякомъ языцѣ бояйся Его и дѣлаяй правду угоденъ есть Ему* (Дѣян. Гл. 10, ст. 35).

Непонятно, почему изящное ученіе о нравахъ, въ нашихъ книгахъ, приписываютъ успѣхамъ философіи; тогда какъ оно заимствовано прямо изъ Евангелія и было христіанскимъ прежде, нежели философскимъ. Положимъ, что правила Платона весьма высокаго свойства; но какъ онъ часто ошибается тамъ, гдѣ вовсе не должно быть ошибкамъ. Что касается *Цицерона,* то нельзя вѣрить, чтобы этотъ ораторъ написалъ свои «обязанности», не

заимствуя ничего изъ сочиненій Платона. И такъ одно только Евангеліе, въ отношеніи правилъ нравственности, всегда пребудетъ вѣрно, истинно, одинаково и всегда неизмѣнно.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Слово добродѣтель означаетъ высокую отличительную черту человѣка.

Добродѣтельный человѣкъ тотъ, кто умѣетъ побѣждать свои страсти.

Добродѣтель свойственна существу слабому своею природой, но сильному своей волей; въ этомъ состоитъ достоинство справедливаго человѣка.

Исполненіе высокихъ добродѣтелей возвышаетъ и питаетъ духъ.

Исполненіе добродѣтелей общественныхъ рождаетъ въ сердцѣ любовь къ человѣчеству: добрыми дѣлаются неиначе какъ дѣлая добро; вѣрнѣйшей практики быть не можетъ. Личности извѣстной нравственности, превращающія такъ сказать другихъ въ самихъ себя, имѣютъ такую сферу дѣятельности, въ которой имъ ничто не противостоитъ; ихъ нельзя не знать и не захотѣть имъ подражать: ихъ высокія качества привлекаютъ къ себѣ каждаго изъ окружающихъ ихъ.

Отказаться отъ добродѣтели не такъ легко, какъ думаютъ. Она долго тревожитъ тѣхъ, которые ее оставляютъ; а ея прелести, составляющія утѣшеніе душъ непо-

рочныхъ, служатъ первымъ наказаніемъ для того злобнаго, который еще любитъ ихъ, но уже не можетъ ими наслаждаться.

Она столь необходима нашей душѣ, что, если человѣкъ однажды утрачиваетъ ея истинное, то потомъ возстановляетъ ея качества и тѣмъ сильнѣе, можетъ быть, удерживаетъ ее, что она составляетъ наше любое.

Если иногда и бываетъ трудно приносить жертвы добродѣтели; то зато, принесши ее, какое питаешь отрадное чувство!... Не было еще примѣровъ, чтобы кто раскаивался въ добромъ дѣлѣ....

Душа, будучи однажды испорчена, почти на всегда остается такою, и уже не возвращается въ самое себя; развѣ какой либо неожиданный переворотъ, или какая либо суровая перемѣна въ счастіи и состояніи вдругъ измѣнитъ ея отношенія, и сильнымъ потрясеніемъ поможетъ ей прійти въ прежнее положеніе. Въ этомъ всеобщемъ разрушеніи ея привычекъ и ограниченіи страстей она иногда принимаетъ первоначальный характеръ и дѣлается какъ бы новымъ существомъ, недавно вышедшимъ изъ рукъ природы. Тогда воспоминаніе о прежнемъ ея униженномъ состояніи можетъ послужить средствомъ предохраненія ея отъ вторичнаго паденія.—Вчера мы были подлы и слабы; сегодня сильны и великодушны. Разсматривая себя ближе въ этихъ двухъ столь различныхъ состояніяхъ, мы понимаемъ лучше цѣну того состоянія, въ которое опять пришли и стараемся утвердить себя въ немъ болѣе.

Все наслажденіе добродѣтели есть внутреннее и извѣстно только тому, кто его ощущаетъ; между тѣмъ какъ

всѣ удовольствія порока бросаются въ глаза каждаго: ихъ испытываютъ и знаютъ имъ цѣну только порочныя и вотъ, можетъ быть, причина, почему можно судить о преимуществахъ порока и добродѣтели.

Только однѣ пламенныя души умѣютъ сражаться и побѣждать; всѣ великіе подвиги, всѣ высокія дѣянія свойственны только имъ. Хладнокровный разсудокъ никогда не производилъ ничего блистательнаго, и торжествуетъ надъ страстями не иначе, какъ противополагая ихъ одну другой. Но если возносится душа добродѣтельная, она господствуетъ надъ всѣмъ и все сохраняетъ въ равновѣсіи; такъ образуетъ себя истинно мудрый. Онъ не только не поддается, подобно другимъ, вліяніямъ страстей, но и умѣетъ ихъ побѣждать посредствомъ ихъ самихъ, подобно искусному штурману, плавающему при самыхъ неблагопріятныхъ вѣтрахъ.

Добродѣтель уподобляется военному состоянію; чтобъ жить съ нею, всегда нужно вести нѣкоторую борьбу съ самимъ собою.

Если жизнь кажется краткою для удовольствій, то сколь она продолжительна для добродѣтелей! Нужно быть безпрестанно на стражѣ. Минута наслажденія проходитъ и болѣе не возвращается; такая же минута вредная проходитъ и безпрестанно повторяется; на минуту забудешься и погибаешь.

Ложный стыдъ и опасеніе подвергнуться осужденію внушаютъ болѣе дурныхъ, нежели хорошихъ поступковъ; но добродѣтель стыдится только одного дурнаго.

Иной хвастаетъ своей философіей и воображаетъ сдѣ-

латься добродѣтельнымъ по методѣ, будучи уже такимъ по природѣ; но и стоическая слава, отличающая его поступки, состоитъ въ украшеніи лестными умствованіями той стороны, которую побуждаетъ защищать его сердце.

Кто привязанъ къ жизни болѣе нежели къ своимъ обязанностямъ, тотъ не можетъ быть твердымъ въ добродѣтели.

Честный человѣкъ съ удовольствіемъ несетъ пріятное бремя жизни, полезной для его ближнихъ. Онъ знаетъ, что счастіе скрытое отъ міра видимаго, обитаетъ только въ душахъ добродѣтельныхъ, чему пустая мудрость злыхъ никогда не вѣрила.

Лучше лишиться имени дворянина, нежели добродѣтели, и жена угольщика можетъ быть гораздо почтеннѣе любовницы какого нибудь вельможи.

Говорятъ, что слугу никогда не принимали за господина. Это такъ: но человѣкъ справедливый уважаетъ и своего слугу; а это доказываетъ, что названіе человѣка господиномъ имѣетъ только внѣшнее относительное значеніе, и что нѣтъ ничего прочнаго, кромѣ добродѣтели.

Непостижимая прелесть красоты неувядающей! — Это не плѣнники пороковъ, которые взойдя на верхъ почестей, утопаютъ въ удовольствіяхъ и возбуждаютъ зависть: это добродѣтельные несчастливцы. — Даже и мы чувствуемъ то благо въ сущности, которое было прикрыто ихъ внѣшними бѣдствіями. Подобное чувство извѣстно всѣмъ и даже противъ нашей воли. Этотъ божественный образъ плѣняетъ каждаго изъ насъ, и не смотря на то, что мы всѣ его носимъ; мы всѣ желаемъ ему уподобиться коль

скоро страсти позволяютъ намъ его видѣть, и человѣкъ самый злой, еслибъ могъ быть другимъ, чѣмъ онъ былъ, захотѣлъ бы сдѣлаться человѣкомъ честнымъ.

Добродѣтели скромныя бываютъ столь высокія, что не ищутъ одобренія другихъ, но только своего собственнаго добраго сознанія, ибо совѣсть праведника служитъ ему вмѣсто похвалъ цѣлаго міра.

ЗЛО НРАВСТВЕННОЕ И ЗЛО ФИЗИЧЕСКОЕ.

Насъ дѣлаетъ несчастными и злыми злоупотребленіе нашихъ способностей. Наши горести, наши заботы, наши бѣдствія происходятъ отъ насъ самихъ. Зло нравственное безъ всякаго сомнѣнія есть дѣло наше, а зло физическое ничего бы намъ не могло сдѣлать, еслибы мы не имѣли тѣхъ пороковъ, которые сдѣлали его для насъ чувствительнымъ. Природа дала намъ чувствовать наши нужды не для сохраненія-ли насъ? Болѣзнь тѣла не служитъ-ли знакомъ разстройства машины и предостереженіемъ позаботиться объ ней? Смерть... да злые не отравляютъ-ли жизни своей и нашей? Кто желаетъ жить вѣчно?... Конечно, смерть есть лекарство противу всѣхъ золъ, которыя мы сами себѣ причиняемъ, потому природа и не хотѣла, чтобы мы страдали вѣчно. Человѣкъ, живущій въ первобытной простотѣ, подверженъ не многимъ бѣдствіямъ! Онъ живетъ, почти не зная ни болѣзней, ни страстей; онъ не предусматриваетъ и не предчувствуетъ смерти: но когда онъ познаетъ ее, тогда его

бѣдствія дѣлаютъ ее желательною, и въ такомъ случаѣ она уже не есть для него зло.

Еслибъ мы довольствовались тѣмъ, чѣмъ созданы, то не имѣлибъ причины оплакивать нашей судьбы; но мы, для пріобрѣтенія блаженства мечтательнаго, причиняемъ себѣ тысячи золъ существенныхъ. Кто не умѣетъ перенести несчастія малаго, тотъ долженъ готовиться пострадать много. Если кто разстроитъ свой организмъ распутною жизнію, тотъ скорѣе старается возстановить его лекарствами: къ злу чувствуемому прибавляется страхъ; предвидѣніе смерти дѣлаетъ ее ужасною и какъ будто ускоряетъ ее; чѣмъ болѣе кто уклоняется отъ нея, тѣмъ болѣе ее чувствуетъ,—такіе отъ страха умираютъ во всю свою жизнь, ропща на природу за то зло, которое они, оскорбляя ее, сами же породили.

Смертный! не ищи болѣе виновника зла; этотъ виновникъ ты самъ. Другаго зла нѣтъ, кромѣ того, которое ты самъ дѣлаешь или претерпѣваешь по своей винѣ. То и другое приходитъ къ тебѣ отъ тебя самаго. Зло всеобщее состоитъ только въ безпорядкѣ, тогда какъ въ системѣ міра повсюду видѣнъ порядокъ ненарушимый. Зло частное бываетъ только ощущаемо существомъ страждущимъ; но это ощущеніе человѣкъ получилъ не отъ природы: онъ пріобрѣлъ его самъ; болѣзнь мало дѣйствуетъ на того, кто мало о ней помышляетъ и не вспоминаетъ и не предусматриваетъ ее. Отбросимте наши гибельныя пріобрѣтенія, отбросимте наши заблужденія и наши пороки; отвергнемъ все порожденіе человѣческое, и все будетъ хорошо!...

СЧАСТІЕ.

Мы не знаемъ, что такое счастіе или несчастіе въ собственномъ смыслѣ. Въ этой жизни все смѣшано; мы не можемъ наслаждаться ни однимъ чистымъ чувствомъ; мы и двухъ минутъ не остаемся въ одномъ состояніи. Ощущенія нашей души равно какъ и отправленія тѣла находятся въ безпрестанномъ движеніи. Добро и зло всѣмъ намъ обще, но въ разныхъ степеняхъ. Болѣе счастливъ тотъ, кто менѣе имѣетъ заботъ; болѣе несчастливъ тотъ, кто менѣе чувствуетъ удовольствій. Огорченій всегда болѣе, нежели наслажденій: вотъ общее различіе для всѣхъ. И такъ, въ здѣшнемъ мірѣ, счастіе человѣка есть только состояніе отрицательное; его должно измѣрять меньшимъ количествомъ претерпѣваемыхъ нами золъ.

Всякое чувство огорченія не разлучно съ чувствомъ желанія избавиться отъ него; всякое понятіе объ удовольствіи соединено съ чувствомъ желанія наслаждаться имъ; всякое желаніе предполагаетъ лишенія; а всѣ чувствуемые нами лишенія прискорбны. Слѣдовательно, наша бѣдность состоитъ собственно въ несоразмѣрности нашихъ желаній съ нашими способностями, и слѣдовательно чувствительное существо было-бы существомъ совершенно счастливымъ, еслибъ его способности соотвѣтствовали желаніямъ.

Въ чемъ же состоитъ человѣческая мудрость, или путь къ истинному счастію? Не въ уменьшеніи собственно нашихъ желаній; ибо еслибъ они были сверхъ нашей воли, то часть нашихъ способностей сдѣлалась бы праздною,

и мы бы не наслаждались нашимъ бытіемъ; не состоитъ также и въ развитіи нашихъ способностей, ибо еслибъ наши желанія развились вдругъ въ большемъ отношеніи, то мы сдѣлались бы оттого болѣе несчастливыми. Но путь къ истинному счастію состоитъ собственно *въ уменьшеніи нашихъ желаній,* противъ нашихъ способностей и въ приведеніи въ совершенное равновѣсіе силы и воли; тогда только душа остается всегда спокойною и человѣкъ можетъ наслаждаться благоденствіемъ, когда всѣ его силы будутъ въ дѣйствіи.

Природа, устроивающая все къ лучшему, уже съ самаго начала сообщила человѣку непосредственно тѣ только желанія и соотвѣтственныя имъ способности къ удовлетворенію ихъ, какія необходимы къ его самосохраненію; всѣ остальныя она отложила въ глубину души, какъ бы въ запасъ, съ тѣмъ, чтобы они открывались по мѣрѣ необходимости. Въ такомъ только естественномъ состояніи сохраняется равновѣсіе между силою и волею; только въ этомъ состояніи человѣкъ не можетъ быть несчастнымъ. Но какъ скоро способности приходятъ въ состояніе дѣятельности, воображеніе, какъ самое дѣятельное изъ всѣхъ, пробуждаясь первымъ, предшествуетъ всѣмъ прочимъ. Оно увеличиваетъ въ насъ степень возможнаго добра и зла и слѣдовательно питаетъ и возбуждаетъ желаніе надеждою удовлетворить онымъ; но предметъ желанія кажущійся намъ сначала какъ бы подъ рукою, убѣгаетъ отъ насъ съ такою быстротою, что мы не успѣваемъ за нимъ слѣдовать, и если кажется, что мы уже его достигли, онъ превращается въ различные виды и является

передъ нами опять вдали. Не видя болѣе поприща, нами уже протекшаго, мы считаемъ его за ничто, а то, которое остается намъ еще проходить, увеличивается и безпрестанно расширяется. Такимъ образомъ мы истощаемъ свои силы, не достигая предполагаемой цѣли, и чѣмъ болѣе увлекаемся наслажденіями, тѣмъ далѣе удаляется отъ насъ счастіе; напротивъ того, чѣмъ ближе человѣкъ ставитъ себя къ состоянію естественному, тѣмъ менѣе разногласія въ способностяхъ съ желаніями, и слѣдовательно тѣмъ менѣе удаляется онъ отъ своего счастія. Менѣе всего онъ бываетъ злочастнымъ въ тѣ самыя минуты, когда ему кажется, что онъ всего лишенъ; потому что собственно бѣдность состоитъ не въ лишеніи вещей, но въ нуждѣ въ нихъ чувствуемой.

Міръ вещественный имѣетъ свои границы, а воображаемый безконеченъ. Будучи не въ состояніи расширить перваго, мы стѣсняемъ послѣдній; всѣ неудовольствія, дѣлающія насъ истинно несчастными происходятъ отъ одной только между ними разности. Отнимите силу, здоровье, хорошую о себѣ репутацію: всѣ прочія блага жизни сей будутъ существовать только въ одномъ понятіи; отнимите болѣзни тѣла и угрызенія совѣсти—всѣ бѣдствія наши будутъ только воображаемыя.

Всѣ животныя одарены способностями необходимыми лишь для самосохраненія. Одинъ только человѣкъ надѣленъ ими съ избыткомъ. И не странно ли, что этотъ избытокъ способностей часто бываетъ орудіемъ его же бѣдствія? Извѣстно, что руки человѣка повсюду доставляютъ ему гораздо болѣе, нежели нужно для его пропита-

нія. И еслибъ онъ былъ настолько благоразуменъ, что это излишество могъ бы считать ничтожнымъ; то онъ всегда бы имѣлъ только необходимое, потому что никогда бы не имѣлъ ничего излишняго. Великія нужды, говаривалъ *Фаворинъ,* рождаются отъ великихъ благъ, и часто наилучшее средство къ пріобрѣтенію тѣхъ вещей, въ коихъ чувствуемъ недостатокъ, служитъ къ отнятію у насъ тѣхъ, кои имѣемъ. Мы, заботясь слишкомъ объ увеличеніи нашего счастія, превращаемъ его въ бѣдствія; каждый человѣкъ, который желалъ бы жить, жилъ бы счастливымъ; слѣдовательно онъ жилъ бы добрымъ, потому что какая для него польза быть злымъ?

Уединенная и домашняя жизнь есть вѣрнѣйшій признакъ истиннаго самодовольствія духа, и кажется тѣ, которые ищутъ себѣ счастія въ чемъ либо другомъ, не имѣютъ его въ самихъ себѣ.

Мы слишкомъ много судимъ о счастіи поверхностно. Мы часто предполагаемъ его тамъ, гдѣ оно бываетъ весьма рѣдко; ищемъ его тамъ, гдѣ оно и быть не можетъ: веселая наружность человѣка—признакъ весьма двусмысленный. Онъ часто только является веселымъ въ несчастіи; онъ старается обмануть другихъ и разсѣять свою грусть. Подобные люди, являющіеся въ кругу общества весьма веселыми, весьма любезными и спокойными, у себя почти всегда въ печальномъ и недовольномъ расположеніи духа; самая ихъ прислуга подвергается негодованіямъ и брани, при тѣхъ повидимому пріятныхъ пріемахъ, какіе они стараются оказать своимъ посѣтителямъ. Истинное удовольствіе ни весело, ни забавно и мы, подра-

жая столь лестному чувству и вкушая его, разсуждаемъ о немъ, испытываемъ его и боимся, чтобъ оно, такъ сказать, не ускользнуло. Человѣкъ истинно счастливый говоритъ мало и не шутитъ; онъ счастіе свое какъ бы сосредоточиваетъ въ глубинѣ сердца. Скуку и непріятности прикрываютъ шумныя игры и легкомысленныя удовольствія; но душа удовольствія есть размышленіе: самыя пріятныя удовольствія сопровождаются слезами умиленія; а чрезъмѣрная радость исторгаетъ болѣе плачь, нежели смѣхъ.

Если счастію сначала казались благопріятствующими множество забавъ и ихъ разнообразіе; если однообразіе одинокой жизни сначало дѣлалось скучнымъ; то, поразсудивъ объ этомъ лучше, находимъ совсѣмъ противное; ибо самое пріятное состояніе души заключается въ умѣренности наслажденія, которое не допускаетъ овладѣвать ею ни чувствами желанія, ни чувствами отвращенія. Суетныя желанія возбуждаютъ любопытство и непостоянство; скуку рождаетъ ничтожность мелочныхъ удовольствій.

Мы наслаждаемся удовольствіемъ, когда желаемъ имъ насладиться; одна только мнительность дѣлаетъ все тягостнымъ и удаляетъ отъ насъ счастіе.—Сто разъ легче быть счастливымъ, нежели казаться такимъ.

Нѣтъ надежнѣе пути къ счастію какъ путь добродѣтели. Счастіе, пріобрѣтаемое при посредствѣ ея, всегда основательнѣе, прочнѣе и пріятнѣе; при неудачѣ, она уже одна можетъ насъ вознаградить.

Что дѣлаютъ люди сладострастные, столь безразсудно уничтожающіе свои горести, предаваясь чувственнымъ удовольствіямъ? Они существованіе свое, можно сказать, стараясь продлить на землѣ, уничтожаютъ его; множествомъ своихъ прихотей увеличиваютъ тяжесть своихъ оковъ; они не пользуются чувствами и чѣмъ болѣе страдаютъ, тѣмъ болѣе привязываются къ жизни, и тѣмъ болѣе они несчастны.

Все то, что относится къ чувственности и что не есть необходимое для жизни, обращаясь въ привычку, усвоивается натурою, сдѣлавшись разъ нуждою, перестаетъ быть удовольствіемъ; это же самое—вмѣстѣ и оковы, которыя мы на себя налагаемъ, и удовольствіе, котораго мы лишаемся. Всегда предупреждать желанія не есть искусство удовлетворять ихъ, а подавлять. Но быть властелиномъ надъ самимъ собою, подчинять страсти разсудку, и предписывать правила своимъ желаніямъ — вотъ предметъ самый благороднѣйшій, какой при этомъ должно себѣ избрать! вотъ новое средство сдѣлаться счастливымъ!—ибо мы наслаждаемся спокойно только тѣмъ, что безъ огорченія потерять можемъ, и если истинное счастіе свойственно только одному мудрецу, то собственно потому, что фортуна можетъ лишить его менѣе всего.

Не всѣ воины были поражаемы; не всѣ хищники были неудачны въ своихъ замыслахъ; многіе изъ нихъ покажутся счастливыми въ глазахъ людей, зараженныхъ общенароднымъ мнѣніемъ; но кто судитъ о счастіи людей, не увлекаясь ихъ наружностью, но по состоянію ихъ

души, тотъ въ самыхъ ихъ успѣхахъ видитъ ихъ бѣдствіе; видитъ ихъ желанія и мучительныя заботы возрастающими вмѣстѣ съ ихъ счастіемъ; видитъ ихъ изнемогающими въ самомъ началѣ ихъ предпріятій и никогда недостигающими цѣли. Онъ сравниваетъ ихъ съ тѣми неопытными путешественниками, которые зашедши, далеко въ Алпійскія горы, думаютъ перейти ихъ при каждомъ возвышеніи; но взобравшись на верхъ, съ ужасомъ видятъ передъ собою еще большія высоты.

Еслибъ нашелся кто нибудь изъ смертныхъ, который былъ-бы во всемъ могущественнымъ, то это было бы существо самое несчастнѣйшее: оно было бы лишено удовольствія желать чего либо новаго и это было бы для него самымъ ужаснымъ лишеніемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что деспотическій монархъ, желающій обладать всѣмъ, стремится къ тому, чтобы умереть отъ скуки, и еслибъ кто захотѣлъ узнать, какой человѣкъ наиболѣе скучаетъ, тотъ долженъ былъ бы отправиться прямо къ властелину-деспоту. Но стоитъ ли труда ради одной скуки дѣлать другихъ несчастными? Можно было бы найти какой нибудь другой способъ скучать.

Нищіе потому несчастны, что они всегда остаются нищими, и властелины—деспоты оттого несчастны, что они не перестаютъ быть деспотами. Среднія сословія, изъ которыхъ легко выходятъ въ высшія, изобрѣтаютъ не соотвѣтственныя имъ удовольствія; а между тѣмъ они также сообщаютъ людямъ знанія, занимающія ихъ доставленіемъ болѣе предубѣжденій въ знаніяхъ и болѣе степеней для сравненія ихъ.—Вотъ, кажется, главная причи-

на, что въ среднихъ сословіяхъ вообще люди счастливѣе и съ лучшимъ умомъ.

Пока мы еще не знаемъ, что намъ должно дѣлать, мудрость состоитъ въ томъ, чтобы оставаться въ бездѣйствіи. Это правило для человѣка самое необходимое; но которому онъ весьма рѣдко слѣдуетъ.

Искать счастія, не зная гдѣ оно, значитъ убѣгать его, значитъ быть въ опасности удалиться отъ прямаго пути. Однакожъ не всѣ умѣютъ ничего не дѣлать. Стремясь съ пламеннымъ рвеніемъ къ благу, мы гоняемся за нимъ, желаемъ лучше обманываться, нежели не искать его, и вышедши однажды изъ того мѣста, въ которомъ могли бы его найдти, мы не можемъ отыскать того пути, который ведетъ къ нему.

Источникъ счастія не заключается ни въ желаемомъ предметѣ, ни въ душѣ желающаго; но во взаимныхъ отношеніяхъ того и другаго, и какъ не всѣ предметы способны служить къ счастію, такъ не всякая душа способна его ощущать. По этому, если душа самая добродѣтельная не способна сама по себѣ составить собственнаго счастія, тѣмъ болѣе не можетъ въ томъ успѣть душа развращенная, хотя бы для нея служили всѣ удовольствія міра; но для этого необходимо съ обѣихъ сторонъ особое подготовленіе, нѣкоторое взаимное содѣйствіе, изъ котораго и вытекаетъ это драгоцѣнное чувство, искомое каждымъ чувствительнымъ существомъ, и всегда невѣдомое ложному мудрецу, который, не зная счастія постояннаго, увлекается лишь минутными удовольствіями.

Человѣкъ! желаешь ли быть счастливымъ и мудрымъ?

Предайся душою твою одной негибнущей красотѣ. Пусть средства состоянія твоего ограничиваютъ твои желанія: предпочитай удовольствіямъ свои обязанности; распространяй законъ необходимости на нравственность; научись терять то, что можетъ быть похищено, и лишаться всего, если этого потребуетъ чувство добродѣтели. Научись поставлять себя выше внезапныхъ приключеній, чтобъ они не могли потрясать твоего духа; въ неудачахъ научись быть мужественнымъ, дабы не быть несчастнымъ: а въ домѣ твоемъ быть твердымъ, чтобы никогда не быть виновнымъ. Исполняя все это, ты будешь счастливъ, не смотря на непостоянство судьбы,—будешь мудрымъ, не взирая на обольщенія страстей; тогда и въ обладаніи благами тлѣнными найдешь удовольствіе невозмущаемое: ты будешь ими владѣть, а не онѣ тобою, и ты безъ сомнѣнія сознаешь, что человѣкъ отъ котораго все уходитъ, наслаждается только тѣмъ, что онъ терять умѣетъ. Такимъ образомъ ты не будешь имѣть обольщенія мечтательныхъ удовольствій; но за то ты не будешь знать и тѣхъ горестей, которыя могутъ быть плодомъ ихъ: такою мѣною ты выиграешь много; потому что подобныя горести обыкновенны и дѣйствительны, а удовольствія рѣдки и ничтожны. Сдѣлавшись побѣдителемъ столь многихъ обманчивыхъ мечтаній, ты восторжествуешь еще и надъ тою мечтою, которая придаетъ цѣну этой жизни. Ты всегда будешь проводить жизнь свою безъ возмущенія и окончишь безъ ужаса; ты оставишь ее такъ, какъ и всѣ другія вещи: пусть другіе, овладѣваемые страхомъ, разлучаясь съ жизнію, думаютъ, что бытіе ихъ прекращается;

но ты, зная о своемъ ничтожествѣ, будешь думать, что бытіе твое лишь начинается. Смерть — конецъ жизни злодѣя, а начало жизни праведника.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Смертные будьте человѣколюбивы—это первый нашъ долгъ. Будьте таковыми для всѣхъ состояній, для всѣхъ возрастовъ, для всего того, что не чуждо человѣка. Что ваша мудрость безъ человѣколюбія?

Случай доставить человѣку счастіе представляется гораздо рѣже, чѣмъ думаютъ; наказаніемъ за упущеніе его служитъ то, что онъ болѣе не представится, а употребленіе, какое могли мы изъ него сдѣлать оставляетъ въ насъ вѣчное чувство или не удовольствія, или раскаянія.

Несчастный нуждается не въ однѣхъ только деньгахъ; и тѣ только вооружаются кошелькомъ, которые избѣгаютъ труда поискать случая оказать добро другимъ путемъ. Человѣкъ сострадательный помимо богатства можетъ облегчить положеніе несчастнаго утѣшеніемъ, совѣтами, дружбою, покровительствомъ. Главной причиной несчастія человѣка часто бываетъ то, что онъ не имѣетъ возможности высказаться. Иногда это зависитъ отъ какого нибудь слова, которое онъ не смѣетъ произнести, отъ какой нибудь причины, которую привести не можетъ; иногда оттого, что онъ лишенъ возможности переступить порогъ какого нибудь знатнаго дома.—Смѣлая защита безкорыстной добродѣтели можетъ устранить тысячу пре-

пятствій, и краснорѣчивое слово благонамѣреннаго человѣка иногда смягчаетъ жестокость, доведенную до послѣдней крайности. И такъ, если вы хотите быть истинно человѣкомъ, то научитесь снисхожденію. Человѣколюбіе подобно чистой и здоровой водѣ, орошающей низменныя мѣста и ищущей всегда равнинъ, оставляя въ засухѣ безплодные утесы, которые придаютъ грозный видъ мѣстности и бросаютъ ненужную тѣнь да свои обломки, чтобъ подавить все находящееся въ сосѣдствѣ.

Постоянное упражненіе въ благотворительности предохраняетъ добрыя сердца отъ заразы честолюбцевъ; теплое участіе въ несчастномъ положеніи другихъ служитъ къ открытію его источника и къ отклоненію отъ себя всякаго рода пороковъ, порождающихъ несчастіе.

Если небо удостоиваетъ своего вниманія человѣческія благословенія, то это не тѣ, которыя произносятся лестью и подлостью въ присутствіи людей заслуживающихъ ихъ; но тѣ, которыхъ сердце непритворное и признательное возсылаетъ въ тайнѣ. Вотъ пріятная жертва душамъ благодѣтельнымъ!

Человѣку благотворительному трудно удовлетворять подобнымъ влеченіямъ своего сердца въ городахъ, потому что тутъ онъ почти всегда попадаетъ на плутовъ и обманщиковъ.

Душѣ чувствительной и добродѣтельной не такъ легко быть счастливой, смотря на бѣдныхъ; такъ какъ и человѣку справедливому трудно сохранять всегда свою добродѣтель, находясь безпрестанно между злыми. Душа подобнаго свойства лишена сожалѣнія жестокаго чело-

вѣка, успокоивающаго себя лишь тѣмъ, что отвращаетъ глаза отъ бѣдныхъ, которымъ онъ могъ бы оказать помощь; но она ихъ нарочно ищетъ, чтобъ помочь. Ее тревожитъ не видъ несчастныхъ, а существованіе ихъ; для нее не довольно не знать, что они находятся; но для ея спокойствія нужно знать, что ихъ нѣтъ покрайней мѣрѣ около нея; иначе было бы безумно собственное счастіе поставлять въ зависимость отъ счастія всѣхъ.

Ни одинъ честный человѣкъ никогда не можетъ хвастаться досугомъ, пока онъ въ состояніи дѣлать добро, служить отечеству и помогать несчастнымъ.

Для благодѣтельной души нужды ближняго суть первыя или покрайней мѣрѣ самыя чувствительныя, и какой честный человѣкъ не удѣлитъ отъ излишняго неимущему?

ЧУВСТВОВАНІЕ.

Всякое чувствованіе рождается въ человѣкѣ чувствительномъ. Вся вселенная представляетъ ему одни только предметы умиленія и благодарности. Онъ видитъ повсюду благотворительную руку Промысла: собираетъ дары Его въ произведеніяхъ земли; продовольствіе свое пищею считаетъ приготовленнымъ Его попеченіемъ; засыпаетъ и покоится подъ Его защитой; спокойное пробужденіе свое приписываетъ Ему, и равно поучается посылаемыми ему испытаніями, какъ и радостями. Блага, которыми наслаждаются существа ему любезныя — служатъ также для него побужденіемъ къ благодаренію Неба. Хотя

Творецъ вселенной незримъ для слабыхъ глазъ его, но онъ всюду видитъ общее милосердіе — Отца всѣхъ человѣковъ. Почитать такимъ образомъ Его милости, не значитъ-ли служить Существу Всевышнему, столько, сколько можемъ?

О чувствованіе! сладкая жизнь души! какое желѣзное сердце не было тронуто тобою? Гдѣ тотъ несчастный смертный, у котораго бы ты никогда не исторгало слезъ? Изліянія удовольствія и радости, производимыя живостью чувствованія, въ одно мгновеніе изчерпываютъ природу, чтобъ потомъ оживить ее новою силою. Такія чувствованія никогда не бываютъ опасны.

По мѣрѣ того какъ лѣта умножаются, всѣ чувствованія въ насъ сосредоточиваются. Мы каждый день теряемъ что нибудь изъ того, что намъ было дорого и уже не замѣняемъ его. Такимъ образомъ мы постепенно умираемъ, до тѣхъ поръ пока, перенося всю нашу любовь лишь на самихъ себя, мы перестаемъ чувствовать и жить прежде чѣмъ перестаемъ существовать. Но чувствительное сердце борется изъ всѣхъ силъ противъ этой преждевременной смерти. Когда холодъ начинается въ конечностяхъ, то сердце старается сосредоточить около себя всю естественную свою теплоту; чѣмъ болѣе оно теряетъ, тѣмъ болѣе прилѣпляется къ тому, что у него остается и оно, такъ сказать, привязывается всѣми силати и способностями всеобильной любви къ остающимся послѣднимъ предметамъ.

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ.

Неблагодарность встрѣчалась бы рѣже, еслибъ своекорыстныя благодѣянія не были столь обыкновенны. Мы любимъ то, что для насъ благотворно; это чувство столь естественно. Сердцу человѣческому неблагодарность не прирожденна; но ему свойственна разсчетливость; на свѣтѣ менѣе неблагодарныхъ, чѣмъ расчетливыхъ благотворителей. Если вы ваши милости мнѣ продаете, я буду торговаться о цѣнѣ ихъ; но если вы сдѣлаете видъ, что дарите мнѣ ихъ съ тѣмъ, чтобъ потомъ потребовать вашу цѣну, то это будетъ чистый обманъ. Сердце слѣдуетъ своему закону: кто хочетъ его поработить, тотъ его освобождаетъ: кто оставляетъ его свободнымъ, тотъ его порабощаетъ.

Возможно ли, чтобы человѣкъ забытый своимъ благодѣтелемъ забылъ его? напротивъ, онъ отзывается о немъ всегда съ удовольствіемъ и думаетъ о немъ съ умиленіемъ. Если представляется случай доказать ему, какой нибудь услугой, что онъ помнитъ сдѣланное ему добро, съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ онъ исполняетъ этотъ долгъ! Съ какою радостью онъ приноситъ свою благодарность! съ какимъ восторгомъ онъ говоритъ ему: пришла и моя очередь!—Вотъ гласъ природы; истинное благодѣяніе никогда не дѣлаетъ человѣка неблагодарнымъ.

ЗЛОПОЛУЧІЕ.

Разумъ повелѣваетъ, чтобы мы постигающее насъ несчастіе переносили съ терпѣніемъ и его тяжесть не увеличивали сѣтованіями; чтобы тлѣнныхъ вещей не ставили выше ихъ цѣны; чтобы, оплакивая свои несчастья, не истощали силъ, данныхъ намъ для облегченія ихъ; и наконецъ, чтобы сколь возможно старались предусматривать будущее, чтобы знать, что насъ можетъ встрѣтить, добро или зло. Такъ станетъ поступать въ несчастіи человѣкъ разсудительный и умѣренный; онъ будетъ стараться употребить въ свою пользу самыя злополучія, подобно благоразумному игроку, который старается возпользоваться неудачною минутою, подоспѣвшею неожиданно; и не будетъ плакать, какъ плачетъ ребенокъ, когда падаетъ и ушибается о камень: онъ перенесетъ чувство боли отъ желѣза, если оно нужно, для нанесенія ему полезной раны для кровопусканія.

Все то, что устраиваютъ люди, тѣже люди могутъ и разрушить; неизгладимыми остаются одни только характеры, напечатлѣваемые природою; между тѣмъ извѣстно, что природа не производитъ ни принцевъ, ни богатыхъ, ни вельможъ. И такъ, что остается дѣлать тому сатрапу въ уничиженіи, который воспитанъ единственно для блеска и величія? Что станетъ дѣлать въ крайнихъ недостаткахъ тотъ милліонеръ, который можетъ существовать однимъ только золотомъ? Что начнетъ дѣлать тотъ надменный слабоумный, лишенный всего, которой не умѣетъ пользоваться самимъ собою и только все свое су-

ществованіе основываетъ на томъ, что его чуждо? Но счастливъ тотъ, кто вдругъ можетъ лишиться всего своего достоянія и вопреки року остаться человѣкомъ! Пусть превозносятъ, сколько кому угодно, того побѣжденнаго короля, который изъ отчаянія даже желаетъ быть погребеннымъ подъ остатками своего трона; но подобное желаніе достойно презрѣнія доказываетъ, что онъ существовалъ только своею короною, и что онъ въ цѣломъ ничто, если онъ не царствуетъ; но тотъ государь всегда выше самой короны, который въ игрѣ судьбы теряя ее, можетъ не нуждаться въ ней: онъ изъ достоинства побѣдителя переходитъ лишь къ званію человѣка, которому весьма немногіе могутъ соотвѣтствовать. Въ этомъ состояніи онъ надъ судьбою торжествуетъ, презираетъ ее и дѣлается обязаннымъ только самому себѣ, и когда уже ему осталось показать только самаго себя — онъ уже не есть *ничто,* но *нѣчто!* По этому стократъ нужно уважать *царя Сиракузскаго,* который по изгнаніи сдѣлался учителемъ Коринѳской школы, и *царя Македонскаго,* бывшаго впослѣдствіи въ Римѣ писцомъ, чѣмъ несчастнаго *Тарквинія,* или наслѣдника царя царей — *Вонона,* который по изгнаніи былъ игралищемъ каждаго, кто только хотѣлъ издѣваться надъ его несчастіемъ; который бродилъ по всѣмъ царскимъ дворамъ, ища себѣ пристанища и помощи, и который не могъ принять на себя никакой другой обязанности, кромѣ того званія, которое уже не было въ его власти.

И такъ, чтобъ поставить себя выше счастія и всего вещественнаго тлѣннаго, нужно стараться сдѣлаться отъ

всего этого независимымъ; и чтобъ желать господствовать надъ мнѣніемъ — не допускать вліянія его надъ собою.

ЛИЦЕМѢРІЕ.

Лицемѣріе есть почтеніе, выражаемое порокомъ добродѣтели; оно совершенно подобно почтенію убійцъ *Юлія Цезаря,* повегршихся къ его ногамъ съ тѣмъ, чтобы удобнѣе и надежнѣе нанести ему ударъ къ лишенію его жизни. Съ видомъ лицемѣрія скрывать зло не значитъ уважать добродѣтель, но оскорблять и порицать ея достоинство, присоединять ко всѣмъ другимъ порокамъ подлость и обманъ, и быть увѣрену—никогда не возвратиться къ честности. Бываютъ характеры, которые даже въ своихъ порокахъ проявляютъ что-то высокое и благородное, доказывающее въ нихъ хотя малую искру священнаго огня, возженнаго для оживленія душъ добрыхъ; но душа лицемѣра столь подла и низка, что скорѣе уподобляется трупу, въ которомъ нѣтъ уже ни чувствъ, ни теплоты, ни слѣдовъ возвращенія къ жизни; это можно доказать многими примѣрами. Бывали злодѣи великіе, которые потомъ совершенно раскаялись, свято окончили путь своей жизни и даже такъ, что ихъ умершихъ причисляли къ числу избранныхъ; но чтобъ лицемѣръ—поношеніе человѣчества—сдѣлался честнымъ человѣкомъ, тому примѣровъ еще не было. Можно было бы вступить въ сообщество съ извѣстнымъ *Картушемъ;* но никто изъ благоразумныхъ не рѣшился бы быть въ обращеніи съ *Кромвелемъ.*

Средство дѣлать людей честными извѣстно только человѣку честному. Лицемѣръ, какъ бы ни ухищрялся по своему принимать видъ добродѣтели, никому не можетъ служить примѣромъ къ внушенію склонности къ ней; но еслибъ онъ былъ въ состояніи сдѣлать ее дѣйствительно привлекательною, тогда онъ и самъ былъ бы ею очарованъ.

ТЩЕСЛАВІЕ.

Кромѣ тщеславія нѣтъ ни одной глупости, отъ которой не возможно было бы освободить человѣка, имѣющаго сколько нибудь здраваго разсудка. Судя по свойству этого порока, если только что и можетъ его излечить, такъ это опытъ.

Тщеславіе источникъ величайшихъ мученій; нѣтъ ни одного человѣка столь совершеннаго и столь отличнаго, которому бы оно не приносило болѣе огорченій, нежели удовольствій. Если тщеславіе когда нибудь и дѣлало кого либо счастливымъ на землѣ, такъ тотъ счастливецъ навѣрно былъ глупецъ.

Тщеславіе жаждетъ только отличія и предпочтенія, всего желая, всего требуя и ни на что не соглашаясь; оно всегда остается несправедливымъ и слѣдовательно предосудительнымъ.

ЗЛОБА И ЗЛОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Причина всякой злобы слабость; дитя только потому бываетъ злымъ, что оно естественно слабо; укрѣпите его

силы и оно сдѣлается добрымъ. Кто въ состояніи дѣлать все, что пожелаетъ, тотъ никогда не сдѣлаетъ дурное. Изъ всѣхъ свойствъ Всемогущаго Его благость есть такое свойство, безъ котораго наимѣнѣе можно было бы Его понимать. Всѣ народы, признающіе два противоположныя начала—добро и зло, зло всегда считаютъ ниже добра; иначе они сдѣлалибъ предположеніе нелѣпое.

Злой человѣкъ боится и избѣгаетъ самаго себя, онъ веселится выходя изъ себя; онъ со страхомъ озирается вкругъ себя, когда ищетъ предмета его занимающаго; безъ ѣдкой сатиры, безъ обидной насмѣшки онъ былъ бы всегда печаленъ; презрительный смѣхъ его единственное удовольствіе. Напротивъ того, удовольствіе кроткаго праведника бываетъ внутреннее; его смѣхъ исходитъ не отъ злобы; но отъ радости; источникъ его онъ носитъ въ самомъ себѣ: онъ столько же веселъ на единѣ, какъ и въ кругу общества и не только не заимствуетъ своего удовольствія отъ приближенныхъ къ нему, но еще имъ сообщаетъ его.

Насъ раздражаютъ наши страсти противъ страстей другихъ; ненавидѣть злобныхъ насъ заставляетъ наша польза; еслибъ они не дѣлали намъ никакого зла, мы бы имѣли къ нимъ болѣе сожалѣнія, нежели ненависти. Зло, дѣлаемое намъ злобными, заставляетъ насъ забывать зло, дѣлаемое ими самимъ себѣ. Мы бы скорѣе прощали ихъ пороки, еслибъ могли знать, какъ сильно за нихъ наказываетъ ихъ собственная совѣсть. Мы чувствуемъ обиду; но не видимъ наказанія: по наружному виду злые кажутся спокойными, но терзаются чувствами внутрен-

ними. Тотъ, кто думаетъ наслаждаться плодами своихъ преступленій, терзается не менѣе, какъ еслибъ онъ и неуспѣлъ въ своихъ умыслахъ: предметъ измѣнился, безпокойство осталось тоже: злодѣй напрасно выставляетъ свою удачу и старается скрыть свое сердце, которое довольно обличаетъ его поступки; но чтобъ понять это, надо самому имѣть иное сердце.

Еслибъ существовалъ человѣкъ дотого несчастный, что во всю свою жизнь не сдѣлалъ ничего такого, что могло бы оставить ему пріятное о самомъ себѣ воспоминаніе,—онъ былъ бы неспособенъ когда либо познать самаго себя, и, лишенный возможности оцѣнить, что доброта свойственна его природѣ, онъ остался бы злымъ по неволѣ и былъ бы вѣчно несчастнымъ.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

Человѣкъ естественный весь для себя; онъ есть числительная единица, совершенное цѣлое, имѣющее отношеніе только къ самому себѣ и къ себѣ подобнымъ. Человѣкъ общественный есть число дробное, зависящее отъ знаменателя. Сила этаго дробнаго числа состоитъ въ связи съ цѣлымъ, которое есть тѣло общественное. Хорошія общественныя установленія суть тѣ, которыя умѣютъ сдѣлать человѣка лучшимъ, отнять у него бытіе независимое, чтобы дать ему относительное и перенести его *я* въ единицу общую такъ, чтобы каждый частный человѣкъ не считалъ уже себя однимъ, но частію еди-

ницы, и былъ бы только ощутительнымъ въ цѣломъ. Римскимъ гражданиномъ не былъ ни *Кай*, ни *Люцій*, но Римлянинъ; онъ любилъ отечество свое, даже исключивъ себя изъ него. Регулъ*) считалъ себя Карѳагениномъ, сдѣлавшись какъ бы имуществомъ своихъ господъ. Въ качествѣ иностранца, онъ отказался засѣдать въ римскомъ Сенатѣ. Нужно было, чтобъ Карѳагенянинъ приказалъ ему это сдѣлать. Онъ негодовалъ даже, что хотѣли спасти ему жизнь, когда онъ побѣдилъ и торжествуя возвратился умереть смертною казнію. Такое геройство кажется не имѣетъ никакого отношенія къ людямъ намъ извѣстнымъ.

Лакедемонянинъ Педаретъ приходитъ въ совѣтъ трехъ-сотъ и предлагаетъ, чтобы приняли его въ число засѣдающихъ въ немъ. Ему въ томъ отказываютъ и онъ, уходя, радуется что въ *Спартѣ* нашлось триста человѣкъ достойнѣе его. Это служитъ доказательствомъ величайшей искренности, и должно полагать, что подобный поступокъ не подлежитъ сомнѣнію; — вотъ истинный гражданинъ!

Одна Спартанка, имѣя пять сыновей въ арміи, ожи-

---

*) Регулъ (Маркъ-Антилій, римскій консулъ), по разбитіи римскаго войска Ксантипомъ, Спартанскимъ офицеромъ, былъ отведенъ въ Карѳагенъ, откуда немедленно отправленъ былъ въ Римъ, подъ клятвою скораго возвращенія, для объявленія въ Сенатѣ объ условіяхъ мира и предположенія обмѣна плѣнниковъ. Этотъ великій человѣкъ не только имѣлъ мало вниманія къ такому порученію; но еще склонилъ Сенатъ отвергнуть эти предложенія, и возвратился въ Карѳагенъ съ тѣмъ, чтобы сдержать данное слово и предаться изготовленнымъ для него мученіямъ. Раздраженные Карѳагенцы страшно истязали его.

дала извѣстія о сраженіи. Приходитъ Илотъ; она съ дрожащимъ голосомъ спрашиваетъ его объ немъ; тотъ отвѣчаетъ: твои сыновья всѣ убиты. — Подлый человѣкъ, развѣ я объ этомъ тебѣ спрашиваю?—Мы выиграли побѣду.—Мать бѣжитъ въ храмъ и благодаритъ боговъ. Вотъ истинная гражданка!

Всякое частное малое общество, осли оно соединено единодушно и прочно, предпочитается великому. Каждый патріотъ худо расположенъ къ иностранцамъ; они въ его глазахъ только люди—и болѣе ничего. Это слѣдствіе неизбѣжно; однакожъ несправедливо. Надобно быть добрымъ ко всѣмъ, съ кѣмъ живешь. Спартанецъ внѣ отечества былъ честолюбивъ, скупъ, несправедливъ; но въ его стѣнахъ царствовали безкорыстіе, правосудіе, согласіе. Не довѣряйте тѣмъ космополитамъ, которые ищутъ въ другой странѣ исполненія тѣхъ обязанностей, которыя они гнушались исполнять въ своемъ отечествѣ. Подобный философъ любитъ татаръ потому, чтобы быть свободнымъ отъ любви къ своимъ сосѣдямъ.

ЧЕСТЬ.

Честь бываетъ двоякая: одна основывается на мнѣніи общественномъ; другая проистекаетъ отъ уваженія самаго себя. Между ними то различіе, что первая состоитъ лишь въ поверхностныхъ сужденіяхъ, подверженныхъ гораздо большимъ колебаніямъ, нежели волнующаяся вода; а послѣдняя имѣетъ основаніе въ вѣчныхъ истинахъ

нравственныхъ началъ. Честь свѣтская можетъ быть выгодна только для фортуны; но она не проникаетъ въ душу и не имѣетъ благотворнаго вліянія на истинное счастіе человѣка. Напротивъ, честь истинная составляетъ самую сущность счастія, потому что только въ ней мы находимъ то постоянное чувство внутренняго наслажденія, которое одно можетъ сдѣлать счастливымъ существо мыслящее.

ВОЙНА.

Война есть отношеніе не человѣка къ человѣку, но государства къ государству; въ такомъ отношеніи частные люди бываютъ врагами только по случаю: не какъ люди и даже не какъ граждане но какъ воины, не какъ члены отечества, но какъ защитники его. Наконецъ, каждое государство можетъ имѣть непріятелями себѣ только другія государства, а не людей, ибо между лицами различныхъ свойствъ нельзя положить никакого прямого отношенія.

Это правило согласуется даже съ установленіями всѣхъ минувшихъ вѣковъ и съ принятыми обычаями всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Объявленіе войны не столько служитъ предостереженіемъ для царей, сколько для ихъ подданныхъ. Того иностранца мало называть непріятелемъ — кто бы онъ ни былъ, государь ли, частный ли человѣкъ, или народъ — который, не объявивъ главѣ народа войны, начинаетъ грабить, убивать или несправедливымъ образомъ заключать людей въ крѣпо-

сти: его нужно назвать разбойникомъ. Справедливый государь, даже во время военныхъ дѣйствій въ непріятельской странѣ, овладѣваетъ только тѣми имуществами, которыя принадлежатъ обществу; но онъ уважаетъ частныя личности и ихъ имущества; уважаетъ тѣ права, на которыхъ основываются его собственные интересы. Окончаніе войны, служившей причиною разоренія непріятельской страны, не лишаетъ еще права преслѣдовать и нещадить ея защитниковъ, если они остаются съ оружіемъ въ рукахъ; но коль скоро они кладутъ его къ ногамъ побѣдителя и сдаются, переставъ быть непріятелями или орудіемъ непріятеля; то опять становятся только людьми, и мы неимѣемъ уже права посягать на ихъ жизнь. Иногда можно убивать цѣлое государство и не убить ни одного изъ его членовъ. Но война не даетъ ни одного такого права, которое не было бы нужно для ея окончанія.

СМЕРТЬ.

Мы были бы существами, въ этомъ мірѣ, самыми жалкими, еслибъ оставались неумирающими. Страшно умирать, но отрадно надѣяться, что не будемъ жить вѣчно на землѣ, и что лучшая жизнь можетъ окончить бѣдствія настоящей.

Еслибъ кто предложилъ намъ въ этомъ мірѣ безсмертіе, то ктобы захотѣлъ принять такой печальный подарокъ? Какія средства, какія надежды, какое утѣшеніе оставались бы намъ противъ жестокостей судьбы, про-

тивъ несправедливостей людей. Невѣжда, ничего не предусматривающій, мало цѣнитъ жизнь и потому мало страшится потерять ее; но человѣкъ образованный, видя земныя блага большой цѣны, предпочитаетъ ихъ жизни. Только полуученость и ложная философія, продолжая свои предположенія до послѣднихъ минутъ жизни и даже за предѣлы гроба, дѣлаютъ смерть самымъ худшимъ зломъ. Для благоразумнаго человѣка переносить бѣдствія жизни составляетъ только причину необходимости умереть. Еслибъ мы не были увѣрены въ томъ, что разъ потеряемъ жизнь, то сохранить ее стоило бы намъ слишкомъ много.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ одаренъ въ высшей степени любовью къ самосохраненію. Это дѣло человѣческое. Естественно, онъ заботится о самосохранении до тѣхъ поръ, пока владѣетъ еще средствами; но какъ скоро онъ ихъ лишается, то становится спокойнымъ и умираетъ, не терзая себя болѣе напрасными заботами. Первый законъ равнодушія предписываетъ намъ природа. Дикари, подобно животнымъ, весьма мало думаютъ о смерти и встрѣчаютъ ее безропотно; этотъ законъ отвергнутъ—рождается другой, который начертываетъ разумъ; но этимъ закономъ немногіе умѣютъ пользоваться. И это искусственное равнодушіе никогда не достигаетъ той степени силы, какъ первое, естественное.

Не малое заблужденіе приписывать излишнее уваженіе жизни, какъ будто бы отъ нея зависитъ наше бытіе, и какъ будто ничего болѣе нѣтъ по смерти. Наша жизнь, въ глазахъ Создателя, ничто; она ничто въ глазахъ ра-

зума; она должна быть ничто и въ глазахъ нашихъ собсвенныхъ, потому-что мы, освобождаясь отъ тѣла, слагаемъ съ себя только суетную надежду.

Бываютъ случаи и приключенія, которые болѣе или менѣе насъ поражаютъ, смотря по тѣмъ взглядамъ, по которымъ о нихъ судимъ и которые, если пожелаемъ разсмотрѣть вблизи, много теряютъ ужаса, возбуждаемаго при первомъ на нихъ воззрѣніи. Природа—день-отодня—даетъ намъ возможность вѣрить, что внезапная смерть не всегда есть окончательное зло; но что она иногда можетъ считаться относительнымъ благомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ такого множества людей, которые погибли подъ развалинами Лиссабона*) весьма многіе избѣгли величайшихъ несчастій и не смотря на то, что подобная катастрофа поразительна, нельзя думать, чтобы хотя одинъ изъ этихъ несчастныхъ пострадалъ болѣе того, если бы онъ, по установленному порядку вещей, ожидалъ смерти въ долговременныхъ мученіяхъ, которыя должны были бы его постигнуть.

Что можетъ быть печальнѣе кончины того умирающаго, котораго обременяютъ безполезными заботами; которому нотаріусъ и наслѣдники недаютъ покоя и котораго преждевременно умерщвляютъ врачи? Что касается меня, то я повсюду вижу, что тѣ несчастія, которымъ подвергаетъ насъ природа, гораздо сноснѣе несчастій, порождаемыхъ нами самими.

---

*) Здѣсь разумѣются развалины Лиссабона, столицы Португаліи, во время бывшаго землетресенія въ 1755 г. *Авт. Сборника.*

Наилучшее средство учиться умирать — жить свободно и не пристращаться къ земнымъ благамъ.

ПРИРОДА И ПРИВЫЧКА.

Природа, говорятъ намъ, есть не иное что, какъ привычка. Что значитъ это? Развѣ нѣтъ привычекъ, пріобрѣтаемыхъ только по принужденію и не заглушающихъ никогда природы? — таковъ напримѣръ ростъ растеній, отклоняемый нами отъ прямаго направленія. Извѣстно, что воспитываемое растеніе, предоставленное потомъ свободѣ, сохраняетъ нѣкоторое время данное ему наклоненіе; но его соки въ теченіи слѣдуютъ первоначальному закону, и со временемъ растеніе снова приметъ свое естественное вертикальное направленіе. Такъ бываетъ и съ склонностями человѣческими: пока мы находимся въ подобномъ состояніи, мы сохраняемъ пріобрѣтенныя нами въ немъ привычки, даже и наименѣе намъ свойственныя; но какъ скоро условія жизни измѣняются, привычка изчезаетъ и природа беретъ свое. Воспитаніе, конечно, есть не иное что, какъ привычка. И развѣ нѣтъ такихъ, которые забываютъ и теряютъ привычки, и такихъ, которые ихъ всегда держатся? Откуда происходитъ такая разность? Если мы будемъ называть природою только привычки, сообразныя съ врожденными наклонностями, то о такихъ пустякахъ и разсуждать не стоитъ.

Мы раждаемся воспріимчивыми, и съ минуты нашего рожденія, предметы насъ окружающіе производятъ на

насъ различныя впечатлѣнія. Но какъ скоро пріобрѣтается, такъ сказать, сознаніе собственныхъ ощущеній, то рождается въ насъ и склонность искать или избѣгать предметовъ, производящихъ эти ощущенія, сначала смотря потому—пріятны ли они или непріятны, потомъ, смотря по сходству или различію, которое мы находимъ между ними и самими собою, и наконецъ—смотря по отношеніямъ, которыя мы себѣ представляемъ между этими предметами и нашими понятіями о счастіи и совершенствѣ. Эти склонности развиваются и вкореняются въ насъ по мѣрѣ того, какъ мы становимся болѣе впечатлительны и образованы; но, подъ вліяніемъ привычекъ, они болѣе или менѣе измѣняются отъ принятыхъ нами мнѣній. Но до этого измѣненія, склонности эти составляютъ то, что называется въ насъ природою.

Приманка привычки происходитъ отъ свойственной человѣку лѣни, которая увеличивается по мѣрѣ того, какъ мы ей предаемся; охотнѣе повторяешь то, что уже разъ сдѣлано; по проложенной однажды дорогѣ идти удобнѣе. Поэтому привычки бываютъ обыкновенно очень сильны въ старикахъ и людяхъ вялаго темперамента, и напротивъ того они слабы въ людяхъ молодыхъ и живаго характера. Подчиняться привычкамъ свойственно только душамъ слабымъ, которыхъ они ежедневно ослабляютъ все болѣе и болѣе.

Единственная привычка полезная дѣтямъ — терпѣть нужды въ вещахъ; а единственная привычка полезная взрослымъ — подчиняться разсудку. Всякая другая привычка—порокъ.

РОСКОШЬ И МОДА.

Роскошь и мода суть двѣ слабости человѣка, живущія въ весьма тѣсной связи между собой. Онѣ развращаютъ каждаго, и богатаго, утопающаго въ нихъ и, бѣднаго, который къ нимъ стремится. Онѣ уподобляются тѣмъ ложнымъ вѣтрамъ, которые наносятъ извѣстныхъ прожорливыхъ насѣкомыхъ какъ напр. саранчу, покрывающую нивы и истребляющую всѣ хлѣба и пажити, лишающую продовольствія животныхъ полезныхъ, и такимъ образомъ порождающую голодъ и смертность тамъ, гдѣ она даетъ себя почувствовать.

Роскошь и мода, усиливающіяся въ какомъ бы то ни было государствѣ, въ обширномъ или маломъ, — въ видахъ пропитанія толпы бѣдныхъ и несчастныхъ, ими порождаемыхъ, обременяютъ и разоряютъ земледѣльца и гражданина. Подъ предлогомъ поддерживать жизнь бѣдныхъ, чего бы допускать не слѣдовало, онѣ приводятъ лишь въ нищету всѣхъ другихъ, и рано или поздно могутъ обезсилить край, страну или цѣлое государство.

По мѣрѣ того, какъ распространяется мода, какъ процвѣтаютъ выгодная промышленность и спекуляція— одно изъ самыхъ важныхъ упражненій человѣка—земледѣліе должно оставаться въ пренебреженіи. Оттого земледѣлецъ, будучи презрѣнъ, обремененъ налогами, нужными для поддержанія роскоши,—и осужденный влачить жизнь въ трудѣ и голодѣ—оставляетъ свои поля и тащится въ города выпрашивать себѣ хлѣба для пропитанія, которымъ бы онъ самъ долженъ былъ ихъ снабжать. Отто-

го поля остаются праздными, главныя улицы городовъ наполняются жалкими гражданами, впавшими въ нищенство или сдѣлавшимися хищниками и осуждаемыми покончить свою нищенскую жизнь или въ ссылкѣ, или въ каторжныхъ работахъ—вотъ прямое слѣдствіе успѣховъ изобрѣтательности и роскоши! Вотъ несомнѣнныя причины всѣхъ возможныхъ бѣдствій, въ которыя излишество и роскошь неизбѣжно увлекаютъ самыя завидныя націи! Такимъ образомъ государство, обогащаясь съ одной стороны,—слабѣетъ и истощается въ силахъ съ другой, и государства самыя сильныя, послѣ множества попытокъ возстановить свои силы и сдѣлаться процвѣтающими—падаютъ и становятся добычею другихъ слабыхъ націй, подстрекаемыхъ корыстію расхитить ихъ.

Тщеславіе и подражаніе модѣ, которыя порождаютъ изобрѣтательность, породили также роскошь. Склонность къ роскошной жизни всегда сопровождается склонностью къ изобрѣтеніямъ, и на оборотъ—склонность къ изобрѣтеніямъ часто сопровождается склонностью къ роскоши.

Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что роскошь дѣйствительно нужна для занятія рукъ бѣдныхъ къ снисканію пропитанія; тутъ самъ разумъ говоритъ противное, что еслибъ не предавались роскоши, то не могло бы быть и бѣдныхъ.

Роскошь служитъ для поддержанія благосостоянія государствъ, не болѣе того, сколько служатъ каріатиды для поддержанія зданія пышныхъ палатъ, которыя ими украшены, или лучше, сколько служатъ контрфорсы, поддерживающія строенія, угрожающія паденіемъ и часто

сами же ихъ разрушающія. Благоразумные и осторожные поспѣшите уходить изъ всякаго подпертаго строенія!

Если роскошь въ нашихъ городахъ сотню бѣдныхъ питаетъ, то въ деревняхъ тысячи моритъ голодомъ. Деньги, обращающіяся въ рукахъ богатыхъ и артистовъ и служащія имъ къ удовлетворенію роскошной жизни и излишества, не служатъ въ пользу продовольствія земледѣльца: онъ не имѣетъ даже одежды, потому что принужденъ отдать ее за хлѣбъ другимъ. Достаточно указать на одну избыточную расточительность жизненныхъ припасовъ, чтобы роскошь сдѣлать презрѣнной для человѣчества. На нашихъ кухняхъ должны быть непремѣнно ростбифъ и бифстексъ, тогда какъ немощные бѣдные не имѣютъ и чашки бульону; на столахъ — разныя питья и напитки, тогда какъ труженикъ-крестьянинъ пьетъ одну только воду; для насъ нужна пудра и другія многія косметики, тогда какъ множество бѣдныхъ лишены насущнаго хлѣба.

Обращаясь къ чувству врожденнаго сознанія, намъ кажется, что для пренебреженія роскоши не столько нужно умѣренности, сколько вкуса. Для глазъ каждаго пріятны симметрія и стройное расположеніе вещей: картина общаго благосостоянія и счастія всегда плѣняетъ сердце, стремящееся наслаждаться ею. Но, спрашивается, какую пріятную идею могутъ возбудить въ умѣ зрителя пышность и лоскъ роскоши, не относящіеся ни къ умѣренности, ни къ порядку вещей, ни къ счастію, а ослѣпляющія глаза лишь обладающаго и шиканирующаго ими? Скажутъ: идеѣ вкуса? но вкусъ не является ли во сто кратъ лучшимъ въ простыхъ вещахъ, нежели въ тѣхъ,

которыя изукрашены излишествами? Скажутъ: идею о пользѣ? но что же можетъ быть безполезнѣе пышности! Скажутъ: идею о превосходствѣ? но это уже совершенно отвратительно! Нельзя равнодушно смотрѣть на многія странности и потому невольно возникаютъ вопросы: Почему этотъ громадной величины домъ еще болѣе не громаденъ? Почему тотъ, кто содержитъ пятдесятъ человѣкъ прислуги, не держитъ ихъ сотню? а этотъ прекрасный серебряный сосудъ почему не золотой? а тотъ, кто вызолотилъ свою карету, почему не вызолотилъ уже и своихъ тротуаровъ? а, покрывши золотомъ послѣднія, почему не вызолотить ему уже и крыши своего дома? Не правда ли, что тотъ, кто затѣялъ построить высокую башню, хорошо придумалъ вывести ее до самыхъ небесъ; а иначе точка, на которой бы она оканчивалась, издали служила-бъ только для показанія его слабости. О слабый и тщеславный человѣкъ! покажи мнѣ свое могущество! я покажу тебѣ твое безсиліе! Между тѣмъ, совсѣмъ другое представляетъ умѣренность и порядокъ вещей, гдѣ нѣтъ ничего излишняго, гдѣ во всемъ видна одна только польза существенная,—та умѣренность, которая, ограничиваясь необходимыми потребностями въ жизни, не только представляетъ видъ, одобряемый разсудкомъ, но и плѣняетъ сердце и чувства, и тѣмъ болѣе когда человѣкъ, оставаясь доволенъ самимъ собою, видитъ себя въ ней подъ одними лишь пріятными впечатлѣніями; когда въ ней не проявляется признаковъ его слабости, и когда эта вѣчно улыбающаяся картина никогда не возбуждаетъ въ немъ грустныхъ размышленій.

Нѣтъ! нельзя повѣрить, чтобы человѣкъ съ душою и съ чувствами могъ пробыть въ палатахъ богатаго вельможи для обозрѣнія ихъ блеска и пышности, и не предался печальнымъ размышленіямъ о плачевной долѣ человѣка!

КРАТКІЯ ИЗРѢЧЕНІЯ.

Нельзя разсуждать о нравахъ, не припомнивъ съ удовольствіемъ образа простоты временъ. Это прекрасный берегъ, къ которому мы безпрестанно обращаемъ взоры наши, и отъ котораго, къ сожалѣнію, чувствуемъ себя отдаленными.

Единственный урокъ нравственной науки, который приличенъ юношеству и весьма полезенъ для всякаго возраста — никогда не дѣлать никому зла. Даже самое правило, предписывающее дѣлать добро, если не подчинено ему — опасно, обманчиво и противорѣчитъ само себѣ. Кто не дѣлаетъ добра! всѣ его дѣлаютъ, даже и злоумышленники; они также дѣлаютъ счастливыми насчетъ ста несчастныхъ, и оттого проистекаютъ всѣ наши бѣдствія. Добродѣтели самыя высокія иногда бываютъ отрицательныя; они также и самыя трудныя, когда дѣлаются не для тщеславія, когда превосходятъ то высокое для души наслажденіе — отпускать отъ себя другихъ довольными.

Сколь великое благо дѣлаетъ подобнымъ себѣ тотъ, — если только такой существуетъ, — кто никогда имъ не дѣлаетъ зла! Какая для этого потребна ему неустраши-

мость духа и сила характера! Не разсуждая о семъ правилѣ, но стараясь его исполнять, можно только чувствовать, сколь важно и вмѣстѣ сколь трудно въ томъ успѣть.

Правило, предписывающее никогда не дѣлать никому зла, влечетъ за собою другое, предписывающее быть привязану сколь можно менѣе къ обществамъ; потому что въ общественномъ быту благо одного непремѣнно составляетъ зло другаго. Подобное отношеніе неизбѣжно и ни что не можетъ его измѣнить. Принявъ это въ основаніе, пусть кто нибудь изслѣдуетъ: какой человѣкъ лучше, общественный или уединенный? Одинъ славный писатель говоритъ, что человѣкъ дѣлается злымъ только въ одиночествѣ, а я говорю напротивъ, — только добрый пребываетъ въ немъ. Если это предложеніе не совсѣмъ замысловато, то по крайней мѣрѣ, оно справедливѣе и основательнѣе прежняго. Еслибъ злой пребывалъ въ уединеніи, то какое бы онъ могъ сдѣлать зло? Онъ только въ обществѣ приготовляетъ свои машины, чтобъ вредить другимъ.

Надобно изучать общество по людямъ, а людей по обществу: кто пожелаетъ разсуждать особо о политикѣ и особо о нравственности, тотъ ни въ одной изъ нихъ никогда ничего не пойметъ. Сперва, привязываясь къ первоначальнымъ отношеніямъ, онъ видитъ какъ люди должны быть ими заинтересованы, и какія слѣдствія должны отъ нихъ произойдти; видитъ, какъ эти отношенія взаимно увеличиваются и уменьшаются по степенямъ страстей. Не столько сила рукъ, сколь умѣренность душевная дѣ-

лаетъ людей независимыми и свободными. Кто желаетъ немногаго, тотъ къ немногому и привязанъ: но тѣ, которые, смѣшивая всегда тщетныя желанія съ нуждами физическими, полагаютъ послѣднія въ основаніе общества, всегда принимаютъ дѣйствія за причины, и во всѣхъ своихъ умствованіяхъ только заблуждаются.

Нѣтъ такого познанія въ нравственной наукѣ, которое нельзя было бы пріобрѣсти посредствомъ собственнаго или чужаго опыта. Если же этотъ опытъ представляетъ опасность, то вмѣсто того, чтобы дѣлать его самимъ, мы почерпаемъ свѣдѣнія о результатахъ его изъ исторіи.

Перестанемъ искать въ книгахъ началъ и правилъ, которые мы вѣрнѣе отыщемъ въ самихъ себѣ. Оставимъ всѣ тщетные въ нихъ споры философовъ о благополучіи и добродѣтели: употребимъ на содѣланіе себя добрыми и счастливыми то время, которое теряютъ на изслѣдованіе, какъ можно быть таковыми, и поставимъ себѣ за правило слѣдовать болѣе великимъ примѣрамъ, нежели пустымъ системамъ.

Кто старался жить такъ, чтобъ не имѣть нужды въ помышленіи о смерти, тотъ взираетъ на нее безъ страха. Кто засыпаетъ въ объятіяхъ отца, тотъ не заботится о пробужденіи.

На ропотъ нетерпѣливыхъ смертныхъ можно сказать, что Богъ долженъ награждать ихъ заслуги прежде и платить за ихъ добродѣтель впередъ. Нѣтъ! постараемся прежде быть добрыми, чтобъ быть потомъ счастливыми. Не должно требовать награды прежде побѣды, ни платы прежде труда. Не на ристалищахъ въ священныхъ иг-

рахъ, говоритъ Плутархъ, увѣнчались побѣдители; но по совершеніи ристаній.

Первая награда за правосудіе—собственное сознаніе долга исполнять его.

Душевное спокойствіе состоитъ въ презрѣніи всего того, что можетъ его возмущать.

Если человѣка образуетъ разсудокъ, то чувство руководствуетъ.

Пышность душу развращаетъ, а нищета унижаетъ.

Если печаль душу смягчаетъ, то глубокое уныніе ее ожесточаетъ.

Все то время теряется, которое можно употребить лучше.

Можетъ ли человѣкъ быть въ неизмѣнномъ состояніи? Нѣтъ! Если кто что-либо пріобрѣтаетъ, тотъ долженъ и лишиться, хотя бы это было удовольствіе обладанія, которое само собою наскучиваетъ.

Печали и неудовольствія можно считать пользами, потому что онѣ смягчаютъ сердце въ несчастіи другихъ. Невообразимо пріятно смягчаться въ несчастіяхъ своихъ собственныхъ и чужихъ. Чувствительность всегда вливаетъ въ душу какое-то высокое самодовольствіе, не зависящее ни отъ счастія, ни отъ обстоятельствъ.

Только страна химеръ въ этомъ мірѣ достойна быть обитаемою; такъ какъ ничтожность дѣлъ человѣческихъ такова, что кромѣ Существа, пребывающаго самимъ собою, нѣтъ ничего хорошаго, исключая того, чего нѣтъ.

Высокая нравственность до того обременена строгими обязанностями, что еслибъ ее обусловили еще формами, то это уже послужило-бъ въ ущербъ существеннаго.

Никто не можетъ быть счастливымъ, не удовлетворяясь самоуваженіемъ.

Если истинное наслажденіе души состоитъ въ созерцаніи прекраснаго; то какъ злодѣй можетъ видѣть его въ другомъ, не будучи принужденъ ненавидѣть самаго себя?

Нѣтъ надежнѣе убѣжища какъ то, гдѣ можно укрыться отъ стыда и раскаянія.

Дурныя правила хуже дурныхъ дѣйствій. Распутныя страсти внушаютъ дурныя дѣла; но дурныя правила портятъ самый разсудокъ и отнимаютъ средства возвратиться къ добру.

Самолюбіе—орудіе полезное, но опасное: оно часто поражаетъ руку пользующагося имъ, и рѣдко дѣлаетъ добро, не дѣлая зла.

Злоупотребленіе знанія пораждаетъ недовѣрчивость. Всякій ученый презираетъ чувство или мнѣніе общенародное, — каждый хочетъ защищать свое собственное. Высокомѣрная философія влечетъ къ сумазбродству, подобно какъ и слѣпое ханжество къ изувѣрству.

Жребій человѣчества таковъ: разумъ показываетъ намъ цѣль, а страсти удаляютъ отъ нея.

Все то служитъ источникомъ зла, что превышаетъ человѣческія нужды. Природа даетъ намъ слишкомъ много нуждъ, а умножать ихъ, по крайней мѣрѣ безъ надобности, великое неблагоразуміе: чрезъ это мы становимъ духъ нашъ въ большую зависимость.

Первый шагъ къ пороку дѣлать изъ невинныхъ упражненій тайну; и кто любитъ скрываться, тотъ рано или

поздо будетъ имѣть къ тому причину. Одно нравственное правило можетъ замѣнить всѣ прочіе; оно есть слѣдующее: не дѣлай и не говори ничего такого, чего не хочешь, чтобъ другіе видѣли или слышали; и что касается до меня, я всегда считалъ того римлянина самымъ почтеннымъ человѣкомъ, который хотѣлъ, чтобы домъ его былъ построенъ такъ, чтобъ въ немъ всѣмъ было видно, что онъ дѣлаетъ.

Есть предметы до того отвратительные, что человѣку честному не позволительно даже ихъ видѣть. Негодующая добродѣтель не можетъ терпѣть зрѣлища порока.

Обольщенія гордости бываютъ источникомъ величайшихъ нашихъ несчастій; но созерцаніе бѣдности людей дѣлаетъ мудраго всегда умѣреннымъ. Онъ твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ, не безпокоится о томъ, чтобъ сойти съ него; не тратитъ напрасно своихъ силъ на наслажденіе тѣмъ, чего сохранить не можетъ; а употребляя ихъ къ хорошему обладанію тѣмъ, что имѣетъ, онъ дѣйствительно потому уже богаче, что желаетъ менѣе насъ. Будучи смертнымъ и гибнущимъ существомъ, стану-ли я вязать вѣчные узлы на этой землѣ, на которой все измѣняется, все проходитъ, и съ которой я завтра же могу изчезнуть?

Терпѣніе горько, но плоды его сладки.

Чтобы чувствовать прелести уединенія — надобно быть душѣ здравой.

Душа здравая можетъ дать вкусъ и обыкновеннымъ занятіямъ; такъ какъ здоровое состояніе тѣла самую простую пищу находитъ хорошею.

Умъ съуживается по мѣрѣ поврежденія души.

Кто краснѣетъ, тотъ уже виноватъ: истинная невинность не стыдится ничего. Все, что касается человѣка, отзывается тлѣнностью: все имѣетъ свой конецъ — все проходитъ въ жизни человѣческой, и еслибъ то состояніе, которое дѣлаетъ насъ счастливыми продолжалось безпрестанно; то самая привычка наслаждаться имъ надоѣла бы намъ и лишала бы насъ влеченія къ нему. Если не измѣняется ничего снаружи, то измѣняется сердце,— или насъ счастіе оставляетъ, или мы его.

Несправедливость и коварство нерѣдко находятъ себѣ покровителей въ частности: но цѣлое общество никогда не бываетъ къ нимъ расположено, и потому-то гласъ народа—гласъ Божій (vox populi, vox Dei).

Множество печатаемыхъ книгъ: по части исторіи, разныхъ извѣстій, путешествій и др. заставляетъ насъ презирать книгу міра: или если мы читаемъ ее, то каждый изъ насъ держится только своего листка.

Мы бываемъ любопытны по мѣрѣ нашихъ свѣденій.

Невѣжество не служитъ ни къ добру, ни къ злу: оно только природное состояніе человѣка.

Невѣжество никогда не сдѣлало зла, одно заблужденіе только пагубно; — мы заблуждаемся не потому, что не знаемъ, но потому, что желаемъ знать.

Человѣкъ по природѣ не мыслитъ; мыслить, есть искусство, которому научаемся точно также, какъ и всякому другому искусству и даже съ большою трудностью.

Никакое другое состояніе лучше не располагаетъ къ размышленію, какъ то, когда человѣкъ остается довольнѣе собою, нежели своею судьбою.

Глупый также иногда можетъ размышлять, но неиначе какъ по сдѣланіи глупости.

Критика дѣло весьма спокойное: она нападаетъ немногими словами, но защищаться противъ нея должно цѣлыми страницами.

Мало такихъ выраженій, которыхъ нельзя было бы сдѣлать нелѣпыми, по отдѣленіи ихъ отъ другихъ. Такая уловка всегда употребляется завистливыми критиками.

Всякій наблюдатель, побуждаемый похвастаться умомъ — подозрителенъ. Онъ можетъ незамѣтно пожертвовать истиною вещей блеску мыслей, и насчетъ справедливости играть своимъ выраженіемъ.

Между душами таится какое-то сочувствіе, которое замѣтно съ первой минуты и которое составляетъ пріязнь.

Мужественная мысль душъ сильныхъ сообщаетъ имъ особенное нарѣчіе; но души обыкновенныя не знаютъ грамматики сего языка.

Что обѣщается всего медленнѣе, то вѣрнѣе всего получить.

Прекрасное средство видѣть слѣдствіе вещей, когда кто живо представляетъ себѣ всѣ опасности, которымъ онъ можетъ подвергнуться.

Жадность—порокъ сердецъ, не имѣющихъ состоянія.

Можно противиться всему, кромѣ желанія добра; по этому нѣтъ надежнѣйшаго средства пріобрѣсти благорасположеніе другихъ, какъ оказывая имъ желаніе добра.

Сердца, согрѣваемыя огнемъ съ выше, находятъ въ своихъ собственныхъ чувствахъ нѣкоторое чистое, пріятное наслажденіе, не зависящее отъ фортуны и свѣта.

Какую нелѣпость произносятъ тѣ, которые наставляютъ насъ дѣлать то, что они проповѣдуютъ, а не то, что сами дѣлаютъ! Кто мало думаетъ о томъ, что говоритъ, тотъ никогда не говоритъ хорошо: ибо въ его словахъ не достаетъ той теплоты, которая согрѣваетъ и убѣждаетъ.

Неблагоразумныя утѣшенія лишь поселяютъ сильныя огорченія.

Нездравая душа не иначе можетъ слушаться разума, какъ чрезъ органъ чувствъ.

Когда любовь слишкомъ глубоко проникла въ душу, то ее трудно оттуда изгнать, она усиливается и пропитываетъ всѣ ея черты подобно крѣпкой водкѣ.

Весь свѣтъ наполненъ тѣми хитрыми трусами, которые стараются, какъ говорятъ, вывѣдать человѣка, т. е. найдти кого нибудь такого, который былъ бы трусливѣе ихъ, чтобы имъ пріобрѣсти на счетъ его какое нибудь значеніе.

Никто не скучаетъ своимъ положеніемъ, если не знаетъ пріятнѣйшаго. Изъ всѣхъ людей дикіе менѣе всѣхъ увлекаются любопытствомъ; они ко всему равнодушны: не наслаждаются вещами, но собою: проводятъ жизнь ничего не дѣлая, и никогда не скучаютъ.

Человѣкъ свѣтскій весь въ маскѣ. Не будучи почти никогда въ самомъ себѣ, онъ всегда бываетъ себѣ незнакомъ и входитъ въ самаго себя съ неудовольствіемъ. То, что онъ есть, ничего не значитъ; а то, чѣмъ онъ кажется, для него составляетъ все.

Школьникъ заимствуетъ обычаи свѣта въ золочен-

ныхъ палатахъ; а мудрый познаетъ тайны свѣта въ хижинѣ бѣдняка.

Поученія дѣлаются безполезными, когда ихъ говорятъ всѣмъ безъ различія. Какъ можно думать, чтобы одно и тоже поученіе было прилично слушателямъ столь различныхъ расположеній умовъ, столь различныхъ нравовъ, лѣтъ, половъ, состояній и мнѣній? — Между ними можетъ быть нѣтъ и двухъ такихъ, которымъ бы приличествовало то, что говорится всѣмъ; притомъ всѣ наши чувства столь мало имѣютъ постоянства, что, можетъ быть, въ жизни каждаго человѣка нѣтъ двухъ минутъ, въ которыя однѣ и тѣже рѣчи производили бы въ немъ одинаковое впечатлѣніе.

Свободы не существуетъ ни въ одномъ образѣ правленія государства; она сохраняется въ чувствахъ свободнаго человѣка; онъ носитъ ее съ собою вездѣ; а подлый повсюду носитъ съ собою рабство. Быть бѣднымъ и не быть свободнымъ—состояніе самое жалкое, въ какое можетъ только человѣкъ впасть.

Демонъ собственности заражаетъ все, къ чему ни прикоснется.

Нѣтъ связи обыкновеннѣе той, какая бываетъ между пышностію и скупостію.

Тамъ гдѣ вмѣсто пріятнаго поставляется полезное — пріятное всегда почти выигрываетъ.

Имѣетъ ли когда человѣкъ великія добродѣтели безъ недостатковъ?

Едва ли кто видѣлъ, чтобы человѣкъ съ гордостію въ

душѣ, показывалъ гордость въ своихъ поступкахъ: это свойственно лишь душамъ подлымъ и тщеславнымъ.

Добрая мать играетъ для забавы своихъ дѣтей подобно голубкѣ, которая смягчаетъ въ своемъ зобѣ зерна, чтобъ кормить своихъ птенцовъ.

Каждый возрастъ имѣетъ свои пружины, приводящія его въ движеніе; но человѣкъ всегда одинаковъ: въ десятъ лѣтъ его прельщаютъ сладкіе пирожки, въ двадцать — любовница: въ тридцать — удовольствія; въ сорокъ — честолюбіе. Спрашивается: когда же онъ послѣдуетъ благоразумію?

Еслибъ счастіе любви можно было упрочить въ супружествѣ: то на землѣ былъ-бы рай.

Наилучшее средство судить о своемъ чтеніи, испытывая тѣ настроенія, въ которыхъ оно оставляетъ душу. Что пользы имѣть такую книгу, которая не склоняетъ читателей къ добру?....

Отдѣлъ III.

Изъ сочиненія Сильвіо Пеллико *).

НЕОБХОДИМОСТЬ И ВАЖНОСТЬ ИСПОЛНЕНІЯ СВОЕГО ДОЛГА.

Человѣкъ не можетъ уклониться отъ понятія о своемъ долгѣ; онъ не можетъ нечувствовать также всей его важности. Долгъ нашъ тѣсно связанъ съ нашимъ бытіемъ. Едва начинаемъ мы дѣйствовать нашимъ разсудкомъ, какъ уже совѣсть напоминаетъ намъ о нашемъ долгѣ; напоминанія ея становятся живѣе съ возрастающею въ насъ силою разсудка и, по мѣрѣ его развитія, дѣлаются все живѣе и живѣе. Не менѣе того намъ напоминаетъ о нашемъ долгѣ все то, что ни совершается внѣ насъ, потому что все управляется установленнымъ и вѣчнымъ закономъ и что все это предназначеніе выражаетъ премудрость и волю того существа, которое есть начало и конецъ всѣхъ вещей.

Человѣкъ имѣетъ свое назначеніе, свою природу. Ему надобно быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, если не желаетъ видѣть своего униженія въ глазахъ другихъ, въ

---

*) «Dei Doveri degli Uomini». Переводъ съ итальянск. Н. Хрусталева. Одесса 1835 г.

глазахъ своихъ собственныхъ; если не желаетъ отказаться отъ своего счастія. Онъ, по своей природѣ, стремится къ счастію и понимаетъ, и чувствуетъ, что можетъ достигнуть его добрыми дѣлами, т. е. когда онъ въ своихъ поступкахъ понятіе о собственномъ благѣ не отдѣляетъ отъ законовъ вселенной и предначертаній Провидѣнія.

Но если мы, ослѣпленные сильною страстью, иногда готовы назвать нашимъ благомъ то, что противно благу другихъ и общественному порядку,—въ такомъ случаѣ намъ недостаетъ собственнаго убѣжденія: тогда и совѣсть говоритъ противное. Но съ подавленіемъ страсти, мысль о зависти дѣлается отвратительною.

Исполненіе долга необходимо собственно для нашего благополучія. Оно облегчаетъ наши страданія и самую смерть обращаетъ въ удовольствіе тому человѣку, который страдаетъ и умираетъ изъ любви къ ближнему, или изъ покорности неисповѣдимымъ судьбамъ Всемогущаго.

И такъ, сознавать долгъ быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, значитъ соединять вмѣстѣ долгъ со счастіемъ. Эту истину превосходно объясняетъ намъ священное писаніе, говоря, что «человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію». Поэтому долгъ человѣка и его счастіе заключается въ томъ, чтобы сохранять подобный образъ, не желая сдѣлаться чѣмъ либо инымъ, чтобы заботиться и стараться быть добрымъ, такъ какъ и Отецъ нашъ небесный благъ, и назначеніе данное Имъ человѣку состоитъ въ достиженіи всѣхъ возможныхъ благъ и соединиться съ нимъ воедино.

ЛЮБОВЬ КЪ ИСТИНѢ.

Первый нашъ долгъ, безъ сомнѣнія, любить истину и вѣровать въ нее. Истина — Богъ. Любить Его и любить истину одно и тоже.

Нужно дать душѣ силу желать истины, да не обольстится она ложнымъ краснорѣчіемъ мрачныхъ и неистовыхъ софистовъ, т. е. лжемудрецовъ, которые стараются наводить на всѣ истины безотрадныя сомнѣнія.

Разсудокъ ни къ чему не служитъ, но еще можетъ повредить, когда усиливается оспаривать истину; когда порицаетъ ее и защищаетъ жалкія ипотезы; когда изъ бѣдствій, коими усѣяна наша жизнь онъ выводитъ отчаянныя слѣдствія и не признаетъ, что жизнь есть благо; когда, приводя примѣры мнимыхъ безпорядковъ въ мірѣ, не хочетъ признавать въ немъ всеобщаго порядка; когда, поражаемый осязаемостію и смертностію тѣлъ, упорно отвергаетъ существованіе нематеріальнаго, безсмертнаго *я;* когда считаетъ бредомъ различіе между порокомъ и добродѣтелью; когда смотритъ на человѣка, какъ на животное безсловесное, и не хочетъ видѣть въ немъ ничего божественнаго.

И въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ и природа столь ненавистны и достойны презрѣнія, то вмѣсто того, чтобы терять время въ умствованіяхъ намъ слѣдовало бы просто уничтожить себя: разсудокъ вѣрно не внушилъ бы намъ ничего другаго.

Но какъ совѣсть повелѣваетъ всѣмъ намъ жить (исключеніе нѣкоторыхъ разстроенныхъ умовъ еще ничего

не доказываетъ), и какъ мы живемъ съ цѣлію стремиться къ счастію и чувствуемъ, что наше счастіе заключается не въ томъ, чтобы унижаться и пресмыкаться вмѣстѣ съ ползающими червями; но чтобы съ каждымъ днемъ совершенствоваться, становиться лучшими и приближаться къ своему Творцу; то ясно, что точное употребленіе разсудка должно служить къ внушенію человѣку того высокаго понятія о его достоинствѣ, коего онъ можетъ достигнуть и всячески побуждать его къ достиженію того достоинства.

Признавъ все это за истину, станемъ смѣло отвергать сомнительность (скептицизмъ), поруганія (цинизмъ) и всѣ вообще философскіе бредни, унижающія человѣка: поставимъ себѣ долгомъ вѣровать во все истинное, доброе и прекрасное. Но чтобъ вѣровать, нужно имѣть расположеніе къ вѣрѣ; нужно полюбить истину съ чувствомъ горячимъ. Подобная только любовь можетъ сообщить душѣ силу; но кто часто предается сомнѣніямъ, тотъ её обезсиливаетъ.

Къ этому вѣрованію во всѣ благородныя правила нужно присоединить рѣшительность быть живымъ выраженіемъ истины во всѣхъ нашихъ рѣчахъ и поступкахъ. Одна только истина можетъ успокоить возмущенную совѣсть человѣка. Вѣроломный, хотя и умѣетъ скрывать свою ложь; но онъ всегда носитъ наказаніе въ самомъ себѣ: лжецъ всегда сознаетъ свою измѣну долгу и свое униженіе.

Но чтобъ гнусная страсть лгать не обратилась въ привычку, нужно положить за правило никогда не лгать; по-

тому что одно отступленіе отъ этого правила даетъ поводъ къ другому, третьему, къ пятидесятому и такъ далѣе до безконечности. Такимъ образомъ многіе, мало-по малу, доходятъ до величайшей склонности къ притворству, къ преувеличенію и даже къ клеветѣ.

Наибольшая порча и растлѣніе нравовъ въ обществахъ возникаетъ тогда, когда ложь становится господствующею страстью. Отсюда всеобщая круговая недовѣрчивость, даже недовѣрчивость родителей къ своимъ дѣтямъ; отсюда чрезмѣрное умноженіе клятвъ, божбы и вѣроломства; отсюда въ разногласныхъ мнѣніяхъ: политическихъ, религіозныхъ, или только литературныхъ является побужденіе приписывать противной сторонѣ постыдныя дѣйствія и намѣренія; отсюда убѣжденіе въ позволительности всякихъ способовъ къ униженію своихъ противниковъ; отсюда неистовство, съ какимъ ищемъ показаній противъ другихъ и, по отысканіи нѣкоторыхъ, совершенно ничтожныхъ и ложныхъ, упорно ихъ защищаемъ, увеличиваемъ видъ и показываемъ будто находимъ ихъ уважительными.

У кого нѣтъ сердечной простоты, тотъ и въ другихъ видитъ одно только лукавство. Начнетъ ли та личность, которая ему не нравится, что либо говорить, онъ тотчасъ воображаетъ, что это дѣлается съ злобнымъ умысломъ; — молится ли она прилежно, раздаетъ ли милостину, — онъ благодаритъ Провидѣніе, что не созданъ подобнымъ лицемѣромъ.

И такъ мы, рожденные въ такой вѣкъ, когда ложь и крайняя недовѣрчивость сдѣлались пороками всеобщими,

сохранимъ себя въ равной чистотѣ отъ обоихъ; будемъ имѣть благородную довѣрчивость къ правотѣ другихъ, и не принимать за обиду, если не отвѣчаютъ намъ взаимною довѣрчивостью; но удовольствуемся тѣмъ, что наше праводушіе свѣтло предъ очами Того, Кому все открыто.

РЕЛИГІЯ.

Коль скоро доказано, что человѣкъ несравненно превосходнѣе животнаго безсловеснаго, и что въ немъ кроется нѣчто божественное, то мы обязаны глубочайшимъ уваженіемъ всякому тому чувству, которое можетъ его облагородить; и какъ, повидимому, ни что столько человѣка не возвышаетъ, какъ стремленіе его къ совершенству, къ блаженству, къ Творцу, вопреки всѣмъ его слабостямъ; то нельзя не признавать превосходства религіи и не исповѣдывать ее.

Не устрашимся ни множества вѣроломныхъ, ни тѣхъ порицателей всего священнаго, которые назовутъ насъ лицемѣрами, видя нашу преданность къ церкви. Безъ твердости духа нельзя пріобрѣсти никакой добродѣтели; нельзя исполнить никакого высокаго долга: благочестіе не можетъ таиться въ сердцѣ малодушнаго.

Еще менѣе должно колебать насъ, что мы, въ качествѣ христіанъ, имѣемъ въ сообществѣ людей обыкновеннаго ума, людей неспособныхъ понимать всю чистоту религіи. Изъ того еще не слѣдуетъ, что религія есть дѣло простаго народа, когда и онъ можетъ и долженъ ее исповѣдывать. Развѣ учоный долженъ стыдиться быть

честнымъ человѣкомъ собственно потому, что и невѣжда обязанъ сохранять честь?

Наука и разсудокъ достаточно убѣдили насъ, что нѣтъ религіи болѣе очищенной и менѣе подверженной заблужденіямъ; что нѣтъ религіи, которая бы отличалась большею святостію и яснѣе показывала бы свою божественность — какъ религія христіанская; нѣтъ религіи, которая бы столь много способствовала успѣхамъ и распространенію гражданской образованности, уничтоженію и облегченію рабства; которая бы вразумляла смертныхъ, что всѣ они передъ Богомъ братья; что братскій союзъ соединяетъ ихъ съ самимъ Создателемъ.

Разсмыслимъ обо всемъ этомъ, особенно о неопровержимости историческихъ свидѣтельствъ въ пользу религіи, потому что они такого рода, что смѣло выдержатъ всякіе критическіе вопросы.

А чтобъ при такомъ изслѣдованіи не быть обманутымъ софизмами, т. е. лжемудріемъ, обращаемымъ противъ законности тѣхъ свидѣтельствъ, то приведемъ на память всѣ тѣ возвышенные умы, кои были убѣждены въ истинѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ, начиная съ нѣкоторыхъ глубокихъ мыслителей нашихъ временъ и восходя до *Θомы,* до *блаженнаго Августина* и до *первыхъ Отцевъ Церкви*. Каждый народъ представитъ намъ славныя имена, которыми ни одинъ изъ вѣрующихъ пренебрегать не дерзнетъ.

Знаменитый *Беконъ,* столь превозносимый эмпириками, не только не былъ невѣрующимъ, подобно самымъ

пламеннымъ изъ его панигиристовъ, но постоянно исповѣдовалъ христіанскую религію.

И *Гроцій* былъ христіанинъ, хотя и ошибался въ нѣкоторыхъ понятіяхъ, и написалъ разсужденіе «о подлинности христіанской религіи».

Лейбницъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ христіанства.

Ньютонъ не счолъ за стыдъ писать трактатъ «о сходствѣ Евангелій между собою».

Локкъ написалъ сочиненіе «о христіанской религіи, основанной на здравомъ умѣ».

Вольта былъ первокласный физикъ, человѣкъ обширной учености, однакожъ во всю свою жизнь былъ отличнѣйшимъ христіаниномъ.

Примѣры подобныхъ великихъ людей безъ сомнѣнія могутъ нѣкоторымъ образомъ служить доказательствомъ, что религія христіанская находится въ совершенномъ согласіи съ здравымъ умомъ, то есть съ такимъ умомъ, который любитъ разнообразить свои познанія и свои изслѣдованія, а не ограничивать себя умышленно,— который недовольствуется одностороннимъ взглядомъ на вещи, — который не соблазняется ироніями и буйствомъ безвѣрія...

О ты, религія святая,
Блаженный, кроткій другъ души моей!
Чѣмъ былъ бы я безъ помощи твоей
Безъ глазъ и ногъ много лѣтъ страдая!...

К...

СВИДѢТЕЛЬСТВА НѢКОТОРЫХЪ АВТОРОВЪ О РЕЛИГІИ.

Между людьми, пользовавшимися всемірною извѣстностію, было не мало изувѣровъ и такихъ, которые, касательно мнѣнія о религіи, впали въ бездну заблужденій и нелѣпостей. И какой изъ этого былъ результатъ? Сколько они противъ христіанской религіи ни писали, ничего однакожъ не доказали напротивъ, знаменитѣйшіе изъ нихъ, въ томъ или другомъ изъ своихъ сочиненій, не могли не свидѣтельствовать признательности о глубокой мудрости той самой религіи, которую они или со всѣмъ отвергали, или которой худо слѣдовали.

Приведемъ здѣсь первымъ Ж. Ж. Руссо. Что онъ писалъ о религіи въ своихъ «Мысляхъ» и въ своемъ «Эмилѣ»!

«Признаюсь, я поражаюсь величіемъ Св. Писанія: святость Евангелія прямо говоритъ моему сердцу... Всмотритесь въ книги философскія, напыщенныя краснорѣчіемъ, сколь они ничтожны предъ этою Книгою! Возможно-ли, чтобы твореніе столь величественное и вмѣстѣ столь простое было произведеніемъ человѣка? Возможно-ли, чтобы Тотъ, о Комъ она повѣствуетъ, былъ ни-что иное какъ только человѣкъ»?...

Тотъ-же Руссо въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

«Убѣгайте тѣхъ людей, которые подъ видомъ истолкованія природы, сѣютъ въ сердцахъ другихъ безотрадное ученіе... Ниспровергая, разрушая, попирая ногами все, что люди уважаютъ, они у страждущихъ отнимаютъ послѣднее утѣшеніе; у сильныхъ и богатыхъ — единственное средство къ обузданію ихъ страстей; въ преступ-

ныхъ сердцахъ заглушаютъ голосъ совѣсти, лишаютъ надежды на добродѣтель, и еще величаютъ себя благодѣтелями рода человѣческаго! Никогда, говорятъ они, истина не можетъ вредить человѣку. Съ послѣднимъ и я согласенъ и вижу въ этомъ доказательство, что въ ихъ ученіи нѣтъ истины».

Монтескье, хотя и не свободенъ отъ укоризны касательно антирелигіозныхъ убѣжденій; однакожь и онъ возставалъ противу тѣхъ, кои приписывали христіанской религіи несвойственныя ей злоупотребленія. «*Бейль* (Bayle), говоритъ онъ, наругавшись надъ всѣми религіями, поноситъ и христіанскую. Онъ осмѣливается утверждать, что изъ истинныхъ христіанъ не могло-бъ составиться прочное государство. А почему нѣтъ? Они были бы гражданами, превосходно понимающими свои обязанности и ревностно исполняли бы ихъ; они очень хорошо понимали-бъ право естественной обороны, и чѣмъ болѣе считали-бъ себя обязанными въ отношеніи къ религіи, тѣмъ болѣе думали-бы о своихъ обязанностяхъ къ отечеству.... Удивительное дѣло христіанская религія! предметъ ея, повидимому, одно наше блаженство въ будущей жизни, становится виною нашего благополучія и въ настоящей *)».

Потомъ говоритъ ниже: «Было бы нелѣпо, выводя умственныя заключенія противъ религіи, наполнять сочиненіе длиннымъ исчисленіемъ однихъ золъ, которыхъ была она причиной, не упоминая въ тоже время объ оказанныхъ ею благодѣяніяхъ... Еслибъ кто пожелалъ по-

*) Esprit de Lois. Libr. III, Chap. VI.

расказать, сколько въ мірѣ золъ причинили междуусобныя войны, деспотизмъ, республиканскія правленія, тотъ бы могъ наговорить намъ ужасы. Представимъ себѣ рядъ убійствъ царей и вождей греческихъ и римскихъ; представимъ истребленіе народовъ и городовъ этими же самыми вождями; представимъ жестокости Тимура и Чингисъ-Хана, опустошавшихъ Азію, и увидимъ, что мы весьма обязаны христіанской религіи и нѣкоторымъ политическимъ правомъ въ государственномъ устройствѣ, и нѣкоторымъ народнымъ правомъ въ войнѣ, а это такія услуги, за которыя никакая человѣческая признательность не можетъ быть достаточною».

УВАЖЕНІЕ КЪ ЧЕЛОВѢКУ.

Выберемъ изъ человѣчества тѣхъ людей, которые своими дѣлами, проявляя свое нравственное величіе, представляютъ намъ собою примѣры, достойные всегдашняго подражанія. Положимъ, что мы не въ состояніи достигнуть равной съ подобными людьми славы въ добродѣтели; однакожъ мы всегда можемъ сравниться съ ними покрайней мѣрѣ въ достоинствѣ внутреннемъ, то есть въ упражненіи благородныхъ чувствъ, коль скоро мы родились существами непреждевременными и небезсмысленными, коль скоро наша жизнь, одаренная мыслящею способностью, перешла за предѣлы дѣтскаго возраста.

Въ минуты нашего расположенія презирать человѣ-

чество, видя собственными глазами или вычитывая изъ исторіи множество его гнусностей, вспомнимъ о тѣхъ почтенныхъ смертныхъ, добродѣтели которыхъ не менѣе сіяютъ въ исторіи. Раздражительный, но благородный душою *Байронъ* говаривалъ, что его спасала отъ ненависти къ человѣчеству одна мысль о *Моисеѣ*. «Въ такомъ случаѣ приходитъ мнѣ на мысль, говорилъ онъ, первый великій человѣкъ Моисей, который возстановляетъ народъ, дошедшій до послѣдней степени униженія; избавляетъ его отъ постыднаго идолопоклонства и рабства; предписываетъ ему законъ, исполненный мудрости — законъ, образующій чудную связь между религіей Патріарховъ и религіей временъ просвѣщенныхъ, то есть религіей Евангельской. Добродѣтели и установленія Моисеевы суть средства, которыми Провидѣніе воспроизводитъ въ семъ народѣ искусныхъ государственныхъ мужей, неустрашимыхъ воиновъ, отличныхъ гражданъ, благочестивыхъ ревнителей истины, призванныхъ прорѣкать паденіе гордыхъ и лицемѣровъ и будущее просвѣщеніе всѣхъ народовъ».

«Обращая мысленно взоръ мой на нѣкоторыхъ великихъ людей, особенно на моего Моисея, продолжалъ Байронъ, я всегда съ восторгомъ повторяю слѣдующій превосходный стихъ *Данта:*

«При видѣ ихъ, какой восторгъ я ощущаю!» *)

и всегда возвращаюсь къ выгодному мнѣнію объ этой Адамовой плоти и духѣ, который она въ себѣ носитъ».

---

*) Che di vederli in me stesso m'esalto!

Слова великаго поэта должны запечатлѣться въ душѣ каждаго неизгладимыми чертами, и при мысли о ненависти къ человѣчеству должно дѣлать тоже, что и Байронъ.

Довольно указать на великихъ людей протекшаго и и настоящаго времени, чтобъ опровергнуть то низкое понятіе, какое составили себѣ иные о природѣ человѣка. Сколько ихъ было въ глубокой древности! Сколько во время римскаго владычества! Сколько въ невѣжественныхъ среднихъ вѣкахъ и въ новѣйшихъ просвѣщенныхъ вѣкахъ! Тамъ мученики правды; тутъ утѣшители несчастныхъ, Отцы Церкви, удивляющіе своею высокою философіею и вмѣстѣ пламенною любовію къ ближнему; наконецъ повсюду доблестные воины, поборники правды, ревнители просвѣщенія, великіе поэты, ученые, художники.

И какъ ни отдаленны тѣ времена, какъ ни блистателенъ жребій тѣхъ людей, но мы не должны представлять себѣ ихъ отличными отъ насъ существами. Нѣтъ, и они сначала не были полубогами, но были такими же, какъ и мы; они были тѣ же чада жены, терпѣли горе и плакали подобно намъ, и также какъ и мы должны были бороться съ дурными наклонностями, нерѣдко стыдиться самыхъ себя, наконецъ сражаться, чтобъ себя побѣдить.

Хотя лѣтописи народовъ и другіе памятники оставили намъ воспоминаніе о небольшомъ числѣ великихъ душъ, существовавшихъ на землѣ; но такихъ людей, которые, оставаясь въ совершенной неизвѣстности, приносятъ честь человѣческому имени плодами своего ума и добрыми дѣлами, братскимъ союзомъ совсѣми вели-

кими душами и союзомъ своимъ Творцомъ — въ каждомъ періодѣ можно было бы насчитать многія тысячи.

Упоминать о превосходствѣ и великомъ числѣ добрыхъ, не значитъ обольщаться мечтою, не значитъ смотрѣть на человѣчество съ одной только хорошей стороны, отвергая существованіе великаго числа безумцевъ и развратныхъ. Что число такихъ людей всегда было и будетъ велико объ этомъ нельзя спорить; но намъ не должно забывать, что человѣкъ можетъ и удивлять своимъ умомъ; что онъ всегда можетъ уклониться отъ пути разврата и даже во всякое время можетъ украситься великими добродѣтелями, независимо отъ своего достоянія, отъ своего положенія въ свѣтѣ и степени образованности,—что по этимъ причинамъ онъ имѣетъ право на уваженіе всякаго разумнаго существа.

Когда мы станемъ платить человѣку подобную справедливую дань; когда увидимъ въ немъ постоянное стремленіе къ совершенству; когда увидимъ, что онъ принадлежитъ болѣе къ безсмертному міру идей, нежели тѣмъ четыремъ днямъ, въ которые, подобно животнымъ и растеніямъ, является онъ подъ вліяніемъ міра вещественнаго; тогда ясно увидимъ, что онъ въ состояніи отдѣлиться по крайней мѣрѣ отъ стаи животныхъ и смѣло сказать имъ: я значу болѣе всѣхъ васъ и всего окружающаго меня земнаго! Тогда и чувство снисхожденія къ нему сильнѣе отзовется въ нашей груди. Тогда самыя его слабости, самыя ошибки возбудятъ въ насъ болѣе сожалѣнія, если представимъ себѣ все благородство его природы. Намъ прискорбно будетъ видѣть царя тварей въ униженіи; мы,

изъ благопристойной ревности, будемъ стараться то скрывать его пригрѣшности, то подавать ему руку помощи, чтобы онъ могъ встать изъ грязи и подняться опять на высоту, съ которой упалъ. Мы будемъ всякой разъ восхищаться, когда увидимъ, что онъ, сознавая свое достоинство, является непобѣдимымъ среди скорбей и униженія, что торжествуетъ надъ самыми трудными испытаніями и, со всею силою воли, приближается къ своему идеалу божества.

УВАЖЕНІЕ КЪ СТАРЫМЪ И КЪ ПРЕДКАМЪ.

Мы должны уважать въ лицѣ старыхъ людей образъ нашихъ родителей и предковъ. Старость дѣлается почтенною въ глазахъ всякаго благороднаго человѣка.

Въ древней Спартѣ существовалъ законъ, по которому всѣ молодые люди, при появленіи стараго человѣка въ обществахъ, обязаны были вставать съ мѣста,—молчать, когда онъ начиналъ говорить, и уступать ему дорогу при встрѣчѣ. Въ наше время то, чего не требуется отъ насъ закономъ, станемъ исполнять изъ видовъ приличія: это еще лучше!

Однажды на олимпійскихъ играхъ, когда престарѣлый аѳинянинъ искалъ себѣ мѣста въ амѳитеатрѣ, гдѣ всѣ скамьи уже были заняты зрителями, молодые люди изъ его согражданъ подали ему знакъ пробраться къ нимъ, и когда онъ, послушавъ ихъ, протиснулся къ нимъ съ большимъ трудомъ, тогда они вмѣсто того, чтобы съ приличнымъ уваженіемъ дать ему мѣсто, встрѣтили

его съ наглымъ смѣхомъ. Послѣ того бѣдный старикъ, проталкиваясь между народомъ, добрался наконецъ до того мѣста, гдѣ сидѣли Спартанцы. Эти люди, вѣрные своему священному обычаю въ ихъ отечествѣ, скромно встали и дали ему мѣсто подлѣ себя. И такъ аѳиняне, сыгравшіе надъ старикомъ столь наглую шутку, были сами поражены удивленіемъ надъ своими соперниками: живѣйшія рукоплесканія раздались на всѣхъ скамьяхъ, и старикъ, со слезами на глазахъ громогласно, сказалъ: «да, аѳиняне только понимаютъ что хорошо; а спартанцы всегда дѣлаютъ такъ хорошо».

Александръ Македонскій — здѣсь можно назвать его дѣйствительно великимъ—среди блистательныхъ побѣдъ, когда все способствовало къ возбужденію въ немъ гордости, умѣлъ однакожъ смиряться передъ стариками. Однажды, когда необыкновенно большой снѣгъ остановилъ его побѣдоносное шествіе, онъ приказалъ развести небольшой огонь и, присѣвъ на своей царской скамьѣ, грѣлся. Въ это время видитъ онъ между своими воинами человѣка, обремененнаго лѣтами и дрожащаго отъ холода, подходитъ къ нему и своими побѣдоносными руками, сокрушившими персидскую монархію, беретъ старика и сажаетъ на своемъ собственномъ мѣстѣ.

Если можно назвать кого злобнымъ, сказалъ *Парини,* такъ это человѣка, неуважающаго ни старости, ни женскаго пола, ни злополучія въ другихъ. Но Парини умѣлъ пользоваться вліяніемъ, какое имѣлъ на своихъ слушателей, чтобъ заставить ихъ быть почтительными къ старымъ людямъ. Будучи однажды сердитъ на одного

изъ нихъ, обвиненнаго передъ нимъ въ чемъ-то важномъ, и, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ въ то самое время, когда сей послѣднiй, помогая одному дряхлому капуцину подняться на ноги, съ благороднымъ гнѣвомъ кричалъ на негодяевъ опрокинувшихъ его, принялъ тотчасъ сторону молодаго человѣка, и потомъ бросившись къ нему на шею сказалъ: «за часъ до этого я считалъ тебя негодяемъ; но теперь, увидѣвъ лично состраданiе твое къ старому человѣку, я опять начинаю думать, что ты способенъ быть человѣкомъ добродѣтельнымъ».

Мы должны предпочтительно уважать старость въ тѣхъ личностяхъ, которыя переносили многiя непрiятности въ нашемъ дѣтствѣ и въ нашей юности, которыя неусыпно заботились объ образованiи нашего ума и сердца и которыя горячо тому содѣйствовали.

Будемъ снисходительны къ ихъ недостаткамъ; оцѣнимъ справедливо ихъ труды, подъятые ими ради нашей пользы, — ту горячую привязанность, которую они къ намъ питали, и то сладкое чувство награды, которое они предполагали въ постоянствѣ нашей къ нимъ любви. Нѣтъ, кто съ самопожертвованiемъ посвящаетъ себя воспитанiю юношества, тотъ далеко не вознаграждается тѣмъ хлѣбомъ, который ему столь справедливо предлагаютъ. Эти постоянныя заботы и бдительность не суть наемничьи; но истинно отеческiя и материнскiя. Онѣ высоко ставятъ человѣка, обратившаго ихъ себѣ въ привычку; они внушаютъ чувство любви и даютъ право быть любимыми!

Будемъ оказывать сыновнее почтеніе нашимъ начальникамъ, потому собственно что они наши начальники.

Станемъ изъявлять сыновнее уваженіе къ памяти всѣхъ тѣхъ людей, которые оказывали важные услуги родному краю или всему человѣчеству. Да будутъ священны въ нашихъ глазахъ ихъ письмена, ихъ изображенія, ихъ могилы!

Разсматривая протекшіе вѣка и оставшіеся отъ нихъ слѣды варварства, а также оплакивая множество настоящихъ золъ, мы открываемъ, что они суть слѣдствія страстей и заблужденій минувшихъ временъ, и потому не станемъ поддаваться чувствамъ искушенія—порицать поведеніе нашихъ предковъ. Поставимъ себѣ въ долгъ быть снисходительными въ осужденіи ихъ. Конечно, они вели несчастныя войны, которыя мы въ настоящее время можетъ быть оплакиваемъ; но развѣ они не были оправдываемы необходимостію, или невинными ошибками, которыхъ мы, по отдаленности времени, оцѣнить не въ состояніи? Они прибѣгали къ чужеземному посредничеству, которое впослѣдствіи оказалось пагубнымъ; но и тутъ не служитъ ли имъ оправданіемъ та же необходимость, или невинное заблужденіе? Они положили основаніе учрежденіямъ, которыя въ настоящее время можетъ быть не вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію; но чѣмъ же доказать что эти учрежденія не были приличны духу своего времени; что они не были наилучшимъ соображеніемъ человѣческой мудрости при тѣхъ средствахъ, какое имѣло въ то время общество? Критика должна являться справедливою, а не жестокою къ дѣламъ нашихъ предковъ; она не

должна ни клеветать, ни презирать тѣхъ, которые не могутъ встать изъ своихъ могилъ и сказать: потомки! такова была причина нашему поведенію!

Полагаемъ, многимъ памятны слова *Катона* старшаго, который сказалъ: «трудно въ томъ вразумить людей градущихъ вѣковъ, что оправдываетъ нашу жизнь».

БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ И СПОКОЙСТВІЕ ДУХА.

Многіе, избравъ поприще въ своей жизни, постоянно ему слѣдуютъ и даже привязываются къ нему; но потомъ ропщутъ, когда видятъ, что другое поприще доставляетъ иному болѣе почестей или богатства; ропщутъ, когда имъ кажется, что ихъ мало цѣнятъ и награждаютъ; досадуютъ, что у нихъ много соперниковъ и что имъ не хочется стоять ниже ихъ.

Нужно удалять отъ себя подобныя мысли и побужденія: кто предается имъ, тотъ уже теряетъ свою долю счастія на земли; онъ становится надменнымъ и смѣшнымъ; дѣлается несправедливымъ, когда уменьшаетъ достоинство тѣхъ, кому завидуетъ.

Дѣйствительно, въ обществахъ заслуги не всегда оцѣниваются по долгу справедливости. Случается весьма нерѣдко, что иной отличается наиболѣе заслугами и остается въ совершенной неизвѣстности, или терпитъ еще униженіе отъ людей посредственныхъ и наглыхъ, которые одними ухищреніями стремятся стать выше его. Таковъ уже свѣтъ, и нѣтъ надежды, чтобы онъ когда ли-

бо въ этомъ исправился. Въ такомъ случаѣ намъ болѣе ничего не остается дѣлать, какъ согласиться съ подобною необходимостію и ей покориться. Нужно запечатлѣть въ умѣ нашемъ ту великую истину, что для честнаго имени вся сила воли въ томъ, чтобы пріобрѣсти хорошія достоинства, а не въ томъ, чтобы наши достоинства оцѣнивались людьми. Оцѣниваются они тѣмъ лучше для насъ; не оцѣниваются—тѣмъ болѣе для насъ чести, если мы сохранимъ ихъ про себя.

Общество было-бы менѣе порочно, еслибъ каждый старался умѣрить свои заботы и ограничивать свои желанія; это однакожъ не значитъ, что мы должны сдѣлаться равнодушными къ увеличенію нашего благосостоянія, что должны сдѣлаться нерадивыми и безпечными, т. е. впасть въ другую крайность; это значитъ только, что желанія наши должны быть благородны, а не безумны; что мы должны удерживаться въ тѣхъ предѣлахъ, которыхъ повидимому нельзя переступить, и потому должны разсуждать подобнымъ образомъ: «хотя я и не достигъ той высшей почести, которой считаю себя достойнымъ, однакожъ остаюсь и въ настоящей низшей такимъ же человѣкомъ и слѣдовательно сохраняю такое же внутреннее достоинство.

Желать вознагражденія за свои труды простительно только въ такомъ случаѣ, когда заботимся о пріобрѣтеніи для себя и для своего семейства: но что не составляетъ необходимаго, а служитъ только къ преумноженію нашего достоянія (разумѣется позволительными средствами), того мы должны желать не иначе, какъ съ со-

храненіемъ спокойствія духа. Пріобрѣтаемъ ли мы желаемое—возблагодаримъ Создателя! Оно даетъ намъ возможность услаждать нашу жизнь собственную и дѣлать добро другимъ; не пріобрѣтаемъ—также возблагодаримъ Господа: можно существовать честнымъ образомъ и безъ особенныхъ удовольствій; и если мы при этомъ не въ состояніи благотворить другимъ, то по крайней мѣрѣ мы свободны отъ упрековъ нашей совѣсти.

Нужно стараться употреблять всѣ зависящія отъ насъ средства, чтобы сдѣлаться полезными гражданами и чтобы заставить другихъ слѣдовать нашему примѣру, а въ остальномъ предоставить дѣламъ идти своимъ порядкомъ.

Нужно сожалѣть о несправедливостяхъ и бѣдствіяхъ, которыхъ свидѣтелями мы бывали, но не уподобляться хищному звѣрю; не дѣлаться ненавистниками людей, или, что еще хуже, не впадать въ ту ложную филантропію, которая подъ видомъ блага человѣчеству томится жаждою крови и восхищается точно также разрушеніемъ, какъ иной восхищается возведеніемъ новаго красиваго зданія—какъ сатана смертію.

Кто противится возможности искорененія общественныхъ злоупотребленій, тотъ или злодѣй, или безумецъ; но кто, понимая необходимость уничтоженія этихъ злоупотребленій, самъ дѣлается наглымъ, тотъ преступнѣе перваго.

Лишите человѣка спокойствія духа, сужденія его будутъ невѣрны: большею частію будутъ фальшивы и пристрастны. Одно только спокойствіе и безмятежность духа

могутъ укрѣпить насъ въ терпѣніи, въ постоянствѣ: оно одно можетъ сдѣлать насъ справедливыми, снисходительными, благосклонными и любезными ко всѣмъ.

БОГАТСТВО.

Религія и философія превозносятъ бѣдность, когда она украшена добродѣтелью и далеко предпочитаютъ ее суетной страсти къ богатству. Однакожъ, онѣ соглашаются въ томъ, что человѣкъ можетъ обладать богатствами и вмѣстѣ отличаться достоинствами въ добродѣтели точно также, какъ лучшій изъ бѣдныхъ. Стоитъ только ему не быть рабомъ богатства, не гоняться за нимъ и не копить его для предосудительнаго употребленія; а думать единственно о томъ, какъ лучше употребить его въ пользу ближнихъ.

Слава всякой честной собственности, слава богатымъ, если они свое достояніе обращаютъ въ пользу многихъ, если роскошь и пресыщеніе удовольствіями не дѣлаютъ ихъ невнимательными и гордыми!...

Мы вѣрнѣе всего останемся въ томъ же состояніи, въ которомъ родились: одинаково будемъ лишены и большаго изобилія, и бѣдности. Пребудемъ навсегда чуждыми той подлой зависти, которая нерѣдко смущаетъ людей бѣдныхъ и возстановляетъ ихъ противъ богатыхъ. Подобная зависть часто принимаетъ серіозный тонъ философскаго языка и дѣлаетъ пылкія выходки противъ роскоши, противъ обиднаго неравенства состояній, противъ

высокомѣрія счастливцевъ и сильныхъ, съ видомъ великодушной жажды равенства, облегчить безчисленныя бѣдствія, угнѣтающія человѣчество. Но не станемъ обольщаться подобными выходками, хотя бы мы слышали ихъ отъ людей, пользующихся нѣкоторою извѣстностію въ обществѣ, или читали бы ихъ въ тысячи сочиненіяхъ словоохотныхъ педантовъ, покупающихъ благосклонность толпы цѣною лести.

Неравенство состояній неизбѣжно; оно имѣетъ свои выгоды и свои неудобства. Иной слишкомъ нападаетъ на богатыхъ, а самъ навѣрное не отказался бы быть на ихъ мѣстѣ; такъ не все ли равно оставить въ изобиліи богатства тѣхъ, которые уже имъ пользуются?

Весьма немного найдется такихъ богатыхъ личностей, которые бы не тратили своего золота; а истрачивая его, всѣ они съ большею или меньшею заслугой, а иногда и безъ всякой заслуги, тысячью способами содѣйствуютъ благу общему. Они даютъ движеніе торговлѣ, способствуютъ очищенію вкуса, питаютъ безконечныя надежды каждаго, кто ищетъ въ промышленности спасенія отъ нищеты.

Видѣть въ богатыхъ только праздность, отсутствіе дѣятельности, безполезность,—значитъ безумно выставлять ихъ въ каррикатурѣ. Если богатство дѣйствительно располагаетъ нѣкоторыхъ къ безпечности; за то оно другихъ побуждаетъ къ достойнымъ занятіямъ. Нѣтъ въ мірѣ образованнаго города, гдѣ бы богатые люди не основали и не поддерживали какихъ либо важныхъ благотворительныхъ заведеній; нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы они не были

вообще или въ частности покровителями ближнихъ несчастныхъ.

И такъ, нужно смотрѣть на богатыхъ безъ гнѣва и зависти и не повторять клеветы грубаго народа. Не нужно оказывать имъ ни презрѣнія, ни раболѣпства, подобно тому какъ бы мы сами не желали, чтобы человѣкъ, менѣе насъ богатый, оказывалъ намъ презрѣніе или льстилъ изъ подлости.

Тѣми средствами, какія доставляетъ намъ наше состояніе, нужно располагать съ благоразумною бережливостью; одинаково избѣгать скупости, ожесточающей сердце и искажающей умъ, — и расточительности, ведущей къ постыднымъ займамъ и къ укоризненнымъ поступкамъ.

Пещись и заботиться о приращеніи капитала и вообще богатства всегда позволительно; но только не должно стремиться къ тому изъ постыдной жадности и съ чрезмѣрною суетливостью: никогда не должно забывать, что истинная честь и истинное счастіе зависятъ не отъ богатства, а отъ чистоты нравовъ передъ нашимъ Создателемъ и передъ людьми.

По мѣрѣ возрастанія нашего достоянія, нужно увеличивать и кругъ нашей благотворительности. Богатство можетъ совмѣщаться со всякою добродѣтелью; но при богатомъ состояніи — эгоизмъ есть низость прескаредная.

Кто обладаетъ многимъ, долженъ и давать много: это правило священное, вытекающее изъ чистоты нравовъ, отъ котораго уклоняться всегда погрѣшительно.

Оказывая пособіе нищему, не должно останавливаться

на одномъ подаяніи: великая и благоразумная милостыня состоитъ въ томъ, чтобы доставлять бѣднымъ возможность содержать себя не нищенствомъ, а другимъ, болѣе приличнымъ способомъ, то есть доставлять различнымъ ремесламъ какъ простымъ, такъ и благороднымъ, не только насущный, но и занятіе.

Нужно всегда помнить то, что иногда совершенно непредвидѣнный случай можетъ вдругъ лишить насъ достоянія нашихъ родителей и ввергнуть насъ въ нищету. Сколько такихъ превратностей въ жизни человѣка мы уже видѣли, можетъ быть, собственными глазами! И какой богачь можетъ съ увѣренностью сказать: я не умру ни въ ссылкѣ, ни въ нищетѣ!

Нужно пользоваться нашими богатыми средствами съ тою благородною независимостью, которую философы христіанской церкви, согласно съ Евангельскимъ ученіемъ, называютъ *нищетою духовною*.

Вольтеръ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда имъ одолѣвала страсть къ насмѣшкамъ, притворился: будто бы въ словахъ «Евангельская духовная нищета» понимаетъ недостатокъ ума. Между тѣмъ, эти слова означаютъ высшую способность сохранять среди самаго богатства духъ смиренія, негнушающійся бѣдности, умѣющій сносить ее въ случаѣ нужды и уважать ее въ другихъ; это добродѣтель, требующая не слабаго, а высокаго ума и мудрости.

«Хочешь ли образовать твою душу, говоритъ *Сенека,* — живи бѣдно, или какъ будто ты былъ бѣденъ».

Если случиться впасть намъ въ нищету не должно

терять духа бодрости. Нужно трудиться не краснѣя для своего существованія. Бѣдный столько же можетъ быть достоинъ уваженія, сколько и тотъ, кто оказываетъ ему пособіе. Но въ такомъ случаѣ нужно умѣть добровольно отказываться отъ привычекъ прежней жизни. Не нужно представлять собою зрѣлища смѣшнаго и жалкаго — бѣдняка надменнаго, нежелающаго исполнять добродѣтелей, наиболѣе приличныхъ бѣдности, то есть: благороднаго смиренія, строгой бережливости, постояннаго терпѣнія въ трудахъ, кроткаго спокойствія духа вопреки враждебной судьбѣ.

ПРИВѢТЛИВОСТЬ.

Нужно быть привѣтливо вѣжливымъ ко всѣмъ, съ кѣмъ бы ни приходилось имѣть дѣло; потому что чувство лучшей привѣтливости, пріучая насъ къ ласковому обращенію, располагаетъ къ дѣйствительной любви. Кто принимаетъ тонъ серіозный, подозрительный, гордый, тотъ открываетъ свою душу чувствамъ злонамѣреннымъ. Изъ подобнаго тона невѣжливости проистекаютъ два важные вида порока: одинъ — повреждаетъ сердце того, кто его проявляетъ; другой — раздражаетъ или оскорбляетъ другихъ. Но думать только объ одной внѣшней любезности въ обращеніи — для полнаго смысла еще недостаточно; нужно, чтобы она проникала во всѣ наши мысли, чувства и желанія.

Человѣкъ, который не заботится объ освобожденіи своей души отъ низкихъ мыслей; но который, напротивъ

того, часто дѣлается имъ причастнымъ, нерѣдко бываетъ увлекаемъ ими къ дѣламъ предосудительнымъ.

Не должно подражать никому изъ тѣхъ, кто въ обращеніи позволяетъ себѣ употреблять грубыя шутки и неблагопристойныя слова, хотя бы иной, по положенію своему въ свѣтѣ, былъ и въ почотѣ. Пусть въ нашихъ рѣчахъ не будетъ изысканности, но да будутъ они свободны отъ всякой неприличной пошлости, отъ всякихъ площадныхъ выраженій, которыми обыкновенно отличаются рѣчи людей необразованныхъ,—да будутъ свободны отъ всякихъ пошлыхъ остротъ, часто оскорбляющихъ нравы!

Но подобную пріятность въ нашихъ рѣчахъ мы должны пріобрѣтать еще съ юныхъ лѣтъ. Кто не обладаетъ ею въ двадцать пять лѣтъ, тотъ уже никогда не пріобрѣтетъ ее. И такъ, въ обращеніи не нужно быть краснорѣчивымъ, но должно стараться употреблять слова благопристойныя, оживленныя, поселяющія въ другихъ одобреніе, отрадныя чувства, благонравіе и желаніе добродѣтели. Нужно придавать нашимъ рѣчамъ ту красоту, которая заключается въ счастливомъ выборѣ выраженій и въ приличномъ измѣненій тона голоса. Кто говоритъ пріятно, тотъ плѣняетъ своихъ слушателей и слѣдовательно, въ случаѣ надобности, желая склонить ихъ къ добру, или отклонить отъ порока, всегда будетъ имѣть на нихъ болѣе вліянія. Мы обязаны усовершать всѣ наши способности, дарованныя намъ Создателемъ съ цѣлію быть полезными нашимъ ближнимъ, слѣдовательно и ту способность, которою выражаемъ наши мысли.

Совершенный недостатокъ привлекательности въ рѣ-

чахъ, въ чтеніи, въ представленіи себя обществу, въ тѣлодвиженіяхъ—обыкновенно является не столько отъ незнанія сдѣлать всего этого лучше, сколько отъ постыдной лѣности, — оттого, что мы не хотимъ думать о должномъ совершенствованіи себя и объ уваженіи, котораго имѣютъ право ожидать отъ насъ другіе.

Но вмѣняя себѣ въ долгъ быть привѣтливымъ и помня, что мы должны стараться, чтобы наше присутствіе не только не было въ тягость, но напротивъ того служило бы особеннымъ удовольствіемъ для всѣхъ и каждаго, — должно удерживаться отъ выявленія малѣйшей тѣни презрѣнія къ людямъ необразованнымъ. Нужно помнить, что иногда и камни самые драгоцѣнные бываютъ покрыты грязью, между тѣмъ какъ для нихъ было бы гораздо лучше не бытъ въ грязи; но они все же остаются драгоцѣнными. Въ отношеніи къ подобнымъ людямъ важность привѣтливости состоитъ именно въ томъ, чтобы нравы ихъ, равно какъ и нравы многочисленной толпы неразвитыхъ людей, сносить съ постоянною улыбкою. И если не представится случая быть имъ полезнымъ, то лучше всего удаляться отъ нихъ; но дѣлать это такъ, чтобъ они нисколько не могли замѣтить нашего отъ нихъ отвращенія; иначе можно ихъ огорчить, или возбудить противъ себя ихъ негодованіе.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

Если мы признаемъ, что долгъ требуетъ отъ насъ оказывать кроткія чувства всѣмъ и ласковое обращеніе съ

каждымъ; то тѣмъ болѣе мы должны питать и изъявлять признательность нашу къ тѣмъ благороднымъ людямъ, которые явили намъ опыты своей любви, сочувствія и снисходительности.

Начиная съ нашихъ родителей, мы должны стараться, чтобы не нашлось никого изъ тѣхъ, кто бы, за оказанную намъ великодушную помощь дѣломъ или совѣтами, встрѣтилъ въ насъ слабое о томъ воспоминаніе.

Въ отношеніи къ другимъ мы еще можемъ иногда безъ особенной погрѣшности быть строгими въ нашихъ сужденіяхъ и скупыми на любезность; но въ отношеніи къ тому, кто оказалъ намъ благодѣяніе мы, во всякомъ случаѣ, должны не только наблюдать величайшую осторожность не уронить его добраго имени; но еще оказывать живѣйшую готовность вездѣ его защищать и служить къ угожденію ему.

Иные изъ непростительной нескромности возмущаются, если видятъ, что лице, облагодѣтельствовавшее ихъ, въ своемъ поведеніи обнаруживаетъ оказанное благодѣяніе, съ приданіемъ ему особенной важности, и потому полагаютъ, что такой поступокъ освобождаетъ ихъ отъ долга признательности къ нему. Иные, овладѣваемые, недостойными чувствами стыдятся полученнаго ими благодѣянія и потому стараются убѣдить себя, что оно оказано имъ просто изъ видовъ корыстныхъ, изъ тщеславія, или изъ какихъ либо другихъ недостойныхъ побужденій и думаютъ тѣмъ оправдать свою неблагодарность. Иные же, достигши, при посредствѣ другихъ, высокихъ почестей въ обществѣ, спѣшатъ отплатить за благодѣя-

ніе, чтобы скорѣе избавиться отъ ига признательности и, исполнивъ это, думаютъ, что имъ можно безъ укоризны забыть налагаемый ею долгъ.

Но всѣ подобныя уловки къ оправданію неблагодарности напрасны: неблагодарный человѣкъ всегда останется съ низкими чувствами, и потому для избѣжанія столь постыдной укоризны мы не должны скупиться въ изъявленіи чувствъ живѣйшей благодарности, но должны быть въ томъ весьма щедрыми.

Впрочемъ, еслибъ благодѣтель нашъ дѣйствительно гордился оказанною намъ помощью; еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ не соблюдалъ съ нами той разборчивости, какой бы мы желали; еслибъ мы не совсѣмъ были увѣрены, что онъ оказалъ намъ добро единственно по чувству своего великодушія; то не наше дѣло его осуждать. Мы должны закрыться чувствами благодарности, чтобъ не видѣть его ошибокъ — дѣйствительныхъ и возможныхъ, и смотрѣть на одно только добро, которое онъ намъ оказалъ и имѣть его всегда передъ глазами, хотя бы мы уже отплатили за него стократно.

Изъявлять свою признательность можно иногда, не разглашая полученнаго благодѣянія; но если въ разглашеніи его настоитъ какая нибудь надобность и если наша совѣсть напоминаетъ намъ о томъ; то всякій ложный стыдъ должно отложить въ сторону и сознаться должникомъ той благодѣтельной руки, которая вовремя подала намъ помощь.

«Изъявленіе чувства благодарности безъ свидѣтелей,

сказалъ превосходный нравоучитель *Бланшаръ,* часто походитъ на неблагодарность».

Тотъ можетъ назваться истинно добрымъ, кто остается признательнымъ за всякое даже малѣйшее благодѣяніе. Признательность есть душа религіи, душа сыновней любви, любви къ тѣмъ, кто насъ любитъ, любви къ обществу, которому мы обязаны высокимъ покровительствомъ и многими пріятностями жизни.

Исполняя долгъ признательности за все, что ни получаемъ лучшаго отъ своего Создателя и отъ людей, мы въ то же время пріобрѣтаемъ болѣе силы и душевнаго спокойствія къ перенесенію тяжкихъ огорченій и болѣе расположенія оказывать снисхожденіе и преданность нашимъ ближнимъ.

ЛЮБОВЬ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Всякое чувство благородно, когда оно служитъ къ сближенію людей между собою, когда побуждаетъ ихъ къ добродѣтели. Циникъ, то есть безстыдный мудрецъ, столь богатый софизмами противъ всякаго благороднаго чувства, стараясь унизить любовь къ отечеству, обыкновенно прикидывается другомъ всего человѣчества и говоритъ: «мое отечество вселенная; уголокъ, въ которомъ я родился не имѣетъ никакого права на мое предпочтеніе; въ немъ нѣтъ ничего, что бы могло поставить его выше другихъ странъ, гдѣ люди живутъ также хорошо и даже лучше; слѣдовательно, любовь къ отечеству есть родъ эгоизма, свойственнаго исключительнымъ людямъ, осно-

вывающимъ на немъ свою ненависть къ остальной части рода человѣческаго».

Нельзя быть игралищемъ такой недостойной философіи. Ей свойственно только унижать человѣка, отвергать его добродѣтели, — и все то, что возвышаетъ его духъ, называть то призракомъ, то безуміемъ, то развратомъ. Громоздить высокопарныя слова противъ какой бы то ни было мысли, внушенной искренностію къ общественному благу — искуство не трудное, но достойное презренія.

Цинизмъ удерживаетъ человѣка въ грязи, истинная философія старается извлечь его изъ такого состоянія: она исполнена благочестія и потому всегда благоговѣетъ передъ любовью къ отечеству.

Дѣйствительно, мы можемъ называть весь міръ нашимъ отечествомъ. Всѣ народы суть члены огромнаго семейства, которое, по своей обширности, не можетъ быть управляемо одною властью, хотя Верховный Властитель его единый Творецъ. Мысль, что всѣ однородныя намъ созданія составляютъ какъ бы одно семейство, хороша тѣмъ, что побуждаетъ насъ быть доброжелательными къ человѣчеству вообще. Но такой взглядъ не уничтожаетъ другихъ мыслей, столько же вѣрныхъ.

Что человѣчество дѣлится на роды — это истина неоспорима. Всякій народъ есть собраніе людей, которыхъ религія, законы, обычаи, одна слава, однѣ горести и надежды, или только нѣкоторыя изъ этихъ условій соединяютъ въ одинаковое сочувствіе. Эту симпатію, это согласіе въ пользахъ между членами одного города называть общимъ, совокупнымъ эгоизмомъ все равно, какъ

еслибъ кто изъ страсти къ злословію вздумалъ порицать любовь родительскую и любовь сыновнюю, изображая ихъ въ видѣ заговора, составляемаго каждымъ родителемъ съ своими дѣтьми.

Нужно всегда помнить, что истина имѣетъ многія стороны; что нѣтъ добродѣтельнаго чувства, въ которомъ бы мы не были обязаны упражняться. Но можетъ быть, иное чувство, обратясь въ исключительное, могло бы сдѣлаться вреднымъ. Поэтому нельзя допускать сдѣлаться ему исключительнымъ, чтобъ оно не могло вредить. Любовь къ человѣчеству весьма похвальна; но она не должна мѣшать любви къ родному краю; любовь къ родинѣ также прекрасна; но она не должна лишать насъ любви къ человѣчеству.

Стыдно той душѣ, которая чужда святаго влеченія, являющагося въ различныхъ видахъ и случаяхъ и побуждающаго людей дружиться между собой и оказывать другъ другу уваженіе, помощь и угожденіе. Два европейскіе путешественника встрѣчаются другъ съ другомъ, совсѣмъ въ другой части свѣта. Одинъ изъ нихъ пусть будетъ изъ Россіи, а другой изъ Великобританіи. Они европейцы; и эта общность именъ уже рождаетъ въ нихъ родъ дружескаго союза, почти—родъ патріотизма, внушая имъ чрезъ то самую похвальную готовность оказывать другъ другу искреннія услуги. Но вотъ что мы находимъ въ другой странѣ: нѣсколько человѣкъ съ трудомъ понимаютъ другъ друга, потому что не привыкли говорить на одномъ языкѣ, и вы не вѣрите, чтобы между ними сохранилось чувство патріотизма! Напрасно. Это

швейцарцы: одинъ изъ кантона итальянскаго, другой изъ французскаго, а третій изъ нѣмецкаго. Единство политическаго союза, подъ покровительствомъ котораго они находятся, замѣняетъ имъ недостатокъ общаго языка, располагаетъ къ взаимному доброжелательству и благородными пожертвованіями заставляетъ способствовать благоденствію отечества, котораго нельзя назвать однимъ народомъ.

Въ Италіи и Германіи, напр., другая картина. Тамъ видимъ людей, живущихъ подъ различными законами — людей, составляющихъ, поэтому, различные народы, принужденные иногда воевать другъ противъ друга; но всѣ они говорятъ или покрайней мѣрѣ пишутъ на одномъ и томъ же языкѣ, чтутъ общихъ предковъ, гордятся одной и той же литературой; у нихъ согласные вкусы, взаимная потребность въ дружбѣ, снисхожденіи, помощи въ нуждахъ. Эти различныя побужденія внушаютъ имъ болѣе благорасположенія другъ къ другу, болѣе соревнованія къ взаимнымъ услугамъ.

Любовь къ родному краю, каковы бы ни были его предѣлы, обширные или тѣсные, всегда выражаетъ благородное чувство. Нѣтъ народа столь малочисленнаго, который не имѣлъ бы своихъ собственныхъ знаменитостей: государей, доставившихъ ему относительное могущество, болѣе или менѣе уважительное,—который бы не имѣлъ достопамятныхъ историческихъ дѣлъ, — какой нибудь отличительной черты, приносящей честь его характеру;—знаменитыхъ мужей своею доблестью, своими познаніями въ дѣлахъ государственныхъ, въ искуствахъ

и наукахъ. Слѣдовательно у каждаго человѣка есть причины любить съ нѣкоторымъ пристрастіемъ ту страну, тотъ городъ, то селеніе, гдѣ онъ получилъ начало жизни и гдѣ колыхался въ объятіяхъ матери—мѣстной природы. Но мы должны быть осторожны, чтобы любовь къ отечеству какъ въ обширномъ, такъ и въ тѣсномъ смыслѣ не обнаруживалась чувствомъ высокаго тщеславія къ мѣсту нашей родины и ненавистію къ другимъ городамъ, странамъ и націямъ. Такой неблагородный, надменный и завистливый патріотизмъ будетъ уже очевиднымъ признакомъ порока.

ИСТИННЫЙ ОТЧИЗНИКЪ (ПАТРІОТЪ).

Желаешь ли чтобы любовь твоя къ отечеству имѣла, характеръ истинно высокій? — старайся прежде всего сдѣлаться такимъ гражданиномъ, котораго бы оно не имѣло причины стыдиться, который, напротивъ того, приносилъ бы ему честь.

Издѣваться надъ религіей и добрыми нравами и, въ тоже время, любить достойнымъ образомъ свое отечество также не совмѣстно, какъ не совмѣстно выдавать себя за достойнаго почитателя любимой женщины и не считать обязанностію быть ей вѣрнымъ.

Если человѣкъ ругается надъ алтарями, надъ святостію супружескаго союза и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ выражать чувства обожанія отечества, возглашая: о! какъ мнѣ дорого мое отечество!—не вѣрь ему. Это—лицемѣръ патріотизма, это недостойный гражданинъ.

Истиннымъ потріотомъ можетъ быть только человѣкъ добродѣтельный, сознающій свой долгъ, любящій его и стремящійся къ исполненію его. Онъ никогда не вступаетъ въ сообщество ни съ льстецами сильныхъ, ни съ злобными порицателями всякой власти: раболѣпство и непочтительность—для него двѣ крайности равныя.

Поручается ли ему правительствомъ должность военная или гражданская, онъ имѣетъ въ виду не собственные интересы; но честь и благосостояніе государя и народа.

Остается ли онъ гражданиномъ частнымъ, для него и тогда этотъ долгъ къ государю и отечеству составляетъ предметъ пламенныхъ его желаній; онъ и тогда не позволяетъ себѣ ничего такого ни дѣлать, ни предпринимать, что бы могло имъ вредить; а напротивъ старается употребить всѣ силы ума, чтобъ содѣйствовать ихъ благу.

Онъ знаетъ о всѣхъ злоупотребленіяхъ, существующихъ въ обществахъ и ничего лучшаго не желаетъ какъ видѣть искорененія ихъ; но ненавидитъ тѣхъ, которые хотѣли бы искоренять ихъ насиліемъ и кровавою местью: подобныя мѣры представляются ему самыми ужасными изъ всѣхъ злоупотребленій.

Онъ не возбуждаетъ и не разжигаетъ междуусобныхъ браней, распрей и раздоровъ; а напротивъ старается собственными добрыми примѣрами, по мѣрѣ возможности, воздерживать мнѣнія неумѣренныя и защищать кроткія и мирныя. Онъ перестаетъ быть кроткимъ только въ такомъ случаѣ, когда отечеству угрожаетъ опасность и требуетъ помощи въ защитѣ. Тогда онъ становится львомъ и, сражаясь за отечество, или торжествуетъ, или умираетъ.

ЧУВСТВО СЫНОВНЕЙ ЛЮБВИ.

Поприще нашихъ дѣяній начинается въ семейномъ кругу: домъ родительскій есть мѣсто, гдѣ должны совершаться первые подвиги добродѣтели. Что же можно сказать о тѣхъ людяхъ, которые думаютъ что любятъ отечество и хвастаютъ своимъ геройствомъ, а между тѣмъ пренебрегаютъ столь важнымъ долгомъ, каковъ долгъ любить родителей?

Тамъ не можетъ быть геройства и любви къ отечеству, гдѣ является гнусная неблагодарность.

Дитя едва начинаетъ понимать что такое долгъ, какъ уже природа шепчетъ ему на ухо: люби твоихъ родителей. Это врожденное чувство столь сильно, что, повидимому, нѣтъ надобности заботиться о сохраненіи его на всю жизнь. Однакожъ, при всемъ этомъ, необходимо, чтобы всякое благородное побужденіе было подкрѣпляемо нашей волей; а безъ того оно можетъ изчезнуть; поэтому необходимо, чтобы и долгъ сыновней любви былъ исполняемъ съ намѣреніемъ обязательнымъ и твердымъ.

Если мы исполнены чувствъ любви къ Богу, къ человѣчеству, къ нашей родинѣ; то можемъ ли не питать сердечной любви къ тѣмъ, чрезъ кого мы сдѣлались созданіемъ Отца Небеснаго—людьми, гражданами?

Отецъ и мать наши первые, прирожденные друзья; мы имъ обязаны болѣе всего въ мірѣ и потому на насъ лежитъ священнѣйшій долгъ питать къ нимъ почтеніе, признательность, любовь и изъявлять эти чувства во

14

всѣхъ нашихъ поступкахъ. Но тѣсная дружба, въ которой мы живемъ съ лицами, стоящими къ намъ въ ближайшей родственной связи, легко можетъ охладить наше къ нимъ вниманіе, и мы станемъ обращаться съ ними небрежно, безъ всякаго старанія быть любезными и услаждать ихъ существованіе. Поэтому должно оберегаться отъ такой несправедливости. Кто желаетъ быть истинно добрымъ, тотъ, при обнаруженіи первыхъ сердечныхъ склонностей, долженъ постоянно оказывать радушіе и внимательность, которыя придадутъ имъ то совершенство, какого они способны достигнуть. Но тотъ грубо ошибается, кто отлагаетъ соблюденіе этихъ священныхъ правилъ до вступленія въ свѣтъ, не оказывая родителямъ должнаго почтенія и уваженія: хорошія привычки пріобрѣтаются только тѣми дѣтьми, которыя пріучаются пріятно обращаться еще въ семейномъ кругу.

Иные говорятъ: въ томъ нѣтъ ничего дурнаго, если дѣти обращаются съ родителями свободно и смѣло: родители знаютъ, что дѣти любятъ ихъ, такъ нѣтъ надобности налагать на дѣтей обязанности безпрестанно угождать имъ и скрывать отъ нихъ иногда свое огорченіе или досаду. Но такъ разсуждать не должно, если кто не желаетъ быть человѣкомъ обыкновеннымъ, ибо если свобода обращенія будетъ состоять зъ грубости, то никакіе узы родства, какъ бы они тѣсны ни были, не могутъ оправдывать этого поступка.

Не умѣть принудить себя обходиться въ семейномъ кругу такъ, какъ и внѣ его, не умѣть быть пріятнымъ, всѣмъ угождать, заботиться опріобрѣтеніи новыхъ добро-

дѣтелей, почитать въ самомъ себѣ человѣка и Бога въ человѣкѣ, значитъ быть существомъ малодушнымъ. Насъ одинъ только покой сна можетъ освобождать отъ усилій быть добрыми, вѣжливыми и снисходительными.

Любить родителей обязываетъ насъ не только чувство благодарности, но й строгій долгъ. Даже и въ томъ случаѣ, еслибъ родители дѣйствительно не заслуживали уваженія, то уже званіе виновниковъ нашего существованія даетъ имъ столь священный характеръ, что мы не можемъ безъ потери добраго имени не только презирать ихъ, но даже въ обращеніи съ ними показывать малѣйшее невниманіе. Въ предположенномъ случаѣ истинно хорошее обращеніе еще болѣе будетъ похвально, хотя мы тѣмъ исполнимъ только законъ природы, заплатимъ должную дань всеобщему уваженію и собственному достоинству.

Для насъ будетъ постыдно, если мы позволимъ себѣ осуждать какіе либо недостатки въ своихъ родителяхъ. Тогда мы ни къ кому не можемъ быть снисходительными, ни на комъ не явимъ первыхъ опытовъ любви нашей къ ближнимъ, если останемся взыскательными къ отцу и матери.

Въ залогъ нашего уваженія требовать, чтобъ они не имѣли недостатковъ и были образцами совершенства, было бы слишкомъ взыскательно и главное несправедливо. Да мы сами, съ нашими притязаніями на всеобщую любовь и уваженіе, всегдали свободны отъ порицанія?... Допустимъ, что отецъ и мать будутъ дѣйствительно далеки отъ идеала благоразумія и добродѣтели; мы и въ такомъ случаѣ должны изыскивать средства оправ-

дывать и скрывать ихъ слабости отъ постороннихъ глазъ и выставлять одни хорошія ихъ качества. Поступая такимъ образомъ, упражняясь въ благочестіи и научаясь цѣнить чужія достоинства, мы сами сдѣлаемся лучшими.

Мы должны чаще приводить себѣ на память ту печальную, но поучительную мысль: «быть можетъ, эти почтенные сѣдины уже не долго будутъ оставаться съ нами, уже скоро слягутъ въ хладную могилу...» —такъ пока мы еще съ ними, станемъ наслаждаться лицезрѣніемъ ихъ, уважать и утѣшать ихъ въ скорбяхъ, столь часто съ угнетеніемъ сопровождающихъ ихъ старость.

Нужно помнить, что ихъ располагаютъ къ печали и грусти уже одни ихъ лѣта и потому должно остерегаться, чтобъ ихъ не увеличивать; нужно быть въ обхожденіи съ ними всегда любезными, предупредительными, такъ чтобъ одно наше присутствіе съ ними могло ихъ оживлять и радовать. Мы должны понимать, что каждая улыбка, вызванная нами на ихъ увядшія уста, каждая отрада, возбужденная нами въ ихъ сердцахъ, будетъ для нихъ выше всѣхъ отрадъ, а для насъ обратится въ заслугу. Причемъ мы можемъ быть твердо увѣрены, что благословеніе, призываемое родителями на главы почтительныхъ дѣтей, призываетъ благословеніе свыше!

ЧУВСТВО РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ И ВООБЩЕ ЛЮБВИ КЪ ДѢТЯМЪ И КЪ ЮНОШЕСТВУ.

Дарить отечеству добрыхъ гражданъ, дарить самому Творцу достойныхъ Его сыновей—вотъ нашъ долгъ, ко-

гда у насъ будутъ дѣти. Долгъ высокій! кто принимаетъ его на себя и измѣняетъ ему, тотъ величайшій врагъ Отечеству и Богу.

Безполезно исчислять тѣ добродѣтели, какія приличны званію родителя: мы будемъ обладать всѣми ими, если сдѣлаемся добрыми сыновьями и добрыми мужьями. Дурные родители всегда бываютъ прежде неблагодарными дѣтьми и дурными мужьями.

Но еслибъ мы и не имѣли еще дѣтей, если намъ вовсе не суждено ихъ имѣть, то, не смотря на то, мы должны украшать нашу душу чувствами любви родительской. Каждый изъ насъ долженъ питать эти чувства ко всѣмъ дѣтямъ, ко всему юношеству. Мы должны съ любовью взирать на эту новую отрасль общества и даже взирать съ большимъ уваженіемъ.

Кто презираетъ дѣтей или безвинно ихъ оскорбляетъ, тотъ, если не злой еще человѣкъ, то становится злымъ. Кто не умѣетъ строго сохранять невинность дитяти; кто не страшится научать его чему нибудь дурному, или не старается отклонять его отъ дурныхъ примѣровъ и возбуждать въ немъ любовь къ одной добродѣтели, тотъ можетъ послужить причиною, что ребенокъ сдѣлается чудовищемъ. Но къ чему намъ слабыя человѣческія рѣчи, когда уже божественный другъ дѣтей, нашъ божественный Спаситель произнесъ эти священныя и вмѣстѣ исполненныя ужаса слова, въ то время, когда Онъ «взявъ дитя, поставилъ его среди двѣнадцати учениковъ и, обнявъ его, сказалъ имъ: кто приметъ одно изъ такихъ дѣтей во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня; а кто Меня при-

метъ, тотъ не Меня принимаетъ, но пославшаго Меня. А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня; тому лучше было бы, если бы жерновный камень повѣсили на шею, и бросили его въ море». (Марк. IX, 36, 42).

Намъ должно смотрѣть на всѣхъ тѣхъ, кто моложе насъ и на кого нашъ примѣръ и слова могутъ имѣть вліяніе, какъ на своихъ дѣтей. Въ обращеніи съ ними мы должны стараться оказывать имъ снисходительность и ласковость, чтобы тѣмъ отклонять ихъ отъ пороковъ и побуждать къ добродѣтели.

Дѣти отъ природы всегда склонны къ подражанію: если молодежъ, окружающая ребенка, будетъ благонравная, любезная, достойная: то и ребенокъ пожелаетъ сдѣлаться и будетъ дѣйствительно такимъ же. Но пусть вмѣсто того будутъ окружать его юноши безчестные, порочные, злонравные: тогда и ребенокъ можетъ сдѣлаться такимъ же гнуснымъ, какъ и они.

Нужно быть ласковыми даже и съ тѣми дѣтьми и юношами, съ которыми рѣдко видимся и съ которыми, быть можетъ, не случится разговаривать болѣе одного раза въ жизни. Вступая въ разговоръ съ ними, мы должны сказать два, три слова полныхъ ума и добродѣтели. Эти слова, этотъ благородный взглядъ можетъ отвлечь ихъ отъ низкой мысли и возбудитъ въ нихъ желаніе заслужить уваженіе почтенныхъ людей. Если молодой человѣкъ, подающій хорошія надежды, вполнѣ довѣрится намъ, нужно быть къ нему великодушнымъ другомъ, нужно помогать эму здравыми и добрыми совѣтами и никогда не льстить

ему: примѣрные его поступки нужно хвалить, и строгою рѣчью умѣть отклонять его отъ порочныхъ дѣйствій.

Если мы увидимъ молодаго человѣка, съ которымъ и не коротко знакомы, что онъ увлекается порочными поступками, то не должны упускать случая подать ему руку помощи и отвлечь его отъ этихъ поступковъ. Иногда молодому человѣку, вступающему на дурной путь, достаточно одного слова, одного вразумительнаго знака, чтобы заставить его краснѣть, образумиться и возвратиться на добрый путь.

Но какое нравственное воспитаніе мы дадимъ нашимъ собственнымъ дѣтямъ? Это для насъ будетъ задачей, если мы не старались образовать самихъ себя наилучшимъ образомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мы дадимъ имъ воспитаніе такое, какое получили сами.

МУЖЕСТВО.

Мужество—условіе необходимое для всякой добродѣтели: безъ него нельзя побѣдить нашего эгоизма, чтобы сдѣлаться благотворительнымъ; безъ него нельзя побѣдить нашей лѣности, чтобы имѣть успѣхъ во всякомъ благородномъ стремленіи; безъ него нельзя защищать отечества и всегда быть готовымъ защитникомъ своего ближняго; безъ него нельзя противиться дурнымъ примѣрамъ и переносить несправедливыя поруганія; безъ него нельзя переносить болѣзни, труды и всякаго рода огорченія, не предаваясь малодушному ропоту; безъ него нельзя стремиться къ совершенству, хотя достиженіе его не возможно въ этомъ мірѣ, тѣмъ не менѣе оно должно быть един-

ственнымъ предметомъ нашихъ желаній, какъ научаетъ насъ божественное Евангеліе, къ сохраненію нравственнаго достоинства нашей души.

Сколько бы мы ни дорожили нашимъ достояніемъ, честью, жизнью, но мы всегда должны быть готовы жертвовать всѣмъ нашему долгу, если только онъ требуетъ подобныхъ пожертвованій. Въ комъ нѣтъ подобнаго чувства самоотверженія, подобнаго равнодушія къ земнымъ благамъ, чтобъ умѣть отказаться отъ нихъ, — тотъ не только не въ состояніи быть героемъ, но еще можетъ сдѣлаться чудовищемъ. Уже *Цицеронъ* сказалъ: «тотъ не можетъ быть справедливымъ, кто боится смерти, страданія, ссылки и нищеты, или противоположныя симъ бѣдствіямъ блага предпочтетъ справедливости *)».

Быть въ душѣ чуждымъ ничтожныхъ мірскихъ благъ многіе считаютъ правиломъ слишкомъ строгимъ и неудобоисполнимымъ. Однакожъ то не подлежитъ сомнѣнію, что кто не умѣетъ быть равнодушнымъ къ подобнымъ благамъ, тотъ не можетъ ни жить, ни покончить дней своихъ достойнымъ образомъ.

Мужество должно возвышать духъ нашъ и направлять его ко всякой добродѣтели; нужно только остерегаться, чтобы оно не переродилось въ гордость, или въ жестокость.

Кто думаетъ съ убѣжденіемъ или съ притворствомъ, что мужество не совмѣстно съ кроткими чувствами: кто

---

*) Nemo enim justus potest, qui mortem, qui dolorem, qui exilium, qui egestatem timet, aut qui ea quae his sunt contraria, aequitati anteponit (Cic. de Off. Lib. II. C. 9).

привыкаетъ къ самохвальству, къ ссорамъ, къ жаждѣ безпорядковъ и кровопролитія, тотъ злоупотребляетъ силою воли и власти, дарованной ему Богомъ съ тою цѣлью, чтобы онъ сдѣлался полезнымъ и примѣрнымъ членомъ общества. Подобные люди, въ виду большихъ опасностей, менѣе всѣхъ оказываютъ мужества: чтобы спастись имъ самимъ, они готовы предать отца, брата. И въ битвахъ, кто первый покидаетъ ряды?... Безъ сомнѣнія тотъ воинъ, который смѣялся надъ трусостію своихъ товарищей и поругался надъ непріятелемъ.

ВЫСОКОЕ ПОНЯТІЕ О ЖИЗНИ И ТВЕРДОСТИ ДУХА ВЪ ВИДУ СМЕРТИ.

Сильвіо Пеллико, оканчивая свои поученія объ обязанностяхъ человѣка, въ заключеніе говоритъ: бремя нашихъ обязанностей не должно устрашать насъ; оно кажется тягостнымъ лишь для празднолюбцевъ. Нужно имѣть только добрую волю, и мы въ каждой изъ нашихъ обязанностей откроемъ какую-то особенную прелесть, которая заставитъ насъ полюбить ее; мы почувствуемъ вліяніе дивной силы, которая возбудитъ въ насъ бодрость духа, по мѣрѣ того какъ мы станемъ восходить по трудной стезѣ добродѣтели; мы найдемъ, что человѣкъ достоинствомъ своимъ гораздо выше, чѣмъ кажется, лишь бы только онъ пожелалъ и пожелалъ рѣшительно достигнуть цѣли своего назначенія. Цѣль эта — освободиться отъ всѣхъ дурныхъ наклонностей, стремиться сколь возможно къ хорошимъ и такимъ образомъ возвыситься до вѣчнаго единенія съ Богомъ.

Мы должны любить жизнь; но любить ее не по страсти къ низкимъ удовольствіямъ, не изъ пустыхъ видовъ честолюбія; а единственно изъ того, что въ ней есть самаго достойнаго, великаго, божественнаго. Ее должно любить какъ поприще добродѣтели, поприще пріятное Богу, славное для Него, необходимое для насъ. Ее должно любить, не взирая на ея горести, ради самыхъ горестей, потому что чрезъ нихъ она пріобрѣтаетъ благородство, порождая, питая и оплодотворяя въ умѣ высокія мысли и благія пожеланія.

Нужно помнить, что жизнь дана намъ на короткое время, и потому мы должны дорожить ею и цѣнить ее весьма высоко, не расточать ее въ пустыхъ забавахъ, но удѣлять время для увеселеній не болѣе того, сколько потребно для нашего здоровья и удовольствія другихъ. А еще лучше полагать все наше удовольствіе въ занятіяхъ благородныхъ, то есть въ служеніи съ братскою любовію нашимъ ближнимъ, въ служеніи Богу съ сыновнею любовію и покорностію. Не должно щадить жизни для спасенія ближняго, а тѣмъ болѣе для спасенія отечества, если окажется нужнымъ. Какой бы родъ смерти насъ ни ожидалъ, нужно быть готовымъ ее принять съ благородною твердостію и освятить ее чувствомъ чистой и пламенной нашей вѣры въ Создателя и нашего Спасителя.

Исполняя все это, мы пребудемъ людьми и гражданами въ самомъ высокомъ значеніи этихъ словъ: мы сдѣлаемся полезными обществу и такимъ образомъ устроимъ наше собственное счастіе.

Отдѣлъ IV.

Изъ „мыслей Паскаля*)“.

ЧЕЛОВѢКЪ

Что онъ такое?

При первомъ взглядѣ на человѣка, вниманіе наше останавливается на его тѣлѣ, то есть на частицѣ вещества, ему свойственной. Но чтобы постигнуть ея сущность, нужно сравнить ее со всѣмъ тѣмъ, что выше человѣка, и съ тѣмъ, что ниже его, и такимъ образомъ дойдти до настоящихъ предѣловъ.

Но для этого недостаточно простаго обозрѣнія предметовъ, его окружающихъ. Нужно разсмотрѣть всю природу въ полномъ ея величіи!

Обратимъ вниманіе на лучезарное свѣтило, поставленное неугасающею лампадою для освѣщенія вселенной; земля покажется намъ точкою, въ сравненіи съ обширнымъ кругомъ солнечнаго пути, и мы придемъ въ изумленіе при мысли, что такой обширный кругъ, въ неизмѣримомъ пространствѣ, населенномъ другими небесными

---

*) Pensées de *M. B. Pascal* sur la Réligion et sur quelques autres sujets. Amsterdam 1712 an.

тѣлами, занимаетъ самое небольшое мѣсто. И если тутъ остановится наше созерцаніе, перенесемся воображеніемъ далѣе. Но воображеніе скорѣе устанетъ обнимать предметы, чѣмъ истощится природа. Все видимое въ мірѣ есть одна только едва замѣтная черта въ необозримомъ кругѣ вселенной; между тѣмъ никакая мысль не можетъ приблизиться къ безпредѣльности ея протяженія. Сколько въ умѣ ни соображай, все представляемое разродится однимъ атомомъ, вмѣсто сущности вещей. Это безпредѣльный шаръ, котораго средоточіе вездѣ, а окружности нѣтъ. Словомъ сказать, при одной мысли о семъ величайшемъ изъ видимыхъ свойствъ всемогущества Бога, теряется воображеніе.

Пусть человѣкъ обратится теперь къ самому себѣ и разсмотритъ свое собственное бытіе; пусть представитъ себя какъ бы заблудившимся въ краѣ, отдѣленномъ отъ вселенной и, глядя на небольшой уголокъ, въ которомъ онъ помѣщенъ, то есть на этотъ видимый міръ, пусть научится знать настоящее значеніе земли, царствъ, городовъ и самаго себя.

Что такое человѣкъ въ безконечномъ? кто можетъ его постигнуть? Но желаете ли видѣть другое чудо, не менѣе разительное? Изберите изъ живыхъ вещей, вамъ извѣстныхъ, самыя малыя. Возьмите, напримѣръ, хоть букашку: вотъ въ ея крошечномъ тѣлѣ части еще несравненно меньшіе: ея ноги съ суставами, ея жилы въ ногахъ, ея кровь въ жилахъ, соки въ крови, капли въ сокахъ, пары въ капляхъ: истощите всѣ ваши умственныя силы на раздробленіе этихъ мелочей, и пусть послѣдняя точка, до

которой дойдете въ дѣленіи, будетъ предметомъ вашего разсматриванія. Не думаете ли, что вы достигли крайне мелкой частицы природы? Нѣтъ! я раскрою передъ вами новую бездну! Въ нѣдрѣ этого незамѣтнаго атома я представлю вамъ не только міръ видимый, но и всю постижимую для насъ неизмѣримость природы. Тутъ представьте себѣ безчисленное множество міровъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою твердь, свои планеты, свою землю въ такой же соразмѣрности, какъ и видимый міръ; на этой землѣ есть свои животныя, свои букашки, въ которыхъ все тоже представляется, что замѣтили въ первыхъ; а тамъ еще найдется подобное въ другихъ существахъ и вы не будете знать, гдѣ остановиться и гдѣ окончить. Вы растеряетесь въ этихъ чудесахъ, мелкость которыхъ столь же поразительна, какъ и величина другихъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто не изумится при мысли, что тѣло наше, не задолго казавшееся незамѣтнымъ въ мірѣ, который самъ незамѣтенъ въ объемѣ всего существующаго, — вдругъ превращается въ колоссъ, въ міръ, или лучше, въ огромное цѣлое, въ сравненіи съ тою послѣднею точкою, до которой не досягаютъ наши чувства!

При такомъ взглядѣ нельзя не ужаснуться, увидѣвъ себя какъ бы висящимъ въ пространствѣ, назначенномъ человѣку природою между двумя безднами, неизмѣримости и ничтожества, отъ которыхъ онъ равно удаленъ. Кто не содрогнется при видѣ подобныхъ чудесъ! и я увѣренъ, что любопытство наше превратится въ благоговѣніе и мы почувствуемъ въ себѣ болѣе расположенія къ созерцанію безмолвному, чѣмъ къ кичливымъ изслѣдованіямъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое человѣкъ въ природѣ? ничто въ сравненіи съ безконечнымъ, — все въ сравненіи съ ничтожествомъ, единица между всѣмъ и ничѣмъ. Онъ удаленъ отъ обоихъ предѣловъ до безконечности, и существо его находится въ равномъ разстояніи, какъ отъ ничтожества, изъ котораго онъ вызванъ, такъ и отъ неизмѣримости, которая его поглощаетъ.

Его разумъ, въ порядкѣ вещей, постигаемыхъ мыслію, занимаетъ такую же степень, какую тѣло въ пространствѣ природы; для него достаточно, если онъ можетъ замѣтить только нѣкоторое сходство средины вещей; но онъ никогда не постигнетъ ни ихъ начала, ни конца. Кто можетъ слѣдить за этимъ изумительнымъ ходомъ? — Одинъ Виновникъ чудесъ понимаетъ его и болѣе никто.

Это свойство—постигать одну средину между крайностями—проявляется во всѣхъ нашихъ способностяхъ. Наши чувства не терпятъ крайностей. Чрезмѣрный шумъ насъ оглушаетъ; чрезмѣрный свѣтъ ослѣпляетъ; слишкомъ дальнее разстояніе мѣшаетъ зрѣнію; рѣчь нашу затемняетъ чрезмѣрная растянутость и узкая сжатость; неумѣренное удовольствіе тяготитъ; излишество созвучій отзывается непріятно. Мы не можемъ ощущать ни крайней степени тепла, ни крайней степени холода. Крайности для насъ разрушительны. Мы не чувствуемъ ихъ, но страждемъ отъ нихъ. Чрезмѣрная юность и чрезмѣрная старость препятствуетъ развитію ума: излишекъ и недостатокъ пищи мѣшаютъ его дѣйствію: недостаточная и слишкомъ большая ученость одинаково притупляютъ его.

Крайности для насъ какъ будто не существуютъ и мы не созданы для нихъ. Или онѣ ускользаютъ отъ насъ, или мы отъ нихъ.

Вотъ наше настоящее положеніе. Вотъ почему наши познанія заключены въ извѣстныхъ предѣлахъ, изъ которыхъ и не выходятъ; намъ столько же возможно познать все, какъ и ничего совершенно не знать. Мы стоимъ на обширной срединѣ въ вѣчномъ недоразумѣніи, безпрестанно колеблясь между невѣдѣніемъ и знаніемъ; и если пускаемся идти далѣе, предметы въ глазахъ нашихъ помрачаются, ускользаютъ, бѣгутъ, и вѣчно убѣгаютъ: ничто не можетъ ихъ остановить. Вотъ наше естественное положеніе, хотя впрочемъ оно весьма непріятно для насъ. Мы хотимъ все проникнуть, воздвигнуть башню, вершина которой терялась бы въ безконечности. Но зданіе наше разрушается, и земля разверзается до преисподней!

Сущность человѣка.

Человѣка можно представить себѣ безъ рукъ, безъ ногъ; даже можно было бы представить его безъ головы, еслибъ опытъ не вразумилъ насъ, что головою-то онъ и мыслитъ. И такъ, сущность человѣка составляетъ его способность мыслить: безъ этого нельзя составить идеи о человѣкѣ. Что собственно ощущаетъ въ немъ удовольствіе? руки ли? мышцы ли? плоть или кровь? — догадаться не трудно, — тутъ должно быть нѣчто совершенно нематеріальное.

Величіе человѣка.

Но человѣкъ столь великъ, что величіе его проявляется даже въ томъ, что онъ сознаетъ свое бѣдствіе. Растущее дерево не знаетъ своей бѣдности. Хотя дѣйствительно тотъ несчастливъ, кто чувствуетъ себя несчастнымъ; но онъ тѣмъ и великъ, что сознаетъ свое положеніе. И такъ, самыя бѣдствія человѣка доказываютъ его величіе. Это бѣдствія знатнаго вельможи, бѣдствія государя, низверженнаго съ престола.

Счастіе и несчастіе человѣка.

Кто назоветъ себя несчастнымъ, потому что онъ не государь? Это можетъ сказать только человѣкъ, лишившійся престола. Развѣ *Павла Эмилія* считали несчастнымъ, когда онъ пересталъ быть консуломъ? Напротивъ, его называли счастливымъ, когда онъ сдѣлался консуломъ, потому что условія этого достоинства не позволяли носить его вѣчно. Между тѣмъ *Персея* считали весьма несчастнымъ, и удивлялись, какъ онъ еще могъ сносить жизнь, когда потерялъ царское достоинство, данное ему навсегда? Кто назоветъ себя несчастнымъ, что у него только одинъ ротъ? и кто не сочтетъ за несчастіе, когда у него только одинъ глазъ? Иному можетъ быть никогда и въ голову не приходило печалиться о томъ, что у него не три глаза; но какъ не пожалѣть о томъ, у кого всего только одинъ глазъ?

Счастіе въ уваженіи.

Мы имѣемъ столь высокое понятіе о душѣ человѣка, что не можемъ ни терпѣть презрѣнія отъ нея, ни не пользоваться уваженіемъ чьей либо души, такъ какъ въ подобномъ уваженіи заключается все счастіе людей.

Если та ложная слава, которой ищутъ люди, съ одной стороны служитъ сильнымъ доказательствомъ ихъ безсилія и униженія, то съ другой—она столько же доказываетъ ихъ превосходство, потому что человѣкъ, чѣмъ бы на землѣ ни обладалъ, какимъ бы здоровьемъ, какими-бы удобствами жизни ни наслаждался, всегда остается недовольнымъ, если не пользуется уваженіемъ людей. Онъ такъ высоко цѣнитъ умъ человѣка, что надѣлите его всѣми возможными выгодами въ свѣтѣ, онъ все же будетъ считать себя несчастнымъ, если не займетъ столь же выгоднаго мѣста въ умѣ людей. Это для него лучшее мѣсто въ мірѣ: ничто не можетъ подавить въ немъ подобнаго желанія; это самая неизгладимая черта человѣческаго сердца. Даже тѣ, которые слишкомъ презираютъ людей и сравниваютъ ихъ съ безсловесными — даже тѣ стараются заслужить ихъ удивленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ сами же себѣ противорѣчатъ въ своихъ чувствахъ. Природа, которая могущественнѣе ихъ разума, гораздо сильнѣе убѣждаетъ въ величіи человѣка, чѣмъ въ его ничтожествѣ.

Все достоинство человѣка въ мышленіи.

Человѣкъ есть ничто иное, какъ слабая былинка въ природѣ; но эта былинка мыслящая. Чтобъ раздавить ее,

не нужно вооружаться огромною массою силъ: ее можетъ убить одно испареніе, одна капля воды. Но хотя бы и вся масса вселенной раздавила человѣка, все-же онъ остается превосходнѣе того, что его умертвило; онъ знаетъ, что умираетъ, а вселенная далеко не знаетъ своего преимущества передъ нимъ!

И такъ все наше достоинство заключается въ способности мыслить. Ею-то должно превозноситься, а не пространствомъ, которое занимаемъ въ природѣ, и не продолжительностью нашего существованія. Постараемся же мыслить хорошо: вотъ основаніе нравственности.

Человѣкъ и животное.

Слишкомъ опасно обнаруживать передъ человѣкомъ его общую сторону съ безсловесными, не указавъ ему на его величіе. Также не менѣе опасно выставлять передъ нимъ его величіе, не указавъ на слабости. Еще опаснѣе оставлять его въ невѣденіи о томъ и другомъ. Но весьма полезно представлять ему и то и другое.

Сознаніе своего достоинства.

Человѣкъ непремѣнно долженъ знать себѣ цѣну. Пусть онъ любитъ себя, потому что надѣленъ природною способностію къ добру; но при этомъ не должно любить своихъ недостатковъ. Пусть презираетъ себя, находя эту способность праздною; но при этомъ не должно презирать самой способности. Пусть ненавидитъ себя, пусть любитъ себя: въ немъ есть способность познавать истину и быть счастливымъ; но еще нѣтъ истины ни постоянной,

ни удовлетворительной. И такъ, я хотѣлъ бы поселить въ человѣкѣ желаніе найдти истину, возбудить въ немъ ревность освободиться отъ страстей и слѣдовать за ней туда, гдѣ она ему представится; и, зная какъ страсти сильно помрачаютъ разумъ, я хотѣлъ бы заставить его возненавидѣтъ низкія чувства, управляющія его волею, съ тою цѣлію, чтобы онъ не ослѣплялся ими при выборѣ, и былъ рѣшителенъ, когда выборъ уже сдѣланъ.

Счастіе въ Творцѣ и въ душѣ.

Нельзя равно одобрять какъ тѣхъ, которые превозносятъ человѣка, такъ и тѣхъ, которые унижаютъ его, и тѣхъ которые все только забавляютъ его; можно похвалить лишь тѣхъ, которые съ сѣтованіемъ ищутъ истины.

Философы-стоики твердятъ: войди въ самаго себя; тамъ твое спокойствіе: это не правда. Другіе говорятъ: не заглядывай въ себя, ищи счастія внѣ себя — въ разсѣянности: и это неправда. Наступятъ минуты страданія, недуги, тогда окажется, что счастіе ни внутри, ни внѣ насъ; но въ Существѣ Творца и въ нашей душѣ.

Познаніе своей природы.

Природу человѣка разсматриваютъ въ двоякомъ видѣ: во первыхъ, по его назначенію, и тогда человѣкъ является существомъ великимъ и непостижимымъ; во вторыхъ, по его обычнымъ дѣйствіямъ, какъ напр. судятъ о натурѣ лошади или собаки, смотря на ихъ бѣгъ и послушность хозяину, и тогда человѣкъ оказывается жалкимъ и низкимъ животнымъ. Вотъ двѣ причины различныхъ

сужденій, возбуждающихъ столько споровъ между философами. Одинъ опровергаетъ предположеніе другаго. Одинъ говоритъ: онъ не рожденъ для такой высокой цѣли, потому что дѣйствуетъ не сообразно съ нею; другой говоритъ: онъ тогда только уклоняется отъ своей цѣли, когда ведетъ себя низко. Между тѣмъ человѣка научаютъ познавать свою природу два наставника: инстинктъ и опытъ.

«Я» человѣка.

Чувствую, что я могъ и не быть, потому что подлинное *я* заключается въ способности мыслить; и такъ *я,* который мыслю, не существовалъ бы, еслибъ мою мать убили прежде, чѣмъ я получилъ душу. Слѣдовательно, *я* не есть существо необходимое. Мое существованіе ни вѣчно и ни безконечно; но я вижу ясно, что въ природѣ есть Существо необходимое, Существо вѣчное, безконечное.

СУЕТНОЕ СВОЙСТВО ЧЕЛОВѢКА.

Обольщеніе славою.

Мы не довольствуемся жизнію, которая дарована намъ въ нашемъ собственномъ бытіи: мы хотимъ жить въ понятіи другихъ жизнію мечтательною и потому стремимся всегда выказать себя. Безпрестанно хлопочемъ и трудимся надъ украшеніемъ этого мечтательнаго существованія и не заботимся объ истинномъ.

Если же мы или сохраняемъ спокойствіе, или питаемъ великодушіе, или вѣрность, мы спѣшимъ выставить

это на показъ и прилѣпить наши добродѣтели къ существованію мечтательному: мы скорѣе рѣшимся отнять ихъ отъ себя, лишь бы ихъ присоединить къ мечтательной жизни; готовы сдѣлаться въ иномъ случаѣ трусами, чтобы прослыть у другихъ храбрыми. Явное доказательство ничтожности настоящей нашей жизни, когда не довольствуемся ею безъ другой, и часто отказываемся отъ первой для послѣдней. Тотъ, кто не рѣшился бы умереть для поддержанія своей чести, заслужилъ бы презрѣніе. Жажда славы столь велика, что съ чѣмъ бы ее ни соединяли, даже со смертію—славу всегда любятъ.

Гордость.

Гордость имѣетъ перевѣсъ надъ всѣми нашими несчастіями. Скрываетъ ли она ихъ или обнаруживаетъ, всегда превозносится тѣмъ, что знаетъ ихъ. Среди всѣхъ нашихъ бѣдствій и заблужденій мы въ такомъ у ней естественномъ порабощеніи, что съ удовольствіемъ лишаемся самой жизни, лишь бы говорили о томъ другіе.

Тщеславіе.

Тщеславіе до того врѣзалось въ душу человѣка, что всякій поденьщикъ, всякій ремесленникъ превозносится и хочетъ имѣть своихъ поклонниковъ, и самые философы не прочь отъ этого. Тѣ самые, которые пишутъ противъ славы, гоняются за славою хорошихъ писателей; другіе только читаютъ ихъ, и уже хвастаютъ тѣмъ, что читали: я самъ, рисуя эти мысли, быть можетъ, того же добива-

юсь—быть можетъ это желаніе таится и въ моихъ читателяхъ.

Чувство возвышенія.

Несмотря на всѣ наши немощи, которыя насъ угнѣтаютъ и не даютъ намъ легко вздохнуть, все же мы носимъ въ себѣ какое-то чувство глубокое, ничѣмъ не подавляемое,—чувство, которое насъ возвышаетъ.

Высокомѣріе и легкомысліе.

Мы такъ высокомѣрны, что хотимъ быть извѣстными цѣлому свѣту, даже будущимъ поколѣніямъ; и въ то же время такъ легкомысленны, что насъ обольщаетъ и дѣлаетъ насъ довольными уваженіе пяти, шести человѣкъ, насъ окружающихъ.

Любознательность — тщеславіе.

Любознательность своего рода тщеславіе. По большей части хотятъ знать лишь для того, чтобъ поговорить. Кому придетъ охота странствовать по морямъ изъ одного только удовольствія видѣть море и безъ всякой надежды когда либо поговорить о томъ съ другими?...

Самолюбіе.

Любить только самаго себя и думать только о себѣ— вотъ существенное свойство самолюбія и этого человѣческаго «*я*»; но что оно можетъ сдѣлать?—Оно не въ силахъ даже противостоять тому, чтобы предметъ его любви не былъ обремененъ пороками и бѣдствіями. Человѣкъ хо-

четъ быть великимъ, и видитъ себя малымъ; хочетъ быть счастливымъ, и видитъ себя бѣдствующимъ; хочетъ быть совершеннымъ, и видитъ въ себѣ бездну недостатковъ; хочетъ быть предметомъ любви и уваженія другихъ, и видитъ, что пороки его возбуждаютъ только омерзѣніе и презрѣніе. Эта борьба пораждаетъ въ немъ самую несправедливую и самую преступную страсть, какую только можно вообразить. Въ немъ зачинается смертельная ненависть противъ истины, которая порицаетъ его и раскрываетъ передъ нимъ пороки. Онъ желалъ бы уничтожить ее, и не находя возможности истребить ее въ самой себѣ, истребляетъ сколько возможно въ своемъ сознаніи и сознаніи другихъ; то есть онъ употребляетъ всѣ усилія скрыть свои недостатки и отъ другихъ, и отъ самаго себя и не можетъ терпѣть, чтобы ихъ указывали ему, или ихъ видѣли.

Конечно, досадно быть съ недостатками; но еще досаднѣе быть съ ними и не сознаваться въ нихъ; это значитъ еще прибавлять зло добровольнаго обольщенія.

Мы не хотимъ, чтобъ другіе насъ обманывали; мы считаемъ ихъ несправедливыми, когда они требуютъ отъ насъ уваженія болѣе, чѣмъ заслуживаютъ; несправедливо также и съ нашей стороны обманывать ихъ, и требовать отъ нихъ уваженія, котораго мы не заслуживаемъ.

Стало быть, они не дѣлаютъ намъ зла, когда открываютъ только несовершенства и пороки, отъ которыхъ мы не свободны: не они тому причиной. Напротивъ, они дѣлаютъ добро, способствуя намъ отрѣшиться отъ новаго

заблужденія — невѣденія своихъ недостатковъ. Тутъ нечего и огорчаться, что они знаютъ ихъ: справедливость требуетъ, чтобы знали насъ, кто мы, и чтобы презирали, если найдутъ достойными презрѣнія.

Вотъ чувства, которыя бы родились въ сердцѣ, исполненномъ чистоты и справедливости. Что же мы скажемъ, о нашемъ, въ которомъ видимъ расположеніе, совершенно противное? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ несправедливо, что мы ненавидимъ истину, и всякаго того, кто произноситъ ее, и что намъ пріятно, чтобъ другіе обманывались въ пользу нашу и признавали насъ за лучшихъ, чѣмъ мы кажемся на самомъ дѣлѣ?

Вотъ примѣръ для меня весьма непріятный.—Римско-католическая религія не принуждаетъ открывать грѣховъ своихъ всѣмъ безъ различія; она также и не запрещаетъ скрывать ихъ отъ всѣхъ; но изъ того числа исключаетъ одно лицо, которому повелѣваетъ открыть глубину сердца своего и показать себя въ настоящемъ свѣтѣ. Одну эту личность она повелѣваетъ намъ вывесть изъ заблужденія, и обязываетъ ее строго хранить тайну, такъ что это открытіе остается въ ней, какъ будто поглощеннымъ. Можноль вообразить болѣе снисходительности и кротости? Однакожъ развратъ человѣка такъ великъ, что онъ находитъ строгимъ даже этотъ законъ.

Какъ несправедливо и безрасудно возстаетъ сердце человѣческое противъ обязанности въ отношеніи исполненія того передъ одною личностію, что слѣдовало бы нѣкоторымъ образомъ исполнять передъ всѣми! И въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы имѣемъ право обманывать ихъ?

Есть различныя степени въ подобномъ отвращеніи отъ истины; но можно сказать, что оно въ нѣкоторой степени существуетъ у всѣхъ, потому что не разлучно съ самолюбіемъ. Эта порочная щекотливость нерѣдко заставляетъ тѣхъ, которые находятся въ необходимости поправлять другихъ, прибѣгать къ различнымъ хитростямъ и смягченіямъ, чтобъ ихъ не оскорбить. Они должны уменьшать наши пороки, показывая видъ, что ихъ извиняютъ; должны смѣшивать ихъ съ похвалами, съ изъявленіями дружбы и уваженія,—и при всемъ этомъ подобное лекарство все же горько для самолюбія, которое принимаетъ его какъ можно меньше, всегда съ отвращеніемъ, и часто даже съ тайной досадой на того, кто предлагаетъ его.

Вотъ почему стараются сколько возможно удаляться отъ оказанія столь непріятной для насъ услуги, если находятъ нѣкоторую выгоду въ нашемъ благорасположеніи! — Съ нами поступаютъ такъ, какъ мы желаемъ: мы ненавидимъ справедливость, и ее скрываютъ отъ насъ; мы любимъ лесть, намъ льстятъ; любимъ, чтобъ насъ обманывали, насъ обманываютъ.

Такимъ образомъ каждая ступень счастія, возвышающая насъ въ свѣтѣ, тѣмъ болѣе удаляетъ насъ отъ истины, чѣмъ болѣе стараемся не оскорбить тѣхъ, которыхъ благоволеніе полезно, а не благоволеніе опасно. Иной государь становится миѳомъ цѣлой Европы и только онъ одинъ ничего о томъ не знаетъ. Я и не удивляюсь: высказывать истину полезно тому, кому ее говорятъ; но не выгодно для того, кто ее произноситъ; онъ навлекаетъ

лишь на себя негодованіе. Окружающіе же государей всегда предпочитаютъ свои выгоды пользѣ повелителя, которому служатъ и которому вовсе не думаютъ быть полезными, чтобъ не вредить себѣ.

Подобное несчастіе конечно значительнѣе и обыкновеннѣе въ высшемъ кругу общества; но и нисшій ему подверженъ, потому что всегда находитъ нѣкоторую выгоду въ пріобрѣтеніи расположенія людей.

И такъ, человѣческая жизнь одно лишь вѣчное обольщеніе; люди или взаимно себя обманываютъ, или другъ другу льстятъ. Никто не судитъ въ нашемъ присутствіи о насъ такъ, какъ въ нашемъ отсутствіи. Союзъ между людьми основанъ существенно на этомъ взаимномъ обманѣ; и не много друзей осталось-бы неизмѣнными, если-бъ каждый зналъ, какъ другъ его судитъ о немъ въ его отсутствіи, хотя бы тотъ разсуждалъ искренно и совершенно безпристрастно.

И такъ человѣкъ есть только личина, только ложь и лицемѣріе, и самъ въ себѣ, и въ отношеніи къ другимъ. Онъ не хочетъ, чтобъ ему высказывали правду, и самъ старается не говорить ее другимъ; и всѣ эти свойства, столь чуждыя истинѣ и разуму, имѣютъ врожденный корень въ его сердце.

СЛАБОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ; НЕВѢРНОСТЬ ПРИРОДНЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

Самонадѣянность.

Меня занимаетъ болѣе всего то, что не много есть людей, которые бы удивлялись своей слабости. Мы дѣйству-

емъ рѣшительно, и каждый изъ насъ слѣдуетъ своему роду жизни, не потому что польза и обычай того требуютъ; но какъ будто каждый положительно знаетъ, въ чемъ заключается сущность и истина. Мы ежеминутно дѣлаемъ промахи и по какому-то забавному смиренію думаемъ, что это происходитъ отъ собственныхъ нашихъ несовершенствъ, а не оттого, что мы всегда много о себѣ воображаемъ. Не худо бы встрѣчать такихъ людей въ обществахъ побольше, тогда бы убѣдились, что человѣкъ слишкомъ способенъ къ самымъ безразсуднымъ мечтаніямъ, потому что онъ въ состояніи не только забыть свою природную и неизбѣжную слабость, но даже считать себя одареннымъ природною мудростію.

Слабость разсудка.

Слабость человѣческаго разсудка несравненно болѣе обнаруживается въ людяхъ несознающихъ ее, чѣмъ въ сознающихъ. Въ юной молодости разсуждаютъ худо; въ глубокой старости также. Думая о чемъ либо мало, или размышляя слишкомъ много, мы всегда сбиваемся съ пути и не можемъ попасть на истину. Разсматривая трудъ свой тотчасъ по окончаніи, мы еще слишкомъ предупреждены въ его пользу; спустя довольно времени по окончаніи, мы уже перемѣняемъ свое мнѣніе. Для разсматриванія картины съ должной точки зрѣнія существуетъ точка весьма опредѣленная, точка единственная; всѣ прочія точки зрѣнія отстоятъ или слишкомъ близко или далеко, или высоко, или низко. Въ живописи эту точку указы-

вастъ перспектива. Но кто укажетъ ее въ истинѣ и въ нравственности?...

Обманчивость въ мнѣніи.

Такъ называемое мнѣніе или фантазія—главная причина нашего заблужденія—тѣмъ обманчивѣе, чѣмъ обманываетъ насъ рѣже; иначе, еслибъ она вводила насъ въ обманъ всегда и постоянно, то можно-бъ было ея придерживаться, какъ путеводительницы къ истинѣ. Но она часто измѣняетъ и не обнаруживаетъ своего качества въ настоящемъ видѣ; она одинаково представляетъ и ложь и истину.

Эта горделивая сила, непріятельница разсудка, которая любитъ повѣрять его и повелѣвать имъ, создала въ человѣкѣ другую природу, чтобъ показать, какъ велико во всемъ ея могущество. Она имѣетъ своихъ счастливцевъ и своихъ несчастныхъ; своихъ здоровыхъ и своихъ больныхъ; своихъ безумцевъ и своихъ мудрецовъ, и всего досаднѣе видѣть, что она своимъ поклонникамъ доставляетъ наслажденіе несравненно большее, чѣмъ разсудокъ: умники, много о себѣ мечтающіе, гораздо довольнѣе собою чѣмъ благоразумные, они смотрятъ на людей съ высока, спорятъ дерзко и съ самоувѣренностію, тогда какъ другіе—робко и нерѣшительно; между тѣмъ подобный отважный ихъ видъ не рѣдко доставляетъ имъ преимущество во мнѣніи слушающихъ. Столь велика благосклонность, которою пользуются воображаемые мудрецы у подобныхъ имъ судей! Мнѣніе не можетъ сдѣлать глупыхъ умными; но оно дѣлаетъ ихъ довольными, на зло разсуд-

ку, который друзей своихъ можетъ сдѣлать только несчастными. — Одно покрываетъ ихъ сла́вою, другой — стыдомъ.

Кто придаетъ лицу извѣстность? Кто доставляетъ уваженіе и честь людямъ, уваженіе твореніямъ и знатнымъ, кто, какъ не мнѣніе? Безъ его одобренія всѣ богатства земли совершенно неудовлетворительны!

Мнѣніе располагаетъ всѣмъ. Оно творитъ красоту, установляетъ справедливость и счастіе, которое строитъ все на свѣтѣ. Я очень желалъ бы видѣть одно итальянское сочиненіе. Оно мнѣ извѣстно только по заглавію: «Della opinione regina del mundo» (о мнѣніи, какъ о царицѣ міра), которое одно стоитъ многихъ книгъ. Одобряю это сочиненіе, кромѣ худаго, если оно тамъ есть.

Непостоянство въ мысляхъ.

Мы не любимъ ограничиваться настоящимъ. Мы упреждаемъ будущее и, какъ будто слишкомъ медленное, стараемся его ускорить; возвращаемся къ прошедшему, чтобъ его остановить, какъ бы слишкомъ быстрое. Мы дотого неблагоразумны, что блуждаемъ въ томъ времени, которое намъ не принадлежитъ, и совсѣмъ не думаемъ о томъ, которое въ нашемъ распоряженіи, и такъ суетны, что живемъ мечтою во временахъ, которыхъ уже нѣтъ, и безъ размышленія упрекаемъ настоящее, собственно потому, что недовольны настоящимъ. Мы закрываемъ отъ него глаза, если оно огорчаетъ насъ, а если доставляетъ удовольствіе, сѣтуемъ на быстроту, съ которою

оно уходитъ. Стараемся поддержать его будущимъ, и думаемъ располагать вещами, не находящимися еще въ нашемъ распоряженіи, въ то время, котораго можетъ быть и не достигнемъ.

Вникнемъ внимательнѣе въ наши мысли: онѣ всегда носятся или въ будущемъ, или въ прошедшемъ. Мы почти не думаемъ о настоящемъ; а если и думаемъ, то въ томъ предположеніи, чтобы научиться изъ него, какъ располагать будущимъ. Настоящее никогда не бываетъ нашею цѣлью; прошедшее и настоящее — это одни только наши средства: будущее—вотъ нашъ единственный предметъ!

И такъ, мы еще не живемъ, а надѣемся жить; все еще располагаемся быть счастливыми и можно сказать навѣрное, никогда въ этомъ не успѣемъ, если не будемъ искать инаго блаженства, котораго въ земной жизни никогда нельзя обрѣсти.

Заблужденіе отъ воображенія.

Мы въ воображеніи нашемъ дотого увеличиваемъ настоящее, размышляя о немъ безпрестанно, и дотого уменьшаемъ вѣчность, размышляя объ ней слишкомъ мало, что изъ вѣчности дѣлаемъ ничто, а изъ ничего вѣчность; и все это такъ глубоко врѣзалось въ насъ, что усилія ума не въ состояніи предохранить насъ отъ подобнаго заблужденія.

Смѣлость въ тщеславіи.

Кромвель готовился разгромить весь христіанскій міръ: домъ королевскій истребилъ; а свой навсегда поставилъ

на высокую степень величія. Самый Римъ трепеталъ предъ Кромвелемъ — и чтожъ? — Одна песчинка въ мочевомъ его пузырѣ все растроила. Отъ этой песчинки, ничтожной въ другомъ мѣстѣ, онъ умираетъ; домъ его падаетъ и король снова на престолѣ.

Сила воображенія.

Сила воображенія такого свойства, что величайшій въ мірѣ философъ, не смотря на убѣжденія разума въ его безопасности, не устоитъ на доскѣ, ширины болѣе чѣмъ достаточной, если она лежитъ надъ пропастью. У многихъ, при одной мысли о томъ, блѣднѣетъ лице и выступаетъ потъ. Поэтому нѣтъ надобности говорить о всѣхъ дѣйствіяхъ страха. Кто не знаетъ, что есть люди, которые чуть увидятъ кошку, или крысу, или услышатъ хрустѣнье угля подъ ногами, какъ уже у нихъ духъ срывается съ петель.

Уступчивость отъ трусости.

Вы скажете, что этотъ маститый сановникъ, пріобрѣвшій къ себѣ уваженіе народа, руководствуется умомъ свѣтлымъ и высокимъ, и судитъ о вещахъ по ихъ свойству, а не по мелкимъ обстоятельствамъ, пугающимъ воображеніе слабыхъ? Посмотрите на него, входящаго въ судилище, куда призываютъ его обязанности. Вотъ онъ готовъ слушать дѣла съ примѣрною самовластностію и важностію. И чтожъ? стоитъ явиться стряпчему съ голосомъ сильнымъ, ревущимъ, съ суровымъ выраженіемъ лица, и въ добавокъ, если брадобрѣй худо позаботился о

его бородѣ и если еще случай испещрилъ его лицо пятнами—бьюсь объ закладъ—важность судьи не устоитъ.

Воля подчиняетъ умъ.

Воля есть одно изъ орудій вѣрованія; сама она не составляетъ вѣрованія; между тѣмъ вещи кажутся намъ или справедливыми, или ложными, судя по той сторонѣ, съ которой на нихъ смотрятъ. Воля, предпочитая ту или другую сторону, не даетъ уму разсмотрѣть качества той, которая для ней непріятна, и такимъ образомъ умъ, идя рука объ руку съ волею, останавливаетъ свое вниманіе на ея любимой сторонѣ, и, судя потому, что видитъ, нечувствительно направляетъ свое вѣрованіе въ ту сторону, куда влечетъ воля.

Попраніе справедливости.

Истина и справедливость два острія такія тонкія, что наши орудія для правильнаго соприкосновенія съ ними оказываются слишкомъ тупыми. Прикасаясь, они давятъ на остріе, и со всѣхъ сторонъ напираютъ болѣе на ложное, чѣмъ на истиное.

Ошибочность впечатлѣній.

Ни одни только старыя впечатлѣнія способны насъ забавлять: прелести новизны имѣютъ одинаковое вліяніе. Отсюда проистекаютъ всѣ споры людей, которые язвятъ другъ друга или тѣмъ, что послѣдовали живымъ впечатлѣніямъ изъ дѣтства, или тѣмъ, что безумно гоняются за впечатлѣніями новыми.

Кто умѣетъ удержать настоящую средину?... пусть тотъ явится и докажетъ свое умѣнье. Нѣтъ понятія, пріобрѣтеннаго съ самаго дѣтства, какъ бы оно ни было сообразно съ природою, котораго другіе не назвали бы фальшивымъ впечатлѣніемъ или науки или чувствъ.

Одни говорятъ: вы съ дѣтства считали ящикъ пустымъ, не видя въ немъ ничего изъ вещей и воображали, что пустота возможна, тогда какъ это одинъ только обманъ вашихъ чувствъ, подкрѣпляемый привычкою, который наука должна исправить. Потомъ въ школѣ вамъ сказали, что пустоты въ мірѣ нѣтъ и уже вашъ здравый смыслъ поколебали, —смыслъ, постигавшій вещь такъ ясно, до ложнаго впечатлѣнія, которое должно исправить, обратясь къ вашей первоначальной природѣ. Спрашивается, кто же обманываетъ, чувства или наука?...

Ошибочность въ заключеніи.

Если мы предполагаемъ, что всѣ люди одинаково чувствуютъ и постигаютъ представляющіеся имъ предметы; то дѣлаемъ это слишкомъ необдуманно, не имѣя на то доказательства. Дѣйствительно, въ одинаковыхъ обстоятельствахъ многіе употребляютъ одинаковыя выраженія, и всегда, напр., если двое смотрятъ на снѣгъ, то оба выражаютъ впечатлѣніе его на ихъ зрѣніе одними словами, говоря и тотъ и другой, что онъ бѣлъ; и потому изъ подобнаго сходства примѣненій выводятъ и самое доказательство о сходствѣ понятій; но это далеко еще не убѣдительно, хотя можно сказать много утвердительнаго.

Тщетный споръ.

Многіе часто спорятъ о вещахъ самыхъ вѣрныхъ, а ложныя оставляютъ безъ прекословія; поэтому, какъ прекословіе не служитъ знакомъ фальши; такъ и безпрекословность—знакомъ истины.

Безконечность вещей.

Каждый просвѣщенный понимаетъ, что въ природѣ, гдѣ каждая вещь заклеймена печатью своего Творца, почти всѣ предметы носятъ на себѣ слѣды своей сугубой безконечности. Такъ мы видимъ, что всѣ науки простираютъ свои изслѣдованія до безконечности. Напримѣръ, кто не знаетъ, что геометрія заключаетъ въ себѣ неизчислимую бездну предложеній? Она столько же будетъ безконечна во множествѣ и утонченности своихъ началъ; и дѣйствительно, кто не видитъ, что начала, предлагаемыя за послѣднія, сами собой не держатся, а опираются на другія, которыя въ свою очередь поддерживаются опять другими, и такъ далѣе, никогда не достигая послѣднихъ.

Съ перваго взгляда видно, какое безчисленное множество началъ представляетъ одна ариѳметика; а что же сказать о всѣхъ прочихъ наукахъ?...

Не смотря на то, что безконечность въ малыхъ вещахъ проявляется въ меньшемъ видѣ, философы, однакожъ, болѣе всего усиливались ее открыть, и на этомъ собственно они спотыкались. Вотъ что подало поводъ къ заглавіямъ сочиненій, столь обыкновеннымъ: *начала вещей, начала философіи,* и другимъ подобнымъ, которыя, при всей своей скромной наружности, столько же

высокопарны, какъ и то, которое такъ и колетъ глаза многимъ: «de omni scibili» (о всемъ познаваемомъ).

И такъ, не станемъ гоняться за достовѣрностью и прочностію вещей. Нашъ разумъ безпрестанно вводится въ заблужденіе непостоянствомъ признаковъ. Ничто не можетъ пополнить средины между двумя безконечностями, которыя ее заключаютъ и которыя отъ нея удаляются.

Проникнувшись этой истиной, я полагаю, что каждый долженъ оставаться спокойнымъ въ томъ положеніи, въ которомъ поставила его природа. И такъ какъ средина, доставшаяся въ нашъ удѣлъ, всегда слишкомъ отдалена отъ обоихъ крайностей; то какая польза человѣку въ томъ, когда онъ имѣетъ понятіе о вещахъ нѣсколько болѣе? Правда, онъ смотритъ на нихъ нѣсколько выше; но развѣ онъ и при этомъ не удаляется до безконечности отъ обѣихъ крайностей? И развѣ время нашей жизни не удалено также безконечно отъ вѣчности?

Крайности въ знаніи.

Знанія имѣютъ двѣ соприкосновенныя крайности; первая—это естественное невѣденіе, въ которомъ находятся всѣ люди при рожденіи; въ другую крайность впадаютъ великіе умы, которые, прослѣдивъ все то, что могли постигнуть люди, наконецъ сознаютъ, что они ничего не знаютъ, и остаются въ томъ же невѣденіи, съ котораго начали. Но это невѣденіе ученое, которое себя сознаетъ. Между тѣмъ вышедшіе изъ невѣденія естественнаго и недостигнувшіе другаго, принимаютъ нѣкоторый оттѣнокъ знанія самодовольнаго и потому выказываютъ себя зна-

ющими. Эти-то личности и смущаютъ міръ, и судятъ обо всемъ превратнѣе другихъ. Обыкновенно много шума дѣлаютъ толпа и ученые: прочіе презираютъ ихъ, будучи сами презираемы.

Двойственность человѣка.

Всѣ обыкновенно полагаютъ, что легче дойдти до центра вещей, нежели обнять ихъ окружность. Видимое пространство міра очевидно превосходитъ наши силы; но какъ мы, съ своей стороны, превосходимъ малыя вещи, то и думаемъ, что намъ овладѣть ими легче; однакожъ дойдти до *ничего* столь-же трудно, какъ и до *всего*. И въ томъ и другомъ случаѣ нужны способы безконечные; и мнѣ кажется, тому уже не трудно постигнуть безконечное, кто постигъ послѣднія основанія вещей. Одно зависитъ отъ другаго и одно ведетъ къ другому. Крайности, безпрестанно соприкасаясь и разъединяясь одна отъ другой, опять сходятся въ Богѣ и только въ Немъ одномъ.

Еслибъ человѣкъ начиналъ познавать съ познанія самаго себя, онъ увидѣлъ бы всю свою неспособность перейдти за предѣлъ. И можетъ ли часть познать цѣлое? Пусть онъ старается, по крайней мѣрѣ, познать части, съ которыми имѣетъ соотношеніе. Но части міра всѣ имѣютъ такое соотношеніе и такую связь одна съ другой, что кажется невозможно познать одну, не зная другой и остальнаго прочаго.

Человѣкъ, напримѣръ, находится въ соотношеніи со всѣмъ тѣмъ, что постигаетъ. Ему нужны пространство для его помѣщенія, время для существованія, движеніе

для жизни, начала для его состава, теплота и пища для питанія, воздухъ для дыханія. Онъ видитъ свѣтъ, онъ осязаетъ тѣла, словомъ все стоитъ съ нимъ въ союзномъ отношеніи.

И такъ, чтобы постигнуть существо человѣка, нужно знать, почему онъ нуждается въ воздухѣ; а чтобъ постигнуть воздухъ, необходимо знать, въ чемъ состоитъ его дѣйствіе на жизнь человѣка. Огонь безъ воздуха быть не можетъ; слѣдовательно, чтобъ узнать первый—нужно знать и послѣдній.

Если же такъ, что всѣ вещи попеременно бываютъ то причиною, то дѣйствіемъ, то вспомогательными, то вспомогаемыми, непосредственно и посредственно, и если всѣ взаимно держатся естественными и незамѣтными связями, соединяющими вещи самыя отдаленныя и самыя разнородныя; то изъ этого заключаю, что невозможно познать части, не зная цѣлаго, равно какъ и познать цѣлое, не зная въ подробности частей.

Наше безсиліе въ познаніи вещей, можетъ быть, поддерживается еще болѣе тѣмъ, что онѣ сами по себѣ кажутся простыми; между тѣмъ какъ мы состоимъ изъ двухъ противоположныхъ и разнородныхъ природъ—изъ духа и тѣла. Нельзя предполагать, чтобы часть мыслящая въ насъ не была духовная; нельзя также предположить, чтобы мы были чисто вещественны; это еще болѣе уклонитъ насъ отъ познанія вещей. Да и можно ли думать, чтобы вещество могло познавать само себя!

Тѣсное соединеніе духа съ тѣломъ служитъ причиною того, что почти всѣ философы смѣшивали понятія вещей,

и приписывали тѣлу то, что прилично только духу. Они, говоря о тѣлахъ, что послѣднія клонятся къ низу, стремятся къ своему центру, не терпятъ разрушенія, избѣгаютъ пустоты; что имѣютъ склонности, симпатію, антипатію,— рѣшительно утверждали всѣ свойства, приличныя только духу. А говоря о духѣ, разсматривая его какъ бы въ пространствѣ и приписывая ему движенія изъ одного мѣста въ другое, утверждали свойства, приличныя только тѣламъ и т. д.

Вмѣсто того, чтобы усвоить себѣ идеи о предметахъ, всѣ разсматриваемые нами простые предметы мы обусловливаемъ свойствами нашего сложнаго существа.

Видя, что мы все производимъ изъ духа и тѣла, кто не подумалъ бы, что это смѣшеніе будетъ для насъ очень понятнымъ? Однакожъ, подобное смѣшеніе понимаютъ менѣе всего. Человѣкъ для самаго себя составляетъ верхъ чудесъ природы; онъ не можетъ постигнуть, что такое тѣло, а еще менѣе, что такое духъ, а тѣмъ менѣе понимаетъ, какимъ образомъ тѣло можетъ сочетаться съ духомъ. Все это для него верхъ трудностей; и между тѣмъ все это его собственное существо:—*образъ сочетанія тѣла съ духомъ, не можетъ быть постигнутъ человѣкомъ; а между тѣмъ это самъ человѣкъ* (Modus quo corporibus adhaeret spiritus comprehendi ab hominibus non potest; et hoc tamen homo est).

Человѣкъ безъ откровенія въ заблужденіи.

И такъ человѣкъ безъ откровенія своего Творца, существо преисполненное неисправимыхъ заблужденій. Ни-

что не открываетъ ему истины; все его обманываетъ. Два начала истины — *разумъ* и *чувства,* кромѣ того, что сами часто неискренни, еще другъ друга обманываютъ. Чувства, ложными представленіями, обманываютъ разумъ, и вводя его въ обольщеніе, въ свою очередь принимаютъ отъ него тоже самое; онъ платитъ имъ подобнымъ. Страсти душевныя смущаютъ чувства и оставляютъ въ нихъ непріятныя впечатлѣнія: онѣ лгутъ и наперерывъ другъ друга обманываютъ.

ПРИЧИНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ МНѢНІЙ.

Народъ благоговѣетъ передъ знатными. Люди полуобразованные пренебрегаютъ знатностію рода, называя ее преимуществомъ случайности, а не лица. Люди разсудительные уважаютъ знатныхъ, не по понятіямъ народа, но по своимъ собственнымъ. Ханжи, по своему невѣжеству, ставятъ ихъ ни во что, вопреки примѣру людей разсудительныхъ, уважающихъ родъ; они судятъ объ немъ по своимъ понятіямъ, которыя внушаетъ имъ ханжество. Напротивъ истинные христіане чтутъ знатность рода, смотря на него съ лучшей точки зрѣнія. Такимъ образомъ одно мнѣніе противорѣчитъ другому, когда каждый станетъ судить по своему.

Почему слѣдуютъ большинству мнѣній? потому ли, что въ немъ больше справедливости? нѣтъ! — здѣсь увлекаетъ только сила. Почему у насъ слѣдуютъ старин-

нымъ законамъ и мнѣніямъ? Не потому ли, что въ нихъ больше здраваго смысла? И это не то! а просто что нѣтъ другихъ, съ которыми онѣ могли бы разногласить.

Власть, основанная на мнѣніи и представленіи сохраняется и удерживается извѣстное время — это власть кроткая и добровольная; но власть силы всегда беретъ верхъ. Поэтому мнѣніе властитель міра, а сила его тиранъ.

Какъ прекрасно придумано отличать людей больше по наружности, нежели по внутреннимъ достоинствамъ. Кому изъ насъ двоихъ идти впередъ? Кто кому долженъ уступить дорогу? — Конечно непроворный! Но я и самъ столько же проворенъ какъ и онъ. И такъ дѣло, пожалуй, дойдетъ до драки. У него четыре лакея, а у меня всего одинъ: это очевидно, стоитъ только перечесть; слѣдовательно я долженъ уступить дорогу; и очень глупо было бы спорить. Вотъ мы такимъ образомъ и поладили; и прекрасно: подобное слѣдствіе одно изъ величайшихъ благъ.

Могущество сильныхъ весьма много основывается на слабости и необразованности толпы....

Наши (т. е. французскіе) сановники очень хорошо поняли эту тайну. Ихъ красныя мантіи, ихъ собольи шубы, палаты съ лиліями, гдѣ выслушиваютъ жалобы — все это наружное величіе было необходимо. Еслибъ и врачи не носили полукафтаній и туфель; а

юристы четыреугольныхъ шапокъ, никогда бы не обманывали свѣтъ, который не можетъ противиться знакамъ удостовѣрѣнія. Одни военные не старались такъ выставлять себя; ихъ доля самая существенная....

Еслибъ судьи имѣли въ виду истинное правосудіе; врачи — истинное искусство исцѣлять болѣзни, то имъ не нужно было бы имѣть большихъ шапокъ. Важность однѣхъ наукъ достаточно внушала бы къ себѣ уваженіе и безъ нихъ. Но, обладая только мнимыми знаніями, имъ необходимо прибѣгать къ этимъ пустымъ упражненіямъ, дѣйствующимъ на воображеніе, съ которымъ они имѣютъ дѣло, и дѣйствительно посредствомъ ихъ они только и пріобрѣтаютъ уваженіе.

Мы не можемъ видѣть стряпчаго въ его полукафтаньи и съ огромною шапкою на головѣ, безъ выгоднаго мнѣнія о его способностяхъ.

Но швейцарцы оскорбляются, когда ихъ принимаютъ за знатныхъ и доказываютъ свое родовое мѣщанство въ виду того, чтобъ ихъ сочли достойными занимать важныя должности.

Почему мы не сердимся на хромаго, а злимся на кривой разсудокъ?... Хромой не споритъ съ нами, что мы ходимъ прямо, иначе онъ возбудилъ бы въ насъ скорѣе сожалѣніе, чѣмъ гнѣвъ; между тѣмъ кривой разсудокъ утверждаетъ, что кривитъ не онъ, а мы.

Эпиктетъ спрашиваетъ, почему мы не сердимся, когда намъ говорятъ, что у насъ болитъ голова; а сердимся если намъ скажутъ, что судимъ неправильно или дѣлаемъ

дурной выборъ?—Вотъ причина: мы увѣрены, что голова у насъ не болитъ, или что мы не хромаемъ; но совсѣмъ не увѣрены въ томъ, что выборъ нашъ правиленъ. Мы увѣрены въ томъ только потому, что смотримъ обоими глазами. Другой, который смотритъ также обоими — увѣренъ въ противномъ: вотъ что насъ озадачиваетъ, изумляетъ и тѣмъ болѣе, когда тысяча постороннихъ смѣются надъ нашимъ выборомъ, а между тѣмъ все же мы хотимъ предпочесть знанія свои, знаніямъ множества другихъ людей, что и слишкомъ дерзко и трудно.

Уважать—значитъ себя безпокоить; это повидимому ничтожно, но очень справедливо. Мы, какъ-будто говоримъ: я охотнѣе бы побезпокоился, еслибъ вы въ чемъ либо нуждались; но теперь безпокоюсь безъ всякой для васъ пользы; къ томужъ уваженіемъ отличаютъ знатныхъ. Еслибъ уваженіе заключалось только въ томъ, чтобъ сидѣть въ креслахъ, тогда бы уважали всѣхъ и не было бы никакого различія; но обезпокоивая себя различаютъ людей очень хорошо.

Удивительно, не хотятъ, чтобъ я уважалъ человѣка за то, что онъ одѣтъ богато, и за нимъ идутъ семь или восемь служителей! Да онъ велитъ прибить меня, если не отдамъ ему почтенія. Подобная одежда сила; совсѣмъ иное отношеніе богато убраннаго коня къ другой лошади.

Монтань очень забавенъ, когда не видя въ этомъ разницы, удивляется, что другіе ее находятъ и спрашиваетъ о причинѣ.

Нѣкоторыя вещи, тревожащіе насъ наиболѣе, часто совсѣмъ незначительны, напр. заботливость скрыть свою бѣдность. Изъ подобной ничтожной вещи воображеніе наше дѣлаетъ гору. Тогда какъ стоитъ дать другой оборотъ воображенію, бѣднякъ легко выскажетъ свою бѣдность.

Великое преимущество знатность! Она уже съ восемнадцати или съ двадцати лѣтъ доставляетъ человѣку извѣстность и уваженіе, которыхъ другой едва добьется лѣтъ въ пятьдесять: тутъ тридцать лѣтъ выигрывается безъ всякаго труда.

Люди, способные изобрѣтать рѣдки; неизобрѣтающихъ гораздо больше, и потому они сильнѣе. Обыкновенно они любятъ оспаривать у изобрѣтателя славу, которую онъ заслужилъ или старается заслужить своими новыми изобрѣтеніями. Если же онъ упорствуетъ въ искательствѣ и платитъ презрѣніемъ людямъ ума неизобрѣтательнаго, тѣмъ навлекаетъ на себя только насмѣшки и слыветъ мечтателемъ. И такъ, не должно превозноситься своимъ достоинствомъ, какъ оно ни велико; лучше довольствоваться уваженіемъ малаго числа, но людей знающихъ ему цѣну.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ МЫСЛИ ПАСКАЛЯ ВЪ ОТРЫВКАХЪ.

У насъ есть много хорошихъ правилъ, но нѣтъ имъ примѣненія. Напримѣръ, никто не отвергаетъ долга жер-

твовать жизнію для защищенія пользы общественной: между тѣмъ, рѣдко кто въ нынѣшнее время приноситъ подобную жертву религіи. Неравенство между людьми необходимо; но допустивъ его вы открываете путь къ злоупотребленію. Нужно дать уму только не много воли, и вотъ шагъ къ величайшей его необузданности. Всему есть свой предѣлъ. Вещи сами по себѣ не имѣютъ границъ, и законы хотятъ положить ихъ; но умъ противится.

Разумъ повелѣваетъ нами сильнѣе всякой власти. Не покоряясь власти, мы дѣлаемся несчастными; а не повинуясь разуму, дѣлаемся глупыми.

Люди, сбившіеся съ пути истины представляютъ резоны другимъ порядочнымъ, что они-то и уклонились отъ него: о себѣ же воображаютъ, что поступаютъ сообразно съ нимъ. Точно также думаютъ и плывущіе на суднѣ, что не они удаляются отъ стоящихъ на берегу, а береговые отъ нихъ. Таково оправданіе у всѣхъ. Но чтобъ судить вѣрно, нужно имѣть основаніе. Для моряка основною точкою служитъ пристань, а гдѣ подобная точка въ нравственности?...

Справедливо и законно есть то, что постановлено и утверждено; поэтому всѣ наши постановленные законы безусловно справедливы, такъ какъ они утверждены.

Равенство благъ безъ сомнѣнія справедливо. Но не находя возможности принудить человѣка покориться

справедливости, его заставили покориться силѣ; не находя возможности дать силу правосудію, оправдали силу, чтобъ сила и правосудіе жили вмѣстѣ, и хранили между собою миръ и согласіе, которыя составляютъ высшее благо. Summum jus, summa injuria.

Лучшее средство удержать за собою власть-большинство, потому что оно очевидно, и имѣетъ довольно силы заставить себѣ повиноваться; впрочемъ это мнѣніе людей мало просвѣщенныхъ.

Если-бъ было возможно, то силу отдали бы справедливости; но какъ сила, будучи качествомъ осязаемымъ не позволяетъ дѣлать изъ себя что угодно; между тѣмъ справедливость — качество духовное; то справедливость отдали во власть силы, и такимъ образомъ *справедливостью* называютъ то, что принудятъ сдѣлать силою.

Справедливость требуетъ соблюдать справедливое; а слѣдовать сильному можетъ заставить необходимость. Справедливость безъ силы не имѣетъ власти; сила безъ справедливости обращается въ деспотизмъ. Справедливость безъ силы всегда встрѣчаетъ сопротивленіе, потому что всегда есть злые люди; сила безъ справедливости всегда навлекаетъ на себя обвиненіе. Поэтому справедливость должно соединять съ силою, и направлять такъ, чтобы справедливое было сильно, а сильное— справедливо.

О справедливости можно спорить; сила же очевидна и неоспорима. Поэтому справедливости стоитъ только

дать силу; но какъ справедливое не могли сдѣлать сильнымъ, то сильное сдѣлали справедливымъ.

Народъ повинуется законамъ, потому что считаетъ ихъ справедливыми. Въ этихъ видахъ въ тоже время слѣдуетъ ему внушать, что онъ долженъ имъ повиноваться потому, что они законы, обязывающіе повиноваться также и старшимъ, не потому что послѣдніе справедливы, но потому что они старшіе. Тѣмъ предупреждается всякій безпорядокъ, если успѣютъ все это внушить. Вотъ собственно все опредѣленіе справедливости.

Хорошо еслибъ повиновались законамъ и обычаямъ, потому что они законы, и чтобъ люди понимали, что только это дѣлаетъ ихъ справедливыми; тогда бы отъ нихъ никогда не отступали. Но какъ справедливость ставятъ въ зависимость отъ другихъ предметовъ, то ее легко дѣлаютъ сомнительною, и вотъ отчего иногда шумятъ народы.

Есть пороки, которые поддерживаются въ насъ только другими пороками, какъ дерево корнями. Возьмите корни прочь, дерево съ вѣтвями потеряетъ жизнь — засохнетъ. Пусть человѣкъ лишится однаго порока, другіе сами исчезнутъ за нимъ вслѣдъ.

Верхъ ума называютъ безуміемъ, подобно какъ и крайнюю его тупость. Только посредственность всегда въ чести у людей. Такой порядокъ установило большин-

ство, и оно же язвитъ каждаго, кто успѣлъ какимъ либо образомъ переступить его черту. Я и не противорѣчу: согласенъ, чтобы меня заключили въ эти предѣлы; и если я не захочу быть послѣднимъ съ конца, то не потому чтобъ не быть послѣднимъ, но чтобъ не быть на концѣ. Я отказался бы также быть первымъ. Выйдти изъ средины, значитъ выйдти изъ человѣчества; но величіе души человѣческой состоитъ въ умѣньи держаться въ этой срединѣ; и столько же потребно величія выйдти изъ нея, сколько и не выходить.

Эгоизмъ—презрѣнное свойство души, и тѣ, которые не подавляютъ его, а только прикрываютъ внѣшностію, всегда достойны презрѣнія. Ни мало, скажете вы: поступая обязательно для всѣхъ, мы отнюдь не заслуживаемъ презрѣнія. Правда, еслибъ въ егоизмѣ ненавидѣли только непріятности, отъ него происходящія; но я ненавижу его за то, что онъ несправедливъ, дѣлая себя средоточіемъ всего: по этой причинѣ я всегда буду его ненавидѣть. Короче сказать, эгоизмъ имѣетъ два качества: несправедливъ самъ по себѣ, стараясь дѣлаться центромъ всего, и несносенъ для другихъ, стараясь покорить ихъ себѣ. Каждый эгоистъ врагъ человѣчества и готовъ быть его тираномъ. Попробуйте отнять у него его настойчивость, но оставьте при немъ несправедливость: вы этимъ не сдѣлаете его любезнымъ для тѣхъ, которые ненавидятъ въ немъ послѣднюю; вы сдѣлаете его любезнымъ только для несправедливыхъ, которые не находятъ болѣе въ немъ своего врага. Этакъ останe-

тесь и вы несправедливыми, и будете нравится только несправедливымъ.

Смиренныя рѣчи у людей высокомѣрныхъ—дѣло гордости, и дѣло смиренія у людей истинно смиренныхъ. И рѣчи, выражающія сомнительность, служатъ доказательствомъ того, что произносящіе ихъ не любятъ сомнѣваться. Немногіе говорятъ о смиреніи смиренно; о цѣломудріи цѣломудренно; о сомнѣніи сомнѣваясь. Мы всѣ исполнены лжи, лукавства и противорѣчій. Мы прячемся и закрываемся отъ самихъ себя.

Тайныя добрыя дѣла заслуживаютъ большаго уваженія. Когда я встрѣчаю подобныя въ исторіи, онѣ доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Однакожъ они не остались совершенно скрытыми, потому что сдѣлались извѣстными, и чрезъ то уменьшили свою цѣнность. Не смотря однакожъ на то, величайшее ихъ достоинство заключается въ желаніи скрыть себя.

Страсть отпускать остроты есть признакъ дурнаго нрава.

Еслибъ положеніе наше было дѣйствительно счастливо, намъ не нужно было бы развлекаться и думать о развлеченіи. Бездѣлица насъ утѣшаетъ и бездѣлица огорчаетъ.

Добродѣтель человѣка не должно измѣрять его усиліями; но его обыкновеннымъ образомъ жизни.

И знатные и незнатные—всѣ подвержены въ жизни одинакимъ приключеніямъ, одинакимъ непріятностямъ и одинакимъ страстямъ. Однакожъ, одни стоятъ на окружности колеса, а другіе ближе къ его центру, и потому послѣдніе менѣе потрясаются одними и тѣми же движеніями, чѣмъ первые.

Хотя бы люди не извлекали никакой пользы изъ того, о чемъ они между собою разговариваютъ; однакожъ изъ этого не слѣдуетъ заключать, что они не лгутъ; иные просто врутъ, чтобъ только врать.

Примѣръ цѣломудрія Александра Македонскаго менѣе сдѣлалъ воздержныхъ, чѣмъ примѣръ его пьянства произвелъ невоздержныхъ. Нѣтъ стыда не равняться ему въ добродѣтели, и если не превосходятъ его въ порокахъ считаютъ извинительнымъ. Иные считаютъ себя не совсѣмъ погрязшими въ порокахъ, общихъ всѣмъ, когда видятъ себя только въ тѣхъ, которые свойственны великимъ мужамъ; но они забываютъ, что это самое въ нихъ общая сторона со всѣми людьми. Они хотятъ походить на великихъ въ томъ, въ чемъ они сами сходствуютъ съ толпою. Какъ люди ни возвышены надъ прочими, всегда есть точка, въ которой они съ ними соединяются. Они не висятъ въ воздухѣ, и потому не отдѣляются отъ общества. Если въ нихъ болѣе величія чѣмъ въ насъ, то потому, что ихъ голова торчитъ выше; но за то ихъ ноги всегда стоятъ также низко, какъ и наши. Съ низу они всѣ въ уровень съ нами, и опираются на ту же зем-

лю; въ этомъ смыслѣ они столь же низки какъ и мы, какъ дѣти и какъ животныя.

Людей не учатъ честности, а учатъ всему другому; однакожъ они превозносятся болѣе всего знаніемъ послѣдняго. Стало быть они чванятся знаніемъ того, чему совсѣмъ не учились и чего во все не знаютъ.

Какъ трудно предложить что либо на судъ другому, не повредивъ его сужденіе нашимъ способомъ предложенія; говоря: мнѣ кажется это прекрасно; мнѣ кажется это темно—склоняютъ воображеніе къ такому сужденію, или напротивъ раздражаютъ его. Лучше ничего не говорить; тогда тотъ судитъ самъ собою, т. е. смотря потому, какимъ онъ есть въ ту минуту, и какъ расположатъ его другія обстоятельства, отъ него не зависящія; если впрочемъ ваше молчаніе не будетъ имѣть также своего вліянія, глядя по обороту и толкованію, которое вздумается ему дать; или потому, какъ заключитъ онъ о выраженіи вашего лица или голоса: такъ легко сбить сужденіе съ натуральнаго основанія! или лучше, такъ мало сужденій здравыхъ и основательныхъ!

Знаніе вещей насъ окружающихъ никогда не замѣнитъ намъ незнаніе нравственныхъ правилъ въ прискорбныя минуты; но чистая нравственность всегда можетъ утѣшить насъ въ незнаніи вещей постороннихъ.

Условія существованія человѣка: *непостоянство, скука* и *забота*. Кто желаетъ вполнѣ познать его суетность, пусть разсмотритъ только причины и дѣйствія *любви*. Причина ея *что-то непонятное* (какъ выражается Корнель); а ея дѣйствія ужасны.—Это «что-то непонятное», такая мелочь, что ее нельзя и замѣтить; а между тѣмъ оно приводитъ въ волненіе всѣ земли, государей, войска, весь міръ. Еслибъ носъ Клеопатры былъ нѣсколько короче, все лице земли было бы не то.

Юлій Цезарь, по моему мнѣнію былъ слишкомъ старъ, чтобъ находить удовольствіе въ завоеваніяхъ. Подобная забава шла Александру; юношу, каковъ Александръ, трудно было удержать; но Цезарь долженъ бы быть разсудительнѣе.

Извини, любезнѣйшій, *ты не совсѣмъ ловокъ*. Безъ подобнаго извиненія я и не замѣтилъ бы колкости. Часто въ оговоркѣ: «не въ обиду будь сказано» заключается вся обида.

Мнѣ бываетъ тошно отъ подобныхъ комплиментовъ: «я васъ обезпокоилъ; я боюсь наскучить; боюсь не надоѣлъ ли вамъ». Тутъ меня или надуютъ или взбѣсятъ.

Хотите ли, чтобъ про васъ хорошо говорили?—Сами о себѣ—*ни слова!*

Мы такъ несчастны, что нѣтъ для насъ удовольствія, которое, въ случаѣ его неудачи, не произвело бы огорченія; а для этаго найдется тысяча причинъ и каждую минуту. Поэтому, еслибъ кто научилъ насъ наслаждаться добромъ, не ощущая противнаго тому зла, тотъ открылъ бы великую тайну!

Сожалѣть о несчастныхъ не противно нашимъ старстямъ; напротивъ мы любимъ выказывать себя человѣколюбивыми и пріобрѣтать славу благотворительности; но безъ малѣйшихъ пожертвованій изъ собственнаго кармана. Это еще не такъ важно!

Истинный другъ есть сокровище даже для знатныхъ; они всячески должны стараться пріобрѣсть его съ тою цѣлію, чтобъ онъ всегда дѣлалъ хорошіе объ нихъ отзывы и поддерживалъ ихъ въ хорошемъ мнѣніи въ отсутствіи ихъ. Но, при выборѣ друга, должно быть осторожнымъ. Если онъ падетъ на глупаго, не будетъ пользы, сколько ни говори онъ про нихъ хорошаго; впрочемъ онъ и не скажетъ ничего въ ихъ пользу, если только никто не поддержитъ его; онъ будетъ безгласенъ и, въ обществѣ, вмѣстѣ съ другими, самъ еще станетъ ихъ поносить.

Слѣдовать *исключеніямъ* а не правилу, чрезвычайно нехорошо. Нужно быть судьею строгимъ и избѣгать исключеній. Но какъ нѣтъ правила безъ исключенія, *то пусть судятъ строго, лишь бы было справедливо.*

Мы обыкновенно убѣждаемся лучше тѣми причинами, которыя открываемъ сами, нежели тѣми, которыя приходятъ на умъ другимъ.

Духу не свойственна высота, на которую иногда поднимаютъ его чрезмѣрныя усилія ума; онъ при этомъ дѣлаетъ, такъ сказать, скачокъ и тотчасъ падаетъ.

Суетность мірская вездѣ бросается намъ въ глаза; а между тѣмъ ее такъ мало знаютъ! Попробуйте сказать, что глупо гоняться за тлѣнными благами; всѣ ахнутъ, и назовутъ васъ чудакомъ. Удивительно!

Кто не видитъ суетности міра, тотъ самъ слишкомъ суетенъ. Да и кто не видитъ ее, кромѣ молодыхъ людей, которые вѣчно въ чаду забавъ, и нисколько не думаютъ о будущемъ. Но отнимите у нихъ забавы, они высохнутъ отъ скуки; они незамѣтно познаютъ свое ничтожество. Дѣйствительно тотъ очень несчастливъ, кто, при одной лишь мысли о самомъ себѣ впадаетъ въ отчаянную тоску и не можетъ найдти развлеченія.

Естественное свойство ума — вѣрить, а воли — любить; поэтому мы, за отсутствіемъ истинныхъ предметовъ, по необходимости прилѣпляемся къ ложнымъ.

Иные хорошо говорятъ, а дурно пишутъ.—Ихъ разжигаютъ: мѣсто, присутствующіе и многіе другіе пред-

меты, и умъ даетъ болѣе искръ, чѣмъ безъ этого возбужденія.

Чѣмъ человѣкъ умнѣе, тѣмъ болѣе открываетъ странностей въ другихъ. Обыкновенный человѣкъ не замѣчаетъ никакой разности между людьми.

Человѣкъ не ангелъ и не животное, но по несчастію иногда, желая сдѣлать изъ него ангела обращаютъ въ животное.

Какъ искажаютъ умъ, такъ искажаютъ и чувство; но умъ и чувствованія образуются бесѣдами. Итакъ, хорошая или дурная бесѣда или образуетъ, или портитъ человѣка. Слѣдовательно, чтобы образовать человѣка, а не испортить, должно прежде всего сдѣлать хорошій выборъ бесѣдъ; но подобнаго выбора сдѣлать невозможно, не образовавъ и не испортивъ человѣка предварительно.

И такъ бесѣда такой кругъ, изъ котораго не каждому удается счастливо унести ноги.

Между естественными предметами, въ изученіи которыхъ для насъ нѣтъ необходимости, если есть такіе, сущность которыхъ намъ неизвѣстна, то съ одной стороны эта неизвѣстность даже полезна, потому что людямъ нужно одно какое либо общее заблужденіе, на которомъ бы останавливался ихъ умъ, какъ напр.: луна, которой приписываютъ различныя вліянія на нашу планету; перемѣну погодъ; усиленіе болѣзней и проч. и

проч. Главная болѣзнь человѣка состоитъ въ нетерпѣливомъ любопытствѣ, съ которымъ онъ стремится узнать вещи вовсе недоступныя его уму. Между тѣмъ трудно рѣшить, что болѣе ему вредитъ: совершенное-ли невѣденіе предметовъ этого рода, или это безполезное его любопытство.

Писатели, безпрестанно употребляющіе *антитезы* (т. е. противоположенія), натягивая слова, похожи на архитекторовъ, которые дѣлаютъ фальшивыя окна для одной симметріи. Методъ ихъ не въ томъ, чтобъ излагать мысли правильно; но чтобъ дѣлать правильныя фигуры (риторическіе).

Когда естественная рѣчь рисуетъ намъ картину страсти или какого либо дѣйствія, мы непремѣнно находимъ въ самихъ себѣ истину того, что слышимъ; она таилась въ насъ безъ нашего сознанія и мы невольно располагаемся въ пользу того, кто даетъ намъ почувствовать ее. Онъ высказываетъ намъ не свое благо, но наше, и это благодѣяніе дѣлаетъ его для насъ пріятнымъ, ктомужъ единство мыслей во всякомъ случаѣ заставляетъ любить его.

Въ рѣчахъ не должно перебѣгать отъ одного предмета къ другому, развѣ хотимъ развлечься; но и тогда лишь кстати, въ противномъ случаѣ можемъ только охладить вниманіе слушающихъ, и насъ могутъ всѣ оставить. Кто не умѣетъ нравиться, ничего не выиг-

растъ. Удовольствіе такая монета, за которую мы готовы отдать все, что угодно!

Не смѣшно-ли, что въ живописи мы съ удовольствіемъ смотримъ на сходство тѣхъ предметовъ, которые не удивляютъ насъ въ оригиналѣ!

Одинъ и тотъ же смыслъ измѣняется, смотря по словамъ его выражающимъ. Не смыслъ даетъ силу словамъ; но слово смыслу.

Рѣки можно назвать движущимися дорогами, переносящими насъ въ тѣ мѣстности, куда мы пожелаемъ. Страсти наши подобны рѣкамъ; но они часто заносятъ насъ туда, куда бы мы и не желали.

ПАСКАЛЬ ОБЪ ЭПИКТЕТѢ.

Эпиктетъ лучше всѣхъ философовъ понималъ обязанности человѣка. Онъ учитъ, чтобы человѣкъ прежде всего обращался къ Богу, какъ къ главному своему предмету; нелицемѣрно вѣрилъ въ Его правосудіе; съ покорностію и безусловно исполнялъ Его волю, дѣйствующую по всѣмъ законамъ высшей премудрости: при такомъ расположеніи души, онъ говоритъ, пресѣкутся всякія жалобы и ропотъ; умъ приготовится къ терпѣнію въ случаяхъ самыхъ прискорбныхъ. «Никогда не говори, учитъ онъ, я потерялъ то-то; скажи лучше, я назадъ отдалъ.

У тебя сынъ умеръ—скажи я отдалъ его; жена умерла—я отдалъ ее. Такъ говори и про имущество и про все прочее. Но тотъ, кто отнимаетъ у тебя эти блага—скажешъ ты—злой человѣкъ; напрасно: зачѣмъ тебѣ сѣтовать на того, когда чрезъ него тотъ, кто далъ тебѣ ихъ временно, потребовалъ ихъ къ себѣ обратно? Пока ты пользуешься ими, береги ихъ какъ чужое добро: поступай съ ними какъ проѣзжій въ гостинницѣ. Ты не долженъ, говоритъ Эпиктетъ, желать, чтобы все шло и дѣлалось по твоему; пусть идетъ все своимъ путемъ. Помни, прибавляетъ онъ, что ты здѣсь, какъ актеръ въ комедіи, играешь роль, назначенную тебѣ распорядителемъ.—Дана тебѣ короткая роль, играй коротко; дана длинная—играй продолжительно: оставайся на сценѣ сколько онъ велитъ; являйся передъ зрителями богатымъ или бѣднымъ, какъ распорядится хозяинъ театра. Твое дѣло хорошо сыграть роль; выбрать ее—дѣло другого. Имѣй ежедневно передъ глазами смерть; воображай самыя жестскія бѣдствія, и ты не будешь желать ничего неумѣренно».

Эпиктетъ въ тысячи различныхъ видахъ изображаетъ, что должно человѣку дѣлать. Онъ требуетъ отъ него смиренія; совѣтуетъ не выставлять на видъ своихъ добрыхъ намѣреній, особенно въ началѣ ихъ, а совершать ихъ безъ огласки: ибо ничто такъ не вредитъ имъ, какъ оглашеніе ихъ. Онъ безпрестанно твердитъ, что всѣ усилія и помыслы человѣка должны стремиться къ познанію воли Всемогущаго и къ исполненію ея.

ОТДѢЛЪ V.

Изъ сочиненій разныхъ авторовъ.

СОКРАТЪ.

(Изъ «Плутарха» по Бланшару).

Друзья славнаго греческаго философа *Сократа* однажды выразили ему удивленіе, что онъ не сказалъ ни слова человѣку, ударившему его ногою. «Какъ! отвѣчалъ Сократъ, неужели мнѣ надобно вести въ судъ и осла, если онъ сдѣлаетъ со мной тоже?» Онъ сказалъ и о другомъ человѣкѣ, осыпавшемъ его ругательствами: «его вѣрно не научили объясняться лучше». Однажды невольникъ привелъ его въ досаду: «я бы ударилъ тебя, негодяй! еслибъ не былъ сердитъ» сказалъ Сократъ. Жена сего философа, самая злѣйшая женщина, по имени *Ксантипа,* кажется нарочно сотворена была, чтобы испытывать его терпѣніе; но онъ такъ привыкъ къ ея безпрестанному крику, что не тревожился имъ нисколько. «Кажется я слышу крикъ гусей или стукъ телеги, говорилъ онъ». Хотя Сократъ былъ очень строгъ въ своихъ правилахъ, однакожъ любилъ забавы, когда они не оскорбляли ни разсудка, ни благопристойности; онъ бы-

валъ даже веселъ и любезенъ, и нерѣдко забавлялся съ своими друзьями, приглашая ихъ къ своему умѣренному столу. Однажды надобно было ему угостить ужиномъ нѣкоторыхъ богатыхъ людей; но Ксантипа стыдилась принимать ихъ съ такою простотою. «Не безпокойся, говорилъ Сократъ, если это люди добрые и трезвые, то они будутъ довольны, если же они дурны и развратны, то пусть думаютъ обо мнѣ, что имъ угодно, я не безпокоюсь».

— Онъ сказалъ объ одномъ богачѣ, который истратилъ весьма много денегъ на построеніе огромнаго дворца, но не употребилъ ничего на образованіе своихъ нравовъ — «со всѣхъ сторонъ стекаются люди смотрѣть домъ; но никто не думаетъ взглянуть на хозяина».

Въ молодости своей Сократъ былъ склоненъ къ распутству и признавался въ томъ откровенно. Одинъ физіогномистъ сказалъ ему нѣкогда въ глаза, что онъ грубіянъ, наглецъ и пьяница. Ученики его хотѣли наказать дерзкаго; но философъ остановилъ ихъ, объяснивъ, что этотъ человѣкъ сказалъ правду, и что онъ былъ бы дѣйствительно такимъ, еслибъ не исправился.

Вся философія Сократа состояла въ правилахъ нравственности; онъ предостовлялъ другимъ изслѣдывать тайны природы и снимать завѣсу покрывающую ее, думая, что *гораздо важнѣе для человѣка знать самаго себя и владѣть собою.* Онъ открылъ въ сердцѣ человѣка начало, ведущее къ счастію, и былъ увѣренъ, что нельзя сдѣлаться благополучнымъ, не бывъ благотворительнымъ и безпорочнымъ. Онъ признавалъ бытіе вер-

ховнаго Существа и приписывалъ ему свойства, приличныя истинному Богу. Этотъ то образъ мыслей и послужилъ поводомъ къ осужденію его на смертную казнь. Заблужденія и предразсудки, которыя философъ хотѣлъ обнаруживать и истреблять, навлекли ему столько враговъ, что онъ палъ отъ ихъ ухищреній. Явился гнусный доносчикъ, по имени Мелитъ, который сталъ обвинять въ безбожіи человѣка, имѣвшаго въ свое время наилучшее понятіе о верховномъ Существѣ. Лизіасъ, искуснѣйшій аѳинскій ораторъ, принесъ ему самую трогательную и сообразную его несчастному положенію рѣчь, чтобы онъ, если угодно, выучилъ ее наизустъ и произнесъ передъ судьями. Сократъ прочиталъ ее съ удовольствіемъ и нашелъ весьма хорошею, однакожъ, сказалъ оратору: «еслибъ ты принесъ мнѣ башмаки, сдѣланныя по Сиціонски (бывшія тогда въ модѣ), то я надѣлъ бы ихъ, потому что они неприличны философу. Точно тоже думаю я и о твоемъ защитительномъ словѣ. Оно краснорѣчиво и написано по правиламъ реторики; но не соотвѣтствуетъ величію духа и твердости философа». Его же собственное защищеніе было просто, но величественно; въ немъ былъ видѣнъ характеръ и языкъ невинности. Сперва большинство голосовъ оказалось въ пользу Сократа, и доносчика Мелита, по обыкновенію, хотѣли уже осудить на денежную пеню, состоявшую въ тысячѣ драхмъ; но когда присоединились къ нему Анитъ и Ликонъ, то великая къ нимъ довѣренность сдѣлала перевѣсъ, такъ что 281 голосъ былъ противъ Сократа; а въ пользу доносчика 220; ибо кромѣ предсѣдателя число, судей

простиралось до 500. Сначала философа объявили виновнымъ, необъяснивъ ничего и не опредѣливъ никакого наказанія, которое предоставлено было на его выборъ. Сократъ отвѣчалъ: «я всегда училъ Аѳинянъ добру и за это осуждаю себя на общественное содержаніе въ Пританеѣ до самой смерти» что считалось у грековъ, за отличнѣйшую награду. Отвѣтъ этотъ привелъ весь Арсопагъ въ такое негодованіе, что всѣ согласились философа погубить, не смотря на его невиновность. Ты приговоренъ судьями къ смерти, скозалъ ему одинъ изъ его знакомыхъ. «А судьи приговорены къ ней природою» отвѣчалъ онъ. Назначено отравить его ядомъ. По объявленіи приговора онъ пошелъ въ темницу съ удивительною твердостію. Аполодоръ, одинъ изъ учениковъ философа, изъявлялъ сожалѣніе, что онъ умираетъ совсѣмъ безвинно. «А развѣ ты хочешь чтобъ я умеръ виновнымъ?» отвѣчалъ Сократъ. Друзья его хотѣли доставить ему случай къ побѣгу и подкупили темничнаго стража; но Сократъ не хотѣлъ на это согласиться. Онъ принялъ ядъ съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ смотрѣлъ на различныя приключенія въ своей жизни. Это произошло за 400 лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія. Тогда было ему отроду 70 лѣтъ. Жена и друзья слышали послѣднія слова его, которыя были достойны мудраго. Они относились къ безсмертію души и доказывали величіе его собственной. Въ заключеніе всего онъ говорилъ: «Друзья мои! одна вещь заслуживаетъ вниманія: ежели душа безсмертна, то ее должно образовать не только для сей временной жизни, но и для будущей, то есть для

вѣчности. Малѣйшее нерадѣніе въ этомъ случаѣ можетъ имѣть безчисленныя слѣдствія. Еслибъ смерть была гибелью и разрушеніемъ всего, то злодѣи выигралибъ весьма много, освободясь отъ тѣла, души и пороковъ; но какъ душа безсмертна, то она не имѣетъ другаго способа избавиться отъ золъ, и неможетъ иначе спастись, какъ сдѣлавшись доброю и просвящѣнною. При выходѣ изъ сей жизни открываются два пути: одинъ, осквернившіяся здѣсь души постыдными упражненіями и злодѣяніями, ведетъ къ вѣчному мученію, другой—тѣ души, которыя сохранили чистоту свою на землѣ и въ образѣ человѣка вели жизнь божественную—къ блаженному жилищу боговъ».

Человѣкъ, разсуждавшій такимъ образомъ при послѣднихъ минутахъ жизни, былъ выше обыкновенныхъ людей; — былъ высокомудрый, совѣсть котораго не страшилась строгой и справедливой нравственности. По кончинѣ его всѣ признали великія его добродѣтели. Аѳиняне, имѣвшіе подлость осудить философа, потребовали у доносчиковъ отвѣта за невинную кровь, которую сами пролили. Мелитъ осужденъ на смерть, а прочіе изгнаны.

Наружность Сократа была не очень хороша; онъ самъ признавался, что прежняя склонность къ распутству обезобразила его черты; но когда онъ говорилъ о нравственности, о человѣкѣ, о величіи Бога, то высокія его мысли и жаркое восторженіе придавали чертамъ его лица выразительность удивительную; тогда онъ могъ казаться человѣкомъ красивѣйшимъ.

Онъ часто говаривалъ своимъ ученикамъ: «кто, смот-

рясь въ зеркало, найдетъ себя прекраснымъ, тотъ долженъ стараться чтобъ не помрачить своей красоты пороками; но кто увидитъ, что онъ дуренъ, тотъ пусть употребитъ всѣ силы украсить дурное лице блескомъ добродѣтели».

«ЗАЛЕВКЪ» О БОГОПОЧИТАНIИ И ДОБРОДѢТЕЛИ.

(Изъ «Плутарха»).

Залевкъ, законодатель Локрiйскiй, въ предисловiи къ своимъ законамъ говорилъ народу: всякiй гражданинъ долженъ быть увѣренъ въ бытiи Бога. Надобно только взглянуть на порядокъ и гармонiю вселенной, чтобъ увѣрить себя, что случай не могъ произвести ее. Надобно имѣть власть надъ своею душею, очищать ее, удалять отъ всякаго зла въ твердомъ увѣренiи, что Богъ не принимаетъ жертвъ отъ развращенныхъ, и что Онъ не таковъ, какъ бѣдные смертные, которымъ нравятся великолѣпные обряды и пышныя приношенiя. Ему угодны болѣе всего добродѣтель и постоянное желанiе дѣлать добро; поэтому всякiй долженъ стараться быть справедливымъ на словахъ и на дѣлѣ, чтобы угодить верховному Существу, каждый долженъ опасаться всего, что приводитъ въ безславiе или въ нищету. Лучшимъ гражданиномъ надобно считать того, кто отказывается отъ богатства для истины; но тѣмъ, которые, по своимъ страстямъ наклонны къ злу, мужчинамъ, женщинамъ, гражданамъ и простымъ людямъ должно напоминать о богахъ и заставлять думать о строгомъ ихъ сужденiи,

произносимомъ надъ виновными, они должны помнить часъ смерти, ожидающій всѣхъ насъ; часъ, въ который воспоминанія о козняхъ производитъ угрызеніе совѣсти и возбуждаетъ тщетное раскаяніе о несправедливыхъ поступкахъ.

Мы каждую минуту должны вести себя такъ, какъ бы эта минута была послѣдняя въ нашей жизни. Но, если злой духъ побуждаетъ насъ къ какому нибудь преступленію, то должно прибѣгнуть къ жертвеннику. Должно просить небо объ удаленіи сего злотворнаго генія, особенно слѣдуетъ обратиться къ хорошимъ людямъ, кои бы могли руководить насъ къ добродѣтели, представляя благость Божію и угрожая Его мщеніемъ».

Нѣтъ! вскричалъ Волтеръ, списавъ этотъ отрывокъ: во всей древности нельзя найти ничего подобнаго, что̀ бы могло быть предпочтено этимъ простымъ и величественнымъ выраженіямъ, которыя внушены разумомъ и добродѣтелью, и которыя чужды энтузіазма и гигантскихъ украшеній, столь противныхъ здравому смыслу.

«ПЛУТАРХЪ» О ЗАКОНѢ.

Законъ, говоритъ *Плутархъ* съ Пиндаромъ, есть царь безсмертныхъ и смертныхъ. Законъ управляетъ повелителями. Онъ не заключается въ мертвыхъ книгахъ, но живетъ въ головѣ монарха, и духъ его никогда не оставляетъ послѣдняго безъ своего руководства: онъ внушаетъ ему что должно дѣлать. Повелители, заботясь о

благѣ человѣчества, служатъ Богу; раздѣляютъ ниспосланныя имъ блага, которыми нельзя ни наслаждаться, ни пользоваться безъ повелителя. Судъ есть конецъ закона; законъ — дѣло повелителя, а сей — образъ Бога всеустрояющаго. Божество возвышаетъ того, кто подражаетъ ему въ благости и уподобляется ему въ добродѣтеляхъ и человѣколюбіи. Оно дѣлаетъ его участникомъ въ своемъ правосудіи, въ своей истинѣ и кротости: божественнѣе этого не можетъ быть ни огонь, ни свѣтъ, ни тѣла небесныя. Судъ не возсѣдаетъ, какъ говорятъ, на одномъ престолѣ съ Зевсомъ: Зевсъ самъ есть судъ и справедливость.—Онъ самъ есть древнѣйшій и совершеннѣйшій законъ.

«ЗЕНОНЪ» О СУДЬБѢ.

Зенонъ, греческій философъ, училъ сносить судьбу свою, какова бы она ни была, презирать богатство, жить, какъ говорилъ *Сенека,* не по людскому мнѣнію, а по природѣ, и особенно предпочитать всему добродѣтель. «Съ добродѣтелью, говорилъ онъ, можно все переносить, даже самую болѣзнь». Такая философія возвеличивала духъ, давала человѣку высокое понятіе о самомъ себѣ и не допускала его до униженія. Она-то одушевляла двухъ Катоновъ, образовала нѣкоторымъ образомъ добродѣтельнаго Марка-Аврелія—Антонина и сдѣлала невольника Епиктета первымъ человѣкомъ въ мірѣ. Зенонъ былъ основателемъ такой философіи, которая произвела много великихъ людей. Въ томъ только

можно упрекать Зенона, что онъ признавалъ неизбѣжность судьбы: система гнусная, незначащая ничего и могущая разрушить въ глазахъ людей заслугу добрыхъ дѣлъ и необходимость побужденій.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПЛУТАРХА.

Свойства человѣка, говоритъ Плутархъ, болѣе всего открываются въ словахъ и изрѣченіяхъ, нежели въ самыхъ дѣяніяхъ. Въ послѣднихъ участвуетъ счастіе; но изрѣченія и слова, необдуманно вырывающіяся въ извѣстныхъ случаяхъ, въ страсти, даже въ шуткахъ и безъ предварительнаго размышленія, изображаютъ мысли и чувства, какъ бы въ зеркалѣ.

Уважать народныя мнѣнія есть долгъ здравомыслящаго человѣка. Многіе предразсудки смѣшны, но полезнын. Опровергать то, что принято всѣми — непозволительный цинизмъ.

Порокъ повсюду за тобою слѣдуетъ; живетъ внутри тебя; ни днемъ, ни ночью не отстаетъ отъ тебя. Въ путешествіяхъ, за столомъ, на ложѣ мучитъ тебя гордостью, невоздержаніемъ, заботами, завистью, гнѣвомъ... Какое въ порокѣ благополучіе, когда порочные не имѣютъ ни отдыха, ни довольства, ни спокойствія?.. Копи богатство, строй дворцы, устроивай гулянья; пусть домъ твой наполнится рабами, городъ должниками: нѣтъ счастія для тебя, если ты во власти порока.

Во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ Плутархъ побуждаетъ человѣка быть полезнымъ обществу и ему служить. Жить только для одного себя считаетъ онъ низкимъ для существа разумнаго и свойственнымъ единственно тому, кто совершенно предался позорнымъ удовольствіямъ. Такого рода жизнь, говоритъ онъ, имѣетъ нужду въ мракѣ, въ забвеніи и неизвѣстности; но кто признаетъ Бога, Его промыслъ; чтитъ законъ, общество, тому не должно скрывать себя. Жизнь недѣятельная, проведенная въ неизвѣстности и покоѣ, разслабляетъ не только тѣло, но и самую душу. Стоячая вода гніетъ; способности человѣка въ бездѣйствіи увядаютъ.

Вотъ какъ Плутархъ осуждаетъ Катона старшаго за то, что онъ безъ чувствъ сострадания и милосердія продавалъ своихъ рабовъ и рогатый рабочій скотъ. По моему мнѣнію, говоритъ онъ, изгонять рабовъ изъ дома, продавать ихъ въ старости, употреблявши ихъ какъ скотовъ — обнаруживаетъ неблагодарную, низкую душу, которая думаетъ, что человѣкъ съ человѣкомъ не можетъ имѣть другой связи, другихъ отношеній, кромѣ нуждъ и корысти. Мы знаемъ, что благость и человѣколюбіе занимаютъ болѣе мѣста, нежели справедливость; мы созданы такъ, что законы и правосудіе примѣняемъ только къ людямъ; благодѣяніе и состраданіе распространяемъ и на животныхъ безсловесныхъ; ибо эти свойства проистекаютъ изъ душевной кротости, какъ изъ богатаго и чистаго источника.

Добрый человѣкъ долженъ продовольствовать и тѣхъ рабочихъ животныхъ, которыя сдѣлались уже неспособными къ работѣ, и имѣть попеченіе не только о щенкахъ, но и о старыхъ своихъ псахъ... Намъ неприлично употреблять живущее и чувствующее такъ, какъ обувь или какъ вещи, которыя бросаемъ, коль скоро износятся или испортятся отъ употребленія... Что касается меня, то я не продалъ бы и вола, обработывавшаго мое поле, по причинѣ его старости; не удалилъ бы за деньги стараго человѣка отъ себя, отъ мѣста, гдѣ онъ жилъ, отъ родины, отъ привычнаго рода жизни, когда онъ столько же безполезенъ покупающимъ, какъ и продающимъ.

ПИѲАГОРЪ.

Пиѳагоръ, Самосскій философъ, тщательно занимавшійся наставленіемъ въ нравственности. Онъ увѣщевалъ мужей хранить супружескую вѣрность и отсылать наложницъ; даже могъ склонять женщинъ оставлять пышные наряды и почитать цѣломудріе лучшимъ украшеніемъ своего пола. Внушалъ дѣтямъ повиновеніе къ родителямъ, а всѣхъ вообще руководилъ къ добродѣтели. Доказывалъ, что счастіе человѣка и прочность общества зависятъ отъ воздержанія. Онъ говаривалъ: весьма часто надобно сражаться съ пятью вещами: *съ тѣлесными недугами, съ лѣностью, съ невѣжествомъ, съ страстями и съ семейными раздорами.* Болѣе всего превозносилъ онъ благотворительность. Быть полезнымъ роду человѣческому и поучать его истинѣ, гово-

рилъ онъ, есть самый безцѣнный даръ, какой только можно получить смертному отъ неба.

КОНФУЦІЙ.

Конфуціева цѣль ученія состояла въ томъ, чтобъ разгонять мракъ ума, искоренять изъ сердца пороки и возстановлять непорочность нравовъ, этотъ даръ небесъ весьма рѣдкій во всѣхъ вѣкахъ. Повиноваться Богу, бояться Его, служить Ему, любить ближняго, какъ самаго себя, владѣть собою, страсти свои подчинять разсудку, ничего не дѣлать, даже ничего не думать такого чтобы могло быть противно Богу: вотъ уроки, которые этотъ великій человѣкъ преподавалъ народу и самъ осуществлялъ ихъ дѣйствительностію.

ДІОГЕНЪ.

Діогенъ философъ, какъ извѣстно, былъ самымъ отъявленнымъ циникомъ; вся его философія состояла въ томъ, чтобы смѣяться надъ всѣмъ, что ему не нравилось; однакожъ были и у него прекрасные образы мыслей о хорошей нравственности. Онъ говаривалъ: «Есть упражненіе душевное и упражненіе тѣлесное. Первое служитъ обильнымъ источникомъ высокихъ идей, рождающихся въ душѣ, воспламеняющихъ и возвеличивающихъ ее. Не должно пренебрегать и другаго, ибо человѣкъ не можетъ быть здоровымъ, коль скоро разстроится одна изъ двухъ его составныхъ частей. Все пріобрѣтается упражненіемъ, не исключая и добродѣтели; но

люди стараются сдѣлать себя несчастными, занимаясь упражненіями противными ихъ благосостоянію и натурѣ. Безъ законовъ не можетъ быть общества: они даютъ способъ гражданину пользоваться городомъ, а республиканцу республикой; но если законы будутъ дурны, то человѣкъ становится несчастнѣе и злѣе, нежели по природѣ. Учить добродѣтели, не бывъ добродѣтельнымъ есть верхъ безумія. Клеветникъ есть самый лютѣйшій звѣрь, а льстецъ—самое опасное домашнее животное. Старайся имѣть добрыхъ друзей, чтобы они поощряли тебя къ дѣланію добра, и злыхъ непріятелей, чтобъ они препятствовали тебѣ дѣлать дурное. Ты просишъ у боговъ того, что считаешъ для себя хорошимъ, и, можетъ быть, они исполнятъ твою просьбу, если не сжалятся надъ твоимъ неразуміемъ».

Этотъ, весьма замѣчательный философъ, свой циническій образъ жизни довелъ до самой крайности и ходилъ по аѳинскимъ улицамъ покрытый рубищемъ или, лучше сказать, нагой, съ котомкой за плечами и палкою въ рукахъ; а ночь проводилъ въ бочкѣ. Эта бочка служила ему домомъ, который онъ по своему произволу переносилъ съ мѣста на мѣсто. Вся его домашняя принадлежность состояла въ деревянной чашкѣ; но онъ и ее уничтожилъ, когда увидалъ мальчика, пившаго воду изъ ручья пригорстнями. «Какъ! я до сихъ поръ имѣлъ при себѣ не нужную вещь! вскричалъ циникъ». Расказываютъ, какъ Александръ великій, въ бытность свою въ г. Коринѳѣ, полюбопытствовалъ взглянуть на этого страннаго человѣка. Что могу я для тебя сдѣлать? спро-

силъ у него этотъ государь. «Отойди немного въ сторону, отвѣчалъ циникъ, и не мѣшай свѣтить на меня солнцу». Однажды Діогенъ вздумалъ ходить по городу въ полдень со свѣчею. Чего ты ищешь? спросили у него. «Человѣка» отвѣчалъ онъ. Въ старости онъ былъ порабощенъ и проданъ. «Кто хочетъ купить господина?» кричалъ онъ на площади, гдѣ продавали его вмѣстѣ съ другими невольниками. Къ чему ты способенъ? спросилъ покупщикъ, «повелѣвать людьми» отвѣчалъ циникъ. Коринѳскій житель, по имени Ксеніадъ, купилъ его и привелъ въ домъ свой. Друзья Діогеновы хотѣли его выкупить. «Вздоръ, отвѣчалъ Діогенъ: левъ не можетъ называться невольникомъ того, кто его кормитъ». Говорятъ, что онъ просилъ, когда умретъ, чтобы тѣло его бросили въ яму и только слегка покрыли бы землею. Но тебя съѣдятъ звѣри, говорили ему друзья его. «Ну, такъ положите, подлѣ меня палку, отвѣчалъ онъ, чтобъ я могъ прогнатьихъ». Да ты ничего не будешь чувствовать — «такъ какая же мнѣ нужда до вашихъ звѣрей», сказалъ Діогенъ.

О СОГЛАСОВАНІИ ВОСПИТАНІЯ СЪ РАЗВИТІЕМЪ ДУШЕВНЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

(Изъ «Теорія Словесности»—Теорія прозы. 1852 г. Стр. 43).

Жизнь человѣческая проявляется въ переходахъ одного возразста въ другой. Душевныя способности, равно какъ и силы тѣлесныя, развиваются послѣдовательно: возникаютъ, цвѣтутъ и зрѣютъ въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ. Въ дитяти, подобно какъ въ сѣмени, хранятся начала всѣхъ способностей; юноша пред-

ставляетъ собою время цвѣтенія; мужество соотвѣтствуетъ зрѣлости.

Всѣ подобныя различныя состоянія нашего духа обнаруживаются въ трехъ главныхъ его началахъ: въ *чувствахъ,* въ *умѣ* и *волѣ;* они-то проходятъ всѣ степени развитія по предначертанному Создателемъ закону. Умственное пріобрѣтеніе знаній, нравственное облагородствованіе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни. На первой степени развитія, на лонѣ матери, пробуждаются способности; здѣсь въ особенности образуется чувство. Второй возрастъ — юность, посвящается раскрытію и обогащенію ума, подъ руководствомъ отца или наставника. Переходъ въ возрастъ мужества предназначенъ образованію воли—ея самобытности. Въ это время, при благословеніи Провидѣнія, законъ внѣшній, или общественный, и внутренній, или нравственный, бываютъ ангеломъ—хранителемъ человѣка.

Рѣдкіе или малые успѣхи въ воспитаніи большею частью происходятъ отъ трехъ главныхъ погрѣшностей: или начинаютъ ученіе преждевременно и продолжаютъ не послѣдовательно, или стараются о сообщеніи знаній, не заботясь о дѣятельности мыслящей способности, или не всѣ начала души нашей развиваются въ воспитаніи. Обыкновенно спрашиваютъ: чему учить надобно сына или дочь? а лучше бы спрашивать о томъ, какъ должно развивать душевныя способности. Дайте имъ правильное развитіе: они будутъ въ состояніи пріобрѣсти всѣ нужныя свѣдѣнія. Воспитывайте чувство, умъ и волю

согласно съ ихъ развитіемъ: вотъ простой законъ, въ которомъ заключаются всѣ правила воспитанія. Дитя, еще не связывающее своихъ представителей въ одно цѣлое понятіе, въ состояніи ли воспринимать многія постороннія понятія? возможно ли дитяти, непостигающему предметовъ, его окружающихъ, объяснять предметы ученые? Воспитатель тогда только можетъ питать ученіемъ дѣтское вниманіе, когда душевныя силы начнутъ развиваться собственною дѣятельностію.

Желаніе многихъ родителей—слишкомъ рано учить дѣтей — губитъ юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Въ дитяти преимуществуетъ жизнь растительная; въ немъ духовныя силы едва лишь раскрываются. Въ семъ возрастѣ мать, первая наставница, обязана давать надлежащее направленіе возникающимъ способностямъ. Въ очахъ матери, какъ въ зеркалѣ, дитя учится само себя понимать; видитъ оно въ этомъ зеркалѣ нѣжность и любовь, и въ немъ отразятся тѣ же чувствованія.

Первоначальное проявленіе сихъ чувствованій должно состоять въ повиновеніи и благодарности. Пока дитя еще походитъ на простое чувственное существо, мать должна показывать примѣры благотворительности. Дитя, руководимое разборчивою строгостью, будетъ послушно: любуясь исполненіемъ желаній своихъ, познаетъ оно всю важность благодарности. Напрасно матери, при каждомъ требованіи дѣтей, торопятся удовлетворять ихъ желанія: ощущаемый недостатокъ возвышаетъ цѣну благодѣянія, скорѣе рождаетъ въ юной душѣ призна-

тельность. Напротивъ изнѣженныя дѣти ни благодарны, ни послушны; они-то оказываются совершенно безнравственными.

Благоразуміе велитъ также обуздывать тѣлесныя побужденія къ лакомству и другимъ прихотямъ; надобно болѣе занимать благороднѣйшія чувства — зрѣніе и слухъ. Чувственность, сколь возможно ранѣе, да уступитъ мѣсто нравственности; съ раннихъ лѣтъ да пріучатся дѣти къ умѣренности и воздержанію. Эти добродѣтели дѣйствуютъ на здоровье; научаютъ насъ отказывать себѣ въ любимыхъ потребностяхъ, льстящихъ чувствамъ, и обращать вниманіе на сторону духовную. Дѣтскій возрастъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ возраждаются различныя склонности. Дитя, какъ нравственное лице, лишь только начинаетъ чувствовать свою дѣятельность, обращается къ познанію самаго себя; тогда изъ рѣшительной жизни образуется жизнь разумная. Не откладывайте до другаго дня заботъ о дѣтяхъ: преслѣдованіе направленія пробудившейся дѣятельности душевной столь важно, что одинъ день иногда можетъ быть или зарѣю ихъ счастія, или началомъ бѣдствій.

Съ раскрытіемъ дѣятельности силъ разгарается и воображеніе: дѣти начинаютъ затѣвать разныя игры. Давайте имъ волю выбирать забавы: онѣ, вѣрно, выберутъ ихъ по своимъ склонностямъ; не допускайте только къ игрушкахъ излишества и роскоши. Старайтесь заранѣе пріучать зрѣніе къ изящнымъ видамъ, а слухъ— къ изящнымъ звукамъ.

Всего опаснѣе въ этомъ возрастѣ зависть; она своевольно переступаетъ границы между *моимъ* и *твоимъ*, и превращается въ корыстолюбіе. Это самый вредный плевелъ, похищающій у благотворныхъ растеній жизненные соки; его немедленно должно искоренять. Зависть обнаруживается и въ забавахъ: завистливыя дѣти не терпятъ ровесниковъ, отличающихся въ играхъ. За это или должно слѣдовать наказаніе, или надобно возбудить въ дитяти доброе чувство: довести его до того, чтобъ ему было пріятно раздѣлять удовольствіе съ товарищами.

Такъ возбуждаются въ чувственной жизни начала разумныя и нравственныя. За этимъ наступаетъ время развитія чувства религіознаго. Въ благоговѣніи родителей является дѣтямъ нѣчто возвышенное. При утренней и вечерней молитвѣ, равно въ церкви, съ умиленіемъ да обращаетъ юная душа мысленные взоры свои къ небесному Отцу, надѣляющему всѣхъ своими дарами и благами. Пусть зрѣніе дитяти мало по малу отвлекается отъ видимыхъ предметовъ, и душа его устремляется къ невидимому Виновнику всѣхъ явленій и его собственныхъ дѣйствій. Нѣжный цвѣтокъ, какъ сравнительно можно назвать дитя, заранѣе да согрѣвается лучами этого солнца и получаетъ силу цвѣсти и созрѣвать при всѣхъ превратностяхъ жизни. Такое пріуготовленіе къ воспріятію религіознаго чувства располагаетъ душу къ христіанскимъ наставленіямъ.

Переходъ дѣтства въ отрочество ознаменовывается тѣмъ, что сила представительная возрастаетъ, разумѣ-

ніе получаетъ способность къ ученію. Въ этомъ возрастѣ представленія возвышаются до понятій, воображеніе становится дѣятельнымъ, а склонности обращаются въ характеръ; умственная сфера беретъ первенство надъ чувственностію: при всемъ томъ дѣйствія воли, какъ нравственное, такъ и религіозное, еще покоятся неразвитыми, хотя онѣ явственнѣе, нежели въ возрастѣ дѣтскомъ. Тутъ воспитаніе переходитъ изъ рукъ матери въ руки отца или наставника. Мать, имѣвшая подъ своимъ надзоромъ чувственный возрастъ дитяти, передаетъ отрока отцу или тѣмъ, которые должны пещись о развитіи умственномъ. Домашнее воспитаніе должно согласоваться съ общественнымъ для того, чтобы разныя стороны, изъ которыхъ однѣ совершенствуются въ семейственной жизни, а другія въ училищѣ, всегда согласовались одна съ другою. Разумѣніе въ отрокѣ составляетъ главный предметъ воспитанія: посему родители должны стараться всячески питать любовь къ ученію. Въ усиленіи ея собственно состоитъ преимущество общественнаго воспитанія предъ домашнимъ. Важность ученія въ этомъ возрастѣ не въ количествѣ сообщаемыхъ знаній, а въ возбужденіи сильнѣйшей дѣятельности къ ихъ пріобрѣтенію и къ размышленію о томъ, что пріобрѣтено.

Что-жъ принять за руководство въ отроческомъ возрастѣ? Здѣсь главное правило заключается въ томъ, чтобъ познать отличительную способность души и ее возбуждать. Отроческій умъ любитъ упражняться въ образованіи изящнаго чувства слуха и зрѣнія: для этого необходимо занятіе живописью и музыкою. Тутъ можно

испытывать вниманіе отрока соображеніями числъ и протяженій, какъ чувственныхъ воззрѣній мѣста и времени. Въ магнитѣ отъ постепеннаго прибавленія тяжести увеличивается сила; такъ усиливается и юное соображеніе исчисленіями. Къ сему же времени относится изученіе языковъ. Непостижимое устроеніе человѣческаго слова, которое въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкомъ, безъ всякой отчетности, пріобразуется помощью наукъ въ органическое цѣлое. Странно только, что иные начинаютъ упражнять дѣтей сперва въ мертвыхъ языкахъ, для которыхъ потребно двойное соображеніе, вмѣсто первоначальнаго и простѣйшаго упражненія въ живыхъ языкахъ, особливо въ отечественномъ. Читая образцовыхъ писателей, мы непримѣтно измѣняемъ разговорный языкъ нашъ на изящный языкъ прозы и поэзіи.

Одно изъ основныхъ правилъ воспитанія состоитъ въ современномъ упражненіи памяти и разсудка. Безполезно учить наизустъ безъ соображенія: это, съ одной стороны, уничтожаетъ занимательность предмета; съ другой, затрудняетъ понятія. Не обременяйте памяти, особенно изученіемъ чего-либо непонятнаго. Въ томъ что понятно, упражняется она вмѣстѣ съ разсудкомъ; съ укрѣпленіемъ сужденія, самая память становится твердою. Иные стараются выучивать много; но чрезъ это ослабляется сужденіе, потому что умъ не имѣетъ достаточной силы обсуживать выученное.

Отроческому возрасту приличны танцы и гимнастическія упражненія. Когда жизнь переходитъ въ разумную, тогда и тѣло становится способнымъ къ упражне-

нію въ искуствѣ, требующемъ развитія чувства къ изящному. Лучше оставить слишкомъ быстрое раскрытіе душевныхъ способностей, нежели ослабить тѣло: для развитія отроческой души еще остается впереди много времени, а потерянное время отрочества для тѣла невозвратимо. Движеніе въ физической природѣ то же, что мысль въ духовной: для самаго здоровья необходимо умѣренное согласованіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Наблюдайте таковое уравниваніе духа и тѣла до тѣхъ поръ, пока продолжается развитіе организма.

Умѣренность и воздержаніе, пробужденныя въ дѣтскомъ возрастѣ, должны въ отрочествѣ получить высшее значеніе. Къ этимъ свойствамъ, сопровождающимъ умственное развитіе отрока, принадлежитъ развитіе нравственнаго и религіознаго чувства: разумная сфера соотвѣтствуетъ нравственной, дѣтская благодарность и покорность родителямъ — принадлежности перваго періода—здѣсь переходятъ въ признательность и уваженіе. Если желаете, чтобъ юный нравъ благородствовался, то поддерживайте въ немъ эти чувства. Не довольно одной привязанности къ домашнимъ; кто готовится для жизни общественной, тотъ долженъ научиться уваженію старшихъ. Дурныя привычки дитяти получаютъ въ отрокѣ значительную силу и нерѣдко переходятъ въ своевольство, упрямство, дерзость. Отъ того, чья воля не свободна еще отъ чувственности, нельзя требовать возвышенныхъ добродѣтелей, каково: великодушіе, щедрость и подобныхъ; покрайней мѣрѣ должно возбуждать въ отроческомъ возрастѣ чувство обязанно-

стей общественныхъ. Не надобно питать душу одними только пріятными впечатлѣніями, но должно склонять ее и къ пожертвованіямъ. То, что̀ сначала бываетъ внешнею обязанностію, раскрываетъ мало по малу нравственное чувство и обращается во внутреннюю потребность. Чувство дѣтской зависти въ отрочествѣ можетъ возрасти до корыстолюбія, а потому здѣсь нужно развивать чувство справедливости. Рано, слишкомъ рано можно пробудить готовность къ услугамъ, прямодушіе, честность; въ этомъ возрастѣ дѣтская благотворительность переходитъ въ попеченіе и благополучіе ближняго. Возбудить эти чувствованія — долгъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Религіозное чувство отрока столь нѣжно, что трудно бываетъ сберечь его отъ холодности умственнаго образованія. Если въ дитяти уже развилось понятіе о Всевышнемъ, то въ отроческомъ возрастѣ необходимо раскрыть страхъ Божій—начало премудрости. Но не упражняйте ума въ религіозныхъ предметахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы упростить оные для разума: что легче обнимаетъ разумъ, то перестаетъ быть предметомъ безусловнаго почитанія. Здѣсь надлежитъ представить тотъ образецъ, котораго видимая жизнь заключается въ существѣ невидимомъ: такой образецъ — нашъ Спаситель. Нравственно-чистая и святая жизнь Его, поученія, страданія, смерть и воскресеніе должны напечатлѣться въ сердцѣ отрока. Этотъ образъ, однажды въ немъ напечатлѣнный, никогда не изгладится. Вмѣстѣ съ этимъ излагается православное ученіе Вѣры, вѣнецъ умственнаго

воспитанія. Въ нѣжномъ возрастѣ ученіе религіи не можетъ быть предметомъ ученія на память. Благочестивое чувство дѣтей подавляется, какъ скоро Божественное ученіе становится изнурительнымъ трудомъ для нихъ, и то внушается угрозами, что̀ должно быть для человѣка священнымъ.

Наступаетъ важнѣйшій періодъ воспитанія — юность, время совершеннаго развитія разсудка, вкуса и характера, переходъ духовной жизни въ высшую сферу способностей: умъ, фантазію и волю. Въ этомъ періодѣ изъ знаній образуются науки о Богѣ, человѣкѣ и природѣ, чувствованія творятъ идеалы, а склонности обращаются въ нравственныя направленія. Сердечныя чувствованія, прекраснѣйшіе спутники жизни нашей, причиняемыя въ первородной чистотѣ своей, возникаютъ въ юности; въ нихъ обнаруживается воля человѣка—главнѣйшій предметъ воспитанія. Она получаетъ тогда только высокое достоинство, когда не подчиняется холодному и безжизненному знанію, а, напротивъ, воспринимаетъ въ себя тѣ лучи свѣта наукъ, которые истекаютъ изъ сердца. Очищайте склонности и чувства; одушевляйте ихъ любовію къ наукамъ и искусствамъ: вы непримѣтно усовершенствуете нравственность. Юноша начинаетъ борьбу со страстями; и хотя воспитаніе не можетъ совершенно отвратить этой борьбы, покрайней мѣрѣ оно даетъ силы къ ихъ преодолѣнію. Наука и искусство такіе два генія, которые укрощаютъ и умѣряютъ страсти. Здѣсь одинъ умъ не удовлетворяетъ юноши: сердце требуетъ своихъ предметовъ, и всѣми силами старается ихъ обрѣсти. Возвышенныя

чувства волнуютъ грудь юноши; онъ мечтаетъ о чести и славѣ; фантазія его паритъ за предѣлы здѣшняго міра; вездѣ представляется ему идеалъ счастія. Въ райской жизни идеаловъ согрѣвается и оживляется искусство. Мыслящая способность, вполнѣ раскрытая, уже въ состояніи обнимать весь кругъ человѣческихъ знаній.

Кто-же руководствуетъ насъ въ этомъ возрастѣ? Юноша выходитъ изъ подъ надзора материнскаго; зависимость отъ наставника уже для него тягостна; въ это время отецъ довершаетъ воспитаніе сына. Если дѣтство хранитъ попечительная мать; отрочество проходитъ большею частью подъ руководствомъ наставниковъ: то отцу остается согласовать домашнее воспитаніе съ общественнымъ; онъ беретъ сына отъ учителя и вводитъ съ осторожностью въ свѣтъ, старается направлять свободно начинающую дѣйствовать волю къ отличенію добра и зла. Такимъ образомъ юноша созрѣваетъ и становится самобытнымъ; такъ образуется его воля. На поприщѣ жизни наставникъ нашъ—внутренній голосъ совѣсти, а провидѣніе—звѣзда путеводная: отъ сего зависитъ исполненіе всѣхъ обязанностей нашихъ общественныхъ, въ чемъ даемъ мы клятву предъ престоломъ Отца Отечества.

Нерѣдко поверхностное многознаніе предпочитается глубокомыслію; нерѣдко человѣкъ знаетъ все, кромѣ самаго себя. Но должно заранѣе внушать юношамъ, что всѣ науки суть только отрасли самопознанія; мы только изъ самихъ себя можемъ заимствовать порядокъ, начало, послѣдовательность; каждая наука есть собственно от-

раженіе нашей духовной жизни, состоящей въ гармоническомъ согласіи трехъ ея стихій: *чувства, ума* и *воли*.

Смотрите, какъ юноша, находясь между чувственностью и нравственностью, колеблется въ выборѣ прямаго пути къ своему счастію. Съ одной стороны, онъ уже избѣгаетъ принужденія; съ другой, еще не владѣетъ нравственнымъ чувствомъ—разумнымъ познаніемъ добра. Различныя склонности имѣютъ еще перевѣсъ надъ закономъ долга и не позволяютъ дѣйствовать по разумнымъ началамъ воли. Если юное сердце не образовано въ первомъ возрастѣ, то отъ него нельзя ожидать ни доброжелательства, ни великодушія, ни справедливости. Если въ отрочествѣ разумъ и сердце дѣйствуютъ отдѣльно, то и въ юности цѣль нравственности не достигается. Оттого столь рѣдки успѣхи воспитанія. Многіе, выходя на свою волю, предаются мечтательности. Непроникнутый чувствомъ религіознымъ юноша жалокъ: онъ лишенъ главной опоры — бродитъ между безднами пороковъ.

Кромѣ общихъ психологическихъ законовъ воспитанія, каждому человѣку свойственъ особенный способъ образованія; каждый, по своимъ душевнымъ силамъ, самою природою отличается отъ другихъ. Отсюда слѣдуетъ, что сангвиника и холерика надлежитъ иначе воспитывать, нежели меланхолика или флегматика,—постояннаго отлично отъ вѣтреннаго,—чувственнаго не такъ, какъ суроваго, — кроткаго и послушнаго не одинаково съ дерзкимъ и упрямымъ,—одареннаго талантами еще иначе, нежели того, кто успѣваетъ однимъ неутомимымъ

стараніемъ. Одного надлежитъ поощрять, другаго воздерживать; одного надобно увѣщевать и беречь, другаго подстрекать и даже наказывать. Какимъ же образомъ вывести изъ сего частныя правила для воспитанія? Не должно подавлять въ дитяти того, къ чему природа его назначила; не потушать въ юной душѣ искры господствующей способности, не выставлять себя образцомъ при его воспитаніи, не направлять его согласно съ своимъ направленіемъ. Можетъ быть, оно опредѣлено къ лучшему назначенію, нежели каково наше собственное; а потому, сколько возможно, необходимо избѣгать односторонности. Гдѣ какое либо направленіе становится господствующимъ, гдѣ одна какая либо способность развертывается въ высшей степени, тамъ легко можетъ нарушиться гармонія прочихъ силъ, нужныхъ къ составленію цѣлаго. Нельзя ожидать успѣховъ въ воспитаніи, когда одна изъ низшихъ силъ присвояетъ себѣ господство. Такъ иногда воображеніе превращаетъ желанія въ страсти, чувство въ изнѣженность, разумъ устремляется къ затруднительнымъ и утончоннымъ изслѣдованіямъ. Одна изъ способностей, преимущественно возвышенная, подчиняетъ себѣ прочія, производитъ односторонность и не допускаетъ возрасти ничему великому. Здѣсь въ особенности должно обращать вниманіе на законъ развитія, обнаруживающійся постояннымъ стремленіемъ отъ низшаго къ высшему, отъ чувственнаго къ духовному.

И такъ два, повидимому противоположныя, правила представляются воспитателю: первое требуетъ, чтобы не останавливать въ юношѣ ни одного врожденнаго

добраго влеченія, не ослаблять ни одной силы, ни одной способности, потому что всѣ онѣ необходимы въ цѣломъ организмѣ: природѣ нужна свободная игра ея силъ; другое правило заставляетъ уничтожать одностороннее направленіе для того, чтобы согласіе цѣлаго непрестанно болѣе и болѣе развивалось. То, что называемъ мы геніемъ, не есть какая либо особенная способность, но отраженіе цѣлаго въ одной какой либо силѣ душевной. Поэтому не искореняйте въ человѣкѣ того, къ чему природа его назначила; но старайтесь господствующее направленіе вести такъ, чтобы оно служило основаніемъ цѣлаго и гармонически сливалось съ прочими душевными силами. Такимъ образомъ вы избѣгнете односторонности, а врожденное доброе сѣмя сбережете и возрастите. Воспитателю не нужно преслѣдовать каждый шагъ дитяти, безпрестанно хвалить его или порицать: пусть дѣйствуютъ природныя его склонности; нужно только наблюдать за ихъ развитіемъ, отдѣлять излишнее и вредное, благородныя чувства обращать въ склонности, понятіямъ сообщать теплоту. Тогда воля будетъ охранена двумя могучими дѣятелями—умомъ и чувствомъ. Долгъ истинно полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ сообщеніи разнообразныхъ свѣденій, но въ совокупности и образованія вкуса, и просвѣщенія ума, и благородствованія сердца.

Вотъ нѣсколько совѣтовъ Психологіи (наука о душѣ) касательно *согласованія воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей.* Наука самопознанія должна служить основаніемъ и воспитанію, или развитію само-

познанія. Родители, воспитатели и наставники! напитывайте юные сердца христіанскими добродѣтелями: *надеждою, вѣрою* и *любовію*. Въ надеждѣ сосредоточиваются всѣ чувствованія терпѣнія и великодушія; въ любви — стремленіе къ самопожертвованію для блага ближняго; въ вѣрѣ — всѣ нравственныя обязанности. Всѣ эти качества непримѣтно сообщаются воспитанникамъ. Они не пріобрѣтаются изученіемъ; но человѣкъ самъ воспитываетъ ихъ въ себѣ по примѣру другихъ. Ученіе даруетъ намъ только то, что̀ составляетъ предметъ размышленія; но все, что̀ образуетъ сердце, воспитанникъ перенимаетъ отъ тѣхъ, которые его окружаютъ и усвояетъ себѣ въ теченіе жизни. Дѣянія и поступки наши — вотъ его наставники. Неоспорима истина, что все исходящее отъ сердца, возвращается къ сердцу. Если воспитатель самъ не имѣетъ добрыхъ качествъ, то никогда не раскроетъ ихъ въ своемъ воспитанникѣ, и всѣ нравственныя наставленія его будутъ только предметомъ памяти и разума. Одни только поступки наши возбуждаютъ другихъ къ подражанію; чувства согрѣваются лишь чувствами. Желаніе настроить волю питомца не приноситъ никакой пользы, если не подтверждается въ глазахъ его примѣромъ. Юность требуетъ живаго образца, которому подражаетъ во всякое время, и старается образовать полученныя отъ природы способности. Въ этомъ состоитъ вся тайна воспитанія.

НѢЧТО О МАРАЛИ, ОСНОВАННОЙ НА ФИЛОСОФІИ И РЕЛИГІИ.

(Соч. К. Батюшкова).

Боже великій! что такое умъ человѣческій въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытности и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ вѣры, безъ сего путеводителя, и зоркаго, и строгаго, и снисходительнаго? Вѣра и нравственность всего нужнѣе писателю. Закаленныя въ ея свѣтильникѣ мысли его становятся постояннѣе, важнѣе, сильнѣе, краснорѣчіе убѣдительнѣе, воображеніе при свѣтѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и писатель поддержитъ достоинство человѣка на высочайшей степени. Какое бы поприще не протекалъ съ своею музою, онъ не унизитъ ея, ни оскорбитъ ея стыдливости, и въ памяти людей оставитъ пріятныя воспоминанія, благословенія и слезы благодарности. Лучшая награда таланту!

Невѣріе само себя разрушаетъ, говоритъ краснорѣчивый *Квинтилгіанъ* нашихъ временъ *(М. Н. Муравьевъ)*, который зналъ всю слабость гордыхъ вольнодумцевъ: онъ всю молодость провелъ въ станѣ непріятельскомъ. Одна вѣра созидаетъ мораль незыблемую. Священное писаніе, продолжаетъ онъ, есть хранилище всѣхъ истинъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія. Вѣра имѣетъ ключъ отъ сего хранилища, замкнутаго для коварнаго любопытства; вѣра обрѣтаетъ въ немъ свѣтъ спасительный. Невѣріе приноситъ въ него собственные мраки, которые бываютъ

тѣмъ густѣе, чѣмъ они произвольнѣе. Чтобъ быть выше другихъ людей, оно становится на высоты, окружонныя пропастями. Оттуда взоръ его, смутный и блуждающій, смѣшиваетъ всѣ предметы. Невѣріе мыслитъ обладать орлинымъ окомъ, и ничего не различаетъ. Не случалось ли вамъ путешествовать при первыхъ лучахъ денницы, путемъ, проложеннымъ по высокимъ горамъ, когда пары, отъ земли восходящіе, простираютъ со всѣхъ сторонъ туманную завѣсу, скрывающую горизонтъ, гдѣ изображается множество мечтательныхъ предметовъ, отъ смѣшенія свѣта со тьмою происходящихъ? По мѣрѣ того, какъ вы сходите съ высоты, сіе облако земное редѣетъ, разсѣвается; вы проникаете чрезъ него и находите на себѣ малые слѣды влаги, скоро изсыхающей. Тогда открывается и разширяется предъ вами необъемлемый горизонтъ: вы видите близъ лежащія горы, жатвы и стада, ихъ покрывающія, селенія человѣческія и холмы, надъ ними возвышенные; вся природа вамъ отдана снова: вотъ эмблема невѣрія и вѣры. Сойдите съ сихъ высотъ невѣрія, гдѣ вы ходите около пропастей неизмѣримыхъ, гдѣ взоръ вашъ встрѣчаетъ одни призраки; сойдите, говорю вамъ, призванные и поддержанные смиренной вѣрою, идите прямо къ симъ облакамъ обманчивымъ, восходящимъ отъ земли (они скрываютъ отъ васъ истину и являютъ одни обманчивые образы): сойдите и пройдите сквозь сію ничтожную преграду паровъ и призраковъ: она уступитъ вамъ безъ сопротивленія; она исчезнетъ—и ваши взоры обрѣтутъ не объемлемую перспективу истинъ, всѣ утѣшенія сего земнаго жилища и горѣ лазурь небесную.

Но для насъ исчезли всѣ призраки мудрости человѣческой. Къ счастію нашему, мы живемъ въ такія времена, въ которыя невозможно колебаться человѣку мыслящему; стòитъ только взглянуть на происшествія міра и потомъ углубиться въ собственное сердце, чтобы твердо убѣдиться во всѣхъ истинахъ вѣры. Весь запасъ остроумія, всѣ доводы ума, логики и учености книжной истощены передъ нами; мы видѣли зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Счастливые обитатели обширнѣйшаго края, мы не участвовали въ заблужденіяхъ племенъ просвѣщенныхъ: мы издали взирали на громы и молніи невѣрія, раздробляющіе и тронъ царя и алтарь истиннаго Бога; мы взирали съ ужасомъ на плоды несчастливаго вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленныхъ труповъ, на человѣчество униженное и оскорбленное въ священнѣйшихъ правахъ своихъ; съ ужасомъ и съ горестію мы взирали на успѣхи несчастныхъ легіоновъ,—на Москву, дымившуюся въ развалинахъ своихъ: но мы не теряли надежды на Бога, и ѳиміамъ усердія курился не тщетно въ кадильницѣ вѣры, и слезы и моленія не тщетно проливались передъ небомъ — мы восторжествовали. Оборотъ единственный, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра. Легіоны *непобѣдимыхъ* затрепетали въ свою очередь. Копье и сабля, окропленныя святою водою на берегахъ тихаго Дона, засверкали въ обители нечестія, въ виду храмовъ, безбожіемъ сооруженныхъ: и знамя Москвы, Вѣры и чести водружено на мѣстѣ величайшаго преступленія противъ Бога и человѣчества.

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покушенія злобы и невѣрія и сіяющее торжество невинности, человѣколюбія и религіи? Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ нужды не имѣетъ.

Съ зарею наступающаго міра, котораго мы видимъ сладостное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣлаетъ новые шаги въ Отечествѣ нашемъ: снова процвѣтутъ промышленность, искусства и науки, и всѣ сладостныя надежды сбудутся; у насъ, можетъ быть, родятся философы, политики и моралисты, и долгомъ поставятъ основать ученіе на истинахъ Евангелія, кроткихъ, постоянныхъ и незыблемыхъ, достойныхъ великаго народа, населяющаго страну необозримую—достойныхъ Великаго, имъ управляющаго.

СИЛА УМА И СИЛА ФИЗИЧЕСКАЯ.

Саллюстій Криспъ, въ своей исторіи заговора Катилины, говоритъ:

«Каждому человѣку желающему отличиться отъ прочихъ животныхъ, надобно стараться всѣми силами, чтобъ не провесть жизнь свою въ забвеніи и не уподобиться скотамъ, въ которыхъ дѣйствуютъ однѣ лишь низкія побужденія природы. Человѣкъ состоитъ изъ духа и тѣла. Первый управляетъ послѣднимъ, какъ своимъ рабомъ; первымъ мы уподобляемся богамъ; а второе имѣемъ общее со всѣми животными. По этому, мнѣ кажется, приличнѣе гордиться твореніями ума, нежели твореніями

силы физической, и увѣковѣчить память о себѣ, сколько то возможно по кратковременному продолженію нашей жизни».

«Добиваться богатствъ или волочиться за красотою— это не прочно и не надежно; одна доблесть всегда и во всякое время даетъ прочную славу. Долго спорнымъ вопросомъ было у людей: что̀ въ военномъ дѣлѣ имѣетъ болѣе важности: сила тѣла, или сила ума?—дѣло, которое хотимъ начать, требуетъ ума, чтобы его хорошенько обдумать; а обдумавъ надо силы, чтобы привесть рѣшеніе въ исполненіе. И такъ собственно говоря, та и другая, взятыя порознь слабы и недостаточны и нуждаются во взаимной одна другой помощи».

«Въ первыя времена люди добивались верховной власти, одни дарами ума; а другіе силами физическими. Тогда еще не такъ сильно дѣйствовала алчность; каждый довольствовался своимъ. Въ послѣдствіи времени въ Азіи *Киръ,* а въ Греціи *Лакедомоняне* и *Аѳиняне* начали покорять города и народы, имѣя поводомъ къ войнѣ лишь страсть къ господству и полагая славу въ обширности владѣній; тогда-то и опасности и обстоятельства дѣла показали, что и въ войнѣ главнѣйшую роль играетъ умъ».

«Еслибъ люди, обладающіе верховною властію, имѣли одинаковыя способности и добродѣтели для войны и въ мирное время, то не такъ бы часто случались перевороты, и событія исторіи человѣческой не представляли бы такого хаотическаго разнообразія. Власть упрочивается и поддерживается тѣми же средствами и добле-

стями, какими пріобрѣтается сначала. Когда же дѣятельность и трудъ смѣнится праздностью, справедливость и умѣренность уступитъ свое мѣсто дурнымъ страстямъ; то перемѣна нравственности влечетъ за собою и перемѣну счастія; а потому власть всегда бываетъ удѣломъ достойнѣйшаго. Земледѣліе, торговля, искусства все это зависитъ отъ доблести человѣческой. Но большая часть людей предпочитаетъ всему насыщеніе желудка и сонъ, не воздѣлываетъ ума и не обогащаетъ его; а проходитъ поле жизни какъ странники безъ цѣли, противъ закона природы, пожертвовавъ ее одному тѣлу, душу же считая за безполезное бремя. Жизнь и смерть такихъ людей равно предаютъ забвенію. Только тотъ, по моему, достоинъ жить и пользоваться жизнью, кто, избравъ своей дѣятельности благородную цѣль, добивается славы или прекрасными дѣяніями, или прекрасными произведеніями. А назначеніе каждому свое природа сама указываетъ въ своемъ дивномъ разнообразіи».

ЧЕЛОВѢКЪ СОЗДАНЪ СЪ НАДЕЖДОЮ НА БЕЗСМЕРТІЕ.

(По Гердеру).

Не ожидайте здѣсь доказательствъ метафизическихъ о безсмертіи души. Нашъ умъ — начало земное — не въ состояніи вполнѣ доказать того, что не есть земное. Притомъ сужденія метафизическія возбудили бы болѣе сомнѣній, нежели ясныхъ началъ истинъ. Не станемъ также искать мѣста и свойства души въ нашемъ голов-

номъ мозгѣ, части котораго всѣ суть матеріальныя, тлѣнныя. Но мы вникнемъ въ нашу природу, чтобы услышать ея голосъ.

Человѣкъ сохраняетъ въ своей памяти умершихъ друзей, предковъ; раздѣляетъ съ ними ихъ судьбу; заботится о благѣ своихъ дѣтей, потомства, о своей славѣ; стремится заслужить добрую о себѣ память и страшится порицанія позднѣйшихъ вѣковъ, какъ будто самъ можетъ ихъ слышать; однимъ словомъ размышляетъ о томъ, что̀ происходитъ внѣ его матеріальнаго состава и что послѣдуетъ по разрушеніи его. Посредствомъ преданій и памятниковъ сообщаются и трактуютъ древнѣйшіе роды съ позднѣйшими. Повсюду видны творенія человѣка, простирающіяся далеко и очень далеко за предѣлы земной жизни. Ни въ одномъ родѣ животныхъ не замѣтно и тѣни тому подобнаго; между тѣмъ все это суть явные знаки присущаго въ немъ начала безсмертія, которое человѣкъ начинаетъ уже предчувствовать въ настоящемъ его матеріальномъ составѣ хотя и не совсѣмъ ясно; онъ часто теряется въ мечтахъ; но и самыя его мечты возвышенны, безсмертны. Онъ колеблется еще сомнѣніями, какъ вдругъ является ему на помощь *святая религія,* которая, это темное, непонятное предчувствіе возводитъ на степень вѣроятности.

Человѣкъ въ этомъ мірѣ видитъ безчисленное множество началъ вещей; но конца ихъ разгадать или постигнуть не можетъ: сколько неразрѣшенныхъ задачъ! Сколько тщетныхъ усилій!... Какъ часто онъ, достигнувъ той цѣли, которой долго стремился, познаетъ лишь ея

нищету и впадаетъ въ грусть и уныніе, чувствуя въ душѣ какую-то пустоту. Какъ часто онъ въ жизни, гоняясь за однимъ предметомъ, никогда его не достигаетъ и оставляетъ міръ сей, не окончивъ и въ половину того, что предпринялъ. Сколько въ видахъ его является картинъ по его понятіямъ то превосходныхъ, то гнусныхъ и отвратительныхъ; то онъ восхищается зрѣлищами красоты и гармоніи; то поражается ужасами безпорядка и неустройства; то, восхищаемый величіемъ природы, паритъ духомъ къ небесамъ, управляя самыми стихіями, подобно какому либо божеству; то, подавляемый низкими плотскими побужденіями, низвергается въ преисподнюю; то въ порядкѣ стеченія дѣлъ видитъ стезю премудраго промысла; то теряетъ ее изъ вида — заблуждается. Вотъ какимъ міръ представляется человѣку матеріальному! Вездѣ призраки, превратности, непостоянство, противорѣчія, непроницаемый мракъ. Но среди этаго бурнаго, мятежнаго хаоса, гдѣ много начато и ничто не окончено, человѣкъ начинаетъ усматривать вдали какое-то слабое, тусклое мерцаніе свѣта, и это собственно мерцаніе ни болѣе ни менѣе какъ *искра его безсмертія,* его единственное утѣшеніе и надежда. Чѣмъ болѣе онъ углубляется въ размышленіе, тѣмъ болѣе приходитъ къ убѣжденію, что его земное состояніе не есть существенное и постоянное; но что оно только предуготовительное, — оно младенческій возрастъ безсмертнаго. Тамъ, человѣкъ, въ совершеннѣйшемъ состояніи увидитъ все въ другомъ видѣ; тамъ разрѣшатся для него многія задачи, исполнятся многія начинанія; тамъ вмѣсто хаоса явится поря-

докъ, единство; — вмѣсто мрака возсіяетъ свѣтъ. Иначе человѣкъ не можетъ согласить правосудія своего создателя съ своимъ назначеніемъ, — согласить врожденнаго стремленія къ познаніямъ съ кратковременною земною жизнію; не можетъ согласить дарованнаго ему чувства любви къ прекрасному и справедливому, съ безпрестанными превратностями міра сего, съ постоянною борьбою ума и чувствъ. Кромѣ того надежда на безсмертіе внушена человѣку самою природою, указана предвѣчными законами—чтò подтверждаютъ *вѣра* и *разсудокъ*—когда человѣкъ сознаетъ Верховное Существо — Бога; а Онъ Премудръ и Правосуденъ; Его волѣ было угодно влить въ душу человѣка жажду къ безсмертію и *человѣкъ* уже *безсмертенъ!..*

Человѣкъ! твоими судьбами, для тебя непостижимыми управляетъ Творецъ; да исполнится Его святая воля. Ты не одинъ, но соединенъ невидимыми нитями съ безчисленными мірами и силами; положись на Него. Онъ лучше знаетъ какъ и куда должно тебя вести. Укрѣпись вѣрою въ Его благость и мудрость и ты блаженъ, сто кратъ блаженъ!..

Но человѣкъ стремиться далѣе; онъ и въ настоящемъ своемъ матеріальномъ составѣ желаетъ имѣть понятіе, болѣе ясное о своемъ безсмертіи, о своемъ преобразованіи послѣ земной жизни; хочетъ имѣть для колеблющагося своего ума убѣдительнѣйшія на то доказательства; но тутъ его желанію уже предѣлъ—дверь заперта. Намъ надлежало бы искать всего этого во *внутренней силѣ вещей;* но и туда проникнуть мы не можемъ: Провидѣ-

ніе скрыло ее отъ насъ. Нашему созерцанію представляются одна внѣшность и дѣйствія внутреннихъ силъ. Мы можемъ только ихъ сравнивать и изъ хода ихъ въ кругу міра видимаго, изъ общаго господствующаго ихъ сходства въ дѣйствіи можемъ составить себѣ нѣкоторыя понятія и положить ихъ въ основаніе нашей надежды.

Но да не устрашитъ насъ мысль, что мы въ здѣшней жизни не знаемъ другихъ способовъ къ постиженію истины, кромѣ вѣса, мѣры и числа, и что наши предположенія и соображенія подвержены ошибкамъ. Дѣйствительно есть много примѣровъ, въ которыхъ изслѣдованія человѣческія оказывались тщетными; но за то есть много и такихъ, въ которыхъ люди посредствомъ сравненій и соображеній угадывали истину и даже величайшія тайны природы. А въ обыкновенныхъ житейскихъ обыденныхъ случаяхъ развѣ всѣ вещи мы опредѣляемъ единственно посредствомъ вѣса и мѣры?.. Между тѣмъ мы ежедневно должны опредѣлять и угадывать, и какъ часто мы угадываемъ весьма вѣрно, съ помощію нашего разсудка. Сама природа призвала насъ къ мышленію и сужденію: такъ не пощадимъ же труда обратиться къ тѣмъ средствамъ, кои самымъ Творцомъ предоставлены нашему созерцанію и изслѣдованію и увидимъ...

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ЖИВОТНЫМЪ, И КОНЕЦЪ ЕГО ЖИЗНИ *).

Человѣкъ, созданный для высшей духовной жизни, въ первыя минуты рожденія на свѣтъ является существомъ самымъ слабымъ, которое безъ призрѣнія матери или заступающихъ ея мѣсто должно было бы погибнуть. Тѣло человѣка сколь ни кажется малымъ, въ сравненіи съ исполинскими тѣлами царства животнаго, но организмъ его несравненно совершеннѣе ихъ. Внѣшнія чувства ни у одного животнаго не находятся въ такой между собою гармоніи, какъ у человѣка. Ни одно животное не можетъ питаться столь разнообразной пищей и питіями, какъ человѣкъ. Человѣкъ, въ порядкѣ міроздaнія, какъ твореніе послѣднее, заключающее собою актъ сотворенія, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ совершенства матеріальныя и духовныя. Матеріальными силами онъ превосходитъ всѣхъ животныхъ, равной съ нимъ величины; а сильнѣйшихъ съ помощію оружія и тому подоб. побѣждаетъ искусствомъ. Съ духовной стороны никакого сравненія нельзя сдѣлать между человѣкомъ и животною тварью, когда коснемся нравственныхъ началъ, которыхъ она совершенно лишена. Для извѣстнаго употребленія она дѣйствительно можетъ быть пріучена и можетъ принимать нѣкоторыя мнимыя нравственныя начала; но она не способна для дальнѣйшихъ усовершенствованій; между тѣмъ какъ человѣкъ, до самой глубокой старости

*) Изъ «Учоныхъ Записокъ» Казан. Унив., 2 книжки за 1858 г.— изъ статьи заслуж. проф. *В. Берви*: «Физіологико-Психологическій взглядъ на начало и конецъ жизни».

можетъ расширять кругъ своихъ знаній, хотя никогда не достигаетъ полнаго въ томъ совершенства.

Человѣкъ выходитъ изъ круга чувственности, сосредоточивается внутри себя, возвышается до самосознанія, дѣлается личностію. При этомъ развитіи духъ его проявляется существомъ самодѣятельнымъ, одареннымъ свободною волею; тогда какъ животная тварь подчиняется всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ.

Въ цѣломъ мірозданіи одинъ только человѣкъ самъ себѣ подлежащій; остальной міръ въ отношеніи къ нему имѣетъ лишь бытіе предметное (т. противоположное). Одинъ только человѣкъ познаетъ міръ и въ мірѣ Творца, что̀ не можетъ быть безъ яснаго сознанія. Сознаніе животныхъ тварей есть только мірознаніе; онѣ понимаютъ внѣшній міръ за нѣчто дѣйствующее на ихъ чувства и посредствомъ памяти сличаютъ настоящій случай съ подобными предшедшими, и приступаютъ къ дѣйствіямъ соотвѣтственно результату сличеній; не заботясь нимало о причинѣ явленій, онѣ понимаютъ за неразлучно соединенное то, что одинъ или нѣсколько разъ повторилось тождевременно или послѣдовательно. Побои собакъ за украденный кусокъ говядины не служатъ наказаніемъ за проступокъ, а для нея все идетъ одно за другимъ такъ, какъ погруженіе ногъ въ воду, когда она шагаетъ по лужѣ.

Человѣкъ, по своей организаціи, принадлежитъ природѣ; онъ составляетъ звѣно той цѣпи существъ, которую называемъ мы міромъ; но будучи поставленъ на высшую степень оргарническаго образованія, представляетъ собою

отдѣльное цѣлое, міръ въ маломъ видѣ (микрокосмъ). По своей духовной природѣ человѣкъ принадлежитъ человѣчеству, и какъ членъ его долженъ содѣйствовать къ развитію его и принимать участіе въ благосостояніи цѣлаго, подобно тому какъ каждый изъ отдѣльныхъ органовъ его тѣла участвуетъ въ сохраненіи цѣлости всего тѣла. Получивши, въ свою очередь, свой удѣлъ изъ преуспѣянія цѣлаго человѣчества, онъ восходитъ на высшую степень возможнаго совершенства: онъ познаетъ Творца вселенной и свое отношеніе къ Нему. У животной твари мы и тѣни этого не находимъ.

Въ природѣ все относится къ человѣку, какъ къ духовному центру: онъ каждому предмету дѣлаетъ достойную оцѣнку. До сотворенія человѣка природа представляла царство безъ царя; каждая тварь существовала независимо одна отъ другой; явился человѣкъ — и вся природа стала ему подвластна *). Въ странахъ приполярныхъ онъ разводитъ огонь посредствомъ солнечныхъ лучей; а въ странахъ экваторіальныхъ превращаетъ воду въ ледъ. Изъ странъ сѣверныхъ онъ переселилъ растенія и животныхъ въ страны тропическія, и растенія тропическія сдѣлались украшеніемъ нашихъ теплицъ и садовъ. Лошадь служитъ ему своею силою; рогатая скотина питаетъ его мясомъ и молокомъ; баранъ одѣваетъ его своимъ руномъ; собака охраняетъ его имущество; кошка очищаетъ его домашество отъ мелкихъ хищныхъ животныхъ. Шелковичные сѣмена онъ перевезъ изъ Азіи въ Европу, гдѣ и размножаетъ червей

*) Кн. Бытія гл. I, ст. 26—28; гл. II, ст. 23.

по произволу, и они доставляютъ ему матеріалъ для тканей, служащихъ ему украшеніемъ. Ему повинуются самые свирѣпые звѣри: Левъ, Тигръ, Змѣя и мн. др. Какъ съ восходомъ солнца разсѣвается густой туманъ, въ которомъ все скрывается какъ въ хаосѣ; такъ съ появленіемъ человѣка въ міръ все озаряется свѣтомъ духа и хаосъ міра принимаетъ стройный видъ. Въ пылающихъ точкахъ ночнаго неба онъ читаетъ всемогущество Бога; въ громѣ онъ внимаетъ его гулу. Океанъ представляетъ ему безпредѣльность пространства; громадныя массы скалъ вселяютъ въ грудь его благоговѣніе; живописная долина говоритъ его сердцу; инстинктъ животныхъ тварей возбуждаетъ въ немъ любознательность. Въ общемъ строе окружающаго его міра онъ находитъ отраженіе стройности его внутренняго духовнаго міра. Вспомнимъ какъ въ вдревности пылкая Греція населяла міръ духовно-фантастическими существами, напр. въ деревѣ обитала покровительница его *Дріада;* въ ручейкѣ плескалась *Наяда;* въ тростникѣ стонала испуганная *Нимфа;* въ горахъ повторяетъ слова проходящихъ болтливая *Эхо*. Съ дыханіемъ человѣка все оживляется...

Человѣкъ, рожденный со способностями какъ тѣлесными, такъ и духовными, долженъ непремѣнно развить какъ тѣ, такъ и другія; хотя это не всѣмъ одинаково удается: иному препятствуетъ особенное устройство его тѣла; другому не благопріятствуютъ внѣшнія обстоятельства, а иному все благопріятствуетъ, и такой человѣкъ проявляется существомъ геніальнымъ, творящія силы котораго изумляютъ еще отдаленнѣйшее потомство, хотя

современники его не всегда бываютъ къ нему справедливы. Въ области наукъ эти силы часто еще не вырабатываются для новой идеи генія, опередившаго свой вѣкъ; или, въ области практической жизни, современники называютъ счастливымъ то, что дѣлаетъ честь только умѣнью пользоваться случаемъ и обстоятельствами. *Суворовъ* говаривалъ: *сегодня счастье, завтра счастье: надобно же когда нибудь быть и умѣнью*. Во Франціи, въ концѣ XVIII столѣтія, всѣмъ былъ открытъ путь къ верховной власти; одинъ только *Наполеонъ* умѣлъ воспользоваться обстоятельствами и сѣсть на престолъ *Бурбоновъ*. Сотни тысячь людей видѣли падающіе съ деревьевъ плоды, между тѣмъ одинъ *Ньютонъ* умѣлъ употребить наблюденіе, и на паденіи яблока съ дерева основалъ свою безсмертную *теорію тяготѣнія* (притяженія), которая блистательнымъ образомъ оправдана открытіемъ планеты *Нептунъ,* которую по всей справедливости слѣдовало назвать именемъ Ньютона.

Человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ является чѣмъ то особенно присущимъ, такъ что все входящее въ область его духа, лишаясь матеріальности и не стѣсняясь предѣлами пространства, превращается въ явленіе духовное, въ идею, и, главное, не подлежитъ тлѣнію. Въ нашей душѣ покоятся безчисленныя идеи, которыя, по видимому, уже исчезли; но при первомъ возбужденіи, произвольномъ или непроизвольномъ, снова являются предъ окомъ духа. Все, что однажды сдѣлалось собственностію духа, неистребимо, тогда какъ все вещественное или матеріальное разрушается и изъ развалинъ

составляются новыя тѣла, другаго рода и другихъ отличительныхъ свойствъ.

Смотря на глубокую рѣку намъ кажется, что мы имѣемъ передъ собою одну и ту же массу воды, тогда какъ нѣтъ секунды, въ которой одна и та же капля воды оставалась бы на одномъ и томъ же мѣстѣ; точно также и въ нашемъ тѣлѣ, повидимому неизмѣняемомъ, безпрерывно мѣняются его составныя частицы. Если сядемъ на чувствительныя вѣсы, то найдемъ, что чрезъ нѣсколько минутъ мы становимся легче, а въ сутки, чрезъ испареніе теряемъ около четырехъ фунтовъ вѣсу. Лѣтомъ, и въ тепломъ мѣстѣ теряемъ больше, зимою меньше. Эта потеря возстановляется извнѣ пищею, питьемъ и воздухомъ при дыханіи. Въ первые дѣтскіе и юношескіе годы жизни это возстановленіе совершается съ избыткомъ, такъ что тѣло въ объемѣ увеличивается, потомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оно уравновѣшивается, и, наконецъ, становится скуднѣе. Вслѣдствіе чего органы тѣла лишаются силы противодѣйствія, отклоняются отъ своей нормы и организмъ, постепенно ослабѣвая, перестаетъ быть организмомъ, теряется жизненность и, наконецъ, человѣкъ, испуская послѣдній вздохъ — совсѣмъ умираетъ. Тѣло, лишившись индивидуальной жизни, превращается въ трупъ.

Эта потеря жизненности совершается постепенно, такъ что жизнь угасаетъ незамѣтнымъ образомъ во снѣ или въ продолжительномъ обморокѣ, который у стариковъ иногда продолжается нѣсколько сутокъ—состояніе въ которомъ нѣтъ возможности опредѣлить настоящую

минуту смерти, и потому легко можетъ случиться, что неопытный человѣкъ приметъ еще живаго человѣка за трупъ и наоборотъ—трупъ можетъ принять за живаго: но это послѣднее обстоятельство не опасно, между тѣмъ какъ первая ошибка можетъ сопровождаться опасностію погребенія человѣка живымъ. Иные, напротивъ, умираютъ мгновенно, среди ихъ занятій, въ дружеской бесѣдѣ, или въ постелѣ, легши спать совершенно здоровыми. Въ первомъ случаѣ смерть начинается отъ окружности къ центру; а въ послѣднемъ отъ центральныхъ органовъ: мозга, сердца, легкихъ. Прекращеніе отправленія одного изъ этихъ органовъ влечетъ за собою быстрое прекращеніе отправленія другихъ, и такъ весь механизмъ, лишенный своихъ главныхъ пружинъ, останавливается. Иногда, при кончаніи, умирающіе сохраняютъ полное самосознаніе до послѣдней минуты жизни. Напр. Людовикъ XIV, умирая, вдругъ проговорилъ: «Вотъ насталъ часъ, я чувствую, что жизнь улетаетъ; я думалъ, что умереть гораздо тяжелѣе» и глубокій вздохъ окончилъ его жизнь. Одна дама, предчувствуя смерть, ухватилась руками за свою голову и закричала «вотъ смерть!» и тутъ же скончалась. Другіе задолго предвидятъ смерть и ожидаютъ ее съ совершеннымъ спокойствіемъ духа. — Союзная связь между тѣломъ и духомъ становится слабѣе, земная оболочка не въ состояніи вмѣщать въ себя объемъ заключенной въ ней духовной жизни. Бутонъ не можетъ болѣе вмѣщать въ себя развертываніе цвѣтка и стремленія его къ свѣту — разрывается, и послѣдній проглядываетъ сквозь разорванное мѣсто; точно также и духъ нашъ, ос-

вобождаясь отъ оковъ тѣла, вкушаетъ блаженство высшаго духовнаго міра: все свидѣтельствуетъ о томъ, что̀ происходитъ въ душѣ умирающаго человѣка: черты его лица, его голосъ, его рѣчь. *Бурдахъ* приводитъ нѣсколько примѣровъ, какъ нѣкоторые передъ кончиною съ восторгомъ разсказывали о томъ, что̀ ихъ ожидаетъ. Знаменитый профессоръ *Шлейермахеръ* съ восторгомъ разсказывалъ о своихъ убѣжденіяхъ. Иные желали въ послѣдній разъ насладиться жизнію. Извѣстный Ж. Ж. Руссо умеръ у открытаго окна, любуясь картинами природы. Другіе желали припомнить свою прежнюю дѣятельность. Когда графу Мансфельдту врачи объявили, что ему осталось жить только нѣсколько часовъ, то онъ приказалъ одѣть себя въ мундиръ, опоясался мечемъ и, опираясь на плеча двухъ офицеровъ, стоя скончался, 46 лѣтъ отроду. Такъ умираютъ тѣ, кои во время окончили свои расчеты съ судьбою, или кто жилъ соотвѣтственно словамъ апостола Павла *). Онъ ожидаетъ перехода въ лучшій міръ не со страхомъ, а съ умиленіемъ сердца.

Ужасны предсмертныя минуты, когда человѣкъ, въ борьбѣ съ самимъ собою и съ своею участью, дѣлаетъ послѣднія усилія, чтобы отсрочить роковой моментъ. Душа утопавшая въ чувственности, уцѣпляясь за взлелѣянное ею обиталище, не хочетъ разстаться съ единственнымъ для нея благомъ въ мірѣ. Ея взоры, въ безднѣ чувственныхъ побужденій, никогда не простирались далѣе предѣ-

*) «Посему мы не унываемъ; но если внѣшній нашъ человѣкъ и тлѣетъ, то внутренній со дня на денъ обновляется и проч.» Втор. Посл. св. Павла къ Корин. гл. IV, отъ ст. 16 до 18.

ловъ земной жизни. Въ оковахъ тѣла она теряетъ свое преобладаніе надъ матеріею, силы которой, всегда слабо обуздываемыя, передъ кончиной совершенно освобождаются и вступаютъ съ нею въ борьбу, проявляющеюся *агоніей.* Отчаяніе выражается въ чертахъ лица, глаза закатываются въ своихъ ямкахъ и наводятъ ужасъ на окружающихъ; руки судорожно сжимаются и ловятъ ближайшіе предметы, какъ будто хотятъ удержать улѣтающую жизнь; грудь вздымается, дыханіе, сопровождаемое храпѣніемъ, вмѣстѣ съ воздухомъ извергаетъ густую пѣну. Затѣмъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, все на время утихаетъ, и потомъ борьба снова начинается, но уже съ меньшими усиліями и не такъ продолжительно и, наконецъ, съ послѣднимъ вздохомъ. водворяется покой; — искаженныя черты лица теряютъ выраженіе ужаса — по нимъ разливается спокойствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что душа въ этой предсмертной сценѣ играетъ весьма важную роль. Кому изъ врачей неизвѣстно вліяніе души на возбужденіе и на укрощеніе нервныхъ припадковъ, и кто не пользовался силою воли въ нервныхъ болѣзняхъ? Не мало тому примѣровъ, какъ угасающая жизнь длилась до желаемаго момента, ожидаемаго съ полнымъ спокойствіемъ, по минованіи котораго все оканчивается.

И такъ все и самая смерть убѣждаетъ насъ въ томъ, что истинное бытіе человѣка въ этомъ мірѣ есть духовное; а матерія или вещественность составляетъ только явленіе, внѣшнюю, такъ сказать, оболочку.

Подобно какъ зародышь плода въ своемъ вмѣстилище

развивается для другаго міра, при содѣйствіи вспомогательныхъ оболочекъ, свергаемыхъ и предаваемыхъ тлѣнію по выходѣ плода въ новый міръ, т. е. по рожденіи младенца; такъ и духъ человѣка, развиваясь при содѣйствіи своего тѣла, готовится для жизни въ другомъ мірѣ, и при переходѣ въ него, т. е. въ минутахъ смерти, свергаетъ съ себя этотъ апаратъ общенія своего съ міромъ вещественнымъ. Какое значеніе для плода имѣетъ его рожденіе, такое значеніе для духа имѣетъ смерть.

Подобно какъ между зародышемъ плода и его утробнымъ вмѣстилищемъ не существуетъ непосредственнаго сообщенія, но оно совершается посредствомъ извѣстныхъ плодовыхъ оболочекъ; такъ не существуетъ непосредственнаго сообщенія между духомъ и внѣшнимъ міромъ, который, способствуя развитію духа, для него имѣетъ такое значеніе, какое для плода имѣетъ его вмѣстилище; тогда какъ тѣло, служа посредствующимъ дѣятелемъ между духомъ и внѣшнимъ міромъ замѣняетъ плодовыя оболочки.

Подобно какъ правильность и неправильность развитія плода зависитъ отъ состоянія плодовой оболочки; такъ и состояніе духа зависитъ отъ состоянія тѣла: «въ здоровомъ тѣлѣ здоровая и душа (in corpore sono mens sana)» говоритъ латинская пословица. У кого не въ нормальномъ порядкѣ тѣло; у того умъ или тупой, или не развитой, у того сужденія носятъ отпечатокъ несовершенства своего посредника, сообщающаго духу впѣчатлѣнія, воспринятыя изъ среды внѣшняго міра, доставляющаго духу потребныя для его развитія матеріалы. Если

бы духъ не находилъ въ мірѣ средства для своего развитія и совершенствованія, онъ не былъ бы зависимъ отъ него; но этому противорѣчитъ вліяніе климата, мѣстопребыванія, образа жизни, состояніе погоды и т. п. на временное и постоянное состояніе духа. Подобно какъ духъ для своего развитія имѣетъ потребность въ вещественной природѣ; такъ съ другой стороны онъ только посредствомъ вещественныхъ орудій, т. е. посредствомъ своего тѣла, можетъ дѣйствовать на природу и производить такія соотношенія между тѣлами природы, какія ему необходимы. Человѣкъ подвергаетъ разныя тѣла природы опытамъ, напр. вліянію теплоты, свѣта, смѣшиваетъ разнородныя тѣла между собою, потомъ наблюдаетъ явленія, сопровождающія опыты, основываетъ на нихъ свои сужденія и умозаключенія и чрезъ то, расширяя кругъ своихъ знаній способствуетъ развитію своего духовнаго бытія. Но это развитіе требуетъ времени частію для достиженія надлежащей зрѣлости органовъ тѣла, а частію, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти надлежащій запасъ матеріаловъ для духовной дѣятельности.

Таже самая природа, которая сообщаетъ духу матеріалы для расширенія круга его знанія, служитъ вмѣстѣ и для усовершенствованія его нравственной стороны.—Умъ человѣческій, слѣдя со вниманіемъ за явленіями въ природѣ, не можетъ не удивляться стройности и порядку, съ какими все совершается въ окружающемъ его мірѣ. Вездѣ встрѣчаетъ онъ признаки управленія невидимой руки Премудраго Создателя *) и, исполняясь духомъ благого-

*) «Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созда-

вѣнія, еще болѣе возбуждается любознательностію. Въ твореніи онъ познаетъ Творца и восхищается этою мыслію. Изъ всѣхъ твореній одинъ лишь человѣкъ, одаренный умомъ, этимъ свѣтильникомъ души *), возвышаясь мыслію къ Богу, чувствуетъ въ себѣ желаніе уподобиться Ему **). Съ этимъ желаніемъ рождается другое желаніе — сблизиться съ Нимъ, переселиться въ другой идеальный міръ. Это желаніе рождается въ каждомъ человѣкѣ, возвысившемся до степени самосознанія. Но, увы! къ познанію достойнаго, пріобрѣтаемыя имъ съ большимъ трудомъ познанія, относятся въ такомъ содержаніи, какъ свѣтъ полуденнаго солнца къ свѣту лампы, освѣщающей въ темную ночь только ближайшіе предметы и ту тропинку, по которой мы шествуемъ, давая возможность продолжать нашъ путь. Не унывая, однакожъ, онъ продолжаетъ свой путь съ тою надеждою, что этотъ мракъ, наконецъ, разсѣется, и все прояснится передъ окомъ его духа. Между тѣмъ животныя, коихъ бытіе оканчивается въ этомъ мірѣ, наслаждаются настоящими минутами жизни и заботятся только о своемъ тѣлѣ, съ паденіемъ котораго падаетъ для нихъ все...

Зародышь плода, въ своемъ вмѣстилище, не можетъ

нія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы такъ, что они безотвѣтны». Посл. Св. Павла къ Римл. гл. I. ст. 20.

*) «А намъ Богъ открылъ сіе Духомъ своимъ: ибо Духъ все проницаетъ, и глубины Божіи. Ибо кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ? Такъ и Божіяго никто не знаетъ кромѣ Духа Божія». Перв. посл. Св. Павла къ Коринѳян. гл. II, ст. 10, 11 и 39.

**) «...И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный». Матѳ. гл. V, ст. 48.

еще осуществить предназначенія организма, не находя въ немъ необходимыхъ для этого средствъ, напр. для дыханія воздуха, для зрѣнія свѣта и тому подобныхъ началъ. Все это доставляется ему по рожденіи на свѣтъ, т. е. по переходѣ его изъ міра малаго, утробнаго, въ большой земной міръ, — мѣсто, назначенное для его дѣятельности. Подобно этому духъ человѣка, встрѣчая въ своемъ тѣлѣ преграды къ развитію совершенному, побуждается чаять другаго міра, въ которомъ онъ, будучи освобожденъ отъ оковъ тѣла, найдетъ для своей дѣятельности болѣе свободы. А изъ этого ясно, что для духа человѣка столько же необходима его смерть, сколько для плода рожденіе.

Природа, одаривши животныхъ различными побужденіями, снабдила ихъ и необходимыми способностями и орудіями для удовлетворенія ихъ. Иныя снабжены особеннымъ острымъ зрѣніемъ, другія слишкомъ чуткимъ обоняніемъ, иныя особенною смѣтливостію, другія силою, или терпѣливостію и т. д. —Всякое животное, соотвѣтственно своей организаціи, добываетъ себѣ пищу, плодится и печется о своихъ дѣтенышахъ, защищается или укрывается отъ своихъ преслѣдователей и т. д. Міръ внѣшній съ своей стороны доставляетъ имъ всѣ нужныя средства именно тогда, когда рождаются у нихъ временныя потребности, или лучше сказать, потребности у нихъ являются въ то время, когда природа обильна средствами, служащими къ удовлетворенію онымъ, такъ что общая и частная жизнь одна другой совершенно гармонируютъ. Пчелы роятся, когда все цвѣтетъ; птицы плодятся, когда обиленъ кормъ; тѣмъ изъ животныхъ, которымъ на

ихъ родинѣ становится холодно, природа указываетъ путь въ страны южныя, теплѣйшія и т. д.

Человѣкъ, какъ существо органическое, имѣетъ всѣ нужды относящіеся къ поддержанію и улучшенію его матеріальнаго бытія: чувствуетъ голодъ, жажду, побужденіе ко сну и пр., что̀ заставляетъ его искать пищи, питья и покоя.—Всѣ потребности и побужденія, общія съ животными, имѣющія цѣлью сохраненіе и поддержаніе тѣла, устраняемы быть не могутъ. Съ другой стороны человѣкъ, не находясь въ столь тѣсной связи съ жизнью нашей планеты, подобно животнымъ, самыя свои нужды и потребности переноситъ въ область жизни духовной и подчиняетъ своей волѣ, такъ что побужденія природы онъ можетъ побѣждать до извѣстной степени, или наоборотъ — предаться имъ безмѣрно. Въ послѣднемъ случаѣ побужденія превращаются въ страсти, такъ что человѣкъ дѣлается неудовлетворимымъ и употребляетъ во зло свои духовныя способности. Онъ часто потребляетъ пищу не вслѣдствіе побужденія голода, но при помощи искусства, дѣйствуя на вкусъ, обоняніе и зрѣніе и, предаваясь заманчивымъ видамъ искусно приготовленныхъ блюдъ, заставляетъ желудокъ переполняться ими, и потомъ, вставъ изъ-за роскошнаго стола, съ жадностію преслѣдуетъ еще лакомства, сожалѣя о томъ, что его желудокъ не въ состояніи принимать ихъ болѣе. Одинъ только человѣкъ пьетъ безъ жажды, притомъ жидкости не утоляющія, а возбуждающія жажду, которыя онъ иногда пьетъ въ такомъ количествѣ, что лишается единственнаго своего достоянія — разсудка. Страсть къ пріобрѣтенію бо-

гатства, къ пріобрѣтенію, несоразмѣрному съ его потребностями; страсть къ достиженію почестей, не какъ справедливаго воздаянія за понесенные труды и за оказанную отечеству пользу, а чтобы польстить своему самолюбію и тщеславію; эти и многія другія страсти возникаютъ собственно изъ низшей области духовной дѣятельности, изъ области чувственности. — Что означаетъ эта дѣятельность, это непреодолимое стремленіе къ пріобрѣтенію, тогда какъ всѣ убѣждены въ томъ, что ихъ пребываніе въ этомъ мірѣ слишкомъ кратковременно? Не заключается ли въ этомъ стремленіи противорѣчіе, когда наше бытіе оканчивается смертію? Не есть ли оно внутреннее безотчетное побужденіе дѣйствовать для безпредѣльной будущности? Не доказываютъ ли эти страсти, что духъ человѣка стремится къ чему-то отдаленному, но уклонившись отъ руковожденія разсудка, заблуждается и вмѣсто стройнаго образа проявляетъ уродливость, подобно тому, какъ въ мірѣ матеріальномъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ произрождаются тутъ образцы красоты, тамъ— уроды.

Доколь человѣкъ находится погруженнымъ во мракѣ чувственности, дотоль онъ довольствуется наслажденіемъ, которое доставляютъ ему настоящіе минуты. Но коль скоро свѣтило духа начинаетъ приближаться къ горизонту его самосознанія и предметы вокругъ его начинаютъ освѣщаться такъ, что онъ ихъ различаетъ настолько, насколько на зарѣ восходящаго солнца можно ясно различать хотя очертанія окружающихъ насъ предметовъ; то человѣкъ не можетъ не замѣтить, что онъ существо со-

вершенно отличное отъ прочихъ тварей міра, что существованіе его не ограниченное, а безпредѣльное. Съ этимъ чувствомъ пробуждается въ насъ желаніе жить въ произведеніяхъ нашихъ еще и въ грядущихъ вѣкахъ. Но пока мракъ чувственности, потемняющій глаза духа человѣка, еще только разрѣженъ, а не совсѣмъ разсѣянъ; то и произведенія его творческаго духа не выходятъ изъ круга міра чувственнаго, чему свидѣтельствуютъ исполинскіе храмы древней Индіи, высѣченные въ утесахъ первобытныхъ скалъ, — изумляющіе насъ египетскія пирамиды, описанія лабиринта, вавилонскихъ стѣнъ и т. п. На высшей степени образованія, когда уже существуетъ исторія, и когда человѣкъ можетъ ожидать, что она сохранитъ о немъ память, онъ изыскиваетъ другіе пути увѣковѣчить себя; онъ ищетъ пріобрѣсти себѣ громкую славу своими дѣяніями, чтобъ изумлять современниковъ и потомство. Что прославившіеся завоеватели покоряли себѣ народы не изъ жадности къ пріобрѣтенію, а изъ страсти къ славѣ можно заключить изъ отвѣта *Александра Парменіону*, изъ словъ *Наполеона*, сообщенныхъ Ласказасомъ и другими повѣствователями о немъ, и вообще изъ повѣствованій исторіи о дѣяніяхъ знаменитыхъ мужей. По мѣрѣ того, какъ свѣтило духа человѣка, умъ, разсѣиваетъ мракъ чувственности, взоръ его становится свѣтлѣе, онъ видитъ себя въ этомъ мірѣ существомъ высшаго значенія, изъ области чувственности восходитъ въ область истинно духовной жизни, гдѣ, въ соотвѣтствіе образу, по подобію котораго онъ созданъ, отвергши отъ себя стремленіе эгоистическое, дѣлается благодѣтелемъ человѣчества.

Животныя, имѣющія предѣломъ своего существованія смерть, доколѣ живутъ, находятся подъ руководствомъ природы, которая, какъ попечительная для нихъ мать, заботиться о ихъ благосостояніи; поэтому они чужды всякихъ страстей, не заблуждаются, и удовлетворенныя предаются покою.

Многія явленія въ природѣ животныхъ доказываютъ намъ, что и для нихъ есть будущность; но эта кажущаяся будущность имѣетъ цѣлію только благосостояніе матеріальнаго бытія. Иныя животныя дѣлаютъ запасы корма, чтобы не терпѣть голода въ то время года, когда оно имъ отказываетъ въ немъ; другія строятъ себѣ притоны для укрытія отъ ожидаемой стужи и непогоды; птицы вьютъ гнѣзда въ ожиданіи имѣть дѣтенышей и т. д. Это предчувствіе и сообразныя съ тѣмъ дѣйствія животныхъ называемъ мы *инстинктомъ,* который въ сущности ни что иное, какъ частное отраженіе господства всеобщей жизни природы. Всѣ дѣйствія инстинкта, какъ приведено выше, совершаются безотчетно и кругъ ихъ уменьшается по мѣрѣ возвышенія духовной жизни надъ матеріальной. Человѣкъ, одаренный умомъ и разсудкомъ, подъ руководствомъ этихъ дѣятелей души, располагаетъ собою по произволу и подчиняется инстинкту только въ тѣхъ случаяхъ, которые требуютъ внезапнаго дѣйствія, напр. при неожиданномъ паденіи мы мгновенно приводимъ свое тѣло въ равновѣсіе; при паденіи на насъ посторонняго тѣла быстро уклоняемся въ сторону и т. д. Мы повинуемся инстинкту въ болѣзняхъ, требуя въ нихъ того, что возстановляетъ въ организмѣ нарушенное рав-

новѣсіе: уклоняемся отъ свѣта, ищемъ покоя, теплоты или холода, требуемъ кислыхъ веществъ въ пищу и т. д.

Предчувствіе, какимъ управляются животныя, не можетъ служить вѣрнымъ указателемъ для человѣка: оно нерѣдко зависитъ отъ разстройства тѣла; тогда какъ нашею душою постоянно обладаетъ одно предчувствіе и сопровождаетъ насъ во всѣхъ состояніяхъ жизни: въ радости, печали, здоровьи, болѣзняхъ. — Это предчувствіе есть продолженіе нашего бытія, такъ что отсутствіе вѣрованія въ безсмертіе можетъ считаться душевнымъ разстройствомъ. Подобно какъ въ сновидѣніяхъ иногда намъ представляется то, что снилось уже видѣнное нами наяву, что потомъ и оправдывается по пробужденіи; такъ и въ жизни ярко выступающіе моменты непреодолимаго предчувствія лучшей будущности осуществятся, когда пробудимся отъ сна земной жизни.

Если природа, давшая животнымъ предчувствіе, оправдываетъ всѣ ихъ ожиданія, и благовременная ихъ заботливость оказывается въ свое время необходимою и благотворною; то неужели предчувствіе наше, сопровождаемое пламеннымъ желаніемъ сдѣлаться достойнымъ ожидаемой будущности, для достиженія которой требуется пожертвованіе, иногда даже очень значительное — неужели оно есть мечта?... Безразсудно было бы думать, что самообольщеніе удѣлъ одного лишь человѣка.

Только человѣкъ утопающій въ омутѣ чувственныхъ наслажденій, которыя онъ считаетъ высшимъ благомъ въ мірѣ, боится думать о будущности *). Душа такого

*) «Ихъ конецъ погибель, ихъ богъ чрево, и слава ихъ въ срамѣ; они мыслять о земномъ». Посл. къ Филип. гл. III, ст. 19.

человѣка еще не пробудилась къ жизни духовной; она заботилась исключительно о своемъ чревѣ; онъ принадлежитъ къ числу мертвыхъ, о которыхъ упоминается въ Евангеліи*) и въ апост. посланіи**).

Едвали можетъ возбудить болѣе сожалѣнія что либо другое, какъ видѣть на смертномъ одрѣ человѣка такого, который, отрѣшаясь отъ оковъ тѣла начинаетъ видѣть предметы не во тьмѣ земной, а въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Настоящее для него исчезаетъ, а будущность, о которой онъ никогда и не задумывался и слѣдовательно не заботился, представляется ему въ страшной картинѣ; въ этомъ мірѣ не ища спасенія, а въ будущемъ его не чая, онъ живой образецъ богача Евангельскаго***). Между тѣмъ какъ исторія приводитъ намъ много примѣровъ, съ какою кротостію и даже съ восторгомъ сподвижники добродѣтели жертвовали жизнью для достиженія какой-либо высшей духовной цѣли. Современная исторія представляетъ намъ такихъ людей въ безсмертныхъ защитникахъ *Севастополя*. Впродолженіе почти цѣлаго года они съ самоотверженіемъ переносили всѣ ужасы убійственной осады, не предаваясь мгновеннымъ порывамъ отчаянія, а идя хладнокровно на встрѣчу почти неизбѣжной смерти.

---

*) «Предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ; а ты иди, благовѣствуй царствіе Божіе». Луки гл. IX, ст. 60.

**) «Помышленія плотскія суть смерть, а помышленія духовныя жизнь и миръ и проч.» Посл. Св. Павла къ Рим. гл. VIII, отъ ст. 6 до 13 включительно.

***) «И въ адѣ, будучи въ мукахъ поднялъ глаза свои, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его и проч.» Луки гл. XVI, отъ ст. 23 и далѣе.

Что могло побудить ихъ принести въ жертву свою жизнь?... Ничто болѣе какъ преданность престолу и отечеству, преданность увѣнчанная вѣрою въ безсмертіе. По словамъ Евангелія они избрали лучшую часть*). Усматривая изъ этого, что чувственныя побужденія, потребность плоти, привязываютъ насъ къ жизни, а смерть разлучаетъ насъ съ мірскими удовольствіями; между тѣмъ какъ духовныя потребности ожидаютъ полнаго удовлетворенія единственно въ другомъ мірѣ; то изъ этого само собою выходитъ заключеніе, что *плоть и духъ не могутъ подлежать одинакой участи.*

Поклонники матеріализма могутъ при этомъ возразить: уже давно дознана истина, что тѣла нашей планеты хотя и разрушаются, но начала, составляющія ихъ, вступая въ другія химическія соединенія не истребляются; поэтому и жизненное начало, какъ сокровенная, чувствамъ недоступная причина матеріальнаго міра также не истребляется. Возраженіе ихъ можетъ идти далѣе: если наша душа, не истлѣвая съ тѣломъ, но сочетавшись съ міромъ духовнымъ, безъ личности, безъ самосознанія, безъ воспоминаній о прошедшемъ будетъ продолжать свое существованіе, потерявши все, пріобрѣтенное въ мірѣ съ трудомъ и пожертвованіями, то что въ такомъ продолженіи бытія для насъ утѣшительнаго? На это г. Берви отвѣчаетъ: внѣ круга моего намѣренія входить въ разборъ несообразности такой мысли съ нашими

*) Ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее: а кто потеряетъ душу свою ради Меня; тотъ обрѣтетъ ее». Матѳ, гл. XVI, ст. 25.

понятіями о правосудіи *), но разсмотримъ это съ точки сравнительнаго воззрѣнія. Ни одинъ тонъ звука въ полномъ оркестрѣ не теряется при безчисленномъ пересѣченіи волнъ звуковъ, такъ что музыкальное ухо тотчасъ узнаетъ малѣйшее измѣненіе. Зародышь животнаго, получившій отъ родителей типъ племени, народа, семейства не теряетъ его, какъ бы ни были многоразличны вліянія, дѣйствовавшія на него со стороны утробнаго вмѣстилища, которыя могутъ только измѣнять его тѣлосложеніе относительно крѣпости, воспріимчивости, расположенія къ болѣзнямъ и т. п., отъ чего будетъ зависѣть степень совершенства будущаго человѣка; но никакъ не самый типъ человѣка. Отъ родителей негровъ никогда не родится монголъ или кавказецъ, или наоборотъ; но можетъ родиться крѣпкій, дюжій, нѣжный, уродливый и т. д. негръ, такъ что физическое благосостояніе гражданина планетнаго міра есть слѣдствіе развитія гражданина міра утробнаго.

Уже было говорено выше, что утробное вмѣстилище составляетъ тотъ же міръ, въ которомъ плодъ развивается для другаго міра; при этомъ развитіи онъ можетъ различно измѣняться отъ внѣшнихъ вліяній своего міра; но никогда не можетъ терять своего человѣческаго типа. Различіе между развитіемъ духа въ мірѣ и развитіемъ зародыша въ своемъ вмѣстилище состоитъ въ томъ, что зародышъ, какъ матеріальное произведеніе природы, под-

---

*) «Ибо не неправеденъ Богъ, чтобы забылъ дѣло ваше и трудъ любви, которую вы оказали во имя Его, послуживъ и служа святымъ и проч.». Посл. къ Евр. гл. VI отъ ст. 10 до 13 включительно.

чиняясь ея законамъ, тѣмъ и долженъ быть, чѣмъ его сдѣлаетъ природа; напротивъ духъ, одаренный вожделеніемъ (liberum arbitrium) *можетъ и долженъ* самъ себя развивать:—что̀ можетъ, доказываютъ слѣдствія воспитанія, какъ въ родительскомь домѣ, такъ и въ общественномъ быту; а что долженъ, того требуетъ евангельскій завѣтъ *).

Что истинное назначеніе человѣка состоитъ собственно въ усовершенствованіи нашего нравственнаго бытія, это доказываетъ грусть, овладѣвающая нами, когда мы видимъ, что всѣ наши къ тому стремленія остаются тщетными, и мы съ апостоломъ Павломъ должны восклицать: «бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?» **) Напротивъ, нашимъ сердцемъ овладѣваетъ чувство успокоенія и высшаго удовольствія, если мы успѣли хотя нѣсколько поработить наши страсти или, если замѣчаемъ, что мы хоть на шагъ подвинулись впередъ въ области нравственной жизни. Наконецъ это доказываетъ и самый результатъ стремленія нашего взаимнаго и личнаго усовершенствованія.

Примѣчаніе. Насколько это сочиненіе отличается содержаніемъ превосходныхъ въ немъ мыслей, настолько же оно порицается въ литературномъ отношеніи. Нужно полагать, что оно, въ оригиналѣ, было написано на французскомъ языкѣ; но переводъ и редакція его до того плохи, что каждаго читающаго его заставляютъ удивляться, какъ оно могло быть помѣщено въ такомъ безграмотномъ

*) «И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный». Матѳ. гл. V, ст. 48.

**) Посл. къ Римл. гл. VII, ст. 24.

видѣ и въ такомъ журналѣ, изданіе котораго принадлежитъ учоной корпораціи, каковъ Казанскій Университетъ! Помѣщая въ свой сборникъ этотъ отрывокъ (окончаніе) изъ сочиненія г. Берви, редакцію его я привелъ въ такое состояніе, что читатель уже не затруднится въ понятіяхъ смысловъ выраженій автора.

О. П.

ПРАВДА.

(Гр. Сперанскаго).

Въ бытіи нравственномъ есть два разные круга: кругъ бытія отдѣльнаго, единочнаго, личнаго и кругъ бытія общаго, союзнаго. Въ первомъ движущее начало — самолюбіе и личность; во второмъ союзы любви и общенія.

Но какимъ путемъ проявляется тутъ верховная цѣль нашего разума истина или правда?

Совѣсть—внутренній, тайный нашъ свидѣтель или молчитъ, то есть не дѣйствуетъ, или говоритъ правду. Она, вмѣстѣ съ разумомъ, можетъ иногда блуждать, то есть, не знать истины; солгать самой себѣ она не можетъ. Она по природѣ своей всегда правдива. На этой правдивости совѣсти основанъ весь порядокъ міра нравственнаго. Еслибъ не было суда совѣсти, или на судѣ ея не было правды: тогда бы смѣшались всѣ предѣлы нравственности: тогда добро меньшее былобъ предпочитаемо большему; временныя пользы всегда превозмогли-бъ надъ совершеннымъ добромъ; личность преобладала-бъ всегда надъ общеніемъ, самолюбіе надъ любовію; расторглись

бы всѣ первообразные союзы; изчезла-бъ самая мысль о бытіи союзномъ, и одно бытіе личное, отдѣльное, исключительное было бы открытымъ полемъ безпрестанной брани: борьба съ самимъ собою, борьба съ другими, борьба съ самою Всемогущею волею, или принужденная, строптивая покорность; — борьба внутренняя между безконечными желаніями и тѣснымъ кругомъ ихъ дѣйствія, между высокимъ пареніемъ ума и кратковременною цѣлью его усилій; между свободою воли и безсиліемъ сей самой свободы;—борьба внѣшняя между непримиримымъ и исключительнымъ самолюбіемъ каждаго. Взаимныя уступки не привели бы здѣсь къ прочному миру. Тотъ-же расчетъ пользъ, то-же самое мнимое благоразуміе заставили-бъ измѣнить союзному взаимству при первомъ удобномъ и несогласномъ случаѣ.

Въ чемъ же состоитъ нравственный порядокъ?—Какая сила будетъ здѣсь посредникомъ нравственнаго примиренія?

Судъ совѣсти и правда его одни могутъ примирить вражду внутреннюю и внѣшнюю. Правда уравниваетъ двѣ силы противоположныя: личность и общеніе, самолюбіе и любовь; и потому-то она называется *справедливостью* (aequum).

И такъ какъ совѣсть по природѣ своей служитъ мѣриломъ правдивости, и какъ она есть чувство всеобщее, всѣмъ сродное; то и судъ ея и правда его составляютъ высшій и всеобщій нравственный законъ, повелѣвающій *хранить всегда и во всемъ союзы общенія съ самимъ собою, съ другими и съ Богомъ.*

Правда сама по себѣ не есть добродѣтель, но ею начинаются и сопровождаются всѣ добродѣтели. Отъ правды вверхъ (направляясь) восходитъ лѣстница нравственнаго достоинства; отъ правды внизъ (склоняясь) простирается лѣстница всѣхъ пороковъ, всего нравственнаго униженія. По мѣрѣ, какъ человѣкъ, преуспѣваетъ въ добродѣтели, духъ его отъ правды человѣческой возвышается къ правдѣ Бога, къ святости, къ высшему единству союзнаго бытія его. Напротивъ, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ погружается въ пороки, онъ нисходитъ, отъ правды человѣческой въ неправду кромѣшную.

Правда начинается примиреніемъ человѣка съ самимъ собою. Кто неправдивъ съ собою, тотъ не можетъ хранить правды и съ другими: борьба нравственныхъ силъ происходитъ внутри насъ самихъ, и слѣдовательно миръ долженъ быть установленъ сперва съ нами, а потомъ уже онъ самъ собою установится и съ другими.

Изъ этого слѣдуетъ, что было бы неправильно смѣшивать правду съ благоразуміемъ. Правда стоитъ выше его. Благоразуміе есть способность разума, обращаемая на практическія частныя истины, на соображенія и предусмотрѣнія пользъ бытія личнаго. Подобная способность поставлена на стражѣ для охраненія тѣхъ истинъ отъ ущерба и для расширенія ихъ во всемъ объемѣ, какой можетъ быть совмѣстенъ съ взаимностію, необходимою въ общежитіи. — Напротивъ, правда поставлена на предѣлахъ бытія союзнаго, для охраненія его отъ вторженія бытія—личнаго. Она дѣйствуетъ независимо отъ общежитія.

Въ этомъ состоитъ сущность и главныя свойства истины: мы нашли въ ней основаніе нравственнаго порядка: остается разсмотрѣть твердость сего основанія.

Правда есть образъ дѣйствія совѣсти; совѣсть иначе не можетъ дѣйствовать какъ по правдѣ. Но всегда ли совѣсть дѣйствуетъ?—Передъ ней всѣ движенія воли открыты. Но всегда ли она дѣйствуетъ. Она правдива и лгать самой себѣ не можетъ; но не омрачается ли взоръ и судъ ея заблужденіемъ разума?—Всегда ли судъ ея вѣренъ и праведенъ? — Къ сожалѣнію опытъ показываетъ намъ противное. Слѣдовательно самое основаніе нравственнаго порядка, правда, сама требуетъ еще прочности, укрѣпленія. Но есть двѣ силы, двѣ власти, которыя ее укрѣпляютъ: одна внутренняя — *религія;* другая внѣшняя — *общежительное законодательство*.

НАДЕЖДА.

(Изъ «Теорія словесности. Риторика». Стр. 49).

Надежда, кроткая посланница небесъ! тебя хочу я воспѣть въ восторгѣ души моей. Услышь меня, подруга радости, и ангельская улыбка твоя да будетъ мнѣ наградою. Тобою всѣ живутъ и дышатъ, о божественная! отъ вѣнценосца до пастуха, отъ перваго счастливца до послѣдняго бѣдняка, отверженнаго міромъ — въ тебѣ находятъ всѣ отраду и услажденіе.

Безъ тебя царь несчастливъ на тронѣ своемъ, и унылъ среди пышности, среди блеска, его окружающаго, среди хвалебныхъ восклицаній.

Безъ тебя герой хладѣетъ и лишается бодрости своей. Ты одушевляешь его, летящаго на поле брани; и среди окровавленныхъ труповъ, среди дымящихся развалинъ, среди кучъ пепельныхъ, ты показываешь ему побѣдные лавры.

Ты водишь плугомъ земледѣльца, въ потѣ лица воздѣлывающаго поле свое, и поддерживаешь ослабѣвающую руку его, предвѣщая ему щедрую награду за труды.

Ты управляешь кораблемъ мореходца, плывущаго по зыбкимъ хребтамъ непостоянной и грозной стихіи въ страны отдаленныя, и веселишь сердце его, возвѣщая ему близкій предѣлъ его странствія, а тамъ—несмѣтныя, ожидающія его сокровища.

Ты радуешь нѣжную мать, неусыпно пекущуюся о дѣтяхъ своихъ. Ты говоришь ей, что они будутъ нѣкогда украшеніемъ ея, подпорою, и извлекаешь изъ очей ея слезы восторга.

Ты утѣшаешь нищаго, оставленнаго человѣчествомъ, и издыхающаго на голомъ камнѣ. Ты снимаешь благодѣтельною рукою покровь съ томныхъ очей его, и показываешь ему въ отдаленіи будущее: онъ взираетъ и видитъ могилу, конецъ своихъ страданій, за нею Бога, вѣчную радость, видитъ—и вооружается твердостію.

Ты озаряешь лучами отрады темницу узника, обремененнаго оковами и не обрѣтающаго сожалѣнія въ сердцахъ братій своихъ. Ты рождаешь бодрость въ унывающей душѣ его, и льешь цѣлительный бальзамъ, въ раны его сердца. Ты сопутствуешь ему до послѣдней минуты горестнаго бытія, провождаешь его даже за предѣлы гроба.

О надежда, усладительница нашихъ горестей! сопутствуй мнѣ на мрачномъ пути сей жизни; до того времени, когда ангелъ смерти, отворивъ таинственныя врата вѣчности, приметъ меня изъ объятій твоихъ и на крыльяхъ безсмертія понесетъ въ лучшій, блаженный міръ.

ТАЙНЫ И НАУКИ.

(Изъ поучительнаго слова проповѣдника Феликса *).

Противъ христіанства произносится нынѣ одно многознаменательное слово: «*наука*». Да, призывая это страшное слово, думаютъ испугать вѣрующихъ. Что̀-бы христіанство ни предлагало для развитія истиннаго прогресса, на все имѣютъ въ запасѣ готовый отвѣтъ:—«*не научно*». Мы говоримъ — откровеніе, намъ отвѣчаютъ что откровеніе «не научно». Мы произносимъ слово: *чудо,* и получаемъ въ отвѣтъ, что *чудо не научно*.

Такимъ образомъ, антихристіанизмъ, вѣрный своимъ преданіямъ (нынче болѣе чѣмъ когда-нибудь) думаетъ убить насъ наукой.

Антихристіанизмъ, — продуктъ *тьмы,* — угрожаетъ намъ *свѣтомъ* науки! Онъ даже самъ себя называетъ этимъ свѣтомъ!

Тысячу разъ спрашивалъ я себя: что-же это за ужасная наука, готовящаяся насъ пожрать? Не математика-ли? Но и мы имѣемъ въ средѣ своей математиковъ. Можетъ быть физика, химія, астрономія, физіологія, геоло-

---

*) Петербургская газета 1869 г. № 69.

гія? Но мы въ числѣ христіанъ, имѣемъ и физіологовъ, и химиковъ, и астрономовъ, и физіологовъ, и геологовъ, пользующихся въ ученомъ мірѣ неоспоримымъ авторитетомъ. Академіи считаютъ ихъ въ числѣ своихъ членовъ; имена ихъ принадлежатъ исторіи. И такъ, надо полагать, что не та, или другая наука должна превратить насъ въ прахъ.

Но по какой-же причинѣ объявили мы христіанство изчезающимъ предъ наукой? Послушайте — вотъ центральный пунктъ, изъ котораго исходитъ *ученое* противъ христіанъ возраженіе: мы должны погибнуть отъ развитія наукъ потому, что ученіе христіанское допускаетъ *тайны,* и что эти тайны положительно противорѣчатъ современной наукѣ. И такъ, слѣдуетъ доказать, что тайны христіанскаго ученія не противорѣчатъ выводамъ науки. Нѣтъ, для насъ этого мало: мы докажемъ, *что тайны составляютъ основаніе просвѣщенія, что онѣ могутъ устоять передъ наукой ихъ отвергающей, и что онѣ освѣщаютъ путь для той науки, которая ихъ допускаетъ.*

Антихристіанизмъ исказилъ всѣ наши тайны. Онъ измѣняетъ ихъ смыслъ, взаимныя отношенія, сущность, онъ создаетъ по своей фантазіи нелѣпости, противорѣчія и говоритъ легковѣрнымъ: «вы видите — тайна есть отрицаніе здраваго смысла; наука ее отвергаетъ, наука ее осуждаетъ и предаетъ анаѳемѣ».

Если христіанскія тайны таковы, какими вы ихъ представляете, то дѣйствительно надлежало-бы ихъ, именемъ науки, предать анаѳемѣ. Ничто такъ не противно

наукѣ, какъ нелѣпость и противорѣчіе очевидной истинѣ. Но слава Богу, не такова *христіанская* тайна. Если-бъ противники наши говорили правду, то имъ слѣдовало-бы объяснить самую непостижимую тайну: какимъ образомъ, послѣ двухъ почти тысячъ лѣтъ, столько возвышенныхъ умовъ, столько великихъ геніевъ, мирятся съ нашими тайнами, не допуская мысли что они этимъ изгонять науку и упразднять разумъ? Что-бы ни говорили о *новѣйшей* наукѣ, о *современномъ* геніѣ человѣчества,—ученые существовали и прежде 1869 г. Если наши тайны такъ очевидно нелѣпы, почему-же величайшіе всемірные геніи не замѣтили этого? Очевидно, что тутъ, какъ и во многомъ другомъ, между христіанскимъ ученіемъ и наукой антихристіанской, существуетъ какое-то несчастное недоразумѣніе, какое-то заблужденіе. А это недоразумѣніе, это заблужденіе могутъ уничтожиться только предъ истиннымъ понятіемъ слова: «*тайна*».

Но Боже меня сохрани, что-бъ я усиливался доказывать, что тайна не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго наукѣ! Это значило-бы ужъ слишкомъ щадить щекотливость заблужденій. Къ чему сталъ-бы я доказывать, посредствомъ метафизическихъ отвлеченныхъ разсужденій, что наука можетъ помириться съ тайной, тогда какъ все въ мірѣ доказываетъ, что тайна всегда и во всемъ, обязательна для науки? Отъ насъ требуютъ доказательствъ тому, что наука можетъ допустить тайну: я же рѣшительно утверждаю, что наука не можетъ существовать безъ тайны. *Тайна есть неизбѣжное предопредѣленіе науки.*

Что-бы оправдать наше убѣжденіе, мы затрудняемся только въ выборѣ доказательствъ, такъ какъ ихъ очень много. Во первыхъ, взгляните на міръ матеріальный: начиная съ малѣйшаго атома, до громаднѣйшихъ небесныхъ тѣлъ, когда вы пытаетесь вмѣстить въ границы одного и того-же закона, всѣ ихъ движенія, когда начинаете искать слово, объясняющее эту чудную міровую гармонію, гдѣ все кажется повинующимся одной и той-же силѣ, вы произносите слово, которое служитъ къ открытію этой силы: слово это—«*тяготѣніе*»!

Да, *тяготеніе,*—вотъ знаменитое опредѣленіе наукою свойства всѣхъ тѣлъ. Вы говорите, что небесныя тѣла, чрезъ необъятныя міровыя пространства, притягиваются однѣ другими. Вы говорите, что притяженіе это дѣйствуетъ соотвѣтственно массамъ тѣлъ, и возвратно пропорціонально квадратамъ ихъ разстояній. Дѣйствительно, ничто, покрайней мѣрѣ доселѣ, не опровергаетъ этого закона; все служитъ къ оправданію этой аксіомы, самовластно господствующей *въ области гипотезъ*, и отнынѣ завоевавшей себѣ славу очевидной несомнѣнности.

Я воздаю, отъ всей души, глубочайшее уваженіе самодержавію тяготѣнія. Не я пытался-бы замѣнить явившійся въ матеріальномъ мірѣ лучь, отражающійся на мірѣ духовномъ. *) И такъ, владычество тяготѣнія явно, а налагаемая имъ власть на вселенную очевидна.

---

*) Проповѣдникъ очевидно хотѣлъ сказать, что если есть таинственная связь всего, въ мірѣ вещественномъ, то этотъ же законъ долженъ быть присущъ міру духовному.

Но что такое всемірное тяготѣніе? Кто видѣлъ тяготѣніе? Кто встрѣчалъ тяготѣніе? Кто осязалъ тяготѣніе? Какимъ образомъ нѣмыя, безчувственныя тѣла, производятъ, безъ ихъ вѣдома, взаимное другъ на друга дѣйствіе и противодѣйствіе, содержащее ихъ во взаимномъ равновѣсіи и невозмутимомъ согласіи? Эта сила, влекущая планету къ планетѣ, атомъ къ атому, не есть ли какой-то невидимый посредникъ, стремящійся отъ одного тѣла къ другому? Но въ такомъ случаѣ, что это за посредникъ? Откуда у него явилась сила посредничества— эта могущественная соединительная сила, отъ которой не ускользаетъ ни солнце, ни малѣйшій атомъ? Ужъ не составляетъ-ли сила эта самого вещества? Но тогда рождается вопросъ: какимъ образомъ, и атомы, и величайшія небесныя свѣтила, двигающіяся въ опредѣленныхъ границахъ, переступая эти границы, простираютъ свои братскія объятія другимъ тѣламъ, чрезъ все безконечное пространство вселенной? *Тайна! Тайна!*

Да, всеобщее тяготѣніе, съ такимъ могуществомъ властвующее во всемъ мірѣ, въ основаніи своемъ представляетъ непостижимую тайну. Слово, его опредѣляющее, вамъ его не открываетъ, а только намѣкаетъ *на какую-то* силу. Слово, это есть условный терминъ, указывающій на дѣятеля, проявляющагося въ своихъ дѣйствіяхъ. Но этотъ дѣятель срывается отъ науки подъ непроницаемымъ покрываломъ. Онъ улетаетъ отъ нея во мракъ своей таинственности.

Но по причинѣ этой таинственности, отвергаете-ли вы ея дѣйствительность, которая васъ самихъ касается?

Отвергаете-ли вы ея господство, подчиняющее васъ самихъ своей власти?

Нѣтъ,—допуская тайну, вы дѣлаете заговоры противъ разума. Тайна не есть роковое только предопредѣленіе и необходимая принадлежность науки — нѣтъ, она есть главная виновница прогресса. Знаю, что проповѣдывая зависимость прогресса отъ вѣры и тайны, я заявляю мысль для васъ неожиданную. Она удивитъ предразсудокъ, но не удивитъ истины. — Слова мои составляютъ простѣйшую формулу того, что существуетъ на дѣлѣ.

Во первыхъ, благоволите замѣтить, что тайна до такой степени присуща началу всякаго знанія, что если вы пожелаете уничтожить эту тайну, то вы должны будете уничтожить и самую науку. Представьте себѣ какую угодно науку, прослѣдите всѣ ея выводы... Когда вы дойдете до ея начала, вы встрѣтитесь лицемъ къ лицу *съ неизвѣстнымъ*. Всемогущій дозволяетъ намъ погружаться въ волны наукъ; нашъ разумъ и воображеніе могутъ съ наслажденіемъ купаться въ источникахъ знаній самыхъ глубокихъ; но начало ихъ все таки отъ насъ *сокрыто*.

Громадныя рѣки, въ волнахъ своихъ, отражаютъ чудеса неба и земли, но все-таки онѣ оставляютъ насъ въ неизвѣстности о тѣхъ источникахъ, которые послужили имъ началомъ. Такъ точно и всѣ науки: проходя предъ нашимъ разумомъ, онѣ отражаютъ въ немъ свѣтъ истины, оставляя для насъ, въ непроницаемомъ мракѣ, тайну своего происхожденія. Странное дѣло! *Тайна,* служа

отходнымъ пунктомъ, аксіомой для каждой науки, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ объясненію всего. Съ другой стороны, то самое, что освѣщаетъ путь для движенія науки, остается для насъ *тайной*. Таковъ верховный законъ науки.

То, что наиболѣе распространяетъ свѣтъ на внѣшность, остается наиболѣе темнымъ внутри. То, отъ чего родится знаніе, во всякомъ строѣ вещей, опускаетъ на себя покровъ и остается для насъ неизвѣстнымъ!

Рожденіе наукъ, какъ и рожденіе существъ, *необъяснимо*.

Кто могъ проникнуть въ происхожденіе какого-нибудь тѣла, или хоть самомалѣйшей части вещества? Кто взглянулъ, не говорю въ центръ солнца, но въ глубину малѣйшей песчинки? Песчинку—вотъ уже четыре тысячи лѣтъ — наука разсматриваетъ, поворачиваетъ и вертитъ во всѣ стороны; раздѣляетъ и подраздѣляетъ, томитъ своими опытами, мучаетъ вычисленіями, чтобы исторгнуть изъ нея окончательное слово о ея сущности; спрашиваетъ ее съ неподдѣльнымъ любопытствомъ, не достигающимъ удовлетворенія: «делима-ли ты до безконечности»? И вися надъ этой бездной, наука колеблется, спотыкается, зрѣніе ея помрачается, голова у нея идетъ кругомъ и, наконецъ, она принуждена сказать: *не знаю*.

Но если вы *не знаете* происхожденія и сущности песчинки—какъ же можете вы постигнуть тайну рожденія существа живаго? Гдѣ точка его исхода, гдѣ начало его жизни? Въ чемъ состоитъ сущность этой жизни?

Что представляютъ собой эти новые прозорливцы,

думающіе сдѣлаться орудіемъ, помощію котораго можно видѣть невидимое? Что такое эти извращенные въ своихъ понятіяхъ геніи, осмѣливающіеся, при самомъ яркомъ сіяніи явленій, отрицать дѣйствительность, скрывающуюся отъ взора? Они, — беру въ свидѣтели самую науку,—не суть истинные ученые. Умъ ихъ, сталкиваясь съ осязаемою матеріею, съ остервенѣніемъ отвергаетъ все то, что не позволяетъ себя видѣть, взвѣсить, измѣрить и ощупать. Они заявляютъ, что ихъ наука уничтожитъ всѣ тайны. *) Нѣтъ, люди эти никогда не будутъ славою науки. Мудрость ихъ носитъ на себѣ лишь одно ея имя; — это мудрость безумія — stulti facti sunt! Наука этихъ людей есть наука слѣпца, соединяющая въ себѣ неразуміе дѣтства съ старческой дряхлостью!

---

*) Дѣйствительно этимъ хвалился г. Фигье. Въ извѣстномъ своемъ сочиненіи «Histoire du Merveilleux», онъ говоритъ: «извѣстно, (?) что новѣйшая физика намъ даетъ средства, повторить всѣ чудеса древнихъ». А г. Ренанъ, въ лекціяхъ своихъ о еврейскомъ языкѣ, положительно отвергалъ все сверхъестественное и чудесное; «самое существенное условіе, самый главный принципъ науки, говоритъ онъ, состоитъ въ устраненіи всего сверхъестественнаго». Да, дѣйствительно въ наукѣ, пожалуй, можно *отстранить* сверхъестественное. Но *вы* что дѣлаете? Вы силитесь *уничтожить* все сверхъестественное; это уже совершенно не то. Закрывши ставни, я могу *отсранить* отъ моихъ глазъ солнечный свѣтъ, но *уничтожить* его не могу. Вы же не только сторонитесь отъ тайнъ, отъ сверхъестественнаго, но хотите еще доказать, что ни тайнъ, ни чудесъ нѣтъ и никогда не бывало: «ни одинъ фактъ не доказываетъ, чтобъ существовала какая то высшая надъ человѣкомъ сила, вмѣшивающаяся своими дѣйствіями въ происхожденіе явленій видимаго міра». Вотъ какъ суесловитъ этотъ человѣкъ, раціоналистическая философія котораго такъ пришлась по сердцу людямъ, не имѣющихъ собственныхъ убѣжденій.

ДѢЙСТВІЕ ПРОВИДѢНІЯ.

(О. Пашкевича).

Дѣйствіе Провидѣнія, дѣйствіе Божьяго Промысла одно и тоже. Человѣку не дано видѣть силы Промысла въ образѣ, но онъ испытываетъ эту силу въ дѣйствіи, и люди, незараженные сомнѣніями, но съ теплымъ вѣрованіемъ, повсюду сознаютъ эту верховную, незримую силу, благоговѣютъ передъ ней, поклоняются ей, чтутъ ее и молятся ей, какъ сущему, живому своему Богу. Добродѣтель всегда служитъ имъ залогомъ вѣрованія, и, при твердомъ упованіи ихъ на правосудіе высшаго Промысла, они никогда не приходятъ въ смущеніе и отчаяніе, покоряясь Его волѣ всѣмъ сердцемъ и душою.

Но, къ сожалѣнію, есть люди, которые легко заражаясь заблужденіями, хотятъ себя увѣрить, что все то, что ни происходитъ свыше, есть дѣло слѣпаго случая. Они, оставаясь при своихъ ложныхъ убѣжденіяхъ, не хотятъ постигать ничего святаго, ничего таинственнаго — сверхъестественнаго. Такимъ людямъ, дѣйствительно, нужно быть слѣпыми, чтобъ не видѣть какъ часто Святое Провидѣніе изливаетъ свою благодать на своихъ избранныхъ въ воздаяніе за ихъ добродѣтели и человѣколюбіе. Желательно знать, что̀ подобные люди думаютъ о событіи 4 Апрѣля у Лѣтняго сада? Неужели оно, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ вразумить ихъ и послужить имъ къ убѣжденію въ противномъ ихъ вѣрованію, когда тутъ однѣ только слѣпые не могли видѣть, какъ сила Провидѣнія свыше владѣла рукою человѣка, взятаго какъ на-

рочно изъ толпы, человѣка простаго, незнающаго, темнаго, но вѣрующаго? Нѣтъ! Они должны искренно сознать и почувствовать силу Провидѣнія, которая слѣдитъ за дѣйствіями людей, и всѣ ихъ намѣренія и поступки различаетъ добрыя отъ дурныхъ, а тѣмъ паче отличаетъ справедливость, великодушіе и человѣколюбіе. И развѣ эта священная Особа, надъ которой едва не совершилась страшная катастрофа, не служитъ высокимъ образцомъ всего человѣческаго великаго — правды, великодушія и человѣколюбія?... И развѣ этотъ злодѣй, подлѣйшаго рука котораго порывалась низложить Помазанника, не созналъ въ низкой своей душѣ той силы, которая, своею невидимою рукою, видимо отторгла его руку отъ убійственнаго дѣйствія?...

Нѣтъ! отрицать дѣйствіе Провидѣнія развѣ можетъ только такой человѣкъ, который не питаетъ въ себѣ малѣйшей искры чувствъ благоговѣнія къ своему Создателю, Творцу нашего бытія,—который не признаетъ въ самомъ себѣ ничего человѣческаго достойнаго.

ПРОБУЖДЕНІЕ СОВѢСТИ.

(О. Пашкевича).

Совѣсть человѣка—чувство самое глубокое и самое правдивое; это его внутренняя духовная святыня, блюститель чистоты его нравовъ, свидѣтель его тайныхъ дѣлъ, руководитель къ истинѣ и ко всему святому въ его жизни.

Если человѣка еще съ дѣтскихъ лѣтъ не пріучали видѣть на каждомъ шагу промыслъ Создателя и благо-

говѣть къ нему въ душѣ за его милости; если не просвѣтили и не согрѣли его чувствъ правилами святой вѣры; если не научили его исполнять своего долга въ отношенiи къ родителямъ, къ ближнему, къ обществу; если не остерегали его отъ покушенiй на малѣйшiе проступки; если не наставляли его въ долгѣ правды, чести и добродѣтели; то такой человѣкъ въ теченiи времени мало заботится о чистотѣ своей совѣсти: онъ мало дорожитъ ею. Онъ въ душѣ своей питаетъ лишь эгоизмъ, и это безчеловѣчное чувство мало по малу развиваетъ до величайшихъ гнусностей: въ настоящемъ и будущемъ онъ видитъ только то, чтобъ ему одному было хорошо, и потому изучаетъ всѣ хитрости, обманы, предается лжи, коварству, клевещетъ на другихъ, не уважаетъ правъ человѣка, легко посягаетъ на чужую собственность, смѣется надъ религiей и надъ почитателями ея; смѣется надъ установленiями семейными и общественными и все это не считаетъ ни за малѣйшее преступленiе совѣсти.

Но самое великое благо для человѣка, если онъ въ жизни своей ежеминутно слышитъ изъ глубины души гласъ совѣсти и слѣдуетъ его внушенiямъ. Величайшее для него несчастiе, если онъ, при всякомъ малѣйшемъ поползновенiи его души, готовъ заглушить, попрать свою внутреннюю духовную святыню; такой человѣкъ, кромѣ того, что при каждомъ его злорадствѣ не имѣетъ покоя отъ угрызенiя совѣсти,—рано или поздо можетъ потерпѣть такой душевный ударъ, что совѣсть пробудится въ немъ во всей своей наготѣ; но тогда уже для него будетъ поздо отклонить этотъ ударъ; тогда чувство раскаянiя угнѣ-

тетъ его до глубочайшаго уничиженія, чему примѣровъ въ исторіи человѣческихъ дѣяній бездна, и еще самый недавній повторился 3 сентября (1866 г.) на Смоленскомъ поле, когда самый отчаянный извергъ и злодѣй, на эшафотѣ, въ глазахъ многихъ десятковъ тысячь народа приносилъ раскаяніе передъ служителемъ алтаря, передъ животворящимъ Крестомъ и Святымъ Евангеліемъ, передъ тѣми душеспасительными знаками, которые онъ, можетъ быть во всю свою жизнь отвергалъ и попиралъ ихъ ногами.

О ЛУЧШИХЪ СВОЙСТВАХЪ СЕРДЦА.

(К. Батюшкова).

Масье, воспитанникъ Сикаровъ, на вопросъ: что есть благодарность? отвѣчалъ: память сердца. Прекрасный отвѣтъ, который еще болѣе дѣлаетъ чести сердцу, нежели уму глухонѣмаго философа. Эта память сердца есть лучшая добродѣтель человѣка, и не столь рѣдка, какъ полагаютъ нѣкоторые строгіе наблюдатели. Человѣкъ добръ по природѣ, кричалъ женевскій мизантропъ *), и клеветалъ общество: слѣдственно клеветалъ человѣка; ибо онъ созданъ жить въ обществѣ, какъ муравей, какъ пчела: всѣ его добродѣтели относительны къ ближнему, и отвлеченно отъ онаго существовать не могутъ, какъ рука, отдѣленная отъ тѣла. Человѣкъ есть созданіе злое, говорятъ другіе моралисты, и приводятъ множество свидѣ-

---

*) Авторъ называетъ этимъ именемъ *Ж. Ж. Руссо*, жившаго постоянно въ *Женевѣ,* швейцарскомъ городѣ, О. П.

тельствъ о развратѣ и злобѣ сердца нашего; но я не вѣрю имъ и не могу вѣрить, чтобы общество походило на скопище свирѣпыхъ звѣрей. Живутъ ли тигры вмѣстѣ? строятъ ли города?—Нѣтъ. Ясное доказательство, что злоба не связываетъ, но разлучаетъ. Кто живетъ въ обществѣ? незлобныя созданія: голубь, муравей, бобръ, умный слонъ, и каждое изъ сихъ созданій имѣетъ какое нибудь *качество,* которое украшаетъ человѣка и есть одно изъ незыблемыхъ основаній общежительности.

Первый нашъ долгъ: благодарность къ Творцу. Но для исполненія его надобно начать съ людей. Провидѣнію угодно было связать чрезъ общество всѣ наши отношенія къ Небу. Быть виновникомъ бытія не есть достоинство передъ Богомъ и людьми; *но принять младенца изъ рукъ матери въ минуту его рожденія, отъ колыбели до зрѣлыхъ лѣтъ служить ему защитою и опорою, передать ему въ наслѣдіе имя, званіе, сокровища, землю праотцами воздѣланную**): —*вотъ обязанность отца!* Благодарность есть обязанность дѣтей. На подобныхъ взаимныхъ обязанностяхъ основано все благосостояніе общества. Всѣ основанія его суть *добро,* и чѣмъ болѣе добра, тѣмъ тверже его основаніе; ибо одно добро имѣетъ здѣсь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояніе. Подъ шумомъ ли бури или при сладостномъ сіяніи солнца зрѣютъ нивы? Какъ сила плодородія

---

*) Авторъ сказалъ не все, что должно передать родителю своему дѣтищу, и пропустилъ самое главное: *вселить въ него чувства благоговѣнія къ Богу и св. Религіи. О. П.*

имѣетъ свое основаніе въ теплотѣ, такъ сила гражданственности основана на добрѣ.

Многіе умы наблюдали человѣка въ одномъ тѣсномъ кругу, въ которомъ дѣйствовали сами. *Ларошфуко,* остроумнѣйшій изъ писателей остроумнаго вѣка, основалъ мораль свою на подобныхъ наблюденіяхъ. Но я спрашиваю: если бы натуроиспытатель глядѣлъ на муравья, во время его странствованія за былинкою или за зерномъ, наблюдалъ его ссоры съ товарищами, а забылъ заглянуть въ огромное гнѣздо, гдѣ все имѣетъ видъ порядка, стройности, гдѣ всѣ части относятся совершенно одна къ другой и составляютъ прекрасное цѣлое: то какое произнесъ бы онъ сужденіе о трудолюбивомъ насѣкомомъ? Вотъ что сдѣлалъ Ларошфуко, говоря о человѣкѣ и наблюдая за нимъ въ прихожей Тюльерійскаго замка. Но прихожая не есть вселенная, и человѣкъ придворный не есть лучшій изъ людей.

Впрочемъ, меня никто не увѣритъ, чтобы чувство благодарности было слѣдствіемъ нашего эгоизма, и я не могу постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ самому себѣ. Напротивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какой нибудь выгоды; она есть отреченіе отъ самаго себя. Есть добродѣтели уму принадлежащія, другія сердцу: благодарность, лучшая изъ нашихъ добродѣтелей, или вѣрнѣе, отголосокъ многихъ душевныхъ качествъ, принадлежитъ сердцу. «Ты мнѣ сдѣлалъ добро: слѣдовательно я тебя люблю», такъ говоритъ благородное сердце. Эгоистъ иначе: ты мнѣ сдѣлалъ добро; но будешь ли мнѣ дѣлать добро и

впредь? добро, тобою сдѣланное, не требуетъ ли пожертвованій съ моей стороны? Вотъ слова эгоиста; они совершенно противны благодарности, которая тѣмъ прелестнѣе, тѣмъ святѣе, чѣмъ менѣе разсуждаетъ, чѣмъ менѣе торгуется съ пользою личною, и болѣе предается одному сердечному движенію.

Сердца, одаренныя глубокою или раздражительною чувствительностію, часто не знаютъ средины; для нихъ все есть зло или добро: видятъ совершенный порядокъ въ обществѣ, или отсутствіе онаго — скорѣе послѣднее. Чувствительный человѣкъ, страдавшій въ теченіи всей жизни, дѣлается наконецъ мизантропомъ, и убѣгаетъ въ дремучіе лѣса отъ взоровъ людей неблагодарныхъ. Тамъ возноситъ онъ клеветы на все человѣчество, оскорбившее его сердце, и въ гнѣвѣ своемъ забываетъ, что онъ самъ есть человѣкъ, то есть созданіе слабое, доброе, злое и неразсудительное; лучь Божества, заключенный въ прахѣ; существо, порабощенное всѣмъ стихіямъ, всѣмъ измѣненіямъ нравственнымъ и физическимъ. Но пусть мизантропъ приведетъ себѣ на память всю жизнь свою отъ колыбельныхъ дней до той страшной эпохи, когда сердце его воскликнуло въ гнѣвѣ: «человѣкъ золъ и люди подобные тиграмъ!» пусть приведетъ онъ на память и младенчество, и юношество, и зрѣлый возрастъ, въ которомъ воля и разсудокъ начинали заглушать голосъ страстей; пусть онъ спроситъ себя: или я не нашелъ добрыхъ и честныхъ людей въ теченіи цѣлой жизни? или я лучше

и добрѣе всѣхъ людей, имѣю всѣ добродѣтели и всѣ качества, и чуждъ всего низкаго и порочнаго? Нѣтъ, скажетъ ему разсудокъ и опытъ: и ты человѣкъ, и ты заплатилъ человѣчеству дань пороковъ, слабости и страстей; ты не ангелъ, ты и не чудовище. Опытъ и разсудокъ показываютъ намъ рѣдкія добродѣтели, и часто въ сердцѣ порочномъ наблюдатель чудесъ нравственныхъ съ неизъяснимою радостью открываетъ яркіе лучи душевной доблести: великодушіе, страданіе, презрѣніе къ корысти и тысячу прелестныхъ качествъ, которыя примиряютъ его съ порочнымъ и съ Небомъ, создавшимъ человѣка не для однихъ преступленій.

Кто изъ насъ, отложа всѣ предрасудки и всѣ предубѣжденія, не сосчитаетъ нѣсколько примѣрныхъ людей, утѣшившихъ собою человѣчество? Не станемъ искать героевъ добродѣтели въ исторіи; поищемъ ихъ вокругъ себя—и найдемъ конечно!—*Курцій* бросился въ пропасть, но Римъ на него смотрѣлъ. *Леонидъ* обрекаетъ себя смерти, но все отечество (и какое отечество? Спарта!) объ немъ въ страхѣ и надеждѣ. *Долгорукій* раздираетъ роковую бумагу въ присутствіи разгнѣваннаго монарха; но онъ совершаетъ подвигъ свой въ Сенатѣ, окруженный великими людьми, достойными его и перваго владыки въ мірѣ. Прекрасные подвиги, достойные подражанія и слезъ удивленія — недокупныхъ, сладостныхъ, божественныхъ слезъ! — Теперь спрашиваю: если мы удивляемся великимъ дѣламъ на великомъ поприщѣ, — если вѣруемъ добродѣтели, твердости душевной, безкорыстію въ великихъ обстоятельствахъ, то почему не вѣровать имъ въ ма-

лыхъ? Добродѣтель подъ спудомъ не есть ли добродѣтель? Бѣдный, который дѣлится послѣдними крохами съ нищимъ, сестра милосердія въ душной больницѣ стоящая съ сосудомъ врачеванія при ложѣ врага ея Отечества; смѣлый и человѣколюбивый врачь, испытующій свое искуство и терпѣніе въ дальней хижинѣ дровосѣка, безъ свидѣтелей своего добраго дѣла, кромѣ однаго въ небесахъ и другаго въ груди своей: всѣ эти люди, обреченные забвенію, не суть ли добродѣтельные люди? И тотъ, кто безпристрастною рукою начертываетъ имена ихъ въ книгѣ судебъ, не напишетъ ли ихъ на ряду съ именами *Говарда, Ласказаса, Еропкина* и другихъ людей, которыхъ добродѣтель и человѣчество называютъ *своими*. Монтань замѣтилъ справедливо, что лучшіе подвиги храбрости теряются въ неизвѣстности; одинъ похищаетъ знамя: имя его гремитъ въ рядахъ, но сотни неустрашимыхъ погибли передъ нимъ и кругомъ его... Перенесите сей порядокъ въ міръ нравственный. Ласказасъ спасаетъ любезныхъ своихъ Американцевъ отъ рабства: онъ безсмертенъ; бѣдный миссіонеръ въ снѣгахъ канадскихъ бродитъ изъ степи въ степь; окруженный смертію, проповѣдуетъ Бога и утѣшаетъ страждущихъ: какихъ? семью дикаго или изгнанника, живущаго на неизвѣстномъ берегу безъимянной рѣки или озера: сей смиренный воинъ Христа не есть ли великій человѣкъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ? Но къ чему намъ переноситься въ дальныя страны? Здѣсь, вкругъ насъ, кто не испыталъ, что есть добрые люди, что въ обществѣ есть добродѣтели рѣдкія, посреди страстей, посреди раз-

врата и роскоши: одно злое сердце можетъ въ нихъ сомнѣваться; одно жестокое сердце не находило сердецъ нѣжныхъ.

И въ странахъ отдаленныхъ и въ дебряхъ, незнакомыхъ взорамъ человѣка, родятся цвѣты: на дикихъ берегахъ Амура, среди мховъ и болотъ выходитъ прелестный цвѣтокъ, до сихъ поръ неизвѣстный любопытному испытателю природы; медлѣнно распускается онъ подъ кроткимъ вѣяніемъ лѣтняго вѣтерка; наконецъ, украшеніе пустыни, цвѣтокъ увядаетъ:

Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Но сѣмена его, падая на землю, разцвѣтаютъ съ первою весною въ новой красотѣ, въ новомъ убранствѣ. Вотъ истинная эмблема сей добродѣтели, неизвѣстной человѣкамъ, но не потерянной для человѣчества; ибо ничто доброе здѣсь не теряется, подобно какъ ни одна былинка въ природѣ: все имѣетъ свою цѣль, свое назначеніе; все принадлежитъ къ вѣчному и пространному чертежу, и входитъ въ составъ цѣлаго въ нравственномъ мірѣ. Въ роскошномъ Парижѣ, въ многолюдномъ Лондонѣ и Пекинѣ таже самая сумма, или тоже количество добра и зла, по мѣрѣ пространства какое и въ юртахъ кочующихъ народовъ Сибири, или землянкахъ Лапландцевъ.

Добродѣтельный старецъ (Мальзербъ) защищаетъ монарха, покинутаго друзьями, родственниками, дворянствомъ, цѣлымъ народомъ; онъ защищаетъ его подъ лезвеемъ мечей, при проклятіи озлобленныхъ тирановъ: (но въ виду вселенной, и, такъ сказать, въ присутствіи потом-

ства): въ ту же самую минуту, сдѣлаемъ сіе предположеніе, Лапландецъ пробѣгаетъ на лыжахъ необъятное пространство, въ трескучій морозъ, посреди ужасной вьюги: зачѣмъ? Чтобы принести нѣсколько пищи бѣдному семейству друга своего, утѣшить больную вдовицу и спасти отъ явной смерти груднаго младенца. Мальзербъ и Лапландецъ равны передъ лицемъ Добродѣтели и Правосудія небеснаго: оба жертвуютъ жизнью для добраго дѣла.

РѢЧЬ НА ПРИБЫТІЕ ЕКАТЕРИНЫ II, ВЪ Г. МСТИСЛАВЛЬ.

(Георгія Кониссаго).

Пресвѣтлѣйшая Императрица! Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается: наше *Солнце* вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешься яко исполинъ, тещи путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Эвксинскаго шествіе Твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрыется благодѣтельныя теплоты Твоея! Хотя же мы и покоимся Твоимъ безпокойствіемъ, и не негорькими хожденіями Твоими сидимъ сладко, всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона; однако солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе Твое.

Тецы убо о *Солнце* наше! спѣшно; тецы исполинными стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ: къ

западу только жизни Твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая къ небу, возопіемъ: стой, *Солнце,* и не движись дондеже вся, великимъ Твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши!

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА ЕКАТЕРИНѢ II.

(Соч. Н. Карамзина.)

Россіяне! дерзаю говорить о Екатеринѣ — и величіе предмета изумляетъ меня. Едва произнесъ Ея имя, и мнѣ кажется, что всѣ безчисленные народы царствъ Россійскихъ готовы вниматъ словамъ моимъ: ибо всѣ обожали Великую. И тѣ, которые, скрываясь во мракѣ отдаленія подъ тѣнію снѣжнаго Кавказа или за вѣчными льдинами пустынной Сибири—никогда не зрѣли образа Безсмертныя, и тѣ чувствовали спасительное дѣйствіе Ея правленія: и для тѣхъ была Она божествомъ, невидимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ Россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудрость.

Зерцало вѣковъ, исторія, представляетъ намъ чудесную игру таинственнаго рока: зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемѣны! Какія чрезвычайныя произшествія? Но что болѣе всего пленяетъ вниманіе мудраго зрителя? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, которыхъ непостижимое Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы Неба, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя

системы: они рѣшатъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизъяснимою силою влекутъ милліоны людей къ угодной Провидѣнію цѣли, творятъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бываютъ только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подаютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть исторія народовъ.

Россіяне! не только въ тѣни древнихъ отдаленныхъ временъ, не только среди песчанныхъ морей Африки, на поляхъ Марафонскихъ, подъ орлами державнаго Рима, видимъ такихъ избранныхъ и великихъ смертныхъ. О слава Россіи! подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ, сіяли Петръ и Екатерина! Они были наши—и любовь Всевышняго запечатлѣла ихъ своею печатью! Они другъ другу, на величественномъ Ѳеатрѣ ихъ дѣйствій, подаютъ руку! Такъ, Екатерина явилась на престолѣ оживить, возвеличить твореніе Петра; въ Ея рукѣ снова разцвѣлъ изсохшій жезлъ безсмертнаго, и священная тѣнь Его успокоилась въ поляхъ вѣчности: ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. Екатерина Вторая въ силѣ творческаго духа, и въ дѣятельной мудрости правленія была непосредственною преемницею Великаго Петра; раздѣляющее ихъ пространство исчезаетъ въ исторіи. И два ума и характера, столь между собою различные, составляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для счастія народа Россійскаго! Чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна чрезъ со-

рокъ лѣтъ послѣ его царствовать Екатерина; чтобы предуготовить славу кроткой, человѣколюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ: такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять хладные остатки зимнихъ паровъ и приготовить натуру къ теплому вѣянію зефировъ.

Чудесный промыслъ Всевышняго, непостижимый для смертныхъ! Кто бы вздумалъ искать при одномъ изъ скромныхъ княжескихъ Дворовъ Германіи, въ тихомъ семействѣ Ангальтъ-Цербстскаго Дома—кто бы вздумалъ искать тамъ причины нашего благоденствія и славы народа Россійскаго? Какой *Улиссъ* могъ бы узнать сію новую *Пирру* въ Ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый астрологъ, видя утреннюю зарю сего величества, предсказалъ въ Екатеринѣ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азіи? Казалось, что судьба опредѣлила ей быть добродѣтельною супругою какого нибудь счастливаго нѣмецкаго князя. Нравственныя скромныя достоинства нѣжнаго пола были единственнымъ предметомъ родителей при Ея воспитаніи. Часто, среди славы Ея царствованія, въ искреннихъ изліяніяхъ дружества, (которымъ только великіе монархи умѣютъ на тронѣ наслаждаться), Она съ ангельскою улыбкою говорила достойнѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ: «Меня воспитывали для семейной жизни. Провидѣніе открыло мнѣ науку царствовать...» Провидѣніе! такъ, конечно: непосредственные дары Его производятъ все чрезвычайное въ мірѣ. Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ

обыкновенныхъ душъ: великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно предаются внутреннему стремленію, подобно *Сократу*, внимаютъ тайному генію, ищутъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуютъ себя для онаго. Одна искра—и животворный огонь *Прометеевъ* пылаетъ; одна великая мысль—и великій умъ, воскриляясь, паритъ орломъ подъ облаками.

Екатерина была извѣстна въ Германіи своею красотою, разумомъ и скромною любезностію, когда Елисавета призвала Ее украсить Дворъ Россійскій. Вы, которые имѣли счастіе видѣть тогдашнюю цвѣтущую юность Ея, вы донынѣ говорите съ восторгомъ о первыхъ живыхъ чувствахъ удивленія, возбужденныхъ въ сердцѣ вашемъ ангельскимъ видомъ Ея, рѣдкимъ соединеніемъ божественныхъ прелестей! Я зрѣлъ лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе. Она рождена была для самодержавія. Кротость, пріятность ума, врожденное искуство плѣнять душу людей единымъ словомъ, единымъ взоромъ, произвели всеобщую къ ней любовь Двора. Онъ былъ училищемъ для Екатерины, которая имѣла выгоду примѣчать его волшебную игру, не будучи еще на тронѣ. Тутъ ея проницательный взоръ открылъ слабыя стороны человѣческаго сердца, опасности царей и хитрые способы, употребляемые лукавствомъ для ихъ обольщенія: открытіе важное для науки царствовать! Тутъ прочитала она въ добрыхъ сердцахъ всѣ тайныя желанія истинныхъ сыновъ отечества: тихій гласъ патріотовъ доходилъ до Ея нѣжнаго слуха... Они съ восторгомъ говорили о Петрѣ

великомъ и его великихъ намѣреніяхъ. Екатерина хотѣла узнать сего полубога Россіянъ, и всѣ дѣла, всѣ законы его, вмѣстѣ съ древнѣйшими лѣтописями нашего государства, были предметомъ Ея живѣйшаго любопытства. Сего не довольно: славнѣйшіе иностранные авторы и философы, подобно благодѣтельнымъ геніямъ, ежедневно украшали разумъ Ея новыми драгоцѣнностями мыслей; въ ихъ твореніяхъ искала Она правилъ мудрой политики, и часто, облокотясь священною рукою на безсмертныя страницы *Духа Закона,* раскрывала въ умѣ своемъ идеи о народномъ счастіи, предчувствуя, что она сама будетъ творцемъ онаго для общирнѣйшей имперіи въ свѣтѣ!... Воображая сію душевную дѣятельность, я вижу, кажется, предъ собою *Алкида,* который въ тишинѣ собирая силы, утверждая мышцы и рамена свои, готовится предпріять геройскіе подвиги. Ахъ! подвигъ мудраго царя есть самый труднѣйшій въ Мірѣ.

И Екатерина на тронѣ!... Уже на безсмертномъ мраморѣ исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи. Удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе... Красота въ образѣ воинственной *Паллады!*... вокругъ блестящіе ряды героевъ; пламя усердія въ груди ихъ!... предъ нею священный ужасъ и геній Россіи!... Опираясь на мужество, богиня шествуетъ — и слава, гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый!...

Съ Екатериною возсѣли на престолъ: кроткая мудрость, божественная любовь къ славѣ (источникъ всѣхъ дѣлъ великихъ), неутомимая дѣятельность, знаніе чело-

вѣческаго сердца, знаніе вѣка, ревностное желаніе довершить начатое Петромъ, просвѣтить народъ, образовать Россію, утвердить ея счастіе на столпахъ незыблемыхъ, согласить всѣ части правленія и купить безсмертіе дѣлами Матери Отечества. Сей обѣтъ произнесла монархиня въ глубинѣ души своей — и небесный Сердцевѣдецъ даровалъ Ей силу для исполненія.

ВОЗЗВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I КЪ ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦѢ МОСКВѢ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ, ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакожъ, по отеческому сердоболію и попеченію нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, не можемъ Мы оставить ихъ безъ предваренія о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради имѣя въ намѣреніи, для надлежащей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей на-

добности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства, того требуетъ. И такъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша Церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, по всей обширной Россіи? Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа своего въ сей Столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится гибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи.

МАНИФЕСТЪ АЛЕКСАНДРА I-го ОБЪ ИЗГНАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ИЗЪ РОССІИ.

Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ любезное наше отечество. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ насъ почти со всѣхъ европейскихъ державъ страшныя силы, и подвизаемый алчностью завоеванія и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь великой нашей Имперіи, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія не случайно порожденной, но из-

давна уготованной имъ, всеопустошительной войны. Предузнавая по извѣстному изъ опытовъ безпредѣльному властолюбію и наглости предпріятій его приготовляемую отъ него намъ горькую чашу золъ, и видя уже его съ неукротимою яростью вступившаго въ Наши предѣлы, принуждены Мы были съ болѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечь свой и обѣщать царству Нашему, что мы не опустимъ оный во влагалище, доколѣ хотя одинъ изъ непріятелей оставаться будетъ вооруженъ въ землѣ Нашей. Мы сіе обѣщаніе положили твердо въ сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго Намъ народа, въ чемъ и не обманулись. Каковой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившійся въ грудь ея врагъ всѣми неслыханными средствами лютостей и неистовствъ не могъ достигнуть до того, чтобы она хотя единожды о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранахъ вздохнула. Казалось, съ пролитіемъ крови ея умножался въ ней духъ мужества, съ пожарами градовъ ея воспалялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ Божіихъ утверждалась въ ней вѣра и возникало непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ, словомъ всѣ государственные чины и состоянія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, составили единую душу, душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовію къ отечеству, колико любовію къ Богу. Отъ сего всеобщаго согласія и усердія вскорѣ произошли слѣдствія едвали имовѣрныя, едвали когда

слыханныя. Да представятъ себѣ собранныя съ двадцати царствъ и народовъ, подъ едино знамя соединенныя, ужасныя силы съ какими властолюбивый, надменный побѣдами, свирѣпый непріятель вошелъ въ нашу землю. Полмилліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полуторы тысячи пушекъ слѣдовало за нимъ. Съ симъ толико огромнымъ ополченіемъ проницаетъ онъ въ самую средину Россіи, распространяется, и начинаетъ повсюду разливать огнь и опустошеніе. Но едва проходитъ шесть мѣсяцевъ отъ вступленія его въ Наши предѣлы, и гдѣ онъ? Здѣсь прилично сказать слова священнаго Пѣснопѣвца: «видѣхъ нечестиваго, превозносящася и высящася, яко кедры ливанскіе, и мимо идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его». По истинѣ сіе высокое изрѣченіе совершилося во всей силѣ смысла своего надъ гордымъ и нечестивымъ Нашимъ непріятелемъ. Гдѣ войска его, подобныя тучъ нагнанныхъ вѣтрами черныхъ облаковъ? Разсыпались, какъ дождь. Великая часть ихъ, напоивъ кровію землю, лежитъ покрывая пространство Московскихъ, Калужскихъ, Смоленскихъ, Бѣлорусскихъ и Литовскихъ полей. Другая великая часть въ разныхъ и частыхъ битвахъ взята со многими военачальниками и полковдцами въ плѣнъ и такимъ образомъ, что, послѣ многократныхъ и сильныхъ пораженій, напослѣдокъ цѣлые полки ихъ, прибѣгая къ великодушію побѣдителей, оружіе свое предъ ними преклоняли. Остальная, столь же великая часть, въ стремительномъ бѣгствѣ своемъ гонимая побѣдносными нашими войсками и встрѣчаемая морозами и градомъ, устлала путь отъ

самой Москвы до предѣловъ Россіи, трупами, пушками, обозами, снарядами, такъ что оставшаяся отъ всей ихъ многочисленной силы самомалѣйшая, ничтожная часть изнуренныхъ и безоружныхъ воиновъ, едвали полумертвая можетъ придти въ страну свою, дабы къ вѣчному ужасу и трепету единоземцевъ своихъ, возвѣстить имъ, коль страшная казнь постигаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями вступать въ нѣдра могущественной Россіи. Нынѣ съ сердечною радостію и горячею къ Богу благодарностію объявляемъ Мы любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже и самую надежду Нашу, и что объявленное Нами, при открытіи войны сей, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли Нашей, или, лучше сказать, всѣ они здѣсь остались; но какъ? мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ Нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать? Не отнимая достойной славы ни у Главнокомандующаго надъ войсками нашими, знаменитаго полководца, принесшаго безсмертныя отечеству заслуги, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго нашего воинства, можемъ сказать, что содѣянное

ими есть превыше силъ человѣческихъ. И такъ да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ промыслъ Божій. Повергнемся предъ святымъ Его престоломъ, и видя ясно руку Его, покоравшую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и кичения о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Пойдемъ благостію дѣлъ и чистотою чувствъ и помышленій нашихъ, единственнымъ ведущимъ къ Нему путемъ, въ храмъ святости Его, и тамо, увѣнчанные отъ руки Его славою, возблагодаримъ за изліанныя на насъ щедроты и припадемъ къ Нему съ теплыми молитвами, да продлитъ милость Свою надъ нами, и, прекратя брани и битвы, ниспошлетъ къ намъ побѣдъ побѣду, желанный миръ и тишину.

ИМРЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

(Изъ похвальнаго ей слова кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова).

Мы удивляемся великодушію Благословеннаго Александра, который, покоривъ столицу враждебнаго, причинившаго намъ столько золъ народа, возвратилъ ему двѣсти тысячъ плѣнныхъ воиновъ; отдадимъ же справедливость болѣе скромному, но не менѣе великому подвигу Императрицы Маріи, которая толикое же число соотечественниковъ нашихъ, въ безпомощномъ состояніи мла-

денчества, вырываетъ изъ челюстей смерти, прилагаетъ неутомимое стараніе о воспитаніи ихъ, терпѣливо ожидаетъ развитія способностей и силъ ихъ, и, когда они могутъ уже быть полезными гражданами, приноситъ ихъ въ даръ отечеству. Все сіе не выражаетъ однако вполнѣ высокихъ чувствъ Ея состраданія. Она — о безпримѣрное великодушіе! удостоиваетъ называться матерью сихъ несчастныхъ, отчужденныхъ отъ сердца родительскаго; и, по обязанности матери, не прекращаетъ попеченій и не престаетъ изливать на нихъ милости свои даже и по выходѣ изъ Ея заведеній.

Слѣпцы, обреченные отъ самаго рожденія невѣжеству, бѣдности, отчужденію отъ смертныхъ и одиночеству даже посреди многолюдства, пріобрѣтаютъ подъ покровомъ Маріи нужныя для благосостоянія ихъ свѣденія, возрастаютъ въ довольствѣ, живутъ въ сообществѣ съ другими, наслаждаются пріятностями супружеской жизни, познаютъ сладость чувствованій родительскихъ, безбѣдно достигаютъ старости и склоняются тихо къ западу дней своихъ, снабжаемые всѣми пособіями до гроба. Глухіе и нѣмые заключенные на всегда столь важнымъ недостаткомъ въ тѣсные предѣлы посредственности, разрушая преграды, поставляемыя уму и способностямъ ихъ, являются свѣдущими чиновниками, отличными художниками, искусными ремесленниками, опытными наставниками подобныхъ себѣ, и, лишенные слова, смѣло входятъ въ ряды твореній словесныхъ, дѣлаются участниками гражданской жизни, пользуются выгодами и удовольствіями обществъ.

Еслибъ возможно было намъ, почтеннѣйшіе слушатели, проникнутымъ признательностію къ почивающей въ Бозѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, удостоится увидѣть сію Монархиню посреди насъ, и призвать всѣхъ облагодѣтельствованныхъ Ею для принесенія Ей справедливой жертвы благодаренія: сколь восхитительная картина, сколь величественное зрѣлище, сколь многолюдное и торжественное собраніе представилось бы изумленному взору нашему! Стѣны Петрополя не вмѣстили бы собравшихся множества. Мы увидѣли бы людей разнаго званія, состоянія, пола и возраста, отъ нищихъ, носящихъ рубища, до вельможъ, блистающихъ златыми одеждами,— отъ неизвѣстнаго воина до вождя знаменитаго, отъ оратая до царедворца, отъ простаго гражданина до совѣтника Думы Царской, отъ дочери ратника до супруги полководца, отъ младенца въ колыбели до пригвожденной къ одру старости; мы увидѣли бы ихъ, забывающихъ различіе достоинствъ, заслугъ, породы, сана и достоянія, наперерывъ одинъ предъ другимъ стремящихся изъявить Августѣйшей благодѣтельницѣ сердечную свою признательность; мы увидѣли бы ихъ всѣхъ, съ свободными отъ заботъ и горестей челами, и, такъ сказать, дышащихъ однимъ только благодареніемъ. Здѣсь защитникъ отечества, поставлявшій грудь свою цѣлію непріятелю, чтобъ удары его не разразились на насъ, приблизившись на костыляхъ, простосердечно сказалъ бы Маріи: «Ты упокоила израненаго и уже безполезнаго для государства воина». Тамъ красота, цвѣтущая здравіемъ и юностію, указывая на счастливаго супруга и веселыхъ дѣтей, вос-

кликнула бы: Тебѣ обязана я семейственнымъ благополучіемъ; Ты призрѣла меня, сироту, и воспитала подъ материнскимъ кровомъ Твоимъ! Индѣ украшенный почестями сановникъ, преклонивъ главу, возвѣстилъ бы, что онъ не престанетъ быть признательнымъ вѣнчанной Благодѣтельницѣ своей за ту пользу, которую успѣлъ принести Государю и отечеству; онъ былъ взысканъ Ея благостію; Она открыла обширное поле усердію и способностямъ его. Далѣе, маститый старецъ, бросясь на колѣни, сказалъ бы Монархинѣ: «Ты въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ замѣнила мнѣ кровныхъ и друзей; десять лѣтъ провелъ я въ открытомъ Тобою убѣжище, и въ минуту разлученія съ жизнью Провидѣніе привело Тебя еще, чтобы утѣшить меня на краю гроба». Здѣсь слѣпцы, никогда не видавшіе свѣта солнечнаго, единодушно возгласили бы: «Ты была намъ свѣтильникомъ во тьмѣ и звѣздою утѣшенія на скорбномъ пути жизни». Тамъ лишенные слова, простирая длани и возносся къ Ней слезные взоры, самымъ молчаніемъ своимъ громко и краснорѣчиво выражали бы избытокъ чувствованій, волнующихся въ груди ихъ.

ИЗЪ ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА АЛЕКСАНДРУ БЛАГОСЛОВЕННОМУ.

Императоръ Александръ глубоко проникнутъ былъ высокими истинами Откровенія, и, не взирая на многочисленныя упражненія свои, постоянно посвящалъ нѣкоторое время на чтеніе Боговдохновенныхъ Писаній. Изъ

сего то невозмущеннаго источника премудрости вѣчной почерпалъ Онъ истинное понятіе о верховной власти; въ немъ-то, какъ въ чистѣйшемъ зерцалѣ, усматривалъ, что Цари, хотя и превознесенные превыше человѣковъ, суть не что иное какъ приставники и служители Божіи; изъ сей-то сокровищницы небесныхъ знаній извлекалъ Онъ убѣжденіе, что тщетные всѣ напряженія разума, ничтожны всѣ усилія земнаго могущества безъ благословенія свыше; въ сей-то нетлѣнной оружехранительницѣ находилъ онъ щитъ и стрѣлы противъ обольщеній величія мірскаго и обаяній лести окружавшихъ Его царедворцевъ. Возношеніе мысли и сердца къ Богу и благочестивыя размышленія составляли также одно изъ пріятнѣйшихъ и необходимѣйшихъ занятій Благословеннаго. Съ какимъ благоговѣніемъ предстоялъ Онъ во храмахъ Божіихъ, возсылая подобно Соломону, усердныя молитвы, да ниспошлется ему помощь для управленія безчисленнымъ народомъ! Съ какимъ страхомъ, съ какою вѣрою приступалъ къ алтарю для вкушенія отъ Божественной трапезы! Постигало ли Россію или Царственный Домъ Его бѣдствіе? Онъ смирялся передъ судьбами Всевышняго, прибѣгалъ всенародно къ престолу Божію, изливалъ печаль свою предъ Сердцевѣдцемъ, возлагалъ на Него все упованіе свое, и — благодушествовалъ. Совершалось ли какое радостное для Государства событіе? Онъ со всѣмъ народомъ приносилъ Отцу щедротъ благодарственное моленіе, воздавалъ славу Подателю благъ, признавалъ себя недостойнымъ изліянной на Него и на Царство Его милости, и — не возносился. Въ частыхъ путешествіяхъ по Россіи не

всегда ли съ новымъ удовольствіемъ посѣщалъ Онъ мирныя обители самовольныхъ тружениковъ, вмѣнившихъ ни во что славу и богатство, да пріобрящутъ благодать Божію? Не слагалъ ли съ себя, въ сихъ убѣжищахъ покаянія, царскаго величія, и посреди немощныхъ міра являлся самъ яко немощенъ, раздѣляя съ ними подвиги спасенія, учавствуя во бдѣніяхъ и молитвахъ? Сколько разъ уединяясь въ сихъ уединенныхъ обителяхъ, искалъ назидательныхъ бесѣдъ съ отшельниками, слушалъ внимательно ихъ простыя, нерастворенныя мірскою мудростію наставленія, и смиренно умолялъ о ходатайствѣ у Царя Небеснаго тотъ, къ которому обращались земныя ходатайства.

Право миловать, сіе драгоцѣннѣйшее достояніе величія царскаго, было любимѣйшею принадлежностію Александра. Но разсудительное милосердіе Его никогда не имѣло вида слабости. Твердо увѣренный, что не отъ умѣренности наказаній, а отъ ненаказанности возрастаютъ пороки и умножаются преступленія, Онъ облегчалъ участь злодѣевъ изъ человѣколюбія; прощалъ или неумышленныхъ нарушителей закона, или тѣхъ, кои хотя и не безъ умысла впали въ преступленіе, но, въ чувствахъ глубочайшаго раскаянія, прежде произнесенія надъ ними суда человѣческаго, убоялись суда Божія и сами произнесли надъ собою строгій судъ совѣсти. Наказанія во всякомъ благоустроенномъ гражданскомъ обществѣ необходимы; они подобны благотворнымъ вѣтрамъ, отрывающимъ изсохшія вѣтви отъ древесъ, отъ чего еще большая сообщается имъ красота и сила. Но наказанія,

налагаемыя безчувственнымъ письмомъ или законами, дабы въ полной мѣрѣ достигнуть благодѣтельной силы своей, должны быть смягчаемы по мѣрѣ того, какъ обстоятельства дѣла болѣе или менѣе служатъ къ извиненію преступниковъ. На семъ-то основаніи Александръ, вынужденный къ мѣрамъ строгости, вопреки чувствованія сердца своего, одною только необходимостію, рѣдко давалъ приговорамъ судебнымъ полную силу. Прилагая еще болѣе попеченія объ огражденіи добрыхъ, нежели о наказаніи злыхъ, Онъ подтвердилъ, чтобы безъ суда никто не наказывался, и всенародно изрекъ сіи достопамятныя слова: «Если я хочу, чтобъ преступленіе было обнаружено и получило должное возмездіе; то еще болѣе желаю, чтобы невинность находила въ судѣ и законѣ всѣ средства къ своему оправданію». И хотя мы видѣли, что въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда продолжавшееся наказаніе долженствовало не только служить удовлетвореніемъ законамъ, но и назидать общество разительнымъ примѣромъ; хотя мы видѣли, говорю я, сего Государя на нѣкоторое время непреклоннымъ и самые сильные ходатайства безплодными; на тысяча спасенныхъ отъ погибели семействъ, тысячи возвращенныхъ изъ заточенія гражданъ, тысячи несчастныхъ, навлекшихъ на себя преслѣдованіе правосудія и обязанныхъ Александру облегченіемъ жребія своего, благословляли имя сего Монарха; слухъ о Его милосердіи наполнялъ обширные предѣлы Имперіи, и увѣренность въ благости Государя оживляла сердца подданныхъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Россіи.

Если отъ внутренняго управленія обратимся къ сношеніямъ Россіи съ другими государствами въ царствованіе Благословеннаго, мы увидимъ цѣль благодѣтельную, средства открытые, миролюбіе, чуждое своекорыстія. Напрасно утверждали, что политика несовмѣстна съ правилами Христіанской Вѣры. Безъ сомнѣнія, если подъ политикою разумѣть хитрость, обманъ, коварство и насиліе, она совершенно противна ученію Евангельскому. Но если здравая политика есть не что иное, какъ предусмотрительность, какъ благоразуміе, какъ строгое соблюденіе правъ народныхъ, какъ всемѣрное стараніе о сохраненіи равновѣсія въ относительныхъ силахъ разныхъ государствъ: то какимъ образомъ отъ политики думаютъ отдѣлить основаніе и вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей—Вѣру Христіанскую? Кто увѣритъ насъ, что Всевышній предоставилъ жребій народовъ замысламъ и ухищреніямъ человѣческимъ? Кто увѣритъ насъ, что Монархи, только окруживъ намѣренія свои непроницаемою завѣсою, только отвѣтствуя на искреннія обращенія къ нимъ чуждыхъ державъ неопредѣленными выраженіями и двусмысліемъ, только разсѣвая вокругъ себя недовѣрчивость и опасенія—однимъ словомъ, только двоедушіемъ и кознями могутъ возвыситься надъ другими Царями, пріобрѣсть рѣшительный въ дѣлахъ съ ними перевѣсъ, и чрезъ то умножить славу и величіе своихъ Государствъ? Конечно, Провидѣніе во гнѣвѣ послабляетъ иногда бразды коварству и даетъ торжествовать насилію. Но для чего? Не для того ли, чтобъ разрушить внезапно самонадѣянность сильныхъ земли, ниспровергнуть однимъ ударомъ много-

лѣтнія зданія ихъ высокомѣрія, явить ничтожность могущества нечестивыхъ и шумомъ паденія ихъ возвѣстить въ концахъ вселенной, что одна только добродѣтель утверждаетъ благосостояніе Государствъ? Такъ, милостивые государи! если при испытаніи дѣлъ Божіихъ въ природѣ и должны мы по необходимости останавливать вниманіе на вторыхъ или посредственныхъ причинахъ, въ вѣчномъ невѣденіи о первыхъ побужденіяхъ и начальныхъ силахъ, скрывающихся отъ ограниченности нашей во всемогуществѣ Творческомъ: то не должны и безъ самовольнаго ослѣпленія не можемъ руководствоваться тѣмъ же правиломъ въ отношеніи къ перемѣнамъ, постигающимъ царства и народы. Здѣсь небесный Промыслъ свѣтлѣе солнца является въ событіяхъ, обращаетъ въ ничто предначертанія гордыни и посрамляетъ прозорливость и разсчеты человѣческіе. Чтобъ убѣдиться въ томъ, довольно обозрѣть важнѣйшія изъ предшествовавшихъ воцареніе Императора Александра происшествій и главнѣйшія политическія перемѣны въ Его царствованіе.

Немногіе Монархи суждены были перенесть столько бѣдствій, сколько опредѣлено было Благословенному; но присовокупимъ, къ утѣшенію нашему, что ни одинъ вѣнценосецъ не переносилъ ихъ съ такимъ велукодушіемъ и съ такимъ упованіемъ на Благость Божію. Не буду говорить здѣсь о великихъ потеряхъ Царственнаго Дома, о двукратномъ торжествѣ неумолимой смерти надъ единственными плодами брачнаго союза Императора Алек-

сандра съ Принцессою Баденскою, которой скромныя добродѣтели въ теченіи тридцати лѣтъ украшали Дворъ и назидали столицу. Усердный и покорный сынъ! нѣжный братъ! чадолюбивый отецъ! сколь много стрѣлъ мучительной горести изощрялъ на Тебя гнѣвный рокъ, и какъ поражалъ чувствительное сердце Твое въ священныхъ отношеніяхъ родства и дружества! Не стану говорить о многихъ неразлучныхъ съ ношеніемъ вѣнца царскаго, скорбяхъ, о войнахъ, въ которыя невольно вовлекаемъ былъ тотъ, кто никогда не выпускалъ изъ памяти, что долженъ дать отчетъ въ жизни каждаго изъ подвизающихся въ Его ополченіяхъ ратниковъ. Вы лучше меня можете судить, милостивые государи, сколь тяжки долженствовали быть ему жертвы, такимъ образомъ для блага нашего принесенныя, особливо если, по стеченію непредвидимыхъ обстоятельствъ, не усматривалось отъ того никакой существенной пользы.

РѢЧЬ ПЕРЕДЪ КОРОНОВАНІЕМЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

(Филарета Митроп. Москов.).

Благочестивѣйшій Государь! Наконецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже Ты предъ вратами святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наслѣдственное освященіе.

Нетерпѣливость вѣрноподданническихъ желаній дерзнуло бы вопрошать: почто Ты умедлилъ? если-бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное прише-

ствіе Твое намъ радость, такъ и предшествовавшее умедленіе Твое—было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ Ты явить намъ Твою славу: потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты градешь, наконецъ, яко Царь, не только наслѣдованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго Царства.

Не возмущаютъ ли при семъ духа Твоего, прискорбныя напоминанія? Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея: не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевела; а пріемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву: чтожъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона? Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ народу, что даровалъ Ему Богъ въ Соломонѣ.

Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіони возрадуются о Царѣ своемъ. Да начнетъ все множество хвалити Бога: благословенъ грядый Царь во имя Господне!* Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести Ѳиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя царствующихъ на Тебя и Твое Царство.

Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! знаменіями Величества. Помазаніе отъ Святаго да запечатлѣтъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ.

Отдѣлъ VI.

Краткія нраво-назидательныя изрѣченія разныхъ авторовъ.

Страшиться Бога есть величайшее совершенство.

Страхъ Божій очищаетъ сердце и возвышаетъ душу.

Бойся Бога равно какъ и тѣхъ, кои не боятся Его.

Страхъ Божій есть надежнѣйшее прибѣжище.

Человѣкъ дотоль себя не узнаетъ, доколь не познаетъ своего Создателя.

Самое лучшее основаніе для счастія человѣка въ его жизни—воспитаніе юношества въ страхѣ Божіемъ и внушеніе ему законовъ религіи.

Истинный лучь просвѣщенія нравовъ истекаетъ изъ книги *четырехъ божественныхъ писателей*.

Въ скорбныя минуты нѣтъ лучшей для души отрады, какъ ходить въ храмъ Божій и молиться: кто молится,

тотъ можетъ питать больше надежды и упованія на милосердіе Божіе, нежели тотъ, кто отъ молитвы уклоняется.

Счастіе міра что?— мечта;
Слава что?— тѣнь, суета;
Но блаженъ кто всегда Бога знаетъ
И искренно Его желаетъ!

Ради собственнаго твоего блага не пренебрегай никакимъ сословіемъ людей. Человѣкъ не возносись передъ человѣкомъ и никогда не осмѣливайся попирать его достоинства, потому что твое благо всегда зависитъ отъ человѣка и ты никогда не можешь предвидѣть, въ комъ вмѣщается великая душа. Сословіе твое, которое ты называешь высшимъ, и кругъ твоего знакомства, который составляешь ты съ личностями знатными ради своего тщеславія дотого ослѣпляютъ тебя, что ты не хочешь видѣть истинно благородной души въ человѣкѣ, неравномъ тебѣ по сословію.

Просвѣщенный и вмѣстѣ образованный человѣкъ не пренебрегаетъ въ обществѣ никакимъ сословіемъ, даже не стыдится быть въ сообществѣ съ честнымъ земледѣльцемъ или ремесленникомъ. Онъ избѣгаетъ только сообщества глупыхъ и бездѣльниковъ.

Истинно счастливъ тотъ, кто не даетъ воли своимъ страстямъ.

Еслибъ человѣкъ помышлялъ о своей смерти и о пути изъ этой жизни въ другую, то конечно смотрѣлъ бы на свои дѣянія съ большимъ страхомъ.

Наша жизнь подобна сну, отъ котораго просыпаемся лишь въ часъ смерти.

Насъ дѣлаютъ достойными: добродѣтель, искусства и науки.

Не тотъ сирота, кто не имѣетъ родителей; но кто остается безъ воспитанія, и кто ничему не научился.

Кто чѣмъ менѣе имѣетъ ума, тѣмъ болѣе надменъ.

Науки молодаго человѣка украшаютъ: ибо мудростъ источникъ всѣхъ нашихъ доблестей душевныхъ.

Кто въ несчастіи унываетъ, тотъ еще болѣе дѣлается несчастнымъ.

Что у человѣка умнаго на душѣ, то у глупаго на языкѣ.

Зависть не знаетъ спокойствія.

Если ты кѣмъ либо будешь облагодѣтельствованъ, будь его достойнымъ.

Если увидишь врага твоего безсильнымъ, не мсти ему; но благодари за это Бога.

Слова человѣка несноснаго и злаго оставляй безъ вниманія.

Когда ты бываешь веселъ, не требуй участія въ томъ твоего завистника, онъ доволенъ и тѣмъ, что печалится о твоей радости.

Дѣлай добро и не перенимай худаго, пусть отъ тебѣ заимствуютъ хорошее.

Покорность — средство самое надежное получить то, чего желаешь.

Гораздо нужнѣе и надежнѣе та голова, которая трудится, нежели та, которая много говоритъ.

Когда душа оставляетъ тѣло, то для нея все равно, въ великолѣпныхъ ли дворцахъ, или на открытой голой землѣ.

Если можешь награждай, но безъ тщеславія.

Не должно умалчивать, если можно помѣшать злу.

Слушая клевету на другихъ, добровольно подаешь поводъ быть самому оклеветаннымъ.

Счастіе и слава между собою равносильны; кто не имѣетъ счастія, тотъ лишенъ и славы.

Тотъ въ жизни спокоенъ и въ душѣ торжествуетъ, кто никому ничего не долженъ.

Свободенъ тотъ, кто ничего не желаетъ.

Кто повелѣваетъ подчиненными съ видомъ надменнымъ, тотъ скоро находитъ и себѣ повелителя, поступающаго съ такою же надменностію.

Не тотъ можетъ считаться богатымъ, кто съ неистовою жадностію копитъ богатство къ богатству; но тотъ, желанія котораго не простираются выше его нуждъ.

Кто пересказываетъ тебѣ пороки другихъ, тотъ равно перескажетъ имъ и твои.

Кто надѣется на что либо слишкомъ, тотъ бываетъ менѣе удовлетворенъ, потому что надежда, большею частію, дѣлается для человѣка средствомъ не получить того, чего желаетъ.

Тщеславіе всегда бываетъ въ противоположномъ отношеніи съ разсудкомъ;—чѣмъ болѣе перваго, тѣмъ менѣе послѣдняго.

Добрыя дѣла могутъ заставить молчать и злодѣевъ.

Предаваться гнѣву, значитъ наказывать себя за вину другаго.

Истинное благородство состоитъ въ добродѣтели, а не въ хвастовствѣ своими многими и знатными предками.

Бѣдность или недостатки тревожатъ насъ болѣе всего; но для освобожденія себя отъ нихъ не должно предпринимать ни одного постыднаго дѣла.

Если кто сознаетъ себя къ чему онъ способенъ, тогда никакое его дѣло не будетъ имѣть дурнаго исхода.

Ничто такъ сильно не отталкиваетъ отъ человѣка людей, какъ высокомѣріе и тщеславіе.

Корыстолюбивый всегда видитъ въ своемъ домѣ недостатокъ.

Кто потерялъ стыдъ, у того не ищи сердца чувствительнаго или теплаго.

Бѣдные должны изучать науки съ тою цѣлію, чтобы быть полезными; а богатые для того, чтобъ научиться употреблять свое богатство съ пользою.

Зачѣмъ краснѣть сознаваясь въ своемъ заблужденіи. Это доказываетъ, что вы сегодня стали умнѣе, нежели какимъ были вчера.

Языкъ благоразумнаго соображается съ хорошимъ расположеніемъ его духа.

Не плати зломъ тому, добромъ котораго ты пользовался, и вообще никому.

Мужъ во всякомъ случаѣ передъ женою долженъ оказывать болѣе благоразумія, чтобы тѣмъ упрочить счастіе ей и себѣ.

Лучшее богатство, какое только можно дать своимъ дѣтямъ — хорошее воспитаніе.

Не клади дѣтямъ капитала въ карманъ, но клади его въ голову.

Кто дѣлаетъ тебѣ зло, плати тому добромъ, тѣмъ ты можешь его побѣдить.

Терпѣніемъ человѣкъ преодолѣваетъ всѣ трудности.

Гнусность души человѣка доказывается болѣе тѣмъ, что онъ долго помнитъ мщеніе.

Человѣкъ гнусный всегда останется въ душѣ своей гнуснымъ, хотя бы его облекли въ самое высокое званіе.

Величайшій врагъ человѣка — его желанія.

Добрыя дѣла суть благословеніе нашей жизни.

Источникъ величайшихъ золъ—нашъ языкъ.

Да сохранитъ того Богъ, кто научаетъ насъ познавать наши пороки.

Доброе дѣло не откладывай до завтра, если можешь сдѣлать его сегодня.

Обращеніе съ людьми хорошими есть неоцѣненное сокровище.

Обѣщая болѣе нежели въ силахъ твоихъ выполнить, дѣлаешься наконецъ въ общемъ мнѣніи лгуномъ.

Надежнѣйшее средство жить въ покоѣ состоитъ въ обузданіи своихъ страстей.

Красота рѣчи состоитъ въ краткости выраженій.

Скупой скорѣе согласится отказаться отъ всѣхъ удовольствій жизни, нежели лишиться малѣйшей части своего достоянія.

Благоденствіе государей состоитъ въ правосудіи.

Не говори, что нынѣшній вѣкъ развратный, а лучше скажи, что люди забыли свое достоинство.

Кто въ дѣлахъ своихъ всегда исправенъ, тотъ уже лишенъ многихъ неудовольствій.

Пьянство-послѣдній шагъ впасть въ непростительные проступки.

Въ горькія минуты жизни ничто такъ не утѣшаетъ, какъ присутствіе истиннаго друга.

Научность—величайшее пріобрѣтеніе изъ всего того, что можно себѣ вообразить.

Если мы что либо дѣлаемъ, то конечно трудимся и производимъ; праздность же и недѣятельность всегда приносятъ несчастіе.

Мы должны болѣе пещись о своей душѣ; нежели украшать свое тѣло.

Жалко смотрѣть, когда человѣкъ, владѣя богатствомъ, не умѣетъ имъ пользоваться; досадно видѣть орудіе въ рукахъ труса.

Грустно думать, когда ученый не приноситъ своимъ талантомъ никакой пользы, ни себѣ, ни другимъ.

Смиренномудрый всегда наслаждается спокойствіемъ и непринужденностью; напротивъ тщеславный безпрестанно суетится и томится, желая казаться тѣмъ, чѣмъ не есть въ дѣйствительности.

Познанія подобно ртути, которая будучи въ рукахъ спеціалиста служитъ лекарствомъ преполезнѣйшимъ; въ рукахъ же неопытнаго — опаснѣйшимъ ядомъ.

Когда нужно прощать, и когда наказывать, высказанныя слова должны быть всегда исполнительны, а не напрасны, въ тѣхъ видахъ, чтобъ намъ вѣрили, когда прощаемъ и чтобъ боялись, когда стращаемъ.

Кажется нѣтъ счастливѣе того человѣка, который обладая богатствомъ употребляетъ его на добрыя дѣла.

Нѣтъ выше счастія для государя, когда его любятъ подданные; но не малая должна быть заслуга и со стороны государя, если его обожаетъ народъ.

При обѣщаніи не должно преувеличивать его и не много о томъ говорить: лучше быть въ дѣйствительности, нежели казаться.

Вздохи невинныхъ не бываютъ напрасны.

Слава и честь пріобрѣтенныя добродѣтелью превосходнѣе славы и чести пріобрѣтенныхъ отъ предковъ.

Наука безъ достоинствъ ничто иное, какъ наборъ изысканныхъ мыслей, худо расположенныхъ.

Обдумывай и разсуждай о чемъ намѣренъ говорить и въ какое время.

Кто не видалъ нуждъ, тотъ не умѣетъ пользоваться счастіемъ.

Есть пословицы: утро мудренѣе вечера; нѣмецкая: Morgen Stunde hat Gold, im Munde (т. е. утренніе часы золотые); но утро начинается по крайней мѣрѣ часовъ съ шести, поэтому не слѣдуетъ раннихъ утреннихъ часовъ убивать во снѣ.

Спѣши медленно или не торопясь. (По-латински: Festina lente. По-французски: Pas à pas on va loin. По-нѣмецки: Eile mit Weile По-итальянски: Pian piano, si va lontano).

Просвѣщенный человѣкъ не можетъ быть бѣднымъ.

Богатство, нажитое лихоимствомъ и несправедливостью, не прочно.

Кто тебя слишкомъ ласкаетъ, тотъ въ душѣ ненавидитъ.

Не должно полагаться на дружбу невѣжды.

Сказать слово другъ, одинъ пустой звукъ; но назвать кого другомъ въ горѣ и нуждѣ, вотъ истинная оцѣнка друга.

Умъ совершенствуется упражненіемъ въ наукахъ.

Не всякую тайну ввѣряй своему другу, помня, что и онъ когда нибудь можетъ сдѣлаться твоимъ непріятелемъ. Непріятелю же своему не дѣлай зла, помня, что и онъ нѣкогда можетъ сдѣлаться твоимъ другомъ.

Благоразумный непріятель болѣе заслуживаетъ чести, чѣмъ безразсудный другъ.

Для чести лучше оставаться бѣднымъ, чѣмъ пріобрѣтать богатство лихоимствомъ.

Умы острый и высокій не столько полезны, сколько здравый-смыслъ.

Умъ высокій безъ добродѣтели, тоже самое что вывѣска надъ торговымъ мѣстомъ безъ товара, или что актеръ въ царской порфирѣ.

Человѣкъ безъ просвѣщенія подобенъ тѣлу безъ души.

Мелкія души подобны бутылкамъ съ узкимъ горломъ; чѣмъ менѣе въ послѣднихъ жидкости, тѣмъ болѣе они издаютъ шуму при опорожненіи ихъ.

Кто много говоритъ, тотъ говоритъ совершенно о безполезномъ.

Тотъ можетъ назваться богатымъ, кто доволенъ малымъ.

Слушай и внимай чтобъ научиться, и будь болѣе молчаливъ, чтобъ выиграть болѣе времени замѣчать и заимствоваться полезными словами.

Наружность человѣка можно узнать въ одинъ день; но нравъ его весьма не скоро.

Есть головы, которыя тогда только разсуждаютъ, когда думаютъ; а думать и разсуждать не одно и тоже.— Онѣ, подумавъ сѣсть, и садятся; а на чемъ—это послѣ; хотя онѣ могутъ упасть съ того на чемъ сѣли, и разможжить себѣ голову.

И ѣсть, и говорить не много нѣтъ вреда, а много такъ бѣда.

Нѣтъ труднѣе науки для человѣка, какъ изученіе самаго себя.

Богъ даровалъ всѣмъ намъ жить, однакожь каждый долженъ и трудиться.

Не должно полагаться на услуги лѣниваго, на помощь непріятеля, на совѣты завистника и на горячую любовь женщинъ.

Въ области женскихъ модъ нѣтъ той куріозной выдумки, которая бы не увлекала женщину.

Въ степени сильнаго гнѣва умъ всегда памрачается.

Кто одобряетъ худыя намѣренія, тотъ какъ будто самъ имѣетъ склонность ихъ исполнить.

Пріятность здѣшней жизни состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть необходимое.

Безсмысленный шумъ толпы черни и стукъ колесъ телеги на каменной мостовой имѣетъ одинаковое значеніе.

Кто не признаетъ въ человѣкѣ достоинства по личнымъ его заслугамъ, тотъ самъ дѣлается его недостойнымъ.

Ты дружба — разумъ сердца!
Любовь — ты сердца бредъ.

Жадность ни чѣмъ не удовольствуешь; это такая болѣзнь, которую ничто не можетъ излечить. Она подобна болѣзни водянкѣ, возбуждающей постоянно жажду, которая утолена быть не можетъ.

Тотъ живетъ спокойно, кто доволенъ малымъ; но то уже не мало, если кто живетъ тѣмъ, что имѣетъ. *Сенека*

говоритъ: «никогда того не мало, чего довольно, и никогда того не много, чего не довольно. И какъ всѣ тѣ бѣдны, которые не имѣютъ предѣловъ своимъ желаніямъ и которые одну прихоть вытѣсняютъ началомъ другой.

Все зависитъ отъ начала; и потому какъ бы оно малымъ не казалось, презирать имъ не должно. *Аристотель* сказалъ: «начало хотя по объему мало, но велико силою». Или какъ говоритъ *Овидій:*

«Рѣка сперва родится маленькимъ ручьемъ;
«Но увеличивается въ теченіи своемъ;
«И наполняясь изъ рѣкъ другихъ, водою,
«Становится потомъ широкою рѣкою.
«Какого ты быка боишься теперь,
«Того ты глаживалъ въ телятахъ, повѣрь;
«Подъ какимъ деревомъ прячешься теперь отъ зноя,
«То было прутикомъ иль гибкою лозою».

Сердца юношескія суть новые сосуды, которые чѣмъ сперва будутъ наполнены, того запахъ долго сохраняютъ.

Искать благодѣяній, значитъ желать узъ, чтобы быть связану. Добиваться милости, добровольно желать цѣпей.

Лесть орудіе презрѣнное; оно побѣждаетъ лишь сердца малодушныя и мелкія.

Нужно спѣшить всегда медленно: что пріобрѣтается медленно, то бываетъ больше и прочнѣе того, что получается быстро.

Почести, пріобрѣтаемыя медленно и постепенно, бываютъ уважительнѣе, чѣмъ тѣ, которыя достигаются быстро и неожиданно. — Что родится скоро — скоро и умираетъ. — Скорое восхожденіе на высокія степени сколько блистательно, столько и опасно, потому что всегда возбуждаетъ зависть въ другихъ.

Вещи доходящія до насъ сами собою суть вещи случайныя: благородство, перешедшее отъ предковъ—благородство случайное.

Гораздо болѣе чести отличиться самимъ собою, нежели заимствовать достоинство чести отъ своего рода.

Истинное благородство пріобрѣтается добродѣтелью, а случайное достается по-наслѣдству.

Кровью распложается кровь, а не добродѣтель.

Собраніе картинъ и медалей знаменитыхъ мужей не дѣлаетъ насъ благородными.—Никто не жилъ для нашей славы, и потому, что было прежде насъ, того присвоивать себѣ не должно.

Кто превозносится своимъ родомъ, тотъ хвалитъ чужое.

Во всемъ должно держаться средины, и не иначе прибѣгать къ крайностямъ, какъ въ случаяхъ крайнихъ.

Всякое усиліе утомительно, всякое напряженіе не прочно.

Плавать должно не слишкомъ близко къ берегу, не слишкомъ отъ него далеко. — Благополучно плаваетъ тотъ, кто держится златой средины.

Паруса поднимать должно при вѣтрѣ умерѣнномъ, а не во время бури.

Умѣрять всякое стремленіе не есть знакъ нерадѣнія; но дѣло благоразумія.

Пусть трудъ нашъ будетъ не громадный; но былъ бы онъ дѣльный.

Поднимать большія тяжести силами малыми — дѣло искусства; но находить способъ совершать дѣла великія средствами малыми—дѣло разума.

Нѣтъ надобности плыть по срединѣ опаснаго океана, когда можно достигнуть извѣстной пристани, плывя въ виду берега.

Войско стройное столько же можетъ успѣть съ силами малыми, сколько худо устроенное — съ великими.

Войско, лишенное порядка, подобно тѣлу лишенному головы, и не столько уже походитъ на войско, сколько на чудовище его.

Отсутствіе порядка служитъ причиною большихъ потерь не только въ дѣлѣ военномъ, но и во всей нашей жизни.

Гдѣ отсутствуетъ порядокъ, тамъ во всемъ дѣлается путаница и неурядица — хаосъ: въ воздухѣ рождается громъ и молнія; въ землѣ — колебаніе или трясеніе; на море — кораблекрушеніе; въ городахъ — раздоры; въ семействахъ — несогласія; въ тѣлѣ болѣзни; въ душѣ — погрѣшности: безпорядокъ во всемъ мірѣ служитъ лишь къ раззоренію; — между тѣмъ какъ порядокъ — душа тишины, спокойствія, согласія, благоденствія и наслажденія.

Нѣтъ ни одной вещи столь ничтожной и маловажной, въ которой бы человѣкъ когда либо не нуждался. Вся сила человѣка и его могущество безъ пособій сторонниxъ — совершенное безсиліе.

Нельзя ничего презирать необдуманно: рано или поздо можетъ постигнуть случай, когда почувствуемъ нужду и почтемъ за великое то, что прежде казалось малымъ.

Никто бозъ помощи другихъ обойтись не можетъ: часто и при средствахъ самыхъ громадныхъ чувствуютъ недостатокъ.

Не вникнувъ въ дѣло судить не должно. *Демокритъ* часто говаривалъ: «превосходный судья тотъ, который выслушиваетъ скоро, а судитъ медленно».

Сенека также говоритъ: «когда судишь, знай что судишь». Судья долженъ знать много, и судъ—дѣло великое.

Великій судья Александръ (Македонскій) поступалъ такъ: когда говорилъ ему доносчикъ, онъ слушалъ однимъ ухомъ, а другое затыкалъ пальцемъ, и на вопросъ о причинѣ этого—отвѣчалъ: «другое берегу свободнымъ для отвѣтчика».

Марцеллъ, въ Римѣ, приказывалъ всю судную площадь (Forum) обставлять ширмами, чтобы судьи лучше выслушивали просителей. Но сколько для судей нуженъ слухъ, не менѣе того необходимо и зрѣніе, такъ какъ въ судѣ по большей части присутствовали два непріятеля: дружба и сребролюбіе.

Награды должны соотвѣтствовать заслугамъ. Трудъ поддерживается поощреніями; по награждать трудъ, безъ строгой оцѣнки его, не слѣдуетъ—сказалъ еще *Аристотель*.

Онъ же говаривалъ: между ученымъ и невѣждою такая-же разница, какая между живымъ и мертвымъ. Науки служатъ украшеніемъ въ счастіи и утѣшеніемъ въ бѣдности. И когда спросили у него, какая польза отъ философіи, онъ отвѣчалъ: она научаетъ насъ дѣлать добровольно то, что другихъ заставляютъ исполнять силою.

Одно богатство мало дѣлаетъ чести. Богачъ безъ добродѣтели и просвѣщенія—невольникъ въ золотомъ ко-

стюмѣ — лошадь въ драгоцѣнномъ чепракѣ — оселъ въ великолѣпномъ уборѣ. Золотое руно прекрасно;—но какая польза оттого овцѣ? Она и въ золотомъ кожухѣ остается овцою.

Аристипъ часто говаривалъ: гораздо лучше быть бѣднякомъ, нежели невѣждою, потому что бѣдному можно пособить небольшимъ количествомъ денегъ, а невѣжду надобно еще сдѣлать человѣкомъ.

Онъ же нѣкогда потребовалъ отъ одного родителя 50 драхмъ за обученіе его сына. Какъ, пятьдесятъ драхмъ! вскричалъ отецъ: да за эту цѣну я могу купить невольника. «Купи, отвѣчалъ философъ, такъ будешь имѣть двухъ».

Отдѣлъ VII.

Мысли, правила и разсужденія Герц. Ларошфуко. *).

Мы нерѣдко принимаемъ за добродѣтель то, что образовалось отъ случайнаго стеченія обстоятельствъ и условій.—Если мужчины бываютъ храбры, а женщины цѣломудренны, то это не всегда можно приписывать дѣйствительной храбрости и дѣйствительному цѣломудрію.

Самолюбіе величайшій льстецъ и опаснѣйшій изъ всѣхъ льстецовъ.

Сколько бы мы ни сдѣлали открытій въ области самолюбія, все еще останется для насъ много неизвѣстнаго и скрытаго.

Страсть часто дѣлаетъ глупымъ самаго умнаго, и умнымъ самаго глупаго человѣка.

---

*) Pensèes, maximes et reflexions de Duc de Larochefoucauld. Prince de Marsillac. Это сочиненіе еще въ XVII стол. повторилось въ изданіи много разъ, и у насъ переведено въ первый разъ въ 1809 г. Ив. Барышниковымъ.

Въ сердцѣ человѣка кроется вѣчное сѣмя страстей: по погашеніи одной всегда почти зарождается другая.

Если мы иногда и не поддаемся страстямъ, то это зависитъ болѣе отъ слабой ихъ степени, нежели отъ нашей воли.

Насъ убѣждаютъ однѣ только страсти, какъ искусство самой природы, законы которой непреложны. Часто человѣкъ самый простой, но одушевленный страстью убѣждаетъ сильнѣе самаго краснорѣчиваго, но хладнокровнаго оратора.

Страсти несправедливы, когда имѣютъ въ виду только собственныя пользы, поэтому довѣрять и слѣдовать имъ весьма опасно, даже и тогда, когда они уподобляются духу разума.

Страсти сколько не усиливайся скрывать подъ видомъ благонравія и чувствъ благородства, онѣ всячески пробиваются наружу.

Самолюбіе страдаетъ гораздо болѣе, когда болѣе порицаютъ наши любимыя склонности, нежели наши мнѣнія.

Милости знатныхъ часто бываютъ однѣми видами добродѣтели, дѣлаемыя для расположенія къ себѣ обязываемой личности.

Всѣ мы имѣемъ много силъ переносить чужія бѣдствія.

Твердость мудрыхъ — искусство скрывать тревожность духа.

Осужденные на смертную казнь иногда являютъ себя твердыми и презирающими смерть; но на самомъ дѣлѣ они страшатся взглянуть даже на орудіе смерти; по этому можно сказать, что подобная твердость и это презрѣніе для духа тоже самое, что повязка для глазъ.

Философія легко торжествуетъ надъ несчастіями будущими; тогда какъ надъ нею торжествуютъ настоящія.

Не многіе понимаютъ, что такое смерть; ее обыкновенно встрѣчаютъ не съ твердостію духа, но въ отсутствіи чувственности и по неизбѣжности; поэтому большая часть людей умираетъ въ томъ понятіи, что нельзя не умереть.

Если великіе люди вслѣдствіе продолжительныхъ несчастій дѣлаются наконецъ малодушными; то это доказываетъ одно ихъ суетное честолюбіе, а не твердость духа, и что герои, исключая ихъ громкую славу, суть такіе же люди, какъ и всѣ прочіе.

Въ счастіи потребно твердости и добродѣтели болѣе, нежели въ несчастіи.

На смерть и на солнце нельзя смотрѣть пристально.

Мы часто тщеславимся страстями, даже самыми порочными; но зависть такая робкая и постыдная страсть, что мы никогда не смѣемъ въ ней признаться.

Соревнованіе въ извѣстной степени всегда справедливо и благоразумно, потому что оно стремится охранять наше благо, или то благо, которое считаемъ собственнымъ; напротивъ того зависть — бѣшенство, которое не можетъ терпѣть блага другихъ.

Дурные наши поступки не навлекаютъ на насъ столько ненависти и гоненій, сколько наши преимущества и отличія.

Намъ недостаетъ не столько силъ, сколько доброй воли; поэтому мы часто считаемъ вещи невозможными, чтобы только оправдаться передъ самими собою.

Если бы мы не имѣли сами пороковъ, не замѣчали бы ихъ съ большимъ удовольствіемъ въ другихъ.

Если бы мы не имѣли сами гордости, не жаловались бы на гордость другихъ.

Ревность питается сомнѣніями; она или превращается въ азартъ, или совсѣмъ потухаетъ, какъ скоро отъ сомнѣнія переходитъ къ увѣренности.

Сила гордости одинакова у всѣхъ; различіе состоитъ только въ средствахъ обнаруживать ее.

Природа, столь мудро устроившая органы нашего тѣла для наслажденія счастіемъ, влила въ насъ чувство гордости, кажется, съ тою цѣлію, чтобы избавить насъ отъ непріятнаго сознанія нашихъ совершенствъ.

Мы дѣлаемъ упреки погрѣшающимъ не столько изъ добродушія, сколько изъ гордости, и укоряемъ ихъ не съ тѣмъ, чтобъ ихъ исправить; но съ тѣмъ, чтобъ имъ показать нашу непогрѣшимость.

Корыстолюбіе говоритъ на разныхъ языкахъ, и играетъ разныя роли, даже роль безкорыстнаго.

Мы даемъ обѣщанія по мѣрѣ надежды, а исполняемъ ихъ по мѣрѣ страха.

Человѣкъ нерѣдко воображаетъ, что онъ управляетъ собою, тогда какъ имъ самимъ управляютъ, и дѣйствительно, когда его умъ стремится къ одной цѣли, чувства незамѣтно влекутъ его къ другой:

Не слѣдовало бы говорить: твердость духа, слабость духа; въ дѣйствительности эти качества не иное что, какъ хорошее или слабое сложеніе тѣла.

Привязанность, или хладнокровіе философовъ къ жизни составляютъ только вкусъ ихъ самолюбія, о которомъ столько нужно спорить, какъ о вкусѣ (въ пищѣ) и о цвѣтахъ.

Расположеніе духа оцѣниваетъ всѣ дары счастія.

Счастіе зависитъ отъ вкуса, а не отъ вещей: мы бываемъ счастливы не тогда, когда обладаемъ вещами дорогими для другихъ; но когда имѣемъ то, что дорого для насъ.

Мы никогда не бываемъ ни на столько счастливы, ни на столько несчастны, сколько воображаемъ.

Не встрѣчается ни столь несчастнаго случая, изъ котораго бы умные люди не извлекли полезнаго урока, ни столь счастливаго, котораго бы глупые не могли обратить себѣ во вредъ.

Люди, уважающіе свои заслуги, съ честію переносятъ несчастія, чтобы увѣрить другихъ и себя, что они умѣютъ бороться съ судьбою.

Мы бываемъ слишкомъ непостоянны: что сегодня порицаемъ, то нерѣдко на другой день одобряемъ; а это-то самое и должно уменьшить наше самолюбіе.

Никто не можетъ сдѣлаться героемъ безъ помощи счастія, какими бы преимуществами онъ ни былъ одаренъ отъ природы.

Презрѣніе богатства у философовъ было скрытное желаніе отомстить несправедливой судьбѣ за свои заслуги неуваженіемъ тѣхъ благъ, которыхъ она ихъ лишила. Это было искусство охранить себя отъ униженія въ бѣд-

ности; это былъ путь къ снисканію того уваженія, котораго они не могли пріобрѣсти богатствомъ.

Ненависть къ счастливцамъ ни что иное какъ желаланіе себѣ счастія. Досадуя, что не имѣемъ его, утѣшаемся презрѣніемъ тѣхъ, которые имъ пользуются; и не почитаемъ ихъ, будучи не въ состояніи лишить ихъ достоинствъ, коими пріобрѣтаютъ они почтеніе всѣхъ другихъ.

Иной, желая втереться въ большой свѣтъ и въ немъ утвердиться, дѣлаетъ все, что только возможно, чтобы тѣмъ показать, что онъ стоитъ на твердой ногѣ.

Счастіе обращаетъ все въ пользу своихъ любимцевъ, что̀ бы ихъ ни встрѣтило.

Люди, занимающіеся много игрушками, обыкновенно бываютъ неспособны къ дѣламъ важнымъ.

Чистѣйшая искренность есть глубокое откровеніе сердца; ее рѣдко можно встрѣтить: но обыкновенная ничто иное, какъ тонкое притворство, которымъ хотятъ снискать довѣріе другихъ.

Отвращеніе отъ лжи часто одно только скрытое тщеславіе придать болѣе вѣсу нашему выраженію и болѣе уваженія нашимъ словамъ.

Сама истина не столько производитъ добра, сколько видъ ея дѣлаетъ зла.

Благоразуміе превозносятъ; но какъ бы оно велико ни было, не можетъ увѣрить насъ въ успѣхѣ даже самыхъ маловажныхъ дѣлъ.

Человѣкъ умный всегда хорошо располагаетъ планы своихъ дѣлъ и исполняетъ ихъ по порядку, одинъ за другимъ. Торопливость же часто ихъ смѣшиваетъ и мы, желая получить все вдругъ, стремимся въ одно и тоже время къ такому множеству предметовъ, что, гоняясь за маловажнымъ, часто опускаемъ самые важные.

Трудно опредѣлить любовь; объ ней можно только сказать, что она въ душѣ — страсть повелѣвать любимымъ предметомъ, а въ тѣлѣ — скрытое и тайное желаніе имъ обладать.

Если существуетъ любовь самая чистая и несмѣшанная съ другими страстями, то она глубоко таится въ душѣ и неизвѣстна даже намъ самимъ.

Кто любитъ, тотъ не можетъ долгое время скрывать въ себѣ этаго чувства; кто не любитъ, не можетъ долгое время притворяться.

Если судить о любви по большей части ея дѣйствій; то она походитъ болѣе на ненависть, нежели на любовь.

Можно найти женщинъ, которые никогда не любили; но трудно отыскать такую, которая бы любила однажды.

Любовь одна, но различны ея копіи.

Любовь, подобно пламени огня, не можетъ долго длиться безъ постояннаго воспламененія ея: она погасаетъ, какъ скоро перестаютъ надѣяться, или опасаться.

Истинная любовь подобна явленію призраковъ: многіе говорятъ о послѣднихъ, но не многіе ихъ видѣли.

Мы приписываемъ любви множество такихъ дѣйствій, въ которыхъ она имѣетъ участіе не болѣе того, какое нѣкогда имѣлъ *Дожъ* въ дѣлахъ Венеціи.

Непостоянство въ дружбѣ рождается оттого, что качество ума узнавать легче, нежели качества души.

Мы любимъ все только по нраву и отношенію къ самимъ себѣ, и если предпочитаемъ себѣ друзей; то въ этомъ слѣдуемъ одному своему вкусу и удовольствію; впрочемъ подобное предпочтеніе только и составляетъ истинную и совершенную дружбу.

Примиреніе съ друзьями составляетъ одно желаніе: привести себя въ лучшее состояніе: отъ утомленія враждою и отъ опасенія худыхъ послѣдствій.

Мы часто хотимъ увѣрить себя, что любимъ тѣхъ, которые могущественнѣе насъ; а на самомъ дѣлѣ наша любовь одинъ корыстный видъ: мы бываемъ привержены къ нимъ не съ тѣмъ, чтобъ быть имъ полезными; но чтобъ имѣть пользу отъ нихъ.

Какъ можно требовать отъ другаго, чтобы не открывалъ нашей тайны, когда мы сами скрыть ее не можемъ.

Странно, многіе жалуются на слабую память; но никто—на слабый умъ.

Старые люди обыкновенно любятъ подавать добрые совѣты, утѣшаясь, что они уже не въ состояніи подавать дурныхъ примѣровъ.

Знатныя фамильныя имена вмѣсто того, чтобы возвысить, унижаютъ тѣхъ, которые не умѣютъ ихъ поддерживать.

Многіе говорятъ хорошее о своемъ сердцѣ; но никто не смѣетъ сказать того о своемъ умѣ.

Чѣмъ сильнѣе страсть къ любовницѣ, тѣмъ скорѣе она можетъ обратиться въ ненависть.

Иные никогда бы не влюблялись, еслибъ не слыхали о любви.

Самолюбіе оскорбляется, если оно обожало такіе предметы, которые кажутся ему болѣе недостойными обожанія.

Любовь къ правосудію большею частью является вслѣдствіе опасенія претерпѣвать неправосудіе.

Тонкость ума состоитъ въ вѣжливости и разборчивости; а ловкость его—въ искусствѣ представлять лестное въ пріятныхъ фразахъ.

Умъ всегда склоняется на сторону сердца.

Знающіе свой умъ, не всегда знаютъ свое сердце.

Умъ не можетъ играть долгое время роли сердца.

Люди и ихъ дѣйствія имѣютъ свою точку зрѣнія. Чтобъ можно было хорошо объ нихъ судить, нужно смотрѣть на нихъ иногда вблизи, а иногда издали.

Не тотъ уменъ, кто дѣйствуетъ умно *при случаѣ;* но тотъ, кто понимаетъ умъ, различаетъ его и съ нимъ согласуется.

Чтобъ имѣть полное понятіе о какой нибудь вещи; нужно знать самыя мельчайшія ея части; но какъ они почти безчисленны, то и понятія наши остаются всегда почти поверхностными и несовершенными.

Юность измѣняетъ свой вкусъ по степени жара крови, а старость сохраняетъ свой—по привычкѣ.

Люди (добрые) ни на что не бываютъ такъ щедры, какъ на совѣты.

Недостатки ума также увеличиваются со старостью, какъ и недостатки лица.

Есть хорошія супружества, но нѣтъ пріятныхъ.

Самая тонкая хитрость умѣть притвориться, будто бы мы попали въ разставленныя намъ сѣти, и легче всего обмануться, когда думаемъ обмануть другихъ.

Чаще измѣняютъ по малодушію, нежели по умыслу.

Нерѣдко дѣлаютъ добро съ тѣмъ, чтобъ можно было безнаказанно дѣлать зло.

Прибѣгать всегда къ хитрости означаетъ несостоятельность ума; а оттого, прикрывая себя ею съ одной стороны, обнаруживаютъ свой недостатокъ съ другой.

Хитрость и измѣна истекаютъ изъ одного источника — недостатка ума.

Считать себя умнѣе другихъ,—вѣрное средство быть обмануту.

Чтобъ отдѣлаться отъ искательнаго человѣка иногда достаточно бываетъ одного жесткаго слова.

Малодушіе такой порокъ, котораго нельзя исправить.

Влюбляться—порокъ маловажный у женщинъ, предавшихся любовнымъ дѣламъ.

Гораздо легче быть мудрымъ для другихъ, нежели для себя.

Тѣ копіи только и хороши, которые показываютъ смѣшное въ дурныхъ оригиналахъ.

Наши врожденныя качества не дѣлаютъ насъ столько смѣшными, сколько притворныя.

Вотъ одна изъ причинъ, почему въ обществѣ встрѣчаемъ весьма мало людей умныхъ и пріятныхъ: что каждый почти думаетъ болѣе о томъ, что намѣренъ самъ говорить; а не о томъ, что долженъ отвѣчать на слова другихъ. Люди самые вѣжливые и учтивые часто показываютъ только внимательный видъ; между тѣмъ какъ въ ихъ глазахъ и въ умѣ замѣтна совершенная безучастность въ томъ, о чемъ имъ говорятъ, и стремленіе къ тому, что сами желаютъ сказать; но они забываютъ, что худое средство нравиться другимъ, когда стараемся нравиться самимъ себѣ, и что хорошо внимать и хорошо отвѣчать—одно изъ величайшихъ достоинствъ, какимъ можемъ отличиться въ обращеніи въ обществѣ.

Въ обществѣ глупыхъ часто самый умный приходитъ въ большое затрудненіе.

Великіе умы могутъ сказать много въ немногихъ словахъ; — напротивъ, малые имѣютъ даръ говорить много и ничего не сказать.

Хорошія качества другихъ мы увеличиваемъ болѣе изъ уваженія къ своему собственному мнѣнію, нежели изъ уваженія къ ихъ достоинствамъ, и потому превознося ихъ, мы желаемъ превознести себя.

Мы не любимъ хвалить другихъ и никогда не хвалимъ, если не имѣемъ въ виду своихъ интересовъ. Похвала есть искусная, скрытая и тонкая лесть, удовлетворяющая равно и того, кто ее изъявляетъ, и того, кто при-

нимаетъ. Одинъ принимаетъ ее какъ награду за свои заслуги, другой изъявляетъ ее, чтобы тѣмъ показать свою справедливость и разсудительность.

Мы часто употребляемъ колкіе похвалы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ хвалимыхъ личностяхъ показать недостатки и обличить ихъ въ такихъ порокахъ, которыхъ другимъ путемъ открыть не рѣшаемся.

Мало людей столь благоразумныхъ, которые бы полезное для нихъ осужденіе предпочитали обольщающей ихъ похвалѣ.

Въ укоризнахъ иногда заключаются похвалы, а въ похвалахъ — поношеніе.

Лесть другихъ не могла бы намъ вредить, еслибъ мы не льстили самимъ себѣ.

Природа сообщаетъ человѣку дарованія, а счастіе обнаруживаетъ ихъ.

Счастіе иногда исправляетъ въ насъ многіе недостатки, которыхъ умъ не могъ бы исправить.

Есть личности, которыхъ все достоинство состоитъ въ томъ, чтобъ шутить и дѣлать глупости всегда съ пользою; но заставьте ихъ перемѣниться, все можете испортить.

О знаменитости мужей всегда должно судить по тѣмъ средствамъ, какими они ея достигли.

Есть личности, которыя весьма похожи на ходячую монету: ихъ принимаютъ по курсу, а не по нарицательному ихъ достоинству.

Недостаточно обладать большими преимуществами; нужно умѣть ихъ употреблять.

Какъ бы ни казалось дѣло блистательнымъ, не должно считать его важнымъ, если оно совершилось не вслѣдствіе важнаго предпріятія.

Многіе поступки кажутся намъ смѣшными, между тѣмъ какъ скрытыя ихъ причины весьма умны и основательны.

Гораздо легче показать себя достойнымъ той должности, которую не занимаешь, нежели той, которую исправляешь.

Люди чаще награждаютъ одинъ видъ заслугъ, нежели самыя заслуги.

Надежда сколь ни обманчива, но она, по крайней мѣрѣ, ведетъ пріятнымъ путемъ къ концу жизни.

Въ предѣлахъ обязанности насъ часто удерживаетъ лѣность или робкость; а между тѣмъ это приписываютъ нашей добродѣтели.

Добродѣтели теряются въ корыстолюбіи, какъ рѣки въ моряхъ.

Мы дотого предубѣждены въ свою пользу, что часто считаемъ за добродѣтель пороки на нее похожіе, скрываемые отъ насъ самолюбіемъ.

Лучше употреблять умъ на то, чтобъ сносить несчастія настоящія, нежели предусматривать будущія.

Постоянство любви — безпрерывное непостоянство, въ которомъ сердце попеременно привязывается ко всѣмъ качествамъ любимой личности, предпочитая въ немъ то одно, то другое; такъ что подобное постоянство не иное что, какъ совершенное непостоянство, занятое однимъ предметомъ и въ немъ заключенное.

Постоянство не заслуживаетъ ни осужденія, ни похвалы: оно не иное что, какъ свойство склонностей и чувствъ, которыхъ ни отнять, ни дать себѣ не можемъ.

Мы иногда слегка обвиняемъ друзей, чтобы заранѣе оправдать свое легкомысліе.

Мы раскаеваемся не только отъ сожалѣнія, что совершили зло; сколько отъ спасенія послѣдствія того зла.

Мы сознаемся въ слабостяхъ съ цѣлію, чтобы этою откровенностію исправить дурное объ насъ мнѣніе другихъ.

Природа, кажется, каждому человѣку, при самомъ его рожденіи, начертала границы для его добродѣтелей и пороковъ.

Великіе пороки свойственны только людямъ великимъ.

Можно сказать, что пороки ожидаютъ насъ на пути жизни подобно гостинницамъ, въ которыхъ мы должны по временамъ останавливаться; и сомнительно, чтобы опытность остерегла насъ отъ нихъ, еслибъ намъ пришлось въ другой разъ проходить этимъ же путемъ.

Если пороки иногда оставляютъ насъ сами собою, то уже воображаемъ, что мы ими пренебрегли.

Душевные недостатки похожи на раны тѣла: какъ ни старайся ихъ залечивать, всегда останутся ихъ слѣды; поэтому нужно ежеминутно опасаться, чтобы ихъ снова не раскрыть.

Мы легко забываемъ наши тяжкія преступленія, если про нихъ никто не знаетъ, кромѣ насъ.

Мы часто не предаемся одному какому нибудь пороку потому, что имѣемъ уже многіе.

Желаніе казаться умнымъ, часто мѣшаетъ быть такимъ.

Мы часто превозносимъ одного, чтобы уронить другаго.

Кто думаетъ о себѣ, что можетъ обойтись безъ другихъ, тотъ слишкомъ ошибается; но тотъ ошибается еще болѣе, кто думаетъ, что безъ него не могутъ обойтись другіе.

Истинно-достойный человѣкъ не тщеславится никакими достоинствами.

Тотъ по истинѣ честный, который ищетъ случаевъ быть въ обществѣ честныхъ.

Есть глупые, которые сознаютъ себя такими и умѣютъ пользоваться своею глупостію.

Старѣясь, дѣлаемся и глупѣе, и умнѣе.

Стремленіе къ славѣ, избѣжаніе стыда, побужденіе къ пріобрѣтенію хорошаго состоянія, желаніе упрочить себѣ жизнь спокойную и пріятную и презирать ближнихъ; вотъ что часто составляетъ доблесть, столь высоко превозносимую въ обществахъ.

Иные личности похожи на модныя романсы: ихъ поютъ нѣкоторое время, какъ бы они отвратительны ни были.

Истинное мужество не требуетъ свидѣтелей: оно одинаково поступаетъ какъ про себя, такъ и въ присутствіи другихъ.

Неустрашимость есть необыкновенная сила духа, преодолѣвающая всѣ ужасы, смущенія и тревоги, какія только могутъ произойдти въ виду величайшей опасности. Обладая такою силою герои сохраняютъ спокойное положеніе и присутствіе духа при самыхъ ужасныхъ и поразительныхъ случаяхъ.

Лицемѣріе есть почтеніе, воздаваемое порокомъ добродѣтели.

Мало такихъ, которые, склоняясь къ старости, не обнаруживали бы причинъ слабости въ силахъ тѣлесныхъ и душевныхъ.

Не всѣ тѣ могутъ считаться благодарными, которые исполняютъ лишь долгъ благодарности.

Спѣшить отблагодарить какъ нибудь за одолженіе, показываетъ уже родъ неблагодарности.

Гордость не хочетъ быть въ долгу, а самолюбіе не хочетъ платить.

Люди, сдѣлавши намъ добро, хотятъ, чтобъ мы терпѣливѣе сносили отъ нихъ зло.

Тотъ не заслуживаетъ похвалы за добро, кто не въ состояніи сдѣлать зла: часто многія добродѣтели проистекаютъ собственно отъ безсилія воли.

Ни что столько не льстить нашей гордости, какъ довѣріе къ намъ знатныхъ; потому что мы считаемъ его какъ бы слѣдствіемъ нашихъ заслугъ, не разсуждая, что оно очень часто исходитъ изъ тщеславія, или невозможности хранить тайну. Итакъ, можно сказать, что довѣріе иногда есть утомленіе души, которымъ стараемся облегчить тягость, угнетающую душу.

Желаніе нравиться лежитъ въ основаніи женскаго характера; но его обнаруживаютъ не всѣ женщины, удерживаясь скромностію и разсудкомъ.

Мало такихъ вещей, которыя бы сами по себѣ были невозможны; но сдѣлать ихъ возможными намъ не достаетъ не столько средствъ, сколько старанія.

Нужно великое искусство, чтобъ умѣть скрыть свое искусство.

Тотъ крайне глупъ, кто хочетъ быть одинъ только умнымъ.

Великодушіе презираетъ все, чтобъ имѣть все.

Интересъ побуждаетъ ко всему: къ доброму и худому.

Униженіе не рѣдко представляетъ только притворный видъ покорности, съ цѣлію покорить себѣ другихъ. Это ухищреніе гордости, которая унижаясь, желаетъ возвыситься; однакожъ, какіе бы она виды не принимала, лучше не можетъ укрыться и болѣе успѣть въ обманѣ, какъ подъ личиною униженности.

Величайшее искусство состоитъ въ томъ, чтобъ хорошо знать цѣну вещамъ.

Иные нравятся и съ многими пороками; а другіе и съ хорошими качествами бываютъ противны. Зависитъ отъ взгляда.

Краснорѣчіе состоитъ не столько въ звукѣ голоса, сколько въ выборѣ пріятныхъ словъ.

Истинное краснорѣчіе состоитъ въ томъ, чтобъ говорить все, что должно.

Каждое чувство имѣетъ особый тонъ голоса, особыя тѣлодвиженія; и судя по этимъ движеніямъ, хорошимъ или дурнымъ, пріятнымъ или непріятнымъ, мы можемъ нравиться или не нравиться.

Въ каждомъ состояніи почти всѣ стремятся принять такой видъ и такую наружность, которые бы представляли то, чѣмъ они хотятъ казаться: и такъ, можно сказать, что свѣтъ составленъ изъ однихъ только наружныхъ образовъ.

Умѣнье важничать и жеманиться искусство тѣла, употребляемое для прикрытія недостатковъ ума.

Глаза и физіономія человѣка бываютъ также краснорѣчивы, и убѣждаютъ не менѣе самыхъ словъ.

Удовольствіе любви въ томъ, чтобъ любить. Мы счастливы болѣе тою страстію, которою обладаемъ, нежели тою, которую внушаемъ.

Учтивость есть желаніе, чтобы обходились съ нами учтиво и считали бы насъ вѣжливыми.

Ни въ какой страсти не преобладаетъ столь сильно самолюбіе, какъ въ любви: мы скорѣе пожертвуемъ спо-

койствіемъ любезнаго намъ предмета, нежели пожелаемъ лишиться хотя малѣйшей части своего.

Что называемъ щедростію, то часто бываетъ однѣмъ только тщеславіемъ, которое любимъ болѣе того, что даемъ.

Мы оплакиваемъ потерю нашихъ друзей не всегда по уваженію ихъ заслугъ; но часто по причинѣ нашихъ нуждъ и того добраго объ насъ мнѣнія, которое они питали.

Сострадательность можно назвать иногда предчувствіемъ нашихъ собственныхъ бѣдствій въ бѣдствіяхъ другихъ. Она есть умная предусмотрительность несчастій, которымъ сами можемъ подвергнуться. Мы благотворимъ другимъ съ тѣмъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ они благотворили, или лучше сказать: оказываемыя имъ услуги, суть благодѣянія, которые мы впередъ оказываемъ самимъ себѣ.

Умы малые всегда бываютъ упрямы, они не хотятъ вѣрить тому, чего ихъ глаза не видятъ.

Мы обманываемся, думая, что однѣ только сильныя страсти, каковы напр. любовь и честолюбіе, могутъ побѣждать другія. Лѣность, какъ ни безсильна, однако часто господствуетъ надъ ними. Она входитъ во всѣ намѣренія и дѣйствія человѣка и незамѣтно подавляетъ и уничтожаетъ, какъ страсти такъ и добродѣтели.

Слишкомъ большая поспѣшность, съ какою вѣримъ злу, не изслѣдовавъ его, происходитъ отъ лѣности и гордости. Мы хотимъ наидти виновныхъ; но не хотимъ принять на себя труда разсмотрѣть вину.

Нѣтъ человѣка, столь прозорливаго, который бы зналъ все то зло, какое дѣлаетъ.

Пріобрѣтенная честь всегда ручается за ту, какую думаемъ еще пріобрѣсти.

Состояніе молодости есть безпрерывное упоеніе: оно не болѣе какъ горячка ума.

Мы хотѣли бы проникнуть другихъ; но не хотимъ, чтобъ другіе проникали насъ.

Сбереженіе здоровья весьма строгою воздержностію составляетъ самую скучную болѣзнь.

Отсутствіе духа малыя страсти ослабляетъ, а большія усиливаетъ, подобно тому воздуху, который свѣчи гаситъ, а большое пламя усиливаетъ.

Женщины часто себѣ воображаютъ, что онѣ уже любятъ, тогда какъ еще вовсе не любятъ. Упражненіе въ дѣлахъ любовныхъ, ихъ вздохи, природное свойство быть любимыми и трудность отказывать, увѣряютъ ихъ, что они любятъ; между тѣмъ какъ все это одно кокетство.

Ложь подъ маскою иногда такъ удачно представляетъ истину, что худо бы тотъ рузсуждалъ, кто не былъ бы ею обманутъ.

Есть личности, которыя нравятся въ свѣтѣ, не имѣя другихъ отличій, кромѣ пороковъ, обыкновенныхъ въ обществѣ.

Есть злые личности, которые менѣе были бы опасны, еслибъ не имѣли ни одного хорошаго качества.

Значеніе великодушія уже опредѣлено и доказано достаточно; однакожь, можно сказать, что оно есть здравый смыслъ самолюбія и самое лучшее средство пріобрѣтать похвалы.

Невозможно въ другой разъ любить то, что дѣйствительно любить перестали.

Встрѣчаются такія обстоятельства дѣлъ, и такія болѣзни, которыя, отъ употребляемыхъ средствъ, нѣкоторое время дѣлаются хуже; и потому великое потребно искусство знать, когда опасно ими пользоваться.

Простота притворная не болѣе какъ тонкій обманъ.

Въ нравахъ болѣе недостатковъ, нежели въ умахъ.

О нравахъ людей можно сказать тоже, что о многихъ строеніяхъ. Онѣ имѣютъ стороны различныя: однѣ пріятныя, другія слишкомъ непріятныя.

Заслуга созрѣваетъ въ свое время, точно также какъ и плоды растеній.

Умѣренность не можетъ имѣть славы бороться съ честолюбіемъ и побѣдить его: они никогда не уживаются вмѣстѣ. — Умѣренность — холодность и лѣность духа; а честолюбіе его жаръ и дѣятельность.

Мы всегда любимъ тѣхъ, которые къ намъ внимательны; а не всегда тѣхъ, которые заслуживаютъ наше къ нимъ вниманіе.

Не думай, чтобъ ты всегда зналъ то, чего желаешь.

Трудно любить того, кого не уважаешь; но не легко и любить того, кого уважаешь гораздо болѣе себя.

Жизненные соки имѣютъ обыкновенное и правильное въ насъ теченіе, незамѣтно управляющее нашею волею. — Они обращаются нечувствительно, попеременно и тайно господствуютъ въ насъ, и имѣютъ столь сильное вліяніе на всѣ наши дѣйствія, что мы и сами того не постигаемъ.

Многіе благодарятъ изъ одного скрытнаго желанія получить гораздо большія благодѣянія.

Почти всѣ охотно благодарятъ за одолженія малыя; многія признательны — за посредственныя; но рѣдко кто не изъявляетъ неблагодарность за одолженія большія.

Многія дурачества переходятъ отъ однихъ къ другимъ, точно также какъ и заразительныя болѣзни, какъ, женскія моды.

Богатство многіе презираютъ на словахъ; но немногіе хотятъ съ нимъ разстаться на дѣлѣ.

Обыкновенно мы не отваживаемся полагаться на вѣроятность въ интересахъ только маловажныхъ.

Сколько бы ни говорили объ насъ хорошаго: все это будетъ для насъ не новое.

Мы часто прощаемъ тѣмъ, которые намъ надоѣли; но не хотимъ простить тѣмъ, которымъ сами надоѣдаемъ.

Корыстолюбіе, которое обвиняютъ во всѣхъ нашихъ злоупотребленіяхъ, часто заслуживаетъ похвалы за наши добрыя дѣла.

Рѣдко можно найдти неблагодарныхъ, пока еще въ состояніи дѣлать добро.

Сколько прилично гордиться собою, столько смѣшно гордиться другими.

Умѣренность такая добродѣтель, которая служитъ къ обузданію тщеславія знатныхъ, и къ утѣшенію людей посредственныхъ, при небольшихъ ихъ достаткахъ и малыхъ заслугахъ.

Въ жизни иногда встрѣчаются такія обстоятельства, изъ которыхъ нельзя выпутаться иначе, какъ притворившись глупымъ.

Если нѣкоторые и не обнаруживали въ себѣ ничего смѣшнаго, то потому, что въ нихъ смѣшнаго хорошо не искали.

Увлекаясь удовольствіемъ говорить о самихъ себѣ, нужно опасаться, чтобъ не навести скуку слушающимъ насъ.

Малодушные не могутъ быть откровенными.

Не велика бѣда обязать неблагодарнаго; но досадно быть обязаннымъ человѣку безчестному.

Есть средства помочь глупости; но нѣтъ средствъ исправить *кривотолка*.

Не надолго сохранишь чувства обязанности къ своимъ друзьямъ и благодѣтелямъ, какъ скоро позволишь себѣ часто отзываться объ ихъ порокахъ.

Превозносить добродѣтели знатныхъ, которыя имъ чужды, значитъ безнаказанно поносить ихъ.

Мы скорѣе полюбимъ тѣхъ, которые насъ ненавидятъ, нежели тѣхъ, которые любятъ насъ сверхъ нашего желанія.

Мудрость наша также зависитъ отъ счастія, какъ и самое богатство.

Часто малодушіе утѣшаетъ насъ въ такихъ бѣдствіяхъ, въ которыхъ не въ силахъ утѣшить разумъ.

Мы смѣло сознаемся въ незначительныхъ порокахъ, съ цѣлію скрыть большія.

Прощаютъ все, пока любятъ.

Таковы натуры женщинъ: онѣ скорѣе рѣшатся распроститься съ страстью любви, нежели съ кокетствомъ.

Ненависть скорѣе можно успокоить, чѣмъ зависть.

Мы часто думаемъ, что ненавидимъ лесть, тогда какъ ненавидимъ только видъ лести.

О нѣкоторыхъ добрыхъ качествахъ можно тоже сказать, что о чувствахъ. Кто совсѣмъ не обладаетъ ими, тотъ не можетъ отличать ихъ въ другомъ, и объ нихъ судить.

Мы сознаемъ свое счастіе или несчастіе только по степени нашего самолюбія.

Большинство женщинъ упражняетъ свой умъ больше въ мелочахъ, нежели въ важныхъ занятіяхъ.

Хладнокровіе старыхъ людей столь же противно благоденствію, сколько и пылкость юношества.

Кто гдѣ родился, можно замѣтить по чувствамъ, понятіямъ и языку.

Чтобъ сдѣлаться человѣкомъ значительнымъ, нужно умѣть пользоваться всѣми дарами счастія.

Большая часть людей, подобно растеніямъ, обладаетъ качествами скрытыми, открываемыми случаемъ.

Случаи разоблачаютъ насъ передъ другими, а еще болѣе передъ самими себою.

Для сердца и ума женщины нѣтъ другихъ правилъ, кромѣ тѣхъ, которыя нравятся собственно ей.

Мы считаемъ здравомыслящими и справедливыми болѣе тѣхъ, которые судятъ по нашему.

Въ любви часто сомнѣваются въ томъ, въ чемъ наиболѣе увѣрены.

Иные пороки, будучи хорошо обставлены, блистаютъ въ свѣтѣ болѣе самой добродѣтели.

Порядочный человѣкъ можетъ любить до сумашествія, но не до глупости.

Есть личности, о потерѣ коихъ можно болѣе сожалѣть, нежели грустить; а есть и такія, о которыхъ можно грустить и не сожалѣть.

Мы обыкновенно тѣхъ только хвалимъ отъ чистаго сердца, которые къ намъ внимательны.

Мелкіе умы огорчаются мелочами, а великіе смотрятъ на нихъ равнодушно.

Смиреніе вѣрный признакъ христіанскихъ добродѣтелей; безъ него мы остаемся при всѣхъ нашихъ порокахъ, которые прикрываются только гордостію, съ цѣлію утаивать ихъ отъ другихъ, и часто отъ насъ самихъ.

Малѣйшая невѣрность, коль скоро касается насъ, кажется намъ гораздо безчестнѣе, нежели самая большая, касающаяся другихъ.

Ревнивость всегда рождается съ любовію; но не всегда съ нею прекращается.

Большая часть женъ оплакиваетъ смерть своихъ мужей не столько изъ чувства любви, сколько изъ видовъ казаться еще болѣе достойною любви.

Насилія, причиняемыя намъ другими, часто бываютъ сноснѣе тѣхъ, крторыя мы дѣлаемъ сами себѣ.

Всѣ знаютъ хорошо, что ничего не должно говорить о своей женѣ; но не знаютъ, что еще менѣе должно говорить о самомъ себѣ.

Какъ бы мы ни сомнѣвались въ искренности людей, говорящихъ съ нами; но все же мы думаемъ, что они говорятъ намъ болѣе правды, нежели другимъ.

Мало такихъ вѣрныхъ женщинъ, которымъ бы не надоѣло быть вѣрными.

Большая часть вѣрныхъ женъ сокровище скрытое, которое потому только въ безопасности, что его не ищутъ.

Мы въ порокахъ своихъ должны утѣшиться, когда уже имѣли столько силъ, чтобы въ нихъ сознаться.

Усиліе погасить въ себѣ любовь, часто бываетъ мучительнѣе холодности любимаго предмета.

Трусы рѣдко понимаютъ свою робость.

Истинная дружба уничтожаетъ зависть; а истинная любовь — кокетство.

Самой большой недостатокъ проницательности человѣка состоитъ не въ томъ, что иногда не вполнѣ достигаетъ цѣли; а въ томъ, что нерѣдко за нее переступаетъ.

Можно передать хорошіе совѣты; но нельзя сообщить хорошаго поведенія.

Коль скоро заслуги наши унижены, униженъ и вкусъ.

Глупый не имѣетъ на столько ума, чтобъ сдѣлаться добрымъ.

Если тщеславіе не совсѣмъ отвергаетъ добродѣтелей, то во всякомъ случаѣ ихъ потрясаетъ.

Дѣла наши подобны заданнымъ рифмамъ, которыя каждый принаравливаетъ, къ чему хочетъ.

Желаніе говорить о себѣ и представлять свои пороки въ такомъ видѣ, въ какомъ желаемъ, составляетъ большую часть нашей откровенности.

Должно бы удивляться только тому, какъ мы можемъ еще удивляться.

Почти также трудно угодить тому, кто обвороженъ сильною любовью, какъ и тому, кто чуждъ всякой любви.

Тотъ обижаетъ чаще, кто не можетъ сносить обидъ другихъ.

Мы не имѣемъ духа сказать вообще, чтобъ въ насъ не было пороковъ, и чтобъ непріятели наши не имѣли добрыхъ качествъ, однакожъ бываютъ случаи, когда мы этому вѣримъ.

Счастіе снисходительно: оно иногда самые наши недостатки употребляетъ для нашего возвышенія. Есть столь тягостные люди, заслуги которыхъ были бы худо награж-

даемы, еслибъ не пожелали избавиться отъ ихъ присутствія.

Не воображай, чтобы тѣ, которыхъ ты *перехитривалъ,* были столько же смѣшны, сколько ты самъ, когда они тебя *перехитрили.*

Тщеславіе другихъ несносно для насъ потому, что имъ оскорбляется наше собственное.

Мы скорѣе позабудемъ свои интересы, нежели оставимъ склонности.

Счастіе никого такъ не ослѣпляетъ, какъ того, кому оно благопріятствуетъ.

Съ счастіемъ нужно поступать также какъ съ здоровьемъ: наслаждаться имъ, когда оно везетъ; терпѣть, когда не удается и никогда не прибѣгать къ сильнымъ средствамъ безъ крайней нужды.

Можно быть хитрѣе одного, но нельзя быть хитрѣе многихъ.

Изъ всѣхъ пороковъ нашихъ мы скорѣе всего сознаемся въ лѣности, полагая, что она заключаетъ въ себѣ всѣ скромныя добродѣтели, между тѣмъ какъ она, не уничтожая другихъ пороковъ, замедляетъ только исполненіе послѣднихъ.

Есть заслуги безъ повышенія; но нѣтъ повышенія безъ какой нибудь заслуги.

Повышеніе для заслугъ тоже самое, что украшеніе для красивыхъ.

Съ каждымъ годомъ нашей жизни мы вступаемъ въ свѣтъ, какъ люди совсѣмъ новые; не смотря, однакожь, на прибавку лѣтъ, мы остаемся часто тѣми же неопытными.

Старики, бывшіе въ молодости любезными, всегда кажутся смѣшнѣе, когда забываютъ, что они больше уже нелюбезны.

Мы стыдились бы иногда самыхъ лучшихъ нашихъ подвиговъ, еслибъ свѣтъ видѣлъ всѣ ихъ причины.

Высокая степень дружбы состоитъ не въ томъ, чтобъ обнаружить предъ другомъ свои недостатки; но чтобъ ему открыть его собственные.

Средства, употребляемыя для прикрытія пороковъ, столько же могутъ быть неизвинительны, сколько и самые пороки.

Глупые берутся судить обо всемъ, но только по своему разумѣнію.

Умъ часто служитъ къ тому, чтобы смѣлѣе дѣлать глупости.

Живость, возрастающая съ лѣтами, не далеко отстоитъ отъ глупости.

Молодыя женщины, которыя не хотятъ казаться кокетками, и пожилые мужчины, которые не хотятъ быть смѣшными, никогда не должны говорить о любви, какъ о предметѣ, въ которомъ бы они могли принимать участіе.

Можно выказать себя значительнымъ въ томъ чинѣ, который ниже нашихъ преимуществъ; но мы часто выказываемъ себя мало значительными, въ томъ, который выше насъ.

Какъ бы мы не обезславили своего добраго имени, отъ насъ всегда почти зависитъ возстановить хорошее объ немъ мнѣніе.

Внимательность придаетъ больше пріятности въ обращеніи, нежели остроуміе.

Всякая страсть можетъ увлечь насъ высказать какія нибудь дурачества; а любовь—самыя смѣшныя.

Не многіе умѣютъ быть стариками.

Мы легко извиняемъ друзьямъ ихъ пороки, если только послѣдніе не касаются насъ.

Желаніе казаться непринужденными, мѣшаетъ намъ болѣе всего быть такими.

Кто хвалитъ отъ чистаго сердца доброе дѣло, тотъ уже нѣкоторымъ образомъ участвуетъ въ немъ.

Тотъ лучше всего можетъ доказать, что родился съ большими преимуществами, кто родился безъ страсти зависти.

Если друзья насъ обманываютъ, мы должны быть только равнодушными къ увѣреніямъ ихъ въ дружбѣ; но никогда—хладнокровными къ ихъ несчастіямъ.

Легче узнать человѣка вообще, нежели узнать его въ особенности.

О заслугахъ человѣка должно судить не по собственнымъ его преимуществамъ, но по употребленію послѣднихъ.

Иная признательность бываетъ до того оживлена изъявленіями, что не только воздаетъ за полученныя благодѣянія; но заставляетъ благотворителей признавать себя нашими должниками, когда они перестаютъ быть нашими кредиторами.

Иногда бы мы и не пожелали того съ сильною настойчивостію, еслибъ знали, чего мы желаемъ въ сущности.

Если большая часть женщинъ мало уважаетъ дружбу, то это знакъ, что она имъ не столь пріятна, какъ любовь.

Въ дружбѣ, какъ и въ любви, нерѣдко счастливѣе бываютъ тѣмъ, чего не знаютъ, нежели тѣмъ, что извѣстно.

Странно! мы иногда добиваемся чести въ тѣхъ порокахъ, въ которыхъ не хотимъ исправиться.

Страсти, даже самыя сильныя, оставляютъ насъ на нѣкоторое время въ покоѣ; но тщеславіе никогда неугомонно.

Старые дураки глупѣе молодыхъ.

Если счастіе вдругъ возводитъ насъ на какое либо почетное мѣсто, не приготовивъ къ тому постепенно, такъ, что мы и искательствами его не добивались; то всегда почти бываетъ не возможно хорошо себя держать на немъ и казаться достойнымъ.

Уменьшая свои пороки, часто увеличиваемъ гордость.

Нѣтъ несноснѣе дураковъ умныхъ.

Какъ свѣтъ худо ни судитъ, но чаще признаетъ заслуги ложныя, нежели обходитъ истинныя.

Мы не будемъ въ проигрышѣ, если откажемся отъ хорошей объ насъ молвы съ тѣмъ, чтобы не говорили объ насъ ничего худаго.

Иногда дураки встрѣчаются съ умомъ, но никогда не бываютъ съ разсудкомъ.

Мы лучше выигрывали бы въ жизни, еслибъ казались такими, каковы мы въ дѣйствительности; а не старались казаться такими, какими быть не можемъ.

———

Мы иногда принимаемъ участіе въ несчастномъ положеніи нашихъ враговъ болѣе изъ чувства самолюбія, нежели изъ дѣйствительнаго чувства состраданія, чтобы тѣмъ доказать, что мы всегда выше ихъ стоимъ.

———

Наши враги судятъ объ насъ справедливѣе, нежели мы сами о себѣ.

———

Мы часто сами не можемъ того постигать, къ чему увлекаютъ насъ страсти.

———

Старость — тиранъ, запрещающій подъ смертнымъ наказаніемъ всѣ юношескія забавы и удовольствія.

———

Бываютъ такія дурныя качества, которыя перерождаются въ громадныя способности.

———

Мы никогда не желаемъ того съ горячностію, чего желаемъ, основываясь на здравомъ разсудкѣ.

———

Результаты всѣхъ нашихъ предположеній, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ, неизвѣстны и сомнительны: они всѣ почти зависятъ отъ случая.

———

Какъ ни рѣдка истинная любовь, но еще рѣже истинная дружба.

———

Мало такихъ женщинъ, которыхъ бы достоинства сохранялисъ долѣе ихъ красоты.

Желаніе возбудить къ себѣ сочувствіе или вниманіе большею частію бываетъ причиною нашей откровенности.

Зависть всегда длится долѣе, нежели счастіе тѣхъ, которымъ завидуемъ.

Твердость, сопротивляющаяся любви, дѣлается также крѣпкою и продолжительною. — Слабые люди, постоянно волнуемые страстями, рѣдко одержимы истинными изъ нихъ.

Воображеніе никогда не можетъ представить себѣ всѣхъ возможныхъ уловокъ и ухищреній, какія таятся въ натурѣ каждаго человѣка.

Одни только твердые люди способны быть истинно кроткими. То, что намъ кажется въ иныхъ кротостію, обыкновенно есть только слабость, которая превращается въ досаду.

Малодушіе болѣе противится добродѣтели, нежели пороку.

Приличіе кажется долгъ маловажный, но его соблюдаютъ болѣе другихъ.

Почему чувство стыда и ревнивости бываетъ слишкомъ мучительно —-причина та, что тщеславіе не въ состояніи его преодолѣть.

Здравомыслящему гораздо труднѣе управлять бредящими умами, нежели имъ подчиниться.

Нѣтъ ничего рѣже великодушія истиннаго; тѣ, которые думаютъ, что они великодушны, бываютъ только снисходительны или малодушны.

Умъ нашъ, изъ лѣности ли, или изъ постоянства, привыкаетъ къ предметамъ легкимъ и пріятнымъ. Подобная привычка всегда ограничиваетъ развитіе нашихъ способностей и потому человѣкъ никогда не стремится довести свой умъ до той степени совершенства, которой бы онъ могъ достигнуть.

Злословятъ обыкновенно болѣе изъ тщеславія, нежели изъ злости.

Если въ душѣ остаются еще хотя малѣйшія слѣды прежней страсти, то скорѣе можно впасть въ нее вновь, нежели совсѣмъ отъ ней излѣчиться.

Люди, предавшіеся сильнымъ страстямъ, считаютъ себя въ жизни счастливыми, а несчастными, если совсѣмъ отъ нихъ освободятся.

Въ духѣ лѣни болѣе, нежели въ тѣлѣ.

Наше положеніе, спокойное или неспокойное, зависитъ не столько отъ случаевъ серіозныхъ, встрѣчаю-

щихся въ жизни, сколько отъ пріятнаго или непріятнаго стеченія мелочей, случающихся ежедневно.

Какъ люди ни злорадны, однако не покушаются выдавать себя врагами добродѣтели, даже преслѣдуя ее, или нарочно признавая ее ложною, или вымышляя ей преступленія.

Невинность не находитъ себѣ столько покровителей, сколько преступленіе.

Чаще всего награждаютъ только видъ отличія, но не настоящее отличіе.

Чрезмѣрная скупость всегда почти обсчитывается: никакая другая страсть не уклоняется чаще отъ своей цѣли; ни на какую другую — не имѣетъ столько вліянія настоящее, ко вреду будущаго.

Скупость часто проявляетъ весьма противуположныя дѣйствія. Иные скряги жертвуютъ всѣмъ своимъ достояніемъ весьма сомнительной и отдаленной будущности; другіе, напротивъ, презираютъ будущіе величайшіе интересы, для ничтожныхъ настоящихъ.

Кажется все еще мало мы находимъ въ себѣ недостатковъ и потому число ихъ увеличиваемъ нѣкоторыми странностями, которыми думаемъ себя поправить и такъ пристально ими занимаемся, что онѣ дѣлаются какъ будто врожденными недостатками, которыхъ исправить уже не можемъ.

Вотъ доказателъство, что многіе понимаютъ лучше свои пороки, нежели какъ другіе думаютъ: они, объясняясь въ своихъ поступкахъ, никогда не остаются неправыми.— Самолюбіе, всегда ихъ ослѣпляющее, на этотъ разъ открываетъ имъ глаза и сообщаетъ столь правильное зрѣніе, что они скрываютъ или отвращаютъ малѣйшія обстоятельства, которыя могли бы навлечь на нихъ нарѣканіе.

Ссоры не продолжались-бы такъ долго, еслибъ вина падала только на одну сторону.

Красота въ отсутствіи молодости, и молодость въ отсутствіи красоты ни къ чему не служатъ.

Иные столь легковѣрны и легкомысленны, что имъ мало свойственны какъ дѣйствительные пороки, такъ и твердыя качества.

Иные до того бываютъ заняты собою, что въ пылу любви ищутъ минутъ оставить любимый предметъ, чтобъ заняться своими прихотями.

Любовь какъ ни пріятна сама по себѣ, но въ ней еще болѣе нравится то, какъ объясняются въ ней.

Ревнивость величайшее зло: она менѣе всего склоняетъ къ сожалѣнію людей, которые то зло возбудили.

Лучше не много остроты, нежели много, но не кстати.

Гораздо болѣе найдется людей безкорыстныхъ, нежели беззавистливыхъ.

———

Если желаемъ исправить человѣка отъ застѣнчивости, не должно его обличать въ ней.

КОНЕЦЪ.

АЛФАВИТНЫЙ

ПОЯСНИТЕЛЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ ИМЕНЪ И НАЗВАНІЙ

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

Абеларъ, Петръ, франц. ученый и писатель по части философскихъ и богословскихъ наукъ, имѣвшій свои идеи и свой взглядъ на эти науки и за то потерпѣвшій гоненіе. Род. въ Нантѣ въ Пале, почему и названъ *Палатиномъ* — въ 1079 г., ум. въ монастырѣ св. Марцела, близъ Шалона въ 1142 г.

Августинъ блажен., Аврелій, знаменитѣйшій изъ отцовъ западной церкви; род. въ сѣверной Африкѣ въ гор. Тагастѣ 354 г.; ученый язычникъ, обращенный въ христіанство въ Миланѣ 384 г.; умеръ 430 г. въ Гиппонѣ, въ сѣверн. Африкѣ, гдѣ былъ епископомъ. Знаменитый поборникъ христіанства и основатель монастыря, которому далъ особыя правила, извѣстныя подъ названіемъ: правила св. Августина, а отсюда и орденъ подъ назв. «Canonici regulares». Въ духовной литературѣ извѣстны его славныя сочиненія: 1) О градѣ Божіемъ (de civitate Dei, libri XXII) и 2) Исповѣди (Confessiones).

Августъ, консулъ и первый императ. римскій. Собственное его имя Юлій Цезарь Октавіанъ; но народъ, за его особенныя заслуги далъ ему имя Августъ, т. е. священный; род. въ Римѣ 63 г. до Р. Х., ум. въ Нолѣ въ Кампаніи 14 г. по Р. Х.—Правилъ всемірною монарх. 44 г. Онъ-то не задолго передъ своей кончиной сказалъ своимъ друзьямъ: «Ну, хорошо ли я сыгралъ свою роль? теперь аплодируйте, комедія кончилась».

Аверроэсъ, арабс. философъ, род. въ Кордовѣ въ Испаніи 1120 г., ум. въ Марокко въ Африкѣ 1198 г.

Авиценна, арабс. философъ и медикъ, род. въ Афшемѣ въ Персіи 980 г., ум. въ Гамаданѣ 1037 г.

Агонія (слово греческ.), предсмертная борьба умирающаго, или наступленіе смерти.

Адансонъ, *Михаилъ*, франц. естествоиспыт. и путешественникъ, род. въ Эксѣ въ Провансѣ 1727 г., ум. въ Парижѣ 1806 г.

Аланы, народъ азіат. скиѳскаго происхожденія, — кочевавшій въ древности съ своими стадами въ степяхъ на сѣверѣ Кавказа.

Александръ великій, царь македонскій, сынъ Филиппа и Олимпіады, род. въ Пеллѣ въ Македоніи въ 356 г. до Р. Х., умеръ на возвратномъ пути изъ своихъ знаменитыхъ походовъ, изъ Индіи—въ Вавилонѣ 323 г. до Р. Х.

Алжиръ, одна изъ 4-хъ большихъ странъ варварійскихъ владѣній въ Африкѣ. Прежде была провинціей оттоманской имперіи; а нынѣ французская колонія.

Алкидъ, онъ же и Геркулесъ, силачь, идеалъ героевъ, полубогъ изъ греческой миѳологіи.

Амальфи, приморскій промышленный гор. Неаполитанской области, при Салернскомъ заливѣ.

Амфіонъ, древнѣйшій греческій музыкантъ, сынъ Зевса и Антіоны, воспитанный самими музами. Гомеръ разсказываетъ, что онъ такъ хорошо игралъ на лирѣ, что даже камни складывались въ стѣны для постройки гор. Ѳивъ.

Амуръ, р. Восточн. Сибири, одна изъ самыхъ большихъ рѣкъ сѣверо-восточн. Азіи, протекающая, совсѣми своими изгибами, пространство около 4140 верстъ, образуется изъ соединенія рѣкъ Шилки и Аргуни близъ Нерчинска, впадаетъ въ Лиманъ Татарскаго Пролива.

Анаксагоръ, греческій философъ, род. около 500 г. до Р. Х. въ Клазоменѣ въ Малой Азіи, открылъ школу въ Аѳинахъ, былъ близокъ къ Периклу. Ѳукидидъ и Эврипидъ были его ученики; ум. 428 г.

Антонинъ благочестивый (Пій), Титъ Аврелій Фульвій, одинъ изъ лучшихъ римскихъ императоровъ, род. въ Немаузѣ въ Галліи

85 г. по Р. Х., усыновленъ Адріаномъ коему наслѣдовалъ 138 г.; возобновилъ разрушенные города, положилъ преграды грабительству правителей, прекратилъ гоненіе на христіанъ. Ум. 161 г., назначивъ своимъ наслѣдникомъ *Марка Аврелія*.

Антоній, *Маркъ*, тріумвиръ, род. 83 г. до Р. Х., родственникъ Цезарю по матери, велъ очень распутную жизнь, пріобрѣлъ любовь солдатъ и Цезаря; 53 г. сдѣланъ квесторомъ, 44 г. соконсуломъ Цезаря; убѣжалъ въ Александрію съ Клеопатрой, гдѣ и лишилъ себя жизни 30 г. до Р. Х.

Аргонавты, мореплаватели на кораблѣ Арго; названіе греческ. героевъ, ѣздившихъ въ Колхиду (при черномъ морѣ, нынѣшн. Мингрелію на Кавказѣ) за золотымъ руномъ, которое было отвезено туда Фриксомъ и Геллою и охранялось въ рощѣ Марса Дракономъ.

Ареопагъ, высшее судилище у древнихъ грековъ въ Аѳинахъ, преимущественно для уголовныхъ дѣлъ. Названіе получилъ отъ Ареоса, т. е. Холма, близъ Акрополя, на коемъ собирался Ареопагъ.

Аристидъ, справедливый, одинъ изъ десяти аѳинскихъ предводителей въ мараѳонской битвѣ съ Персами. Умеръ въ глубокой старости, пользуясь отличнымъ довѣріемъ и уваженіемъ своихъ согражданъ.

Аристиппъ, изъ Кирены, ученикъ Сократа, основатель киренейской школы.

Аристотель, величайшій изъ греческ. философовъ, основатель школы *перипатетиковъ*, род. 384 г. до Р. Х. въ Стагирѣ въ Македоніи, отъ Никомаха, врача македон. царя Аминта; ученикъ Платона; ум. на 64 г. въ Халцидѣ. Въ 343 г. Филиппъ царь макед. поручилъ ему воспитаніе сына своего Александра (велик.) и въ благодарность за воспитаніе выстроилъ разрушенную Стагиру и учредилъ тамъ школу, учителемъ коей былъ Аристотель. Его воспитанникъ, т. е. Ал. Макед. дотого былъ къ нему признателенъ, что торжественно произносилъ: «Я обязанъ Филиппу жизнію, а Аристотелю искусствомъ жить». Этотъ философъ имѣлъ наблюдательный духъ въ высшей степени. Нынѣшніе естествоиспытатели, наученные опытомъ всѣхъ прошедшихъ вѣковъ, начиная отъ Аристотеля, и теперь еще отзываются объ немъ съ уваженіемъ. Ему много обязаны и науки

изящныя: его піитика и реторика суть сокращенія хорошаго вкуса. Самая философія его заключаетъ въ себѣ много прекраснаго. Онъ давалъ уроки свои прохаживаясь, отчего послѣдователи его и названы *перипатетиками* (отъ слова peripatus — прогулка).

Атомъ, собственно есть самомалѣйшая недѣлимая частица каждаго въ мірѣ вещества — частица безъ дѣленія, но имѣющая свою форму. Объ этихъ частицахъ *Демокритъ* основалъ цѣлую систему ученія.

Ахаія, область въ сѣверной части Пелопонеза (въ Греціи), между Элидой, Аркадіей и др. областями. 12 главныхъ городовъ ея составляли между собою Союзъ, названный *ахейскимъ союзомъ*, около 284 г. до Р. Х.

Ахиллъ или Ахиллесъ, сынъ Өетиды и Пелея, царя Фтіотиды, знаменитый изъ героевъ, осаждавшихъ Трою; при рожденіи погруженъ матерью въ рѣку Стиксъ, отчего сталъ неуязвимъ во всемъ тѣлѣ, исключая пятки, за которую мать держала его. При осадѣ Трои убилъ Гектора, но вскорѣ самъ былъ смертельно раненъ Парисомъ въ пятку (См. Иліаду и Одиссеи, глав. 24).

Аөины, Athenae, Сетины у турковъ, древняя столица Аттики, нынѣ главн. гор. греческаго королевства, въ 7½ верст. отъ моря (средиземн.).

Байронъ, Ноэль Георгъ Гордонъ, англійскій лордъ, величайшій поэтическій геній новѣйшихъ временъ, род. 1788 г. въ Доверѣ, ум. въ Миссолунги въ Греціи въ 1824 г.

Баярдъ, Пьеръ дю-Террайль сеньоръ, прозванный *рыцаремъ безъ страха и упрека*, род. 1476 г. въ зàмкѣ Баярдѣ, близъ Гренобля, былъ сначала пажемъ герц. Савойскаго, вступилъ въ службу Карла VIII, короля франц. и отличался подъ начальствомъ его въ Италіи. Онъ оказалъ Франціи большія услуги, за что Парижъ провозгласилъ его *спасителемъ отечества.* Убитъ 1524 г. при Лоди.

Баконъ, Францискъ, самый знаменитый изъ англійскихъ философовъ, юристъ и естествоиспытатель, род. въ Лондонѣ 1561 г., ум. 1626 г.

Батюшковъ, Констант. Никол. одинъ изъ замѣчательныхъ русск. поэтовъ. Род. 1787 г. въ Вологдѣ, служилъ сперва въ военной службѣ; ум. 17 Іюля 1855 г.

Бейль (Boyle), Робертъ, 7-й сынъ графа Ричарда Коркскаго. Извѣстенъ богословскими сочпненіями. Публично излагалъ истины христ. религіи. Род. къ Ирландіи 1626 г., ум. въ Лондонѣ 1692 г.

Битти (Beattie), Джемсъ, Шотландскій поэтъ и философъ, род. 1735 г. графствѣ Кинкарденнъ; былъ профес. нравственной философіи въ Эдинбургѣ, и потомъ въ Абердинѣ, гдѣ и ум. 1803 г.

Бланшаръ, Жанъ Батистъ, французскій педагогъ и моралистъ; род. въ Вузьерѣ въ Арденскомъ Департ. 1731 г., ум. 1797 г. Былъ іезуитомъ и потому всю свою жизнь посвятилъ воспитанію и образованію юношества въ Бельгіи, куда удалился по уничтоженіи его ордена въ 1764 г. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій по части воспитанія и образованія юношества обоихъ половъ.

Богиній. Гаспаръ, медикъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ швейцарскихъ естествоиспытателей своего времени; род. въ Базелѣ 1560 г., ум. тамъ же 1624 г.

Боннетъ. Карлъ, философъ и естествоиспытатель, глубокомысленный наблюдатель и одинъ изъ первыхъ философовъ своего времени, род. въ Женевѣ 1720 г. гдѣ и умеръ 1793 г.

Боссюэтъ, Жакъ Бенинъ, знаменитый французскій проповѣдникъ и писатель, род. 1627 г. въ Дижонѣ; ум. 1727 г. Его рѣчь на смерть маршала Конде считается образцомъ духовнаго краснорѣчія. Онъ много написалъ въ своей жизни, такъ что Бенедиктинцы, въ Версали, издали полное собраніе его сочиненій въ 46 томахъ въ 1815—19 г.

Брутъ, Маркъ Юній, заслужившій названіе послѣдняго римлянина; онъ вмѣстѣ съ Кассіемъ убилъ въ сенатѣ Юлія Цезаря, и потомъ, разбитый въ сраженіи при Филиппахъ 42 г. до Р. Х. легіонами Антонія Октавіана, самъ себя лишилъ жизни.

Буало (Боало), Никола, прозванный *Деспрео,* одинъ изъ славнѣйшихъ французскихъ поэтовъ, род. 1631 г. въ Кроснѣ близъ Парижа. ум. 1711 г.

Бурдахъ, Карлъ Фридр., профес. анатоміи и физіологіи. Въ 1842 г., онъ написалъ «взгляды на жизнь» — кромѣ другихъ своихъ сочин. по части физіологіи. Род. 1776 г. въ Лейбцигѣ, ум. 1847 г.

Бюффонъ, Жоржъ Луи Леклеркъ, графъ, знаменитѣйшій франц. натуралистъ, род. 1707 г. въ Монбардѣ, ум. въ Парижѣ 1788 г.

Вакхъ, богъ вина (у древн. грековъ), сынъ Зевса и Семелы, а отсюда и Вакханка, т. е. почитательница сего мнимаго бога.

Вассалъ, такъ назывался въ средніе вѣка владѣлецъ поземельной собственности, обязанный за право владѣнія разными повинностями тому, кому принадлежала владѣемая имъ земля.

Виландъ, Христофъ Мартинъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, современникъ Шиллера, Гёте и Гердера, род. 1733 г. близъ Биберихa, ум. въ Веймарѣ 1843 г.

Виргилій, Публій Маронъ, славнѣйшій эпическій и дидактическій поэтъ, род. 70 г. до Р. Х. близъ Мантуи; съ 40 г. жилъ въ Римѣ и былъ любимецъ Августа и Мецената. Ум. 19 г. до Р. Х. въ Брундузіумѣ.

Вихры Декарта, ученіе для объясненія движенія планетъ, и ихъ спутниковъ около солнца и около планетъ. особенно для объясненія согласнаго направленія ихъ пути.

Вольта, Александръ, графъ, знаменитый итальянскій физикъ; род. 1745 г. въ Комо, ум. 1827 г.

Вольтеръ (François Marie Arouet de Voltaire), величайшій франц. писатель XVIII ст., сынъ адвоката, который впослѣдствіи былъ оцѣнщикомъ при счетной палатѣ; род. 1694 г. близъ Парижа, ум. 1778 г.

Вольфъ, Христіанъ, баронъ, знаминитый нѣмецкій философъ и математикъ, род. 1679 г. въ Бреславлѣ, ум. канцлеромъ Галльскаго университета, вступивъ въ эту должность въ 1740 г.

Вононъ сынъ Фраата, царя Парвскаго, въ древн. Греціи.

Габлицъ, Карлъ Ивановичъ, тайный совѣт. и сенаторъ; род. 1752 г, въ Кенигсбергѣ, 1758 г. прибылъ съ отцомъ въ Россію, участвовалъ въ ученой экспедиціи Гмелина по Россіи, 1781 въ экспедиціи гр. Войновича въ Каспійскомъ морѣ; будучи главнымъ директоромъ государственнаго лѣсоводства, завелъ первыя въ Россіи лѣсныя училища. Ум. 1821 г.

Галилей, величайшій ученый своего времени; род. 1564 г. въ Пизѣ; сдѣлалъ весьма важныя открытія въ области физики, механики, астрономіи и математики, ум. 1642 г.

Галлеръ, Альбрехтъ, физіологъ, ботаникъ и поэтъ; родился 1708 г. въ Бернѣ, жилъ долгое время въ Геттингенѣ, ум. въ Бернѣ 1777 г.

Гангъ, главная рѣка въ Ост-индіи, образуется на южномъ склонѣ Гималайскаго хребта изъ рѣкъ Башрати и Алакаланды; впадаетъ въ Бенгальскій заливъ. Гангъ есть священная рѣка Индусовъ.

Гарвей, Вильямъ (англич.), род. въ графствѣ Кентъ 1578 г.; лейбъ медикъ Карла I; ум. 1658 г. Онъ, какъ физіологъ, первый открылъ и доказалъ обращеніе крови; онъ же, въ своемъ сочин. «de generatio animalium», опровергаетъ «generatio aequivoca».

Гегель, Георгъ Вильг. Фридр., знаменитый нѣмецкій философъ, подобный Шеллингу; род. 1770 г. въ Штутгардѣ, жилъ въ Іенѣ, Нюренбергѣ, Гейдельбергѣ, и съ 1818 г. въ Берлинѣ, гдѣ и умеръ 1831 г. Изъ его философіи замѣчательно положеніе о нравственности: «Нравственность состоитъ въ нравственной природѣ, въ дѣйствіяхъ къ истинно разумнымъ цѣлямъ. Единство бытія и мышленія выражается предложеніемъ, *что разумно, то дѣйвтвительно; что дѣйствительно, то разумно*.

Гезіодъ, греческ. поэтъ IX ст. до Р. Х,. считается главою новой Віотійской школы, противоположной Іонійской или гомеровой.

Генрихъ IV, римско-нѣмецкій императоръ съ 1056 г. по 1106 г., извѣстный по гоненію на него папы Григорія VII. Род. 1050 г., ум. въ Люттихѣ 1106 г.

Георги, Іоганъ Готлибъ, род. въ Помераніи, сопутствовалъ Палласу въ его путешествіи по Россіи, а потомъ — Фальку въ Оренбург. губерн.; впослѣдствіи путешествовалъ отдѣльно отъ нихъ и 1774 г. возвратился въ Петербургъ, гдѣ и ум. 1802 г.

Геркулесовы Столбы, въ древности два мыса: *Кальпо* и *Абила*, нынѣ Гибралтаръ и Цеута, по обѣимъ сторонамъ гибралтарскаго пролива (между Средиз. мор. и Атлант. ок.); онѣ служили предѣломъ извѣстнаго тогда свѣта, и по преданію, поставлены Геркулесомъ, во время его путешествія.

Гердеръ, Іог. Готфридъ, знаменитый нѣмецкій писатель—богословъ; 1764 г. былъ проповѣдникомъ въ Ригѣ; въ 1767 г. оставилъ

это мѣсто, равно отказался и отъ директорства нѣмецк. Петропавловскаго училища въ Петербургѣ, отправился путешествовать. Онъ много писалъ въ своей жизни; но о богословскихъ предметахъ болѣе. Одно изъ сочиненій его, еще неоконченное, подъ заглавіемъ: Ideen zur Philosophie d. Geschichte d. Menschheit, переведено на русск. языкъ, въ 1829 г., но довольно дурно. Род. 1744 г. въ Морунгенѣ въ восточной Пруссіи; ум. 1803 года въ Веймарѣ.

Германія или нѣмечина такъ называются земли и народности, лежащія за рѣкою Нѣманомъ на сѣверо-западъ. Германія вообще состоитъ изъ многихъ различныхъ государствъ: изъ Пруссіи, Саксоніи, Баваріи, Виртемберга, Гановера, Мекленбурга, эрц-герцогства австрійскаго и многихъ другихъ герцогствъ и княжествъ; но королевства: Богемія (Чехія), Венгрія съ Трансильваніей и другія славянскія земли, составляющія части австрійской имперіи не входятъ въ составъ германскаго союза. Съ 1867 г. Пруссія, по завоеваніи многихъ германскихъ королевствъ и герцогствъ, образовала *сѣверо-германскій союзъ*.

Гермесъ, греческое названіе египетскаго бога *Тота*, посредника между богами и людьми, и олицетвореніе египетской жреческой касты и ея образованія. Онъ почитался не только изобрѣтателемъ извѣстныхъ египетскихъ гіероглифовъ и вообще письменъ, но и вообще всѣхъ наукъ и искусствъ.

Гермогенъ, 2-й патріархъ всероссійскій съ 1606 по 1612 г., во времена междуцарствія былъ душою народнаго возстанія противъ поляковъ, желавшихъ ввести въ Россіи латинство, за это заключенъ былъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ и умеръ отъ голода 1612 года.

Герцогъ Бургонскій, Луи, сынъ Дофина Лудовика, брата Лудовика XV, внука Лудовика XIV; род. въ Версалѣ 1682 года, умеръ дофиномъ скоропостижно 1712 г.

Гесперъ, Конрадъ, знаменитый швейцарскій натуралистъ; онъ написалъ зоологію, хотя безъ классификаціи, но съ критической точки зрѣнія; онъ первый отличалъ растенія по органамъ оплодотворенія. Род. 1516 г. въ Цюрихѣ, ум. 1565 г. тамъ же.

Гмелинъ, Самуилъ Готлибъ, род. 1745 г. въ Тюбингенѣ, былъ тамъ профессоромъ; 1767 г. пріѣхалъ въ Россію профессоромъ академіи наукъ; ѣздилъ въ ученую экспедицію въ русскія азіатскія владѣнія; близъ Дербента попался въ плѣнъ азіатцамъ и тамъ умеръ 1774 г.

Гёте, Іог. Вольфгангъ, одинъ изъ величайшихъ германскихъ поэтовъ, философъ и естествоиспытатель; род. 1749 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, ум. въ Веймарѣ 1832 г. Онъ изучалъ правовѣденіе, химію, анатомію и медицину. 1771 г. былъ адвокатомъ во Франкфуртѣ. Вскорѣ потомъ обратилъ на себя вниманіе всего читающаго міра своими превосходными сочиненіями, которыхъ онъ написалъ очень много. Съ 1815 г. въ Веймарѣ былъ первымъ министромъ.

Гомеръ, древнѣйшій и знаменитѣйшій греческій поэтъ классической древности. Время жизни его одни относятъ къ 1105 г.; другіе къ 850 г. до Р. Х. Впрочемъ жизнеописаніе его заключаетъ въ себѣ много баснословнаго.

Гётчесонъ (Hutcheson), Францискъ, англійск. философъ, род. въ сѣверной Ирландіи 1694 г., ум. въ Гласговѣ профессоромъ 1747 г.

Говардъ (Howard), Джонъ, род. 1727 г. въ Англіи въ Энфильдѣ; сначала торговалъ въ Лондонѣ, потомъ путешествовалъ по Европѣ, съ 1752 г. началъ заниматься медициной и физикой.—Извѣстный филантропъ. Въ Парламентѣ съ успѣхомъ дѣйствовалъ къ облегченію заключенныхъ. Въ 1777 г. издалъ книгу: «Объ англійскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ и смирительныхъ домахъ». Умеръ въ Россіи 1790 г. и похороненъ близъ Херсона, куда онъ прибылъ, путешествуя, въ 1789 г.

Готѳы (Готы) германскій народъ, жившій во 2 стол. по Р. Х. около устьевъ Вислы и при Балтійскомъ морѣ; въ III стол. они явились въ Даніи, 237 г. въ первые вторглись въ римскія владѣнія, и съ тѣхъ поръ нѣсколько вѣковъ сряду играли значительную роль въ Европѣ.

Горацій Флаккъ, Квинтъ, знаменитый римскій поэтъ; род. въ Венузіи въ Апуліи въ 65 г. до Р. Х., ум. 8 г. до Р. Х.

Граціи, по-гречески *Хариты,* богини красоты и любезности; по Гомеру служительницы Венеры въ безчетномъ количествѣ. Впослѣдствіи считалось 3 граціи: *Аглая, Евфросинья* и *Таліа,* дочери

Юпитера; въ произведеніяхъ искуствъ ихъ обыкновенно представляютъ обнявшимися и голыми.

Греція, древняя, называлась у грековъ Элладою, а у римлянъ Graecia; нынѣ Греція съ островами Архипелага и Іоническими составляетъ особое, самостоятельное королевство.

Гроцій или Гроціусъ, Гуго, голландскій уроженецъ изъ гор. Дельфта, ученый историкъ и основательный богословъ. Род. 1583 г., ум. въ Ростокѣ 1645 г.

Гумбольдтъ, Фридрихъ Вильгельмъ Генрихъ Александръ, баронъ, знаменитый европейскій ученый и естествоиспытатель, всемірный путешественникъ; род. въ Берлинѣ 1769 г., ум. въ Геттингенѣ 1859 г.

Гунны, азіатскій кочевой народъ, господствовавшій во II вѣкѣ по Р. Х. въ верхней Азіи, покорившій *Аланъ* и вмѣстѣ съ ними разрушившій готѳское царство Эрманриха. Они Кочевали по Волгѣ.

Дантъ (собств. Дуранте), Алигіери, величайшій италіанскій поэтъ и философъ, обезсмертившій себя своею «божественною комедіей»; род. во Флоренціи 1264 г., ум. въ Равеннѣ 1321 г.

Декандоль, Августъ Пирамъ, женевскій знаменитый ботаникъ; род. въ Женевѣ 1778 г., гдѣ и ум. 1841 г.

Декартъ, Рене Картезій, замѣчательнѣйшій философъ и основатель картезіанской философіи; род. въ Гайе (въ Туренѣ, во Франціи, въ нынѣшнемъ Департ. Индре и Луаре) 1596 г., ум. въ Стокгольмѣ 1650 г. Тѣло его, въ 1666 г., было перевезено въ Парижъ и тамъ похоронено. Онъ былъ не только великимъ философомъ, но и великимъ математикомъ, астрономомъ и физикомъ.

Демократіа (сл. греческое) — народность, господствованіе народа въ государствѣ. Демократическое правленіе существовало во многихъ древне-греческихъ республикахъ, напр. въ Аѳинахъ.

Демокритъ, греческій философъ, родившійся въ Абдерѣ во Фракіи около 470 г. до Р. Х., ум. около 370 г. до Р. Х. Преданіе говоритъ, что онъ вѣчно смѣялся.

Демосфенъ (аѳинскій), величайшій греческій ораторъ и почти неподражаемый; ученикъ Платона, Каллистрата и Исократа. Род. 384 г. до Р. Х.; самъ себя лишилъ жизни отравой 322 г.

Децемвиръ, т. е. десятникъ, членъ составлявшейся въ Римѣ коллегіи изъ десяти мужей для разбора различныхъ дѣлъ народа. Это было около 202 г. до Р. Х.

Дигеста (digesta, по греч. pandectae), большая книга Юстиніановыхъ законовъ, составленная изъ сочиненій римскихъ законовѣдовъ, по повелѣнію Юстиніана, греч. императора.

Дидона (т. е. героиня, ·мужеубійца, Элиза, Ѳеіосса), дочь тирскаго царя Белота или Агенора (878 л. до Р. Х. Нашъ русскій писатель Як. Бор. Княжнинъ написалъ трагедію «Дидона».

Діогенъ, греч. философъ циникъ т. е. безстыдный; род. въ понтійскомъ гор. Синопѣ за 416 л. до Р. Х.. ум. въ Коринѳѣ на 96 г. отроду.

Дожъ (на итальянск. языкѣ *Dodsche*) отъ латин. *Dux*, высшій государственный начальникъ въ прежде бывшихъ республикахъ венеціанской и генуэзской, избиравшійся изъ сенаторовъ, съ герцогскимъ достоинствомъ и титломъ свѣтлости; его супруга называлась *dogesse* (duchesse). Эта верховная должность въ обоихъ государствахъ прекратилась по разложеніи ихъ кампо-формійскимъ миромъ въ 1798 г.

Долгорукій, князь, (долженъ быть) Яковъ Ѳедоровичъ, современникъ Петра перваго, тотъ самый, который былъ любимцемъ сего монарха, который въ 1695 г. участвовалъ въ азовскомъ походѣ, и который во время шведской войны былъ взятъ въ плѣнъ въ битвѣ подъ Нарвою; но въ 1711 г. освободился, бѣжалъ въ Ревель и былъ назначенъ Петромъ I-мъ въ сенаторы. Онъ отличался своею неустрашимостію, честностію и прямотою. Род. 1639 г.; ум. 1720 г.

Дріады или Гамадріады, лѣсныя нимфы. Такъ назывались въ греческой миѳологіи богини—хранительницы деревъ, съ коими они жили и умирали.

Дунсъ-Скотъ, Джонъ (съ названіемъ *doctor subtilis*), францисканскій монахъ, былъ сначала учителемъ богословія въ Оксфордѣ, въ 1304 г. въ Парижѣ, въ 1308 г. учителемъ философіи и богословія въ Кельнѣ. Род. въ Дунсѣ въ Нортумберландѣ (въ Англіи) около 1245 г., ум. въ Кельнѣ 1308 г.

Духъ закона (L'esprit de lois), сочиненіе извѣстнаго фрацузск. учонаго юриста, Шарля Монтескье (барона де-ла-Бредъ). Это сочиненіе оказалось до того превосходнымъ въ наукѣ «Философіи Права», что переведено на всѣ европейскіе языки и имѣло множество изданій.

Душенька, романтическая поэма, которою прославился въ литературѣ нашей Иппол. Ѳед. Богдановичъ, уроженецъ изъ Малороссіи, родившійся 1743 г., ум. 1803 г.

Египетъ, страна въ сѣверовосточной Африкѣ, по обѣимъ сторонамъ р. Нила, граничащая на сѣв. въ средиземнымъ моремъ, на востокъ съ Сиріей и Аравіей (посредствомъ Суэзскаго перешейка) и чермнымъ моремъ, къ югу Нубіей и къ западу Сагарою (Ливійскою Пустынею) и Триполи; раздѣляется на три части: на верхній, Средній и Нижній Египетъ.

Езопъ Фригійскій, отпущенный отъ философа Ядмона на свободу невольникъ, весьма дурной наружности, жившій, по преданію, около 550 г. до Р. Х. въ Самосѣ; хотя существованіе его личности нѣкоторыми совсѣмъ отвергается. Еще болѣе сомнительно то, чтобы басни, носящія названіе его, были писаны имъ.

Еропкинъ, Петръ Дмитр., дѣйств. Стат. Совѣт., былъ Московск. губернатор. 1790 г. Въ 1771 г. былъ посыланъ въ Москву, во время чумы, успокоивать жителей.

Жофруа Септъ-Илеръ, Этьенъ, естествоиспытатель, основатель знаменитаго зоологическаго сада въ Парижѣ. Род. въ Этамнѣ во Франціи 1772 г.. ум. въ Парижѣ 1844 г.

Жуковскій, Вас. Андр., славный романтическій поэтъ, писавшій много въ стихахъ и въ прозѣ, въ оригиналѣ и въ переводахъ; человѣкъ религіозно-нравственный, богобоязненный. Род. въ г. Бѣлевѣ тульск. губ. 1783 г.; получилъ образованіе въ университетск. Пансіонѣ въ Москвѣ. Въ 1812 г. былъ въ Московскомъ ополченіи. Въ 1817 г. приглашонъ былъ къ Двору и назначенъ наставникомъ русскаго языка и словенности къ Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ; послѣ 1825 г. Жук. занялъ высокую должность наставника при Наслѣдникѣ, нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ. Сконч. въ Германіи, въ Баденъ-Баденѣ 12 Апрѣля 1852.

Жюссье, Антуанъ, знаменитый французскій ботаникъ и путешественникъ; род. въ Ліонѣ 1686 г.; ум. профессоромъ при ботанич. садѣ въ Парижѣ 1758 г.

Залевкъ, греческ. философъ и славный законодатель локрійскій, въ нижней Италіи, ученикъ Пиѳагоровъ; род. за 700 л. до Р. Х.

Зевсъ, у древн. грековъ тоже что Юпитеръ у римлянъ — самый высшій изъ олимпійскихъ боговъ, отецъ боговъ (миѳологич.) и людей, владѣтель неба и земли.

Зенонъ, греч. философъ, основатель школы стоиковъ, т. е. тѣхъ людей мыслителей, которые въ Аѳинахъ собирались въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ, носившемъ названіе *Стоа*. Этотъ философъ жилъ за 362 г. до Р. Х.; родился на островѣ Кипрѣ, въ гор. Китіонѣ, и сначала занимался торговлею.

Зефиръ, такъ называли греки западный вѣтеръ легкій, и прохладный. Въ миѳологіи его изображали въ видѣ юноши, съ лицемъ кроткимъ и веселымъ, съ крыльями бабочки и съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ.

Зилія (св. Цецилія), красивѣйшая римлянка, жившая въ III стол., сохранившая свое цѣломудріе, будучи противъ воли въ замужествѣ за Валеріемъ и обратившая его и брата его, Тибурція въ христіанство.

Зороастръ, въ священныхъ книгахъ (Персовъ), кои носятъ его имя (Зара оустра, т. е. золотая звѣзда, у нынѣшнихъ персовъ Зердуштъ), преобразователь народной религіи въ Персіи; жившій еще задолго до Кира персидскаго царя.

Инстинктъ, внутреннее побужденіе животныхъ организмовъ, посредствомъ коего они находятъ для себя полезное и избѣгаютъ вреднаго; онъ не пріобрѣтается ни опытомъ, ни подражаніемъ, но врожденъ; инстинктивныя способности никогда не совершенствуются и могутъ служить только для извѣстныхъ, опредѣленныхъ дѣйствій.

Илоты, или гелоты, такъ назывались рабы или невольники въ древней Спартѣ и Лакедемоніи — въ Греціи.

Индивидуумъ, (слово латин.), особь, существо недѣлимое, отличающееся отъ другихъ особенными, ему свойственными признаками.

Иронія (греч.), собственно насмѣшка, то есть слово сказанное иронически выражаетъ противоположное значеніе; напр. «Онъ получилъ вдругъ три награды: мѣсто, землю и крестъ» какъ такъ? да просто: онъ слегъ въ могилу.

Іероглифы, или гіероглифы (собственно священное изображеніе, священ. письмена), особенный родъ письменъ, употреблявшійся въ Мехикѣ и въ Египтѣ, — тайный, извѣстный преимущественно жрецамъ и потому священный. Ихъ находятъ въ Египтѣ и въ Нубіи на пирамидахъ, обелискахъ, на стѣнахъ храмовъ, на могилахъ и т. п.

Іоническая школа — философія. Въ азіатской Іоніи, странѣ состоящей изъ островов — въ Греціи, въ древнія времена между греками былъ возбужденъ духъ философіи опытной, который вытекалъ собственно изъ вопроса о происхожденіи и первоначальномъ веществѣ вселенной, и который старались рѣшить посредствомъ опыта въ отраженіи матеріи.

Кадмъ, финикіанецъ, который, по мнѣнію древнихъ историковъ, перенесъ въ Грецію, около 1500 г. до Р. Х., первыя буквы для греческаго языка, коихъ было числомъ 16, между тѣмъ въ настоящее время считается ихъ 24.

Кай, имя собственное, существовавшее у древ. римлянъ и обратившееся въ Гай — имя. Собственно это имя принадлежитъ императору *Калигулѣ.*

Кантъ, Эмануилъ, знаменитый нѣмецкій философъ новѣйшаго времени; род. 1724 г. въ Кенисгбергѣ, ум. тамъ же 1804 г. Онъ много написалъ философскихъ сочиненій. Исходною точкою его философіи служила критика начала и предѣловъ человѣческихъ знаній.

Каріатида, (греч.) въ архитектурѣ означаетъ женскую статую, служащую для поддержанія балки, балкона, и т. п. и замѣняющую столбъ.

Карлъ, великій, французс. король съ 769 г.; римскій императ. съ 800—814 г., сынъ Пыпина коротнаго; род. 742 г. ум. 814 г.

Карлъ XII, король шведскій съ 1697—1718 г.; род., 682 г. въ Стокгольмѣ, убитъ 1718 г. при Фридрихсгаллѣ изъ фальконета, во время военныхъ дѣйствій, при нападеніи на Норвегію. Карлъ XII со-

временникъ Петра великаго, отчаянный герой, но неудачный завоеватель, довольно испытавшій силу русскихъ, отлично поплатился съ ними за свою иллишнюю храбрость подъ Полтавою 27 Іюня 1709 г.

Картезіанская философія есть Декартова философія, которую онъ основалъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ философ. *Спинозою*. Она получила свое названіе отъ имени основателя Картезіуса — Декарта.

Картушъ, Л. Доминикъ, извѣстный мошенникъ и разбойникъ. Будучи выгнанъ за воровство изъ училища, а затѣмъ и изъ родительскаго дома; онъ вскорѣ сталъ во главѣ огромной шайки, грабившей въ Парижѣ и его окрестностяхъ. Род. 1693 г., былъ пойманъ и казненъ 1721 г.

Карѳагенъ, бывшій знаменитый городъ на сѣверн. берегу Африки, въ нынѣшнемъ Тунисѣ, основанный Финикіанами около 800 г. до Р. Х.; но римлянѣ, въ 3-ю пуническую войну, около 146 г. до Р. Х., разрушили его до основанія.

Катилина, Луцій Сервій, извѣстный въ исторіи по своему заговору въ древнемъ Римѣ противъ консуловъ, которыхъ онъ хотѣлъ низвергнуть; но Цицеронъ узнавъ о его намѣреніяхъ, сторожилъ каждый шагъ его, и потомъ передъ собраніемъ сената обвинилъ его въ своей знаменитой рѣчи, которая изложена у Саллюстія (Bellum Catilinarium). Род. 108 г. до Р. Х. и палъ въ сраженіи около 62 г.

Катонъ (старшій), *Діонисій*, римск. поэтъ, жившій вѣроятно въ III вѣкѣ по Р. Х., считается авторомъ извѣстнаго сочиненія *о нравахъ* «Disticha moralia», изданнаго въ Амстердамѣ 1754 г.; потомъ въ Штутгардтѣ 1829 г.; эти сочиненія во всѣ средніе вѣка служили руководствомъ къ нравственному воспитанію дѣтей въ Германіи.

Квинтиліанъ, Маркъ Фабій, знаменитый римскій ораторъ; род. въ 30-хъ годахъ по Р. Х., въ Испаніи, выступилъ, по смерти Нерона, на судебное поприще въ Римѣ, потомъ съ блистательнымъ успѣхомъ училъ краснорѣчію; ум. около 118 г. по Р. Х.

Кеплеръ Іоганнъ, знаменитый германскій астрономъ, родившійся въ деревнѣ Мольматѣ, въ Виртембергскомъ королевствѣ, 1571 г., ум. въ крайней бѣдности 5 ноября 1630 г. Онъ открылъ законы планетнаго движенія и тѣмъ обезсмертилъ свое имя.

Киръ, основатель Персидской монархіи, сынъ Перса Камбиза и Манданы, дочери мидійскаго царя Астіага, который до Кира владѣлъ Персіей (около 558 г. до Р. Х.).

Клеопатра, дочь египетскаго царя Птоломея Авлета; родил. 69 г. до Р. Х. Женщина, пленявшая многихъ своею красотою и потому имѣвшая своими поклонниками Юлія Цезаря, Антонія, Октавіана и, съ помощію ихъ, управлявшая Египтомъ. Однакожъ Октавіанъ не совсѣмъ былъ ею обольщенъ, и она съ досады сама себя умертвила, приложивъ къ груди своей змѣю.

Клопштокъ, Фридр. Готлибъ, знаменитый нѣмецкій поэтъ; род. 1724 г., ум. 1803 г. Самое важное произведеніе его «Мессіада» — поэма, въ коей воспѣвается жизнь и дѣянія Мессіи и которая начата имъ еще въ юности, на университетской скамьѣ, въ Іенѣ, а окончена 1773 г.

Колоссъ (греч.), статуя, необыкновенной величины. Древніе египтяне оставили послѣ себя очень много колоссовъ, такъ, напр. кол. Мемнона, около Өивъ 52 ф. вышины, и др.

Кольбертъ, Жанъ Батистъ, сынъ купца, потомъ знаменитый министръ финансовъ Лудовика XIV. Онъ сдѣлалъ много реформъ какъ въ финансовомъ управленіи, такъ и для улучшенія промышленности, флота, быта колоній и проч. Родился 1619 года, умеръ 1683 года.

Коммунизмъ (сл. латин.), политическое ученіе въ западной Европѣ, особенно во Франціи; оно стремится къ уравненію всѣхъ членовъ общества и къ уничтоженію всякой личной собственности, и полагаетъ достичь улучшенія положенія многочисленнаго и бѣднѣйшаго класса помощію общности имущества. — Ученіе вредное, нетерпимое большинствомъ обществъ и потому вездѣ гонимое.

Кониссвій, Георгій, архіепископъ Бѣлорусскій, знаменитый проповѣдникъ и историкъ; замѣчательный въ исторіи Уніи. Род. въ Нѣжинѣ 1717 г., ум. 1795 г.

Константинъ, Кай Флавій Валерій Аврелій Клавдій, римскій императоръ, названный великимъ, сынъ римскаго императора Констанціа Хлора. Род. 274 г. по Р. Х., ум. 337 г. Онъ перенесъ столицу изъ

Рима въ Византію (Константинополь) въ 330 г., и сдѣлалъ христіанство господствующею религіей.

Константинополь, потурецки Стамбулъ, по славянски Царь градъ, въ древности Византія, столица турецкой имперіи. Завоеванъ турками въ 1453 г. по Р. Х.

Конфуцій, правильнѣе Конъ-Футзе, знаменитый китайскій философъ и законоучитель; род. 557 г. до Р. Х., ум. 479 г. Большая часть населенія Китая придерживается ученія Конфуція.

Коперникъ, Николай, уроженецъ прусскаго гор. Торна, великій астрономъ и основатель истиннаго ученія о системѣ міра. Род. 1473 г., Февр. 19, ум. 1543 г. Твореніе его «De orbium coelestium revolutionibus libri VI» считается безсмертнымъ.

Коринна, стихотворица и любовница поэта Овидія, по нѣкоторымъ писат. дочь Августа Юлія.

Корнейль, Петръ, драматическій великій писатель. Былъ сперва адвокатомъ; изъ ревности написалъ сатирическую комедію (Мелита) и такимъ образомъ сдѣлался драматическимъ писателемъ. Род. въ Руанѣ (во Франц.) 1606 г. Умеръ деканомъ французской академіи 1694 г. въ Парижѣ.

Космополитъ (сл. греческ.), гражданинъ всего міра, человѣкъ, который свой собственный интересъ подчиняетъ всеобщему интересу человѣчества и принимаетъ участіе въ радостяхъ и горестяхъ всего человѣчества.

Крезъ, царь Лидійскій съ 571 г. до Р. Х. Онъ содержалъ великолѣпный дворъ, доказывавшій его огромное богатство, а отъ этого сложилась пословица: «онъ богатъ какъ Крезъ».

Крестовые походы, это тѣ походы, которые были предпринимаемы съ конца XI до XIII столѣтія западно-европейскими народами для покоренія Палестины въ Малой Азіи, а главное Святой Земли съ городомъ Іерусалимомъ, гдѣ находится Гробъ нашего Спасителя; однакожъ всѣ эти походы оставались тщетными, и Гробъ Господень и по нынѣ остается въ рукахъ мусульманъ, т. е. турокъ.

Кромвель, Оливеръ, протекторъ соединенныхъ республикъ: Англіи, Шотландіи и Ирландіи; съ 1628 до 1640 г. былъ членомъ пар-

ламента и велъ страшныя интриги противъ королевской власти. По его злодѣйскимъ продѣлкамъ король Карлъ I былъ присужденъ къ смерти и казненъ на эшафотѣ. Кр. происходилъ изъ старо-саксонской дворянской фамиліи; род. 1599 г. въ Гунтингдонѣ, ум. 1658 г.

Ксенофонтъ, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ учениковъ Сократа и вмѣстѣ полководецъ; онъ былъ также знаменитымъ историкомъ. Род. въ Аѳинахъ за 450 л. до Р. Х.

Курцій, Маркъ, благородный римскій юноша, который, по сказанію, геройскимъ образомъ пожертвовалъ собою для блага отечества. Въ 362 г. до Р. Х. на римскомъ форумѣ открылась пропасть; жрецы объявили, что государство въ опасности, пока пропасть не закроется, а это случится, если Римъ пожертвуетъ пропасти лучшимъ своимъ сокровищемъ. Курцій надѣвъ оружіе и сѣвъ на коня, бросился въ пропасть, послѣ чего она закрылась.

Кювье, Жоржъ Христіанъ Фредерикъ Дагоберъ, баронъ, знаменитый франц. естествоиспытатель и историкъ науки; род. въ Монбельярѣ въ 1769 г., ум. въ Парижѣ въ 1831 г.

Лабиринтъ (греч.), такъ назывались въ древности подземныя зданія съ множествомъ комнатъ и переходовъ и съ небольшимъ числомъ выходовъ, такъ что въ лабиринтѣ легко можно было заблудиться. Извѣстны болѣе другихъ: лабиринты *египетскій* и *критскій*.

Лакедемонъ, городъ въ древней Греціи, впослѣдствіи онъ названъ Спартою, по имени жены князя лаконійскаго.

Ламаркъ, Жанъ Батистъ Пьеръ Антуанъ де-Моне, одинъ изъ главнѣйшихъ ботаниковъ XVIII и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ зоологовъ XIX вѣковъ; род. 1744 г. въ Пикардіи, ум. въ Парижѣ 1829 г.

Лапландія, страна въ самой сѣверной части Европы, граничитъ Ледовитымъ моремъ, Швеціею, Норвегіею и Финляндіею; раздѣляется на норвеж. или Финмаркенскую (самую сѣвер. часть), шведскую (южную) и русскую (сѣвер. восточную).—Страна суровая, лѣсистая, отчасти гористая, отчасти ровная и болотистая. Зима здѣсь продолжительна и сурова; лѣто коротко и знойно. Въ нашей Лапландіи считается жителей до 10,000; народъ довольно крѣпкій, добродушный, но упрямый, грубый и неразвитый.

Ларошфуко (Larochefoucauld), Франсуа VI, герцогъ, принцъ Марсильскій. Замѣчателенъ по своимъ образцовымъ сочиненіямъ и тѣмъ, что его домъ въ Парижѣ былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ знаменитостей своей эпохи. Род. 1603 г., ум. 1680 г.

Ласказасъ, Фра Варфоломей, епископъ шіапскій въ Мехикѣ (въ Америкѣ), род. 1474 г. въ Севильѣ въ Испаніи; будучи священ. на остр. Кубѣ, онъ своимъ человѣколюбіемъ пріобрѣлъ большое вліяніе на индѣйцевъ. Но его старанія улучшить участь индѣйцевъ, порабощенныхъ испанцами, были тщетны; не видя возможности привести свои намѣренія въ исполненіе, онъ 1547 г. возвратился въ Испанію и умеръ въ Мадридѣ 1566 г.

Лафайетъ, Мари Мадленъ Піошъ де-ла-Вернь, графиня, получивъ прекрасное образованіе она написала много романовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ въ свое время. Род. 1632 г., ум. 1693.

Левенгекъ, Антуанъ, славный естествоиспытатель, микрографъ и усовершенствователь микроскопа въ приложеніи къ естественной исторіи. Род. 1632 г. въ Голландіи и ум. тамъ же 1723 года.

Лейбницъ, Готфридъ Вильгельмъ, баронъ, одинъ изъ величайшихъ ученыхъ и философовъ своего времени; изобрѣлъ способъ вычисленія безконечно малыхъ величинъ (или дифференціальное и интегральное исчисленіе), писалъ по математикѣ, физикѣ, исторіи, юристикѣ, богословію, филологіи и философіи. Род. въ Лейпцигѣ 1646 г., ум. въ Гановерѣ 1710 г. По приглашенію Петра Великаго онъ начерталъ планъ къ учрежденію *Академіи Наукъ.*

Лекарь по неволѣ. Подъ этимъ названіемъ Моліеръ, извѣст. франц. комикъ, написалъ комедію въ пяти дѣйствіяхъ, которая переведена на русск. языкъ въ 1788 г.

Леонидъ, спартанскій царь, въ 480 году до Р. Х., съ тремя стами спартанцевъ и 6000 вспомогательнаго войска защищалъ, противъ всей арміи Ксеркса, Ѳермопилы (ущелье, тѣсный проходъ) и тутъ же палъ.

Лепехинъ, Ив. Иван., русскій академикъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, былъ посылаемъ Екатериною II въ одну изъ пяти эспедицій для топографическихъ и физическихъ опи-

саній разныхъ областей имперіи. Род. въ Петербургѣ 1737 г., ум. непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ 1802 г.

Лессингъ, Готлибъ Эфраимъ, знаменитый германскій драматическій и критическій писатель, и писатель по части богословскихъ наукъ. Род. въ Каменцѣ въ Саксоніи 1724 г., ум. въ Брауншвейгѣ 1782 г.

Лизій, изъ Аѳинъ, ученикъ Сократа; *Платонъ* именемъ его называлъ свой «Разговоръ о любви и дружбѣ».

Лизій, изъ Аѳинъ, сынъ сиракузанца Кефала; греческ. ораторъ 458—378 до Р. Х.; открывшій въ великой Греціи и въ Аѳинахъ школу краснорѣчія и написавшій много рѣчей.

Ликургъ, спартанскій законодатель, потомокъ древняго царскаго рода Гераклидовъ; жилъ 804 или 880 г. до Р. Х.

Линней, Карлъ, знаменитый естествоиспытатель и ботаникъ, основатель системы ботанической науки. Род. въ Регультѣ въ Швеціи 1707 г., ум. 1778 г.

Линъ, древній греческій искуснѣйшій пѣвецъ, превосходившій даже самого *Аполлона*, за что послѣднимъ былъ и убитъ.

Логика (греч.), наука о законахъ мышленія. Служитъ правиломъ доказывать истину вещей. Руководствуется тремя формами мысли: *понятіемъ* о вещи, *сужденіемъ* о ней и *умозаключеніемъ* о ея истинности.

Локкъ, Джонъ, знаменитый англійскій философъ, учитель и воспитатель графовъ Шефтсбери; род. въ Врингтонѣ въ Соммерсетѣ 1632 г., ум. 1704 г. Онъ написалъ знаменитое сочиненіе: «Опытъ о разумѣніи человѣческомъ».

Ломоносовъ, Михаилъ Васильев., нашъ знаменитый натуралистъ и филологъ, писатель и основатель грамматики; сынъ рыбопромышленника, крестьянина Арханг. губ., Холмогорскаго уѣзда, дер. Болото или Денисовское; род. 1711 г., ум. 1765 г. въ Петербургѣ.

Лонгинъ, Діонисій Кассій, философъ и риторъ изъ Аѳинъ или Эмезы. Жилъ въ половинѣ III стол. по Р. Х. Обладалъ огромною ученостію. Изъ числа многихъ его твореній осталось только одно: «О высокомъ или величественномъ», оно переведено съ греческаго на русскій языкъ Ив. Мартыновымъ въ 1803 г.

Лопесъ де-Вега, Донъ Феликсъ Карпіо, величайшій испанскій драматургъ, написавшій 1800 театральныхъ пьесъ и 400 религіозныхъ сочиненій; род. въ Мадридѣ 1562 г., ум. 1635 г.

Лудовикъ XIV, король французск. съ 1643 по 1715 г., сынъ Лудовика XIII, былъ знаменитъ блескомъ своего двора и пышностію, уничтожившій Нантскій Эдиктъ къ утѣсненію вѣроисповѣданія Гугенотовъ. Род. 1638 г., ум. 1715 г.

Люцій, имя собственное, мужеское, у древнихъ римлянъ.

Мавры, племя народа, тоже что арабы—родственное Нумидійскому племени—африканское, покорившее нѣкогда Испанію.

Магометъ (или Мугомедъ), Абдулъ Казимъ Бенъ Абдуллахъ, изъ фам. Гашемъ, племени Корейшъ, турецкій пророкъ и основатель мугаметанской религіи. Род. 571 г. по Р. Х.; сдѣлался пророкомъ 615 года; проживалъ поперемѣнно то въ *Меккѣ,* то въ *Мединѣ* въ Аравіи, и наконецъ умеръ въ Мединѣ въ 632 году, гдѣ и понынѣ хранится его гробница.

Малебраншъ, Никола, философъ и теологъ французскій, ученикъ Декарта; род. въ Парижѣ 1638 г., ум. 1715 г.

Мальзербъ, Кретьенъ Гильомъ де-Ламоаніонъ, франц. президентъ палаты налоговъ съ 1750 г.; при Лудовикѣ XVI съ 1775—76 былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; во время суда надъ этимъ государемъ безуспѣшно защищалъ его и умеръ на гильотинѣ 1794 г.; род. въ Парижѣ 1721 г.

Мансфельдъ, (графъ) Петръ Эрнстъ, побочный сынъ Мансфельда, штатгальтера Люксембурга и Брюсселя. Замѣчательный воинъ въ 30-ти лѣтнюю германскую войну. Былъ разбитъ Валленштейномъ при Дессау, откуда бѣжалъ и ум. въ Боеніи 1626 г. Род. 1585 г.

Мараѳонъ, мѣсто на восточномъ берегу Аттики (въ Греціи), у нынѣшняго мѣстечка Врана; замѣчательно побѣдой, одержанной аѳинянами, подъ начальствомъ Мильтіада, надъ персами 490 г. до Р. Х.

Маркъ Аврелій, исторически Антонинъ Маркъ Элій Аврелій Веръ, философъ, императоръ римскій, получившій отличное воспитаніе у стоическаго философа Секета Херонейскаго; занимался философіей теоретически и практически, за что и былъ усыновленъ императоромъ

Антониномъ Піемъ. Родился 119 года до Р. Х., царствовалъ съ 161 по 180 годъ.

Марцеллъ (Маркеллъ), Маркъ Клаудій, римскій консулъ 331 г. до Р. Х.

Мегарійцы, народъ бывшаго нѣкогда небольшаго государства Мегарисъ, въ Греціи, на мегарійскомъ заливѣ. Главн. гор. былъ Мегара. Аѳинцы этотъ народъ ненавидѣли и осмѣивали.

Меланхоликъ — названіе человѣка, имѣющаго такое состояніе духа (темпераментъ), которое выражаетъ холодность, равнодушіе, мрачность и медленность въ движеніяхъ.

Метафизика, ученіе о сверхестественномъ, т. е. руководство къ правильному познанію въ мірѣ духовномъ и вещественномъ того, что не подлежитъ чувствамъ, а только находимо путемъ умозаключеній. Метафиз. составляетъ 2-ю главн. часть философіи.

Мелитъ, (Мелитосъ), греческій поэтъ изъ Пиѳіи въ Аттикѣ, одинъ изъ обвинителей Сократа, который по его настоянію приговоренъ къ смерти.

Мизантропъ, человѣкъ, питающій ненависть къ людямъ. Подъ этимъ названіемъ франц. комикъ Мольеръ написалъ комедію, переведенную Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ.

Миллеръ, Герардъ Фридрихъ, русскій исторіографъ, членъ академіи наукъ С.-Петербургской и Стокгольмской и многихъ ученыхъ обществъ. Участвовалъ въ ученой экспедиціи въ Сибирь съ 1733 по 1743 г.; род. 1705 г. въ Герфордѣ въ Вестфаліи, ум. 1783 г.

Мининъ, Козьма Миничь Сухорукій, гражданинъ Нижняго Новгорода, торговавшій говядиною, былъ однимъ изъ знаменитыхъ дѣятелей земскаго ополченія 1611 и 1612 г. противъ нашествія поляковъ на Москву, за что получилъ санъ думнаго дворянина. Ум. въ 1616 г.

Минихъ, графъ, Бурхардъ Христіановичь, человѣкъ съ отличнымъ образованіемъ. При Петрѣ велик. приглашонъ въ русскую службу и былъ въ государственной службѣ великимъ человѣкомъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны былъ сосланъ въ Сибирь; въ 1762 г. освобожденъ изъ ссылки. Въ царствованіе Екатерины II назначенъ былъ главнымъ директоромъ ревельской и нарвской гаваней, крон-

штатскаго и ладожскаго каналовъ. Род. въ германс. гор. Ольденбургѣ 1683 г., ум. 1767 г.

Миѳъ (греч.)—этимъ названіемъ означается баснословіе, преданіе, олицетворяющее какое либо выдуманное событіе.

Мойсей, пророкъ и Боговидецъ, сынъ Іахаведы и Авраама, изъ колѣна Левіина, спасенный отъ смерти (взятый изъ воды) дочерью египетскаго царя и воспитанный между знатнѣйшими и ученѣйшими египтянами; слѣдуя призванію Божію сдѣлался освободителемъ еврейскаго народа отъ тяжкаго рабства египетскаго, его вождемъ, законодателемъ и историкомъ. Былъ женатъ на дочери мадіамскаго священника, Сепфорѣ, имѣлъ двухъ сыновей: Гирсама и Еліезера; ум. на горѣ Наважъ, на 120 г. своей жизни (3760—3880 г. отъ Сотв. М.). Память его церковь праздн. 4 Сентября. Ему принадлежатъ первыя 5 книгъ Св. Писанія: *Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконіе.*

Мольеръ, Жанъ Батистъ Покеленъ, знаменитый франц. комикъ-писатель, славившійся при Лудовикѣ XIV на сценѣ театра и въ литературѣ. Изъ его комедій огромною славою пользуются: Школа женъ, Школа мужей, Мизантропъ и особенно Тартюфъ, изъ коихъ нѣкоторыя переведены на нашъ языкъ. Род. въ Парижѣ 1620 г., ум. отъ удара на сценѣ во время игры 1763 г.

Монады (Monas), это собственно микроскопическія животныя — инфузоріи, т. е. наливныя. Но монады *Лейбница*—философское его ученіе *Монадологія*, ученіе метафизическое.

Монтескье, Шарль де-Секонда, баронъ де-ла-Бредъ, сначала былъ адвокатомъ и судьею въ Бордо и занимался естественными науками; но потомъ посвятилъ себя исключительно изученію философіи и нрава. Сочиненія его доставили ему европейскую извѣстность; болѣе замѣчательны изъ нихъ: «L'esprit de loix» и «Lettres persanes». Род. 1689 г., ум. 1755 г.

Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ, съ 1786 г. былъ кавалеромъ и наставникомъ въ русской словесности и нравственной философіи при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ, а впослѣдствіи товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и попечите-

лемъ Московс. Университета. М. писалъ побольш. части для своихъ августѣйшихъ питомцевъ и сочиненія свои печаталъ не въ большомъ числѣ экземпляровъ. Въ первый разъ, и то не вполнѣ, они были изданы Карамзинымъ въ 1810 г. Потомъ, въ 1820 г., отпечатано «Полное собраніе сочиненій М. Н. Муравьева» въ трехъ частяхъ. Это же изданіе повторилось въ 1856 г. отъ книгопродавца Смирдина.

Мусеи, Музы, греческ. поэты миѳологическихъ временъ, и Музы богини изящныхъ искуствъ и наукъ и покровительницы поэтовъ и пѣвцовъ.

Нарциссъ, сынъ рѣки Кефиса и нимфы Ліріопы изъ Ѳеспіи віотійской, красивый юноша, до того влюбившійся въ собственный образъ, видѣнный имъ въ одномъ источникѣ, что умеръ съ тоски и превращенъ богами въ цвѣтокъ (по греческому миѳологическ. сказанію).

Наяды, въ греч. миѳологіи — нимфы источниковъ и рѣкъ; изображались полунагими дѣвицами, обыкновенно съ Геркулесомъ, покровителемъ теплыхъ источниковъ.

Нёвентитъ, Бернардъ, хорошій философъ, великій голландскій математикъ и славный медикъ и юристъ. Былъ совѣтникомъ и бургомистромъ въ гор. Пурмерендѣ. Изъ числа его сочиненій «Трактатъ о бытіи Бога, доказанномъ чудесами природы»—твореніе прекрасное, не смотря на свои недостатки, о которыхъ отзывается Ж. Ж. Руссо.

Недоросль, названіе дворянина, недостигшаго совершеннолѣтія. При Петрѣ великомъ, когда слово это получило офиціальность, всѣ недоросли были обязаны нести государственную службу, причемъ въ военную службу записывались рядовыми, а въ гражданскую повытчиками. Не поступившій же по какимъ либо причинамъ въ службу дворянинъ назывался недорослемъ, независимо отъ возраста. — Недоросль, заглавіе славной комедіи фонъ Визина.

Нигилизмъ, (отъ латин. слова nihil—ничто), философское ученіе о ничтожествѣ или уничтоженіи всего сущаго; также теорія, конечный выводъ коей — *ничтожество.* Нынѣ слово *нигилизмъ* стало употребляться въ смыслѣ матеріализма, необдуманнаго поборничества прогресса, хвастливаго либеральничанья, отрицанія современной дѣйствительности и проч. и проч.

Прибавимъ: поэтому названіе: *нигилистъ* можетъ опредѣлять того человѣка, который слѣдуетъ этому ученію — ничтожнымъ, пустымъ и т. д.

Нимфы, по греч. миѳологіи—богини низшаго разряда, кои жили въ морѣ (океаниды), въ рѣкахъ (потамиды) на горахъ (ореады) и лугахъ (леймоніады), въ лѣсахъ и на деревьяхъ (дріады, гамадріады); какъ мѣстныя божества, онѣ получали назв. отъ имени мѣстъ: додониды отъ Додона и проч.

Нирей или Ниръ, одинъ изъ пигмеевъ, т. е. карловъ сѣверной миѳологіи.

Новеллы, названіе, дающее тѣмъ законамъ римскихъ императоровъ, кои явились послѣ офиціальнаго сборника ихъ законовъ (Codex repetitae praelectionis 534 г.).

Ньютонъ (Newton), Исаакъ, одинъ изъ величайшихъ геометровъ, сдѣлавшій многія открытія въ области натуральной философіи и написавшій многія о томъ сочиненія. Род. въ Вульстронѣ, въ Линкольнѣ въ Англіи 1642 г., ум. президентомъ лондонской академіи 1727 г.

Овидій, Публій, съ прозвищемъ *Назонъ*, римскій поэтъ; род. въ 43 г. до Р. Х., ум. въ 17 г. по Р. Х.

Орѳей, греческій пѣвецъ миѳологическаго періода, сынъ музы Калліопы, очаровавшій своими пѣснями дикихъ звѣрей, деревья и скалы, и вызывавшій тѣмъ на время обратно изъ подземнаго царства умершую свою супругу Евредику, и подъ конецъ растерзанный вакханками.

Павелъ-Эмилій, храбрый римлянинъ изъ фамил. Эмиліевъ, убитъ во 2-й Пунической войнѣ, въ битвѣ при Каннахъ, въ званіи консула, 216 г. до Р. Х. — Его сынъ *Эмилій Павелъ* велъ счастливо войну съ македонскимъ царемъ Персеемъ, коего онъ разбилъ въ битвѣ при Пиднѣ 168 года до Р. Х. и за то получилъ прозваніе македонскаго.

Паллада, она же и *Минерва* и *Беллона*. Богиня мудрости и изящныхъ искусствъ, и покровительствуетъ войнѣ. Настоящее имя ея *Минерва*.

Палласъ, Петръ Симонъ, академикъ петербург. акад. наукъ, прибывшій сюда по вызову въ 1768 г., сопровождавшій экспедицію, посыланную въ Сибирь для учоныхъ наблюденій, и путешествовавшій по многимъ губерніямъ Россіи. Род. Въ Берлинѣ 1744 г. и ум. тамъ же 1811 г.

Панегирикъ, въ древ. Греціи называли такъ рѣчи, произносимыя въ народномъ собраніи и имѣвшія цѣлью прославлять національное величіе.

Пандекты, собраніе изложеній, изрѣченій и мнѣній различныхъ римскихъ законовѣдовъ, извѣстное подъ заглавіемъ: Corpus juris civilis.

Парини, Джузеппе, итальянскій поэтъ, отличный въ свое время профессоръ изящной словесности въ Миланской палатинской школѣ и членъ многихъ учоныхъ обществъ. Род. близъ Милана въ 1729 г., ум. 1799 г.

Парменіонъ, македонскій предводитель, побѣдилъ при Филиппѣ иллирійцевъ и пеонійцевъ въ 356 г. до Р. Х. Послѣдовалъ за Александромъ Македонс. въ Азію, содѣйствовалъ ему въ побѣдахъ надъ Персами. Онъ убитъ въ 329 г. по приказанію Александра.

Пеллико, Сильвіо, графъ, профессоръ французской словесности въ Миланѣ, написавшій между другими своими сочиненіями извѣстное твореніе «объ обязанностяхъ человѣка» (Dei Doveri degli Uomini). За участіе въ обществѣ карбонаріевъ былъ приговоренъ къ смертной казни; но потомъ эта казнь замѣнена десятилѣтнимъ заключеніемъ въ темницѣ. Род. около 1789 г. въ Салуццо, замѣчательномъ городѣ Пьемонта; ум. послѣ 1830 г.

Перипатетизмъ и **Перипатетики,** названія, принадлежащія послѣдователямъ философской школы Аристотеля — происходящія отъ греческаго слова «Перипатусъ» прогулка, потому что Аристотель училъ своихъ слушателей прохаживаясь въ избранномъ имъ мѣстѣ. въ Ликеѣ въ Аѳинахъ.

Персей, побочный сынъ Филиппа III, царя македонскаго, послѣдній царь македонскій (171—168 г. до Р. Х.) и закоренѣлый врагъ римлянъ, лишенъ престола Павломъ Эмиліемъ и умеръ въ темницѣ въ Альбѣ.

Петрарка, Францъ, эротическій (любовный) поэтъ, увѣнчанный въ Капитоліи въ Римѣ лавровымъ вѣнкомъ; род. въ Ареццо, въ Тосканскомъ герцогствѣ 1304 г., ум. въ своемъ помѣстьѣ близъ Падуи 1374 г.

Піитика, наука писать стихи; поэзія различается отъ прозы не только формою стиха, но одушевленіемъ, вымыслами, картинами и вообще всякаго рода украшеніями. Древніе полагали научить всему этому, да и у насъ преподавали ее еще въ началѣ XIX ст.

Пиндаръ, греческій лирикъ, родившійся въ Ѳебеѣ, вблизи селенія Киноскефала и жившій около 500 г. до Р. Х.

Пирамиды, гробницы древнихъ египетскихъ царей, громадныя зданія съ квадратнымъ основаніемъ съуживающіяся къ верху, сложенныя изъ огромныхъ камней. Большая часть *пирамидъ* находится въ нижнемъ Египтѣ, на западной сторонѣ р. Нила.

Пирра, жена Девкаліона, Ѳессалійскаго царя, спаслась съ нимъ отъ всемірнаго потопа и произвела вмѣстѣ съ нимъ новую породу людей. Изъ бросаемыхъ ею камней выходили женщины (Баснословіе грековъ).

Пиѳагоръ, самосскій философъ, тщательно занимавшійся наставленіемъ въ нравственности; жившій около 592 г. до Р. Х.

Платонъ, греческій или аѳинскій величайшій философъ. Онъ назывался собственно Аристокломъ, но послѣднее имя получилъ отъ своего учителя въ гимнастикѣ, по широкой груди и широкому лбу. Ученикъ Сократа, основавшій свою философію, написавшій много сочиненій и пріобрѣвшій множество послѣдователей своему ученію. Его сочиненія и по нынѣ имѣютъ вѣсъ и значеніе въ области философскихъ наукъ и потому переведены на всѣ европейскія языки. Род. въ Аѳинахъ 430 (429) г. до Р. Х., ум. 348 л. до Р. Х.

Плутархъ, греческій писатель, родился въ Віотіи въ половинѣ I вѣка по Р. Х. Учился въ Аѳинахъ у философа Аммонія. При импер. Траянѣ былъ консуломъ. Адріанъ назначилъ его прокураторомъ Греціи. Умеръ въ 125 г. по Р. Х. Изъ сочиненій его самое популярное: «Біографіи знаменитыхъ мужей Греціи и Рима». До насъ дошло 50, потеряно 10; эти жизнеописанія-панегирики, а не исторія, но въ чтеніи занимательны.

Полибій изъ Мегалополя, въ Аркадіи, одинъ изъ важныхъ государственныхъ людей римскихъ, игравшій важную роль въ Ахейскомъ союзѣ и славный историкъ, жившій между 200 и 201 г. до Р. Х., ум. 122 г.

Попс, Алексій, славный англійскій поэтъ, начавшій писать свои оды еще съ 12-ти лѣтъ, на 14-мъ перевелъ Овидіа и др. поэтовъ; род. въ Лондонѣ 1688 г., ум. 1743 г.

Принужденная женитьба, подъ этимъ названіемъ извѣстный французскій комическій артистъ, Мольеръ, написалъ комедію въ одномъ дѣйствіи, которая переведена для русской сцены.

Приполярныя страны свѣта суть тѣ мѣстности, которыя находятся близко оконечностей земнаго шара, близъ точекъ, обозначающихъ его ось, и гдѣ стоятъ вѣчные холода.

Пританея въ древнихъ Аѳинахъ было особенное мѣсто, отлично устроенное и разукрашенное, гдѣ собирались верховные граждане для обсужденія и рѣшенія важныхъ государственныхъ дѣлъ.

Прометей (изъ греческ. баснословія), сынъ Япета и Климены, отецъ Девкаліона, изобрѣтатель многихъ искусствъ, особенно скульптуры, дѣлалъ людей изъ глины и воды и похитилъ для оживленія ихъ съ неба огонь, за что прикованъ былъ Зевесомъ къ скалѣ кавказской, гдѣ воронъ клевалъ его внутренности, пока не освободилъ его Геркулесъ.

Психологія, наука о душѣ, о ея качествахъ и природѣ: одна изъ темнѣйшихъ частей философіи. Многіе отвергали психологію какъ науку, другіе присоединяли ее къ физіологіи.

Рамусъ (Рамее), Пьеръ или Petrus, французскій ученый, возстававшій противъ Арастотелевой философіи, написавшій противъ нее докторскую диссертацію и чрезъ то возбудившій на себя гоненіе противниковъ. Род. въ Пикардіи, въ селеніи Фермандоа 1502 г. и палъ въ Парижѣ въ *Варфоломеевской ночи.*

Расинъ, Жанъ, франц. драматическій писатель, славился своими трагедіями: Британникъ, Баязетъ, Ифигенія въ Авлидѣ, Федра, Эсфирь и Гоѳолія. Написалъ также оду: Нимфа Сены, на бракосочетаніе Людовика XIV, за что получилъ отъ него пенсію въ 600 ливровъ. Род. въ Ферте-Милёнъ 1639 г., ум. 1699 г.

Регулъ, Маркъ Антилій, римскій консулъ съ 267 по 256 г. до Р. Х.

Ренанъ, Эрнестъ-Жозефъ, французск. филологъ и историкъ, членъ института, род. въ Трегье 27 февр. 1823 г., былъ назначенъ въ духовное званіе, рано пріѣхалъ въ Парижъ въ семинарію св. Сульпиція, слушалъ курсъ богословія изучилъ языки еврейскій и санскритскій; но свобода мыслей, не совмѣстная съ званіемъ священника, заставила его оставить семинарію. За «Histoire général des langues sémitiques» (1854—1858) получилъ премію Вольнея. Написалъ: «Etude de la langue grecque au moyen age». По возвращеніи изъ Испаніи, куда былъ посланъ академіей, издалъ «Averroes et l'Averroisme», 1852. Въ 1856 г. членъ Академіи наукъ. Тогда-же написалъ: «Etudes d'histoire religieuse» въ 1857 г. «De l'origine du langage»; въ 1859 г. «Essaie de morale et de critique»; перевелъ съ еврейскаго книгу Іова и Пѣснь Пѣсней; былъ назначенъ профессоромъ еврейскаго языка во французск. коллегіи; но въ 1852 г., ему запрещено читать, за неуважительные отзывы о І. Христѣ. Главный трудъ его «Vie de Iésus» 1863 г., въ короткое время достигъ 9-ти изданій. Католическое духовенство предало проклятію автора и издало множество ругательныхъ брошюръ противъ этой книги, составляющей 1-й томъ критической исторіи христіанства.

Извѣстный Аббатъ Гѣте (что нынѣ православный священникъ отецъ Владиміръ) написалъ «Опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса Христа Эрнста Ренана съ тройственной точки зрѣнія: библейской экзегетики, исторической критики и философіи». Это опроверженіе переведено на русскій языкъ К. Тимковскимъ въ 1866 г.

Ридъ (Reid, Redaeus), Томасъ, профессоръ нравственной философіи въ Гласговскомъ университетѣ, написавшій нѣсколько сочиненій о нравственной наукѣ; род. 1704 г. въ Шотландіи, ум. 1796 г.

Римъ (Roma), столичный городъ церковной области въ нижней Италіи, резиденція папъ римскихъ, на лѣвомъ берегу рѣки Тибра, расположенный на семи холмахъ; по преданіямъ построенъ нѣкоимъ Ромуломъ за 754 г. до Р. Х.

Риторика, часть теоріи словесной науки, предметъ которой рѣчь. Рит. разсматриваетъ три стороны рѣчи: 1) законы мышленія; 2) рас-

положеніе рѣчи и 3) выраженіе слова—правила для лучшаго, краснорѣчиваго и убѣдительнаго выраженія мыслей произносящаго рѣчь изустно или письменно. Въ нынѣшнее время эту часть словесной науки больш. частью обходятъ.

Робертсонъ, Виліамъ, шотландскій проповѣдникъ въ Гладсмуирѣ съ 1743 г., ректоръ или первый проповѣдникъ въ Эдинбургѣ съ 1758 г. и начальникъ университета 1761 г., историкъ Шотландіи; род. 1721 въ Ботріелѣ въ Шотландіи, ум. 1792 г.

Рославъ, имя (собств.) изъ русской исторіи, служившее драматическому писателю Княжнину, Якову Борис. сюжетомъ для трагедіи, названной «Рославъ». Авторъ скончался 1791 г.

Россіада, этимъ именемъ озаглавлено сочиненіе — поэма нашего писателя Мих. Матв. Хераскова; она также называется «завоеваніе Казани». Авторъ сконч. 1807 г.

Руссо, Жанъ Жакъ, женевскій гражданинъ (философъ), сынъ часоваго мастера, начавшій свою карьеру съ того, что будучи 16 лѣтъ тайно убѣжалъ отъ отца въ Савоію; въ Туринѣ получилъ мѣсто слуги; потомъ въ Шамбери прожилъ 13 л. въ одномъ домѣ слугою; жилъ въ Венеціи у франц. посланника; потомъ пробрался въ Парижъ и тутъ сдѣлался писателемъ. Въ числѣ своихъ сочиненій онъ написалъ нѣсколько превосходныхъ твореній по части нравственной философіи. Род. въ Женевѣ въ 1712 г., умеръ, и кажется, чрезъ самоубійство, въ 1878 г.

Саллюстій, Кай С. Криспъ, 58 г. до Р. Х. былъ квесторомъ римскимъ; 61 г.—трибуномъ плебейскимъ; 45 г. — преторомъ. Онъ написалъ: исторію дѣлъ римской республики, исторію заговора Катилины. Род. въ Сабинской области 85 г. до Р. Х., ум. 25 г.

Сангвиникъ, названіе человѣка, имѣющаго такое состояніе духа (темпераментъ), которое выражаетъ здоровый видъ, горячность, легкость и ловкость, въ противоположность *меланхолику.*

Севинье, (Sevigné), Мари де Рабуціа, Маркиза де С. (dame de Chantel), извѣстная французская красавица и писательница XVII ст. Сочиненія ея извѣстны подъ названіемъ «Письма» (Lettres). Род. 1626 г., ум. въ Гриньянѣ 1696 г.

Семирамида, по однѣмъ преданіямъ она отвергнутая дочь нѣкоего *Деркета*, воскормленная голубями, найденная и воспитанная пастухомъ Симміемъ. Потомъ, по красотѣ своей, вышедшая въ замужество за ассирійскаго правителя *Менона,* потомъ за царя *Нина* (1965 г. до Р. Х.). По другимъ — она еврейка изъ гор. Аскалона, которые относятъ ее къ 8 г. до Р. Х. и дѣлаютъ ее женою царя Ассирійскаго, послѣ нападенія ассирійцовъ на Самарію. По прибытіи ее ассирійскіе цари перенесли свою столицу изъ Ниневій въ Вавилонъ. Исторія ея служила сюжжетомъ для оперы Россини «дочь воздуха» и для трагедіи Вольтера «Семирамида».

Сенека, Луцій Анней, римскій философъ-стоикъ, родомъ изъ Кордубы въ Испаніи, учился въ Римѣ ораторскому искусству; былъ учителемъ императора Нерона-Тирана, который приговорилъ его къ смерти, и онъ, открывъ себѣ кровь, исполнилъ самъ надъ собою приговоръ.

Сибарисъ, нѣкогда цвѣтущій городъ въ южной Италіи, жители котораго — сибариты, по своимъ пиршествамъ и невоздержности, вошли въ пословицу: «онъ живетъ сибаритомъ».

Сикаръ, аббатъ, воспитатель глухо-нѣмыхъ, род. 1742 г. близъ Тулузы, ум. 1822 г. — Основатель школы глухо-нѣмыхъ въ Бордо во Франціи.

Сиціонъ (Сикіонъ), былъ нѣкогда столицею Ахейскаго союза (въ Греціи) и славился искусствами и роскошью.

Силлогизмъ — *умозаключеніе* — это такая форма нашей мысли, въ которой мы, на основаніи какихъ либо данныхъ положеній или сужденій выводимъ слѣдствіе. т. е. утверждаемъ или отрицаемъ что либо. Напр.: изъ того, что человѣкъ ограниченъ, и что геній есть человѣкъ, мы заключаемъ, что и онъ ограниченъ. Общее сужденіе въ составѣ силлогизма называется *большою посылкою,* частное—*меньшею,* а выводъ — *заключеніемъ.*

Симпатія (сочувствіе), безсознательное влеченіе одного человѣка къ другому; въ живомъ органическомъ тѣлѣ существуетъ симпатія между многими органами и ихъ отправленіями.

Скупой,—это одна изъ комедіи знаменитаго французск. придворнаго актера (при Лудов. XIV) *Мольера,* который изобразилъ въ ней всѣ черты величайшаго скряги и смѣшнаго старика.

Смитъ, Адамъ, знаменитый шотландскій политико-экономъ, потомъ профессоръ логики и морали въ Гласго, написавшій нѣсколько сочиненій по своей профессіи; род. въ Киркальдіи въ Шотландіи 1723 г., ум. въ Эдинбургѣ 1790 г.

Смѣшныя жеманщицы — одна изъ комедій французск. арт. — *Мольера.*

Сократъ, знаменитый греческій философъ, сынъ скульптора (художника-ваятеля), по имени Софрониска, и повивальной бабки Фенареты—сперва занимался ремесломъ отца своего; но Критонъ, скульпторъ греческій, плѣненный изящнымъ умомъ сего художника, оторвалъ его отъ этой работы, чтобъ посвятить ученію философіи. Сокр. род. за 469 л. до Р. Х., жилъ 70 л.

Солонъ, знаменитый аѳинскій законодатель и одинъ изъ семи мудрецовъ, жившій около 600 л. до Р. Х. и занимавшійся сперва торговлею, при чемъ и образовалъ себя въ путешествіяхъ по разнымъ государствамъ.

Софистъ отъ слова *Софизмъ,* которое означаетъ силлогизмъ — умозаключеніе хотя правильное, но съ намѣреніемъ приводящее къ ложному понятію о предметѣ.

Софоклъ, одинъ изъ лучшихъ древнихъ греческихъ трагиковъ, написавшій множество трагедій; но вполнѣ сохранились только семь; род. 497 г., ум. 406 г. до Р. Х.

Софронискъ, аѳинск. гражданинъ, скульпторъ, отецъ Сократа.

Соціализмъ (общность, общественность), ученіе реформаторовъ, принадлежитъ къ философскимъ системамъ, цѣль коихъ увеличеніе средствъ общества и достиженія равнаго довольства и счастія для всего человѣчества. Цѣль общности стремится къ добру, совершенству, прогрессу, равенству; общность ищетъ преобладанія правосудія, разума, свободы и т. п.

Сперанскій, Мих. Михаил., графъ, сынъ священника, Владим. губ., учился въ семинаріи и въ Петербург. духовн. академіи; русскій

юристъ и главный сборщикъ русскихъ законовъ; сводъ законовъ россійской имперіи трудъ его. Род. 1772 г., ум. 1839 г.

Стоикъ (стоическій философъ), послѣдователь философской школы Зенона, названной *стоическою* по мѣсту въ Аѳинахъ, которое называлось Стоа, гдѣ собирались слушать ученіе Зенона.

Сумароковъ, Александръ Петров., русскій писатель съ 1718 г. по 1777 г., воспитывавшійся въ сухопутномъ кадет. корпусѣ, гдѣ и началъ свое писательское поприще; онъ много написалъ драмъ для театра, въ томъ числѣ и *Семиру,* и при учрежденіи театра въ Петербургѣ былъ первымъ директоромъ его.

Сципіонъ, Публій Корнелій африканскій изъ римской аристократической фамиліи, бывшій проконсуломъ въ Испаніи, побѣдившій карѳагенянъ и окончившій 2-ю пуническую войну, за что и получилъ прозваніе африканскаго. Род. 235 г. до Р. Х., ум. въ 184 г.

Талія, одна изъ 9-ти музъ (миѳологическихъ временъ), покровительница комедіи.

Тарквиній гордый, бывшій послѣднимъ царемъ въ Римѣ, съ 544 по 510 г. до Р. Х., тотъ самый, сынъ котораго, *Секстъ,* совершилъ насиліе надъ *Лукреціей,* женою Коллатина, за что плебеи возстали и изгнали Тарк. и установили республику.

Тацитъ, Кай Корнелій, одинъ изъ величайшихъ римскихъ историковъ. Годъ и мѣсторожденія его неизвѣстны. При Веспасіанѣ, 73 г. по Р. Х. былъ квесторомъ; при Титѣ и Домиціанѣ—преторомъ.

Темза, большая рѣка въ Лондонѣ, судоходная въ 5 миляхъ отъ истока, подъ ней есть знаменитый Тоннель (въ Лондонѣ), т. е. ходъ.

Тиверій, Клавдій Неронъ, римскій императоръ, царствовавшій съ 14 по 37 г. до Р. Х., род. въ 42 г. до Р. Х. — пасынокъ императ. Августа, задушенный потомъ Сеяномъ, его соправителемъ.

Тимантъ, древній греческій живописецъ изъ Китноса, по друг. изъ Сикира, современникъ Парразіа, котораго онъ даже превосходилъ; онъ изъ тѣхъ живописцевъ, которые употребляли только четыре краски.

Тимуръ, также Тимуръ-Бегъ или Тимуръ-Ленгъ или Тамерланъ, предводитель татарской орды, велъ свой родъ отъ Чингисъ-Хана. пріоб-

рѣлъ господство надъ Джагатаемъ, завоевалъ всю среднюю Азію, Индію и Персію и проч.; ум. 1405 г.

Титъ-Ливій Патавинъ, изъ Падуи, города нынѣшней Венеціанской области; превосходный римскій историкъ, находившійся долгое время въ Римѣ, при дворѣ Августа и умершій въ Падуѣ 19 года по Р. Х.

Титъ, Флавій Веспасіанъ, римскій императоръ, сынъ императора Веспасіана, род. въ 40 г. по Р. Х., тотъ самый Титъ, который, помогая своему отцу, Веспасіану, воевалъ въ Іудеи, разорилъ *Іерусалимъ*. Въ 79 г. сдѣлался императоромъ; ум. отъ отравленія братомъ Домиціаномъ въ 81 г. по Р. Х.

Тропики — поворотные круги на небесномъ сводѣ. Они параллельны экватору, на 23 и 28 град. разстояніемъ отъ него. Получили свое названіе отъ видимаго движенія солнца, которое, дойдя до нихъ, какъ будто поворачивается и направляетъ свое движеніе къ экватору.

Троя, древнѣйшій главн. городъ мало-азіатской области Троады, которая теперь составляетъ часть турецкой провинціи *Лива-Карасси;* основанъ былъ царемъ Троемъ, или Тросомъ. Тутъ возгорѣлась продолжительная *Троянская война,* окончившаяся въ 1184 году до Р. Х., воспѣтая Гомеромъ въ его «Иліадѣ».

Туллій, Маркъ. См. Цицеронъ.

Улиссъ, онъ же и Одиссей, одинъ изъ героевъ греческаго баснословія — царь Итаки; отличался при осадѣ Трои. По паденіи Трои онъ странствовалъ 10 лѣтъ по морямъ, что описано Гомеромъ въ его *Одиссеѣ,* которую перевелъ *В. Жуковскій* въ стихахъ.

Фарса, древн. *Фарсалъ,* городъ въ Ѳессаліи, нынѣ турецкой области. Здѣсь происходили два сраженія: одно между римлянами и Филиппомъ Македонскимъ; въ другомъ, въ 48 г. до Р. Х., Цезарь разбилъ Помпея. Отсюда и

Фарсальская битва.

Федръ, римскій баснописецъ, которому приписываются басни Езопа (Fabulae Aesopiae), вольноотпущенника импер. Августа. Езоповы басни перевед. *Барковымъ*, изд. 2-мъ разомъ въ 1787 г., — *Кошанскимъ* въ 1814 и въ 1832 г.

Феликсъ. французскій проповѣдникъ, іезуитъ, профессоръ риторики; род. въ 1810 г., въ іезуиты вступилъ въ 1847 г. Въ 1851 г. началъ проповѣдывать въ Парижѣ съ блистательнымъ успѣхомъ; проповѣди его изданы въ 1856 г.: «Le progrès par le Christianisme». Этотъ Феликсъ и понынѣ подвизается на поприще проповѣдника въ Парижѣ, въ церкви «Божіей Матери» и, какъ извѣстно, въ послѣднее время довольно враждебно отзывается о насъ русскихъ.

Фелица-ода, стихотвореніе славнаго нашего лирическаго поэта *Гавр. Романовича Державина*, въ которомъ онъ воспѣвалъ славныя дѣянія Императрицы Екатерины II.

Фенелонъ, Франсуа де Салиньякъ, франц. архіепископъ Камбрейскій; былъ воспитателемъ Лудовика XIV, герцога Бургонскаго, род. въ Дордонскомъ департам. 1661 г., ум. 1715 г. За богословскій споръ съ *Боссюэтомъ* отлученъ папою Иннокентіемъ XII въ 1697 г. отъ церкви. Онъ много написалъ сочиненій богословскихъ и нравственныхъ, которыя всѣ почти переведены на всѣ языки.

Феодальное правленіе: былъ такой образъ правленія, распространенный германцами съ V столѣтія, что вождь дружины, завоевавъ какую нибудь землю, выдѣлялъ изъ нея части, которыя и раздавалъ своимъ сподвижникамъ, за что тѣ обязывались служить ему вѣрно и выставлять ему во время войны извѣстное число воиновъ. Люди, получившіе подобныя помѣстья назывались *вассалами*, а вождь дружины. въ отношеніи къ нимъ, *Феодаломъ*.

Фергюссонъ, Адамъ, англійскій историческій писатель и философъ, профессоръ нравственной философіи въ Эдинбургскомъ университетѣ; род. 1724 г., ум. 1816 г. Его сочиненія по части нравственной философіи переведены на рус. языкъ въ 1804 г.

Фигье, *Гильомъ Луи*, францyз. ученый и писатель, докторъ медицины; род. 1816 г., въ 1846 г. былъ профессоромъ въ Монпелье; въ 1855 г. былъ редакторомъ ученыхъ статей въ газетѣ «Presse». Онъ много писалъ по части открытій въ естественныхъ наукахъ. На русскій языкъ переведено его «важнѣйшія открытія и изобрѣтенія по части наукъ и промышленности» и имѣло два изданія: 1861 и 1862 г.—Переводы Сольскаго и Степанова.

Финикія, такъ называлась у древнихъ грековъ и римлянъ узкая полоса земли, въ 30 миль длины и 1—2 мили ширины, образующая восточный берегъ Средиземнаго моря. Сами финикіане называли свою страну Ханааномъ. Тутъ въ древности было много прекрасныхъ и большихъ городовъ, которые вели торговлю со всѣмъ тогдашнимъ міромъ.

Фихте, Іоганъ, германскій философъ, основатель философіи идеализма, современникъ философа Канта. Его лекціи и сочиненія обращали на себя въ свое время весь германскій міръ, въ 1805 г. ему предлагали званіе профессора даже въ Харьковскій университетъ. Род. 1762 г., ум. 1814 г.

Фишеръ, Іоганъ Эбергардъ, профессоръ естественной исторіи въ Петербургской академіи; род. въ шведскомъ гор. Эслингѣ; пріѣхалъ въ Петербургъ 1730 г.; въ 1733 г. посланъ былъ въ Сибирь для учоныхъ изысканій, и потому его «Исторія Сибири» служитъ дополненіемъ *Миллера*.

Флегматикъ—названіе человѣка вялаго, хладнокровнаго, имѣющаго тѣлосложеніе, которое показываетъ одутловость, вялость, неповоротливость.

Францискъ I, король французскій, царствовавшій съ 1515 по 1547 г. Сынъ Карла Орлеанскаго, графа Ангулемскаго; род. 1494 г., ум. 1547 г.

Фонтенель, Бернаръ Лебовье, отличный французскій писатель, племянникъ Корнеля, занимавшійся всѣми отраслями наукъ и написавшій множество оперъ, трагедій, комедій, басень, эпиграмъ, а болѣе всего прославился книгою: «Sur la plurilitè des mondes» (о многочисленности міровъ), которая переведена и на русскій языкъ. Онъ жилъ почти сто лѣтъ; род. 1657 г., ум. 1757 г.

Фортуна, у римлянъ богиня случайности (счастья и несчастья), по Гезіоду дочь Океана, раздавала свои дары безъ разбора, слѣпо (почему и изображается съ повязкою на глазахъ); она составляла совершенную прстивоположность съ богинею судьбы (Fatum), которая дѣйствовала по строгому предопредѣленію.

Фридрихъ великій, король прусскій съ 1740 по 1786 г., сынъ Фридриха Вильгельма I, род. 1712 г., янв. 24, ум. въ Сан-суси (за-

город. дворцѣ близъ Берлина) 1786 г., август. 17; замѣчателенъ по своимъ стремленіямъ къ философскому образу мыслей и потому вевшій переписку со всѣми знаменитостями своего времени, въ томъ числѣ и съ *Волтеромъ*.

Холерикъ — названіе человѣка, отлич. раздражительностію и склон. къ досадѣ — имѣющаго темноватый цвѣтъ кожи тѣла, жесткость мускуловъ, посредственное питаніе.

Циникъ, отъ Цинизма, т. е. отъ того образа мыслей и дѣйствія, въ которыхъ выражается пренебреженіе приличіемъ, неопрятностію, безстыдствомъ. Циникъ по гречески собственно *собака*. Въ древней греціи была особенная циническая философская школа, прозванная аѳинянами *собачьею*, по образу жизни послѣдователей этой школы. Правила этой школы состояли въ томъ, чтобъ какъ можно менѣе имѣть потребностей; жить же должно не по законамъ общества и государственнымъ; а по правиламъ добродѣтели, такъ что мораль ихъ была очень строгая. Основателемъ школы былъ *Антисѳенъ*, а знаменитымъ философомъ *Діогенъ Синопскій* и *Кратесъ*.—Циникъ, въ переносномъ смыслѣ безстыдный человѣкъ.

Цицеронъ, Маркъ Туллій, знаменитый римскій ораторъ, былъ судебнымъ стряпчимъ, квесторомъ, сенаторомъ, консуломъ. Род. 107 г. до Р. Х., былъ осужденъ на смерть и убитъ на 67 г. солдатами *Антонія*.

Чингисъ-Ханъ, первоначальное имя его *Темучинъ*; сынъ монгольскаго вождя Езугая, при истокахъ Амура. По смерти отца (оставш. 13 л.), въ теченіи 20 л. старался возвратить себѣ наслѣдств. власть, перешедшую къ друг. Ордѣ; наконецъ отчасти силою, отчасти жестокостью, одолѣлъ противниковъ и соединилъ подъ властью свою мелкія монгольс. орды и киргизовъ; царь тибетскій тоже призналъ власть Чингиса. Тогда онъ вторгнулся въ Китай и 1215 г. сжегъ Пекинъ, низринулъ Хоразмскую имперію, и предоставивъ оконч. покореніе этой страны полководцамъ своимъ Чебе и Субутаго (1223 г.), возвратился къ берегамъ Амура. Полководцы эти, покоривъ Персію, повели свои полчища къ Чинг. чрезъ Кавказс. Перешеекъ, и на

этомъ пути между проч. разбили русск. князей на рѣкѣ Калкѣ (1224 г.). Онъ ум. въ Ордосѣ въ 1227 г., имѣя 72 г. отъ роду.

Шефтсбѐри (Schaftesbury), Антони Агилей Куперъ, англійскій философъ, прославившійся своимъ сочиненіемъ «Characteristics of men, manners opinions and times» (Лонд. 1773 г.). Род. 1671 г., ум. въ Неаполѣ 1713 г.

Шекспиръ, Вильямъ, знаменитый англійскій драматургъ, написавшій множество драмъ и комедій; сынъ торговца шерстью. Род. въ Стратсфордѣ 1564 г., ум. 1616 г.

Шеллингъ, Фридрихъ Вильгельмъ Іосифъ, знаменитый нѣмецкій философъ, бывшій професоръ философіи въ Іенѣ, Вюрцбургѣ, въ Берлинѣ; род. въ Виртембергѣ 1775 г., ум. въ Швейцаріи 1854 г.

Шиллеръ, Іоганъ Кристофъ Фридрихъ, одинъ изъ славныхъ нѣмецкихъ поэтовъ; былъ профессоромъ исторіи и философіи въ Іенскомъ университетѣ; род. въ Марбахѣ въ Виртембергѣ 1759 г., ум. въ Веймарѣ 1805 г.

Шуваловъ, Ив. Иванов., графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Оберъ-камергеръ, попечитель московскаго университета, покровительствовавшій *Ломоносову*, поощрялъ Сумарокова, велъ переписку съ Волтеромъ; род. 1727 г., ум. 1797 г.

Эвксинскій Понтъ-Евксинское море (т. е. гостепріимное море), такъ называли древн. греки Черное море, со времени основанія на его берегахъ греческой колоніи.

Эврипидъ, одинъ изъ трехъ греческихъ великихъ трагиковъ, написавшій 123 трагедіи; но до насъ дошли только 18; род. за 480 л. до Р. Х., ум. 407 г.

Эгалите, слово француз., означающее *равенство*, употребляемое въ нынѣшнихъ вольнодумныхъ ученіяхъ.

Эгоизмъ (латинск.) или себялюбіе, чувство самосохраненія, возведенное въ постоянную сознательную заботливость человѣка о самомъ себѣ, о своихъ нуждахъ, потребностяхъ, удовольствіяхъ и огорченіяхъ. Исключительный эгоизмъ, какъ и всякій инстинктъ, дошедшій до степени страсти, слѣпъ, и потому презрителенъ.

Экваторъ, (сл. латин.), большой кругъ земнаго шара; онъ дѣлитъ шаръ земной на два полушарія: сѣверное и южное. На Экваторѣ день всегда равенъ ночи и всѣ звѣзды находятся одинаковое время какъ надъ, такъ и подъ горизонтомъ.

Эмиль, герой и заглавіе замѣчательнаго сочиненія Ж. Ж. Руссо о естественномъ воспитаніи дѣтей. Книга эта, переведенная на всѣ европейск. языки, потрясла всѣ основы рутиннаго воспитанія и стала зарею новаго, болѣе раціональнаго поступанія съ дѣтьми.

Эмпиризмъ (греч.), такъ называютъ то главнымъ, по коему принимается за истинное и достовѣрное только то, что основано на опытѣ. Человѣкъ, придерживающійся этого правила называется *Эмпирикомъ*, а тотъ, кто учитъ на основаніи этого принципа назыв. *Эмпиристомъ*.

Эпиктетъ, изъ Гіераполя во Фригіи, былъ сначала невольникомъ (т. е. рабомъ), но освобожденъ изъ уваженія къ научнымъ его познаніямъ; жилъ въ Римѣ, гдѣ посвятилъ себя стоической философіи и былъ учителемъ ея въ 90 г. по Р. Х. Девизъ или основаніе его ученія было «терпи и не нуждайся»; но по эдикту Домиціана противъ философовъ въ 94 г. по Р. Х. былъ изгнанъ и ушелъ въ Эпиръ; но, можетъ быть, при Адріанѣ и Маркѣ-Авреліѣ, опять возвратился въ Римъ, и былъ правителемъ Каппадокіи. Онъ, кажется, не оставилъ сочиненій; но его ученикъ, Арріанъ, издалъ его «Энхиридіонъ» и «Діатрибы».

Эпикуръ, основатель въ 300 г. до Р. Х. философской школы въ Аѳинахъ, противоположной — стоической. Род. въ 342 г. до Р. Х., ум. въ 271 г. Его ученіе отличалось особенною моралью, такъ названною эпикурейскою—*стремиться къ благополучію*.

Эпопея, Эпосъ, выраженія употребляемыя въ стихотвореніяхъ, т. е. въ поэзіи. Но собственно эпопеями называются стихотворенія, коими описываются народныя преданія—героическія.

Эсхиллъ, древній греческій трагикъ (525—457 л. до Р. Х.); сначала сражался въ битвахъ при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ; но потомъ сдѣлался учредителемъ или основателемъ театра для трагедіи и далъ актерамъ *маски*, и ввелъ деревянныя театральныя башмаки—*котурны*.

Эхо (сл. греч.) — отраженіе волнъ звука и повтореніе послѣдняго — *отголосокъ,* какой мы слышимъ въ лѣсахъ, между горъ, въ пустыхъ комнатахъ и т. д.

Юлій Цезарь, Кай, замѣчательный римскій полководецъ, даровитый историкъ, консулъ, квесторъ и наконецъ диктаторъ и императоръ; жестоко воевавшій съ Помпеемъ; род. 12 Іюля 100 г. до Р. Х., убитъ по заговору, въ Сенатѣ, 15 марта 44 г.

Юмъ, (Hume), Давидъ, знаменитый англійскій философъ и историкъ, бывшій сперва прикащикомъ въ купеческомъ домѣ; потомъ, переселившись во Францію, началъ писать философскія сочиненія и первое—«трактатъ о природѣ человѣка».

Юрта, жилище сибирскихъ кочевыхъ народовъ. Строится изъ стоячихъ жердей, внизу распущенныхъ по объему мѣста, а вверху связанныхъ верхушками вмѣстѣ, что и даетъ видъ конуса. Снаружи обкладывается землею или навозомъ, или покрывается корою деревъ. Внутри юрты, на грунтѣ земли, постоянно горитъ огонь для согрѣванія юрты и для приготовленія кушанья.

Юстиніанъ I, великій, византійскій, т. е. константинопольскій, греческій императоръ съ 527 по 565 г. по Р. Х., построившій въ Константинополѣ извѣстн. Церковь Св. Софіи и прославившійся по части законодательства, приказавъ составить сборники законовъ прежнихъ императоровъ — *институты, пандекты, новеллы,* изъ чего составился *Кодексъ Юстиніановъ.* Род. во Фракіи 483 г., ум. 565 г.

Ѳалесъ Милетскій, одинъ изъ основателей Іонійской или физической философской школы, современникъ Солона и Креза; род. 620 г. до Р. Х.. ум. въ 543 г. Принципъ его ученія былъ: «все изъ воды обратится въ воду». Онъ принадлежалъ къ числу семи мудрецовъ греч.

Ѳома, (католич. святой), Аквинскій, прозванный универсальнымъ докторомъ, написавшій много богословскихъ католическихъ сочиненій и хорошо пострадавшій за нихъ, такъ что папа причислилъ его къ числу святыхъ. Род. въ итальянскомъ городѣ Рокаспка въ 1224 г., ум. въ Фоссануово 1274 г.